

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

«Нет религии выше Истины!»

СЕРИЯ

«Белый Лотос»

СБОРНИК СТАТЕЙ

В Поисках Оккультизма

Москва

Издательство «Сфера»

Российского Теософского Общества

1996

Содержание

От редакции. «Взыскупя Правды» (Д.Н.Попов)

Легенда ночного цветка

Важное замечание

О спиритуализме

Филадельфийское «Фиаско» или кто есть кто?

Кто фальсифицирует?

Оккультизм, или Магия

В поисках Оккультизма

Наука Магии

Магическое вызывание духа Аполлония Тианского

Медиумы, берегитесь!

Гексли и Слейд: кто больше виноват в «обмане»?

Фокус или магия?

Факиры

Буддизм в Америке

«И начал умывать ноги ученикам»

«Элементарии»

Взгляды каббалистов на «духов»

«Дух» и «душа»

«Что есть человек?»

Метафизика и метафизики

Тодды

Ахунд из Свата

Персидский зороастризм и русский вандализм

«Свет Азии»

Древность Вед

Крест и Огонь

Рождество прежде и теперь

Популярная идея о бессмертии души

Магнетическая цепь

Великий Свет под спудом

Арья Самадж

Ошибочные мнения относительно доктрин теософов

Магия

Теософы и их оппоненты

Отголоски Индии

Что такое Теософия?

Кто такие теософы?

Направление развития западного спиритуализма

Война на Олимпе

Приложение

Приложение 1 «Спиритуализм»

Приложение 2 Братья Эдди

Приложение 3 Дело Холмсов

Приложение 4 «Хираф» и «Розенкрейцерство»

Приложение 5 Чарльз Содеран

Приложение 6 Элементарии

Приложение 7 Доктрина перевоплощения

Приложение 8 Арья Самадж

Приложение 9 Джексон Дэвис

Приложение 10 Элифас Леви Захед

Словарь иностранных слов и выражений

Взыскуя Правды...

*«Меж болот мирской неправды,
среди дебрей ложного знания, минуя
скалы человеческой глупости, обретешь
равнину исканий... А посреди — озеро
живой воды...»*

Когда мы обращаемся мысленно к яркому и загадочному образу Елены Петровны Блаватской и ее богатейшему литературному наследию, — мы явственно ощущаем прикосновение к чему-то титанически огромному, необъятному и значительному.

Если попытаться определить этот удивительный образ одним емким словом, которыми столь богат наш язык, то думается, что это будет *Странник...* — неутомимый искатель, скитающийся по белому свету в неутолимой жажде живой воды Высшей Правды и Высшей Мудрости. Мирская неправда, ложное знание, суеверие и несправедливость человеческие, вставая препятствиями на этом бездорожном пути, лишь обостряют стремление путника — *найти, обрести... и разделить с ближними...*

Одна из притч Круга странников «Светлого Града», со слов которой мы и начали это краткое введение, содержит по этому поводу такое наставление:

«Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь ли ты уважать все искания? Хочешь ли сам искать свет совершенства? Ты ответил — хочу? ... Вот тебе посох с крыльями. Иди. Цветок луга странников — подорожник...»

Именно этот круг идей определил всю жизнь, творчество и деятельность Е.П.Блаватской с самого раннего детства до последних дней жизни. Весь ее неисповедимый для нас сегодня жизненный путь — одно большое странствие по самым разным уголкам мира и духовной культуры человечества, одно широчайшее — вне всяких догматических границ — искание единой духовной истины. Эти же мысли и стремления стали основой

созданного ею Теософского Общества и всех ее литературных и философских трудов.

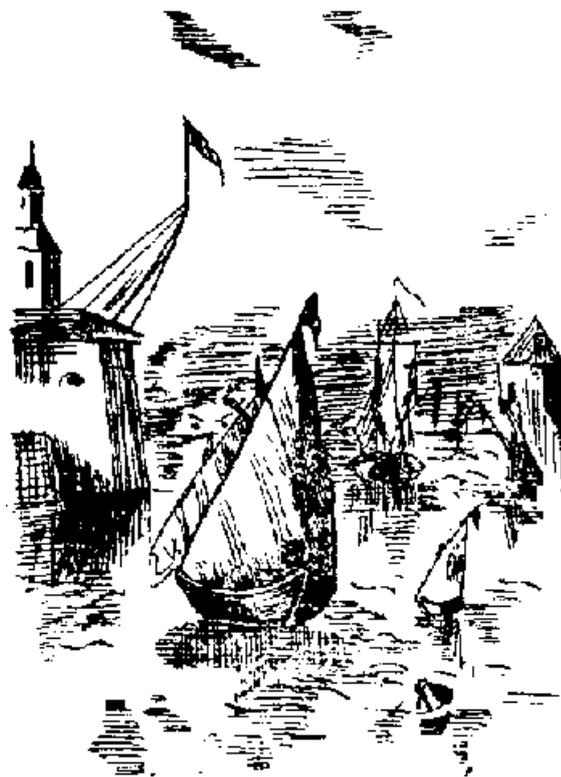
Наиболее широкой известностью пользуются ныне ее фундаментальные работы: «Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина», «Теософский словарь», «Ключ к теософии», историко-литературные очерки Индии: «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на Голубых горах», «Дурбар в Лахоре» и, конечно же, поэтически проникновенные эзотерические тексты тибетского буддизма: «Голос Безмолвия», «Семь Врат» и «Два Пути», впервые переведенные и прокомментированные ею. Менее популярны до сей поры ее многочисленные статьи и письма.

Однако, по мнению такого выдающегося авторитета в эзотерической философии, как Е.И.Рерих, именно статьи Е.П.Блаватской открывают нам в доступном и вместе с тем глубоком изложении, как основы, так и самые различные аспекты исповедуемого ею Учения, а кроме того, дают возможность увидеть и оценить всю глубину многогранной личности этой поистине великой женщины.

Действительно, публицистическое наследие Блаватской весьма велико и необычайно разнообразно. С 1874-го года, с которого началась ее общественная и литературная деятельность, она неутомимо писала статьи, очерки, рассказы, письма и заметки во множество периодических изданий (в основном спиритуалистического и парапсихологического толка).

Тематика ее выступлений в печати весьма широка, но, тем не менее, в ней явственно выделяется одна ведущая нить, которой и последовали составители настоящего сборника и всего многотомного собрания теософской публицистики Блаватской, началом которого он является.

С жаром, присущим ее эмоциональной натуре, включается она в обсуждение проблем реальности медиумических феноменов и их теоретического истолкования.

Памятная ночь! Той ночью в сиянии луны, садившейся в Рамсгейт 12 августа 1851*, я встретила М.:, Учителя своих снов!!

[* ...31 июля, по русскому календарю, мой день рождения. — Двадцать лет!]

...Все величие Природы — торжественное безмолвие ночи, аромат цветов, бледные лучи луны, пробирающиеся сквозь зелень деревьев, звезды — цветы огня, рассыпанные по небосклону, светлячки — цветы огня, разбросанные по траве, — все это создано для того, чтобы сделать АДЕПТА достойным ПРИРОДЫ в тот миг, когда она впервые шепчет Человеку: «Я твоя», — слова, рождающиеся из божественного аромата души, возносящегося к небесам вместе с благоуханием цветов, — в тот единственный миг его жизни, когда он царь, когда он Бог — мгновение, искупаемое ценою жестоких мучений целой жизни.

«Тот миг — награда за все наши страдания».¹

---

¹ Рисунок пером (стр. 9 наст. изд.) и рукописи поэтического фрагмента и сказки-притчи (на фр. яз.) содержатся на страницах 1-8 маленького альбома для зарисовок

Легенда ночного цветка²

Предание Степей

В самом начале сотворения Мира, задолго до грехопадения Евы, на берегу маленькой речушки раскинул широкие листы молодой зеленый куст. Солнце, в ту пору совсем еще молодое, изможденное первоначальными попытками, медленно клонилось к закату и, укутываясь покрывами тумана, обволакивало землю густою и мрачною тенью. В это время на веточке куста расцвела скромная фиалка. Не было в ней ни свежей красоты розы, ни царственной гордости прекрасной лилии. Застенчивая и робкая, раскрыла она свои лепестки и с волнением окинула взором мир великого Будды. Вокруг все было холодно и мрачно! Соседи мирно спали, склонившись на гибких стеблях; сестры ее, дочери того же куста, отвращали прочь свои взгляды; мотыльки, крылатые любовники цветов, лишь мгновение покоились на ее груди, но тут же улетали к цветам красивее ее. Огромный жук, бесцеремонно взбиравшийся на нее в поисках ночлега, едва не рассек ее пополам. И несчастная фиалка, напуганная отчуждением и одиночеством посреди столь равнодушной компании, бездыханно поникла, уронив горькую слезинку-росинку. Но вот на мрачном небосклоне зажглась крошечная звездочка. Ее сияющие лучи, нежные и стремительные, пронзили волны мрака. Осиротевшая фиалка вдруг почувствовала в себе жизнь и свежесть, словно омылась благодатной росой. Воскреснув, она взглянула вверх и увидела приветливую звездочку. Она принимала ее лучи прямо в сердце и трепетала от любви и благодарности. Они возродили ее к новой жизни.

Заря своею розовой улыбкой понемногу рассеивала тьму, и вскоре звезда погрузилась в океан света, изливаемого полуденным светилом. Тысячи цветов приветствовали своего возлюбленного, жадно купаясь в его золотистых лучах. Он излил их и на крошечную фиалку; величественное солнце удостоило и ее осыпать своими пламенными поцелуями. Но не в силах забыть о вечерней звезде и ее серебряном мерцании, фиалка не

(«Sketchbook», архив Центральной штаб-квартиры Теософского Общества, Мадрас, Индия) Е.П.Блаватской.

² Ночной цветок. — Это более описательное имя применено к нашему цветку вместо совсем неромантического названия four-o'clock (англ., букв., четыре часа ночи) и чудо-из-Перу, под коими он известен. — Прим. Е.П.Б.

откликнулась на ласки надменного солнца. Она все еще видела ласковый и нежный свет звезды, она все еще чувствовала в сердце живительную каплю росы и, отвернувшись от ослепляющих лучей солнца, она сложила лепестки и заснула, уютно устроившись в густой листве отчего куста. С тех пор для скромной фиалки ночь обернулась днем, а день — ночью. Как только взойдет солнце и озарит золотыми лучами небеса и землю, она скрывается; но едва лишь солнце садится, и восходит, пронизывая темный горизонт, звезда, фиалка радостно приветствует ее, и играет ее серебряными лучами, и вдыхает в себя ее мягкий свет.

Таково и сердце женщины. Первое доброе слово, первая нежная ласка глубоко западают в ее израненное сердце. До глубины души тронутая дружеским участием, она отныне равнодушна к пламенной любви всей вселенной. Первая звезда может ничем не отличаться от других, она может затеряться среди тысяч звезд, подобных ей — и все же сердце женщины знает, где ее найти, вблизи или вдали, и с любовью и радостью последует за нею, рассыпая благословления на ее скромном пути. Она может приветствовать надменное солнце и восхищаться его великолепием, но любовь ее, преданная и благодарная, всегда будет принадлежать одной-единственной звезде.

Важное замечание

Да. Я с сожалением вынуждена признать, что во время этого позорного разоблачения *медиумов Холмсов* мне *пришлось* отождествить себя со спиритуалистами. Я должна была спасти ситуацию, так как меня специально послали из Парижа в Америку, чтобы *доказать* истинность и реальность феноменов и ошибочность спиритуалистических теорий о «духах». Но как я могла сделать это наилучшим образом? Я не хотела, чтобы весь мир узнал, что я могу *производить подобные феномены по желанию*. Мне было **Велено** этого не делать; и в то же время я должна была поддержать веру в реальность, истинность и *возможность* этих феноменов в сердцах бывших *материалистов*, превратившихся в *спиритуалистов*, а теперь, за разоблачением нескольких медиумов, отступивших и вновь впавших в скептицизм. Вот почему, вместе с несколькими преданными друзьями, я отправилась в дом Холмсов и, при помощи М .: и *его силы*, воспроизвела

лицо Джона Кинга и Кети Кинг в астральном свете, материализовала их и... позволила всем спиритуалистам поверить, что это сделала миссис Холмс. Она страшно испугалась, ибо знала, что *на сей раз* привидение было настоящим. Поступила ли я неправильно? Мир еще не готов воспринять философию оккультных наук – так пусть он для начала убедится, что в незримом мире есть другие существа – будь то «духи» умерших или *элементалы*, и что в человеке присутствуют скрытые силы, способные сделать из него *бога* еще на земле.

Когда меня не станет, люди, возможно, оценят мои бескорыстные побуждения. Я поклялась, что пока жива, буду помогать людям в обретении *Истины* – и сдержу свое слово. Пусть меня оскорбляют и поносят. Пусть одни называют меня медиумом и спиритуалисткой, а другие – *обманщицей*. Настанет день, когда потомки узнают и поймут меня.

О, бедный, глупый, доверчивый, злой *мир!*

М ∴ дает указание основать Общество³ – тайное общество, подобное ложе розенкрейцеров. Он обещает помочь.

Настоящая рукопись не публиковалась при жизни автора и была найдена позже; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 14–15. Пер. Т.О.Сухоруковой.

В связи с темой статьи см. Приложение 1.

О спиритуализме

[Редактору «The Daily Graphic»]

Поскольку д-р Бэрд (в величии своей учености) не соизволил ответить на вызов, посланный ему вашим покорным слугой в «The Daily Graphic» от 30 октября и предпочел поучать общественность вообще, нежели «доверчивую дуручку» в частности – независимо от того, прибыла ли она из Черкесии или

---

³ Имеется в виду организация Теософского Общества по указанию учителя Е.П.Блаватской, Махатмы М ∴.

из Африки – я, пользуясь случаем, укажу на некоторые весьма пикантные подробности этого удивительно научного разоблачения; и пусть общественность рассудит сама, кому лучше подходит упомянутый выше элегантный эпитет.

Необычайное возбуждение, дрожь кощунственного страха, если позволительно так выразиться, с неделю сотрясали психологизированные тела нью-йоркских спиритуалистов. По городу ползали зловещие слухи, что Г.Бэрд, доктор медицинских наук, Тиндаль Америки, вот-вот выступит с разоблачением духов Эдди⁴ – и спиритуалисты трепетали за своих богов!

И вот настал тот страшный день. Перед нами номер «The Daily Graphic» от 9 ноября. Прочитав его внимательно, с подобающим благоговением – ибо *настоящая* наука для нас (таких слабоумных дурачков) всегда была авторитетом – мы отнеслись к этому опасному разоблачению с тем же чувством, какое, должно быть, испытывает фанатик-христианин, открывая томик Бюхнера⁵. Простудировав статью от корки до корки, внимательно изучив страницу за страницей, мы напрасно напрягали глаза и мозги, дабы найти хоть словечко научного доказательства, хоть единственный атом обезоруживающих свидетельств, которые вцепились бы в наши спиритуалистические сердца ядовитыми клыками сомнений. Увы, ни крупницы разумного объяснения или научного доказательства в пользу того, что все, что мы видели, слышали и ощущали у братьев Эдди, было лишь иллюзией. По нашей женской скромности, все еще надеясь найти убедительные доводы, мы не поверили собственным чувствам и потратили целый день на выискивание всевозможных критических высказываний

---

⁴ Эдди (братья, Горацио и Уильям) – известные американские медиумы, вокруг которых разгорелись события, обсуждаемые в этой и следующей статье.

В нескольких поколениях подряд род Эдди был наделен паранормальными способностями. Их прабабушка в четвертом поколении была сожжена на костре в ходе судов над ведьмами в Салеме в 1692 г. Их фанатичный отец, желая положить конец происходящим феноменам, с детства постоянно преследовал и даже истязал сыновей, а мать, будучи сама сильным сенситивом, не могла воспрепятствовать этому. Позднее они стали медиумами, публично демонстрировавшими свои возможности. Подлинность производимых ими медиумических феноменов была засвидетельствована многими наблюдателями, в том числе и полковником Олькоттом.

См. также Приложение 3.

⁵ Бюхнер Людвиг (1824–1899) – немецкий философ и физик. После публикации фундаментального труда «Kraft tmd Stoff» (1855), на Бюхнера со всех сторон посыпались нападки, ввиду крайнего материализма этой книги.

судей, как мы думали, более сведущих, чем мы сами. В итоге мы коллективно пришли к следующим выводам: «The Daily Graphic» проявила щедрость, предоставив д-ру Бэрду девять колонок на своих драгоценных страницах. И все это для того, чтобы доказать... что?

А вот что: во-первых, в соответствии с собственными скромными утверждениями д-ра Бэрда (смотри вторую и третью колонки), ему более подходит играть роль простачков (в «Тартюфе» Мольера он смотрелся бы вполне естественно), нежели выступать в роли профессора Фарадея *vis-a-vis* Д.Д.Хоума из Читтендена.

Во-вторых, хотя ученый доктор «совсем погряз в работе» (кстати, миленькая, но дешевая *реклама*) и научных исследованиях, пустив их по новому руслу, он, тем не менее, отправился к братьям Эдди. Там он разыграл с Горацио Эдди – во славу науки и на благо людей – «несобранного простачка» и был вознагражден в своих научных изысканиях тем, что в этом подозрительном месте увидел профессора тумачков, «несчастливого, безобидного дурачка». Даже прославленный Галилей, обнаружив, что Земля вращается вокруг Солнца, пришел, вероятно, в меньший восторг от своего открытия, чем д-р Бэрд – от «несчастливого дурачка» № 1. Здесь мы можем скромно заметить, что ученому доктору ради этого не стоило идти в Читтенден.

Далее, доктор, видимо, совсем позабыв мудрый девиз *non bis in idem*, на протяжении всей своей статьи утверждает, что все прошлые, настоящие и будущие поколения паломников к усадьбе братьев Эдди являются толпами глупцов и что каждый из этой многочисленной армии спиритуалистов-пилигримов – «слабоумный, доверчивый дурачок!» Вопрос: «Ваши доказательства, д-р Бэрд?» – Ответ: «Так сказал д-р Бэрд». – И эхо вторит ему: «Глупец!»

Воистину, чудесны деяния твои, о Матерь-Природа! Ты окрасила корову в черный цвет, а молоко ее – белое. Но видите ли, дело в том, что эти дурно воспитанные, невежественные братья Эдди позволили своим доверчивым гостям проглотить всю «форель», пойманную д-ром Бэрдом и оплаченную им по 75 центов за фунт в качестве наказания; может быть, уже это сделало его немного – как бы это сказать? – мрачным, предубежденным?.. Нет, это ввело его в заблуждение – вот точное определение.

Ибо он заблуждается, если не сказать больше. Когда с ученым видом знатока он заявляет, будто комната спиритических сеансов столь темна, что в трех шагах не увидишь и собственную мать – он говорит неправду. Когда он далее утверждает, что видел сквозь дыру одной из шалей и через щель между ними все маневры руки Горацио, то он рискует быть изобличенным тысячами тех, кто, сколь бы ни были слабоумен, при всем том не слеп, и не в сговоре с братьями Эдди, и в силу своей простодушной честности заслуживает большего доверия, нежели д-р Бэрд, с его якобы научным и таким нечестным свидетельством. Д-р Бэрд так же неправ, заявляя, что никому не разрешается приближаться к духам ближе, чем на двенадцать футов, тем более, дотрагиваться до них, за исключением «двух туповатых, невежественных идиотов», сидящих по обе стороны платформы. Насколько мне известно, помимо этих двух, там сидели и многие другие.

Д-р Бэрд, как никто другой, должен был бы знать это, поскольку он сам сидел там. Этот грустный отчет обсуждается, между прочим, и у братьев Эдди. В этом отчете о спиритических *сеансах* в Читтендене целая страница посвящена описанию страшной опасности, чуть было не лишившей Америку одной из ярчайших звезд науки. Д-р Бэрд это подтверждает, но зато искажает все остальное. Он признает, что его сильно ударили гитарой и, не в силах снести боль, он «вскочил» и разорвал круг. Здесь выясняется, что ученый джентльмен не позаботился пополнить замечательный запас своих знаний элементарными начатками «логики». Он хвастает, что сумел скрыть от Горацио и других действительную цель своего визита. За что же тогда Горацио дал ему тумака? Никогда еще духи не вели себя столь грубо. Но д-р Бэрд не верит в их существование – и с этим идет к Горацио. Он умалчивает о том, как на его голову посыпался целый град ударов и как, согласно отчету, «бледный как смерть», бедный ученый бросился бежать с такой прытью, что превзошел самого «быстроногого Ахиллеса». Не странно ли, что Горацио не заметил его и оставил стоять в двух футах от шали? Есть ли в этом логика?

Теперь становится очевидным, что сия невостребованная логика все это время проводила в компании старой матушки Истины, у самого истока ее основания, но ни к одной из них д-р Бэрд не стремился. Я сама две недели сидела на верхней ступеньке платформы рядом с миссис Кливленд. Каждый раз, когда «Хонто» приближалась к моему лицу на расстояние дюйма, я вскакивала, дабы получше ее разглядеть. Я неоднократно дотрагивалась до

ее рук (так же, как и другие спириты) и даже обнимала ее чуть ли не каждую ночь.

Поэтому, читая нелепое утверждение д-ра Бэрда, будто «для того, чтобы выучить несколько иностранных слов и лепетать их доверчивым спиритуалистам, особого ума не надо», я думаю, что с полным правом могу сказать: для такого научного разоблачения, с каким выступил д-р Бэрд, вообще не требуется никаких мозгов; *per contra*, единственное, что требуется – это нелепая вера автора в собственную непогрешимость и самонадеянная уверенность в том, что все его читатели – «слабоумные дурачки», как он их элегантно окрестил. Каждое слово в его утверждениях является если не явной ложью, то злостным и грязным измышлением, основанным на сомнительном свидетельстве одного очевидца в противовес показаниям тысяч других.

Д-р Бэрд утверждает: «Я доказал, что вся жизнь братьев Эдди – сплошной обман, и не стоит обсуждать детали». Автор этих строк, делая столь опрометчивое заявление, не учитывает, что некоторые могли бы подумать: «подобное притягивает подобное». Отправившись в Читтенден с ложью в сердце и на устах и судя о других по себе, он принимает каждого если не за глупца, то за мошенника. Делая такое безапелляционное заявление, доктор забывает одну маленькую деталь, а именно... что он вообще ничего не доказал.

Где его хваленые доказательства? Когда мы возражаем, что спиритический кабинет вовсе не настолько затемнен, как он утверждает, и что сами духи неоднократно просили голосом миссис Итон улучшить освещение, мы заявляем лишь то, что можем доказать любым присяжным. Когда д-р Бэрд говорит, что все духи материализует В.Эдди, то это представляет еще большую головоломку, нежели появление самих духов. Здесь он попадает прямо в сети Калиостро: ибо если д-р Бэрд видел всего лишь пять или шесть духов, то другие, и я в том числе, видели их более сотни за две недели, и почти все они были одеты по-разному. Кроме того, обвинение д-ра Бэрда наводит читателей на мысль, что художник «The Daily Graphic», нарисовавший так много этих привидений и сам не являющийся «доверчивым спиритуалистом», все же мошенник, показавший всему миру то, чего не видел, тем самым способствуя распространению абсурдной и возмутительной лжи.

Когда ученый доктор объяснит нам, каким образом человек, одетый лишь в рубашку и узкие брюки (предварительно было установлено, что кабинет пуст), может скрывать на себе целый ворох одежды, включая женские халаты, чепчики, шляпки, вечерние костюмы, белоснежные корсажи и галстуки – тогда ему будут доверять больше, нежели теперь. И это действительно будет довод, ибо при всем уважении к ученому уму д-ра Бэрда, он не первый Эдип, желавший поймать Сфинкса за хвост и таким путем раскрыть тайну. Нам известны многие «слабоумные дурачки», включая и нас самих, которые не одну ночь провели в подобном заблуждении, но в конце концов были вынуждены повторить вслед за великим Галилеем: «*Eppur si muove*» – и сдаться.

Но д-р Бэрд не сдается. Предпочитая презрительное молчание разумным доводам, он скрывает ключ от этой тайны в глубинах своего абсолютно ученого ума. Видите ли, «он всю свою жизнь посвятил научным исследованиям» и, как он сам выражается, «его знания по психологии и нейрофизиологии огромны»; трюки спиритуалистов не составляют для него тайны, ибо он опытен в изобличении обмана посредством еще большего обмана (смотри восьмую колонку). За какие-то пять минут этот ученый муж сделал для науки больше, нежели все ученые, вместе взятые, за годы напряженного труда, и «если бы он этого не сделал, то чувствовал бы себя пристыженным» (смотри ту же колонку). С подавляющей скромностью своей учености, он не ставит себе в заслугу то, что сделал, хотя и признает, что открыл потрясающее, необычное явление – «чувство цепящего холода». Как Уоллес, Крукс и Варлей – антрополог, химик и физик – вспыхнут от зависти у себя на родине! Только Америка, на своей плодородной ниве, способна рождать такие смысленные, чудесные умы. *Veni, vidi, vici* – было девизом великого завоевателя. Почему бы д-ру Бэрду не начертать те же слова на своем щите? К тому же, подобно Александрам и Цезарям древности, он (в простоте своих манер) с изящной легкостью оскорбляет людей, называя их «дураками», будучи не в состоянии привести ни одного веского доказательства.

Один мудрец, не чета д-ру Бэрду (будет ли он и это оспаривать?), сотни лет тому назад сказал, что древо нужно судить по плодам его. Спиритуализм, несмотря на отчаянные попытки более ученых мужей, нежели д-р Бэрд, не сдает своих позиций вот уже более четверти века. Где же плоды древа науки, что цветет на ниве ума д-ра Бэрда? Если судить о них по статье, тогда

воистину его древо нуждается в большем уходе. Что же касается до самих плодов, то они, кажется, еще пребывают в царстве «сладкой, обманчивой надежды». Но, возможно, доктор боялся раздавить читателей под тяжестью своей учености (скромность и непритязательность во все времена почитались истинной добродетелью), и посему ученый доктор не предоставил нам ни одного научного доказательства якобы разоблаченного им обмана, кроме вышеупомянутого «чувства цепящего холода». Но как удается Горацио сохранять свою руку под теплой шалью холодной, как лед, целых полчаса, даже летом, без того, чтобы не прятать этот лед где-то на себе, и как он ухитряется сделать так, чтобы лед не таял – это тайна, которую д-р Бэрд пока что отказывается раскрывать. Может быть, он поведаст об этом в своей новой книге, упоминаемой в статье. Нам же остается только надеяться, что книга эта будет более удачной, нежели статья.

Хочу добавить несколько слов, прежде чем положить конец дебатам с д-ром Бэрдом. Все, что он говорит о лампе, спрятанной в шляпной коробке, соучастниках и так далее – существует лишь в его воображении, и, похоже, лишь ради довода. В шестой колонке читаем: «если неправ в одном, то неправ во всем», – и это справедливый вердикт его собственной статье.

А сейчас я вкратце расскажу о том, что вынуждена была скрывать от д-ра Бэрда и ему подобных. Этот факт для меня слишком свят, чтобы позволить ему стать объектом газетных сплетен. Но теперь, дабы навсегда покончить с этим вопросом, я считаю долгом спиритуалиста представить его на суд общественности.

В последний вечер, проведенный у братьев Эдди, духи Джордж Дике и Мэйфлауер подарили мне серебряную пряжку к орденской ленте, которая была мне слишком хорошо знакома. Цитирую напутствие духов дословно:

«Мы принесли тебе эту орденскую пряжку, ибо считаем, что ты будешь ценить ее больше всего на свете. Ты должна узнать ее – это пряжка от того самого ордена славы, которым правительство наградило твоего отца за Русско-Турецкую кампанию 1828 года. Мы получили ее благодаря твоему дяде, представшему пред тобою сегодня вечером. Мы взяли ее из могилы твоего отца в Ставрополе. Ты узнаешь ее по известной тебе отметке».

Эти слова прозвучали в присутствии сорока свидетелей. Полковник Олькотт собирается рассказать об этом факте и описать орден и пряжку⁶.

Сейчас эта орденская пряжка хранится у меня, и я знаю, что она принадлежала моему отцу. Более того, я узнала ее по отколотой части – это произошло по моей вине много лет тому назад; но чтобы окончательно развеять все сомнения, скажу, что у меня есть фотография отца (я никогда не брала ее с собой к братьям Эдди, и, следовательно, никто из них не мог ее видеть), на которой четко виден этот орден.

Вопрос д-ру Бэрду: как могли братья Эдди знать о том, что мой отец похоронен в Ставрополе, что его наградили этим орденом и что он принимал участие в войне 1828 года?

Желая воздать каждому по заслугам, мы вынуждены, от имени д-ра Бэрда, заявить, что он не хвастал и не преувеличивал свои возможности, советуя братьям Эдди взять у него несколько частных уроков по медиумическим трюкам. В этом ученый доктор мастак. Мы также готовы признать следующее: заявляя, что «его статья только еще больше укрепит спиритуалистов в их вере» (ему следовало бы также добавить – «и не убедит больше никого»), д-р Бэрд оказался большим «медиумом-пророком», нежели кто-либо другой из его соотечественников!

Статья впервые опубликована в «The Daily Graphic», New York, Vol. VI, November 13, 1874, p. 90-91; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 16–24. Пер. В.И.Мызникова.

В своем «Альбоме для вырезок», т. I, с. 6 (архив Центральной штаб-квартиры Теософского Общества, Мадрас, Индия), где помещена эта статья, Блаватская написала сверху страницы следующее: «Мое второе письмо к нью-йоркской "Graphic", 14 ноября, 1874», а в конце добавила: «В защиту феноменов сказано достаточно, а вот являются ли эти духи привидениями – это другой вопрос».

---

⁶ Олькотт собирается ... описать орден и пряжку. – В книге полковника Г.С.Олькотта «People from the Other World», на с. 357, можно найти изображение этого ордена.

Филадельфийское «фиаско», или кто есть кто?

Несколько недель назад в письме, отрывки которого были опубликованы в «The Spiritual Scientist» от третьего декабря, я упомянула об одном прискорбном факте – отсутствии сотрудничества между американскими спиритуалистами и последствиях, вытекающих из этого. В то время я как раз одержала победу над одним из наших врагов; он не заслуживал пристального внимания, но своей статьей, на самом деле представлявшей карикатуру на так называемое научное *разоблачение*, оскорбил всех спиритуалистов этой страны. Выступая против него, я боролась против многочисленных «*bravos*», завербованных в армию злейших врагов нашей веры; и задача моя была сравнительно легкой, если принять само собою разумеющимся то, что ложь не может устоять против истины, ибо последняя всегда говорит сама за себя. С того дня положение изменилось, и сегодня, как и тогда, движимая любовью к справедливости и честной игре, я еще раз хочу выступить в нашу защиту, видя, сколь мало приверженцев нашего дела отваживается взвалить на себя этот долг и сколь многие из них выказывают белые перья малодушия.

В своем письме я отметила, что такое положение вещей, такое полное отсутствие единства и, надо добавить, такая трусость в наших рядах, поставили спиритуалистов и наше дело под град непрерывных атак сплоченного, агрессивного общественного мнения, опирающегося на невежество и злые предрассудки, нетерпимого, беспощадного и всецело бесчестного в своих методах. Как огромная, отлично вооруженная армия может быть уничтожена менее многочисленной, но хорошо обученной и управляемой силой – так и спиритуализм, который насчитывает в своих рядах миллионы и способен разбить любую реакционную теологию небольшим, но правильно направленным усилием, постоянно ослабляется препятствующими и изматывающими согласованными атаками проповедников и прессы, наряду с предательством и трусостью собственных лидеров. Сегодня я хотела бы задать вопросы одному из таких мнимых лидеров – насколько мне позволят мои права, не только как известного спиритуалиста, но и как гражданки Соединенных Штатов. Когда я вижу, сколь много в этой стране верующих, как разносторонни их убеждения и непоколебимы взгляды и как много среди них талантливых людей, мне

противно наблюдать спектакль, разыгрываемый ими в этот самый момент по сценарию Кети Кинг – или, может быть, псевдо-Кети Кинг? Ни в коем случае, ибо последнее слово в этой сенсационной комедии еще не сказано.

Нет такой страны на нашей планете, где суд присяжных не мог бы усомниться в виновности преступника и не дал бы ему возможности высказаться и предложить *свою* версию.

Так ли это в случае с притворным «духом-исполнителем», якобы мнимой Кети Кинг, и медиумами Холмсами? Я твердо говорю *нет* – и намереваюсь это доказать, раз уж больше некому этого сделать.

Я отвергаю право кого бы то ни было выхватывать из наших рук все возможные средства для выявления истины. Я опровергаю право любого редактора ежедневной газеты обвинять и публиковать обвинения, отказываясь выслушать хотя бы слово обвиняемого в свое оправдание, и тем самым, вместо того, чтобы содействовать людям в раскрытии истины, оставлять их блуждать впотьмах.

Наконец вышла биография «Кети Кинг» – клятвенно заверенное свидетельство, подтвержденное (под присягой?) и д-ром Чайлдом⁷, который на протяжении всего этого «шутовского» эпилога присутствует в нем как некий неизбежный *deus ex machina*.

Вся эта состряпанная элегия (кем? – очевидно, не миссис Уайт) благоухает ароматом заблудшей невинности, в духе скорбных повестей Магдалины о горе и злосчастье, запоздалым раскаянием и тому подобным, вызывая в воображении нелепый образ карманного вора, крадущего у души самые дорогие и волнующие чувства; хорошо выстроенные по некоторым пунктам объяснения, появляющиеся время от времени, дабы устранить камни преткновения на пути этого-де честного *разоблачения*, не могут, однако, устранить их полностью; множество неуклюжих и сомнительных подделок под правдоподобие, частью заимствованных из признаний этого падшего ангела, миссис Уайт, и частью – мы бы сказали, большинство – из личного дневника ее «секретарей», дают прекрасное представление о достоверности сего *клятвенно заверенного* свидетельства. Например, если, в соответствии со своим собственным утверждением и свидетельством

---

⁷ *Чайлд* – В своем «Альбоме для вырезок», т. I, с. 19, где помещена эта статья, Е.П.Блаватская приписала следующее: «Чайлд был сообщником. Он присвоил деньги за сеанс...лмсов. Он не...». (Последнее слово может означать *негодяй*).

*завсегда*ев Холмсов, миссис Уайт никогда не стояла ни в одном из темных кругов (выдавая себя за Кети Кинг, она лишала себя возможности публично предстать во плоти), то откуда тогда она знает, до мельчайших подробностей, о всех трюках медиумов, программе их представлений и так далее? Опять же, миссис Уайт, которая так хорошо помнит – можем добавить, наизусть – все, о чем говорили между собою Кети Кинг и мистер Оуэн, дух и мистер Чайлд, явно забыла *все, что она сама говорила* д-ру Фельджеру⁸ во время своей фальшивой персонификации; *она даже не помнит весьма важный секрет*, который поведала этому джентльмену! Какое удивительное сочетание памяти и отсутствия таковой одновременно! Может быть, некий дневник с аккуратно записанным содержимым объяснит данный факт? Документ этот клятвенно заверен именем *не* существующего духа – Кети Кинг... Очень умно!

Пресса наотрез отказывается публиковать как торжественные заявления мистера и миссис Холмс о невинности, так и объяснения, представленные ими письменно или устно. Ни одна солидная газета не осмеливается на столь непопулярный шаг.

Публика торжествует; духовенство, забывшее в пылу победы о бруклинском скандале, ухмыляясь, потирает руки; некий разоблачитель материализующихся духов и телепатов, подобно чудовищной антиспиритической митральезе⁹, выпускает залп снарядов и посылает утешительное письмо мистеру Оуэну; спиритуалисты, павшие духом, осмеянные и побежденные, чувствуют себя *навек*и раздавленными мнимым разоблачением этого неопровержимого анонимного свидетельства... День Ватерлоо настал для нас – и, сметая последние остатки разбитой армии, остается лишь отзвонить по себе в погребальный колокол... Духи, берегитесь! Впредь, если вы не будете предусмотрительны, вашим материализованным формам придется остановиться у дверей кабинетов и, напевая хором «Nevermore» Эдгара По¹⁰, с трепетом растаять у всех на глазах.

---

⁸ *Фельджер Адольф* – известный и уважаемый филаделфийский врач.

⁹ *Митральеза* (франц.) – во второй половине XIX в. название картечницы.

¹⁰ «*Nevermore*» Эдгара По – Nevermore – букв., «больше никогда»; имеется в виду поэма Э.По «Ворон».

Можно подумать, что вся вера спиритуалистов крутится исключительно вокруг Холмсов, и в случае их разоблачения как мошенников мы признаем, что бессмертие – бабушкины сказки.

Если очистить дно корабля от ракушек, пойдет ли это во вред кораблю? Но, к тому же, у нас нет достаточно обоснованных доказательств.

Полковник Олькотт сейчас здесь и приступил к расследованию. По его словам, первые эксперименты с одной миссис Холмс (так как ее заболевший супруг слег и находится пока что в Вайнленде) оказались достаточно удовлетворительными, чтобы убедить мистера Оуэна вернуться к месту своей первой любви, а именно – в кабинет Холмсов. Он начал с того, что связал миссис Холмс, посадил ее в мешок, крепко затянул веревку вокруг ее шеи и, завязав узел, запечатал его в присутствии мистера Оуэна и еще одного джентльмена. Затем медиума посадили в пустой кабинет посреди комнаты, причем она *абсолютно не могла пользоваться своими руками*. После того как дверь закрыли, сначала в проеме появились руки, а затем очертания лица, постепенно принявшие форму классической головы Джона Кинга, с тюрбаном, бородой и всем остальным. Он позволил исследователям погладить его бороду, дотронуться до своего *теплого* лица и даже сам похлопал их по рукам. Когда *сеанс* закончился, миссис Холмс, со слезами благодарности, в присутствии этих трех джентльменов, *весьма торжественно* заверила мистера Оуэна, что она много раз спрашивала у д-ра Чайлда о разрешении на представления «Кети» в доме или в другом месте и что она, миссис Холмс, хотела бы, чтобы мистер Оуэн это знал; но доктор приказал ей делать нечто совершенно обратное, запретив говорить что-либо мистеру Оуэну; вот в точности его слова: «Не делайте этого; это ни к чему; *он не должен об этом знать!*» Насколько это достоверно, пусть разбирается сам д-р Чайлд.

С другой стороны, существует некто Элиза Уайт, разоблачитель и обвинитель Холмсов, эдакий загадочный египетский сфинкс для любого в этом городе... за исключением одного умного и столь же незримого лица – своего рода ангела-хранителя, который повел за собой всю команду и развеял миф о «материализации» духа Кети с помощью некоего, как он сам считает, первоклассного метода. Ведь с ней никто не может ни видаться, ни брать у нее интервью, ни даже говорить, и менее всего – бывшие поклонники самой «Кети Кинг», столь жаждущие хоть одним глазком

увидеть скромную, краснеющую от смущения красавицу, посчитавшую себя достойной персонифицировать прекрасный дух. Может быть, это в какой-то степени опасно – дать им возможность сравнить черты обеих? Но самое непонятное в этой запутанной истории то, что мистер Р.Д.Оуэн, как он сам мне признался, *никогда, даже в день разоблачения, не видел миссис Уайт, не разговаривал с ней и не имел ни малейшего шанса взглянуть на нее вблизи, дабы опознать ее.* Ему удалось всего лишь раз увидеть ее расплывчатые очертания на инсценированном *сеансе* пятого декабря, упомянутом в ее биографии: она предстала перед пол-дюжиной свидетелей (приглашенных убедиться в этой фальсификации), появившись *de novo* из кабинета, причем лицо ее было *закрыто двойной вуалью (!)*, после чего прекрасное видение исчезло и больше не появлялось! Мистер Оуэн также добавляет, что он не может поклясться в том, что миссис Уайт и Кети Кинг – одно и то же лицо.

К чему такая таинственность – ведь нам пообещали публичное разоблачение обмана? Мне кажется, это разоблачение было бы более убедительным, если бы его проводили несколько иначе. Почему не предоставить Р.Д.Оуэну, который больше всех пострадал от этого омерзительного мошенничества – если это на самом деле мошенничество – возможность сравнить миссис Уайт с *его* Кети? Может быть, потому, что образ духа слишком сильно запечатлелся в памяти этого несчастного, благородного, доверчивого джентльмена? Прозрачные одеяния, лунный свет, диадемы и звезды, вероятно, можно подделать в полутемном помещении, а вот черты лица, которые бы в точности соответствовали облику «духа Кети», подделать не так-то легко, ибо для этого требуются *самые тщательные* приготовления. Для хорошо подвешенного языка *ложь* не представляет проблем, но *курносый нос* никогда не будет выглядеть *классическим*.

Один почтенный человек из моих знакомых, страстный поклонник красоты «духа Кети», который видел ее и говорил с ней раз пятьдесят с расстояния двух футов, сообщил мне, что как-то вечером, когда д-р Чайлд уговаривал дух показать ему свой язык (хотел ли почтенный доктор сравнить его с языком миссис Уайт, являвшейся его пациенткой?), Кети исполнила его просьбу; когда она открыла рот, уверял меня этот джентльмен, он ясно увидел «великолепные зубы – два ряда жемчужин», выражаясь языком восхищенного поклонника. Он особенно отметил эти зубы. Но злостные

клеветники, довольно *близко* знавшие миссис Уайт в те счастливые дни, когда она была еще невинной девушкой – до ее падения и *разоблачения* – без обвиняков заявляют (мы просим прощения у кающегося ангела, повторяя слухи), что эта дама едва ли может похвастаться, среди прочих своих прелестей, редкой красотой *жемчужных зубов и совершенной формой рук*. Почему бы Кети не улыбнуться во весь рот своему поклоннику и не посрамить клеветников? Зачем ей избегать своих лучших друзей? Если бы мы так же страстно, как, похоже, и она сама, стремились доказать, «кто есть кто», мы бы с удовольствием показали наши зубы даже суду присяжных. Любой вдумчивый присяжный, занимающийся опознанием личности, сочтет вышеописанный факт – каким бы пустячным он ни казался на первый взгляд – весьма серьезным.

Вот что нам заявил мистер Оуэн, а «Кети Кинг» клятвенно подтвердила в своей биографии: «Она согласилась дать интервью нескольким джентльменам, видевшим, как она персонифицировала дух, но *при условии, что она не поднимет вуаль, пока будет с ними беседовать*»¹¹.

Но боже мой, к чему подвергать веру этих «доверчивых и слабоумных джентльменов», как выразился бы бессмертный д-р Бэрд, еще одному испытанию? Нам кажется, что это самый удобный момент, чтобы показать природу того умственного помрачения, в котором они пребывали в течение нескольких месяцев. Что ж, если они проглотят это новое *завуалированное* доказательство, это их дело. *Vulgus vult decipi – decipiatur*. Но я ожидаю более веских доводов, прежде чем виновато замолчу и позволю над собой глумиться. Вот как обстоит дело:

В соответствии с той же самой биографией (та же колонка), этот инсценированный *сеанс* с духами был подготовлен и проведен – ко всеобщему удовольствию – благодаря стараниям детектива-любителя, некоего В.О.Лесли, если вас интересует его имя, подрядчика или агента железной дороги Балтимор-Филадельфия–Нью-Йорк, проживающего в том же городе. Если пресса и некоторые из наиболее известных жертв этого обмана связаны с ним обещанием не разглашать тайну, то *я такого обещания не давала* и намереваюсь рассказать обо всем, что знаю. Итак, вышеупомянутый *спиритический сеанс* состоялся пятого декабря, и этот факт упоминается в клятвенно заверенном свидетельстве, означая, что мистер

---

¹¹ *Philadelphia Inquirer*», 11 Jan., 1875, 4 col., «Katie King's Biography».

Лесли заставил миссис Уайт признаться в своей вине, по крайней мере, за несколько дней до сеанса, хотя точная дата триумфа этого «любителя» в *клятвенно заверенном* свидетельстве мудро опущена. А вот новая загадка.

Вечером второго и третьего декабря, на спиритических сеансах у Холмсов, я сама, в присутствии Роберта Дэйла Оуэна и д-ра Чайлда (главного менеджера этих представлений, вручившего мне тем же утром входной билет) и двадцати других свидетелей, видела, как дух Кети дважды выходил из кабинета, выступая в полный рост и во всей своей красоте; и я могу присягнуть перед любым судом, что она ни капли не была похожа на миссис Уайт.

Не желая опираться на чужие доводы, но предпочитая свои собственные, я не буду останавливаться на якобы имевшем место появлении духа Кети Кинг у Холмсов пятого декабря, когда она предстала перед мистером Робертсом и еще пятнадцатью гостями, среди которых был В.Х.Кларк, корреспондент «The Daily Graphic», поскольку меня в это время не было в городе; но даже если этот факт подтвердится, он будет свидетельствовать не в пользу миссис Уайт, ибо в тот самый вечер и в тот самый час она появилась как *ложная* Кети на инсценированном *сеансе*. Стоит также поразмышлять и над утверждением некоего мистера Уэсткотта¹², который тем же вечером, пятого декабря, возвращаясь домой с настоящего *сеанса*, встретил машину с мистером Оуэном, д-ром Чайлдом и его супругой – все трое возвращались с инсценированного *сеанса*. Так вышло, что этот джентльмен упомянул о том, что он только что видел, как дух Кети выходил из кабинета, и добавил, что «она никогда не выглядела прекрасней»; при этих словах мистер Роберт Дэйл Оуэн уставился на него с изумлением, и все трое очень смутились.

Итак, я настаиваю на том, что действительно видела дух Кети в доме медиума вечером второго и третьего декабря, в присутствии Роберта Дэйла Оуэна и других лиц. Бесплезно выдвигать или принимать жалкие оправдания, что признание дамы по имени Уайт, разоблачение ею обмана, доставка мистеру Лесли всех ее нарядов и подарков, преподнесенных ей в качестве Кети Кинг, сообщение этим преданным джентльменом сей

---

¹² *Уэсткотт (Уильям Уинн)* – известный франкмасон и розенкрейцер; член Теософского Общества; в 1887 году основал легендарный герметический орден Золотая Заря; участвовал в подготовке статей по европейскому эзотеризму для «Теософского словаря» Е.П.Блаватской.

печальной новости мистеру Оуэну, подготовка комнаты к фальсификации и другие важные вещи – все это имело место четвертого декабря. Более того, мы располагаем убедительными доказательствами, что если и не мистер Оуэн, то, по крайней мере, д-р Чайлд знал об успехе мистера Лесли с миссис Уайт за несколько дней до *сеанса*. И как мог мистер Лесли, зная уже тогда об обмане, позволить ему распространяться дальше, о чем свидетельствует факт появления духа Кети у Холмсов второго и третьего декабря? Любой джентльмен, даже с самыми скромными понятиями о чести, никогда не позволил бы дурачить общественность, не будь у него твердого намерения поймать и изобличить *духа-обманщика* на месте. Но ничего подобного не произошло, напротив; потому что д-р Чайлд, который с самого начала не только утвердил себя главным управляющим *сеансов*, кабинета и материализации, но был также кассиром и билетером (сначала он платил медиумам по 10 долларов за *сеанс*, потом по 15, прикарманивая остальную выручку), в тот самый вечер третьего декабря собрал, как всегда, с каждого посетителя *плату за вход*. Я также могу добавить, что в тот вечер я, *in propria persona*, подала ему пятидолларовую купюру, и он (д-р Чайлд), взяв ее, заметил, что сдача пойдет в счет *будущих сеансов*.

Осмелится ли д-р Чайлд сказать, что, готовясь в компании с мистером Лесли явить *ложную* Кети Кинг на сеансе пятого декабря, он ничего не знал об обмане третьего декабря?

Далее, в той же самой биографии (гл. VIII, 1 кол.) говорится, что сразу по возвращении из Блиссфилда (штат Мичиган) миссис Уайт пошла к д-ру Чайлду и предложила разоблачить обман, в котором она принимала участие, но он не захотел об этом даже и слушать. Во время этого визита *на ней не было вуали*, ибо в том не было надобности, поскольку, как признался сам д-р Чайлд, она была его пациенткой и лечилась у него. В своем письме к д-ру Чайлду от 28 августа 1874 года Холмс пишет: «Миссис Уайт говорит, что вы и ваши друзья вели себя очень грубо, хотели заглянуть во все наши коробки и сундуки и взломать замки. Что вы искали или собирались найти?»

Все эти обстоятельства яснее ясного показывают, что д-р Чайлд и миссис Уайт были не просто знакомы, но знали друг друга гораздо ближе, а утверждение, что даже если миссис Уайт и Кети Кинг и были одним и тем же лицом, то «отец-исповедник» вполне мог и не догадываться об обмане – верх абсурда (смотри рассказ Джона и Кети Кинг, с. 45). Дополнительный

свет на эту комедию проливает биография Джона Кинга и его дочери Кети, записанная д-ром Чайлдом *под их диктовку в своем офисе*.

Эта книга вышла в свет как подлинная исповедь этих двух духов. В ней говорится, что они, день за днем, подобно любому смертному, входили и выходили из его офиса и после непродолжительных бесед, сменявшихся долгими рассказами о себе, окончательно одобрили подлинность своих собственных материализаций в кабинете Холмса. Более того, эти духи, появлявшиеся на публичных *сеансах*, подтвердили то, что они продиктовали своим секретарям в его офисе; эта парочка, увязывая детали, создала стройный рассказ. Если миссис Уайт была Кингами Холмсов, какие же духи приходили тогда в офис к доктору? И если духи, посещавшие *его*, были настоящими, то что за духи появлялись на публичных *сеансах*! В каком случае «отец-исповедник» обманул общественность? Продавая ли книги с вымышленными биографиями, или же разоблачая ложных духов у Холмсов? Пусть выбирает сам доктор.

Если он такой совестливый, что решил опубликовать свое свидетельство и письменные показания, тогда почему бы ему не залезть поглубже в свой карман и не вернуть нам деньги, полученные под ложным предлогом? Он сам признался, что Холмсы, до своего отъезда из города, получили от него около 1200 долларов за четыре месяца ежедневных *сеансов*. А то, что он каждый вечер впускал столько народу, сколько могла вместить комната – иногда до *тридцати пяти* человек – достоверный факт, который может подтвердить каждый, кто не раз наблюдал эти феномены. Более того, шесть или семь надежных свидетелей сообщили нам, что скромный взнос в один доллар платили только *завсегдатаи*; слишком же любопытные или очень нетерпеливые платили по 5 долларов, а однажды кто-то раскошелился даже на 10 долларов. О последнем факте не буду особо распространяться, ибо самой мне так много платить не приходилось.

А теперь позвольте непредвзятому исследователю этой запутанной филадельфийской истории взять в руки карандаш и подсчитать доход, полученный, после всех выплат медиумам, от этой спекуляции на духах, продолжавшейся каждую ночь в течение многих месяцев. В результате окажется, что дух «отец-исповедник» заработал очень неплохо.

Леди и джентльмены, верящие в спиритуализм, мне кажется, что все мы стоим меж рогов одной замечательной дилеммы. Но если вам такая ситуация нравится, *то мне – нет*, и я постараюсь из нее выпутаться.

Пусть все знают, что я вовсе не собираюсь защищать Холмсов, по крайней мере, в данный момент. Может быть, они величайшие из обманщиков, с какими мне приходилось встречаться, но это меня не волнует. Моя единственная цель – выяснить, кому я обязана насмешками в свой адрес, хотя, к счастью, это лишь мелкие колкости. Если над нами, спиритуалистами, смеются, глумятся и издеваются, мы должны, по крайней мере, знать, почему. Обман либо был, либо его не было. Если фальсификация – печальная действительность, и д-р Чайлд, в силу какой-то таинственной комбинации своей собственной жестокой судьбы, стал ее первой жертвой, пытаюсь, ради собственной чести и репутации, пресечь дальнейший обман общественности, доньине считавшей его единственным человеком, отвечающим за чистоту и подлинность феномена, одобренного им во всех деталях, то почему бы доктору не выступить первым и не помочь нам раскрыть эту тайну? Прекрасно понимая, что одураченные и обманутые люди в любой момент могут потребовать свои деньги, выложенные ими только потому, что они всецело доверяли ему, почему д-р Чайлд не подаст на Холмсов в суд, дабы доказать свою непричастность? Он не может не признать, что в глазах некоторых посвященных его дело выглядит гораздо более омерзительным, нежели то обвинение, которое тщетно оспаривают Холмсы. В случае же, если никакого обмана не было, или же его нельзя с достоверностью доказать, основываясь на шатком свидетельстве безымянной дамы, подписывающейся псевдонимами – зачем тогда главному участнику ломать комедию про «материализацию Кети»? Разве не был д-р Чайлд организатором, глашатаем и даже, можно сказать, создателем этого, как оказалось, фальсифицированного феномена? Не он ли был рекламным агентом этого воплощения лжи – Барнумом¹³ всего этого спиритического шоу? Теперь же, когда с его помощью были одурачены не только спиритуалисты, но и весь мир – и не важно, был ли он сам сообщником или одним из слабоумных дурачков, поскольку именно из-за него мы попали в эту историю – он воображает, что, помогая изобличению медиумов и раскрытию лжи, подтверждая всевозможные ложные

---

¹³ Барнум (1810–1891) – известный американский антрепренер увеселительных заведений, имя которого стало нарицательным.

доказательства и свидетельства несуществующих лиц, ему удастся избежать ответственности перед людьми, которых он затащил в это грязное болото!

Мы должны добиваться официального расследования. Мы имеем право настаивать на нем, поскольку нам, спиритуалистам, это право досталось дорогой ценой – репутацией мистера Оуэна как талантливого и правдивого писателя, надежного свидетеля этих феноменов, которого отныне скептические умники сочтут фантазером и сделают предметом своих насмешек и сомнений. Мы также завоевали это право тем, что все мы, кого одурачил д-р Чайлд своей Кети Кинг, умышленно или же как-то иначе (время покажет), станем на время мишенью бесконечных насмешек, сатиры и шуток прессы и невежественной толпы. Мы сожалеем, что приходится возражать по этому вопросу такому авторитетному изданию, как «The Daily Graphic», но если неспециалисты не хотят тщательного расследования этого надувательства в суде, из опасения, что на Холмсов возложат венок великомучеников, то мы не испытываем подобных опасений и вслед за мистером Хадсоном Таттлом говорим: «Лучше уличить обманщиков, чем всю жизнь подвергаться остракизму, без малейшей надежды на справедливость или компенсацию».

Почему, во имя всего чудесного, д-ру Чайлду должны достаться все лавры этого несостоявшегося сражения, в котором армия, подвергшаяся нападению, обречена, похоже, на вечное поражение, без малейшего сопротивления с ее стороны? Почему ему должны достаться все материальные выгоды от этой материализованной лжи, а Р.Д.Оуэну, честному, всеми уважаемому спиритуалисту – пинки и тумачи скептической прессы? Разве это справедливо? И доколе лживые медиумы и сомнительные оракулы будут выставлять нас козлами отпущения перед скептиками? Подобно пастуху Парису наших дней, мистер Оуэн попался в сети этой пагубной, вновь материализованной Елены; и сейчас он в центре бури, которая может перерасти в новую Троянскую войну. Но Гомер этой филадельфийской *Илиады* – тот, кто в прошлом был элегическим поэтом и биографом той самой Елены; тот, кто теперь разжигает искру сомнения против Холмсов – и если сразу ее не потушить, она может превратиться в океан пламени; тот, кто в данный момент играет беспрецедентную роль главного судьи в своем собственном процессе и выносит решение по своему собственному делу – д-р Чайлд, поворачиваясь спиной к своему собственному созданию, дочери-духу, и защищая смертного,

незаконнорожденного отпрыска, подкинутого неизвестно кем, остается вне бури! Подумать только, пока Р.Д.Оуэн совершенно раздавлен насмешками по поводу разоблачения – д-р Чайлд, подтвердивший ложных духов, тем временем изобличает своих сообщников и так же рьяно подтверждает свидетельства духов, клятвенно заверяя их в суде!

Если бы я только могла надеяться, что желающие разобраться в этой грязной истории когда-нибудь воспользуются моим советом, я бы настоятельно рекомендовала передать это дело в настоящий суд, чтобы его рассмотрели присяжные. Если д-р Чайлд все же честный человек и кто-то просто воспользовался его доверчивостью, он должен первым предложить нам все имеющиеся в его распоряжении сведения, чтобы мы могли докопаться до сути всех этих «почему» и «как». Если же он этого не сделает – мы сами попытаемся найти разгадку следующих тайн:

Первое. Судья Аллен из Вайнленда (сейчас он в Филадельфии) свидетельствует, что когда кабинет, собранный под руководством и в присутствии д-ра Чайлда, принесли в дом Холмсов – доктор один, со своими инструментами и без посторонней помощи, еще целый день с ним возился; сам же судья Аллен был в это время в гостях у медиумов. Если в кабинете была потайная дверь или «две распиленные доски», соединявшиеся с нею, то кто это сделал? Надо ли говорить, что столь хитроумное приспособление, устроенное таким образом, чтобы воспрепятствовать слишком пристальному и частым осмотрам скептиков, требует опытного умельца, с недюжинными способностями? Более того, если бы этому умельцу хорошо не заплатили, вряд ли он стал бы скрывать данный факт. Но кто ему заплатил? Может быть, Холмс, из своего десятидолларового взноса за вечер? Мы должны это выяснить.

Второе. Если это правда, ибо в том готовы поклясться двое, что лицо, называющее себя Элизой Уайт, она же «Фрэнк», она же Кети Кинг и так далее, вовсе не вдова, и у нее имеется вполне материализованный муж, владелец бара, проживающий в штате Коннектикут – то тогда прекрасная вдова лгала под присягой, а д-р Чайлд подтвердил ее лжесвидетельство. Мы сожалеем, что он подтвердил ее слова так же поспешно, как и сам факт ее материализации.

Третье. Письменные показания и свидетели (всего пятеро) могут подтвердить, что однажды вечером, когда миссис Уайт, явно присутствуя в

своем смертном теле, освежала в пивном баре свой раскаивающийся желудок в компании нераскаивающихся друзей, без всяких претензий на патрицианский «патронаж» – Кети Кинг появилась в своей духо-форме у двери кабинета.

Четвертое. Однажды, когда д-р Чайлд (возможно, повинувшись некоему пророческому видению) пригласил к себе домой миссис Уайт, где запер ее с остальными гостями, развлекавшими ее весь вечер, дабы убедить скептиков (он всегда старался кого-то в чем-то убедить) в реальности духо-формы – последняя появилась на спиритическом сеансе и разговаривала с Р.Д.Оуэном в присутствии всех гостей. Спиритуалисты в ту ночь торжествовали, а доктор радовался больше всех. Многие свидетели готовы это подтвердить, но д-р Чайлд, похоже, совсем упустил из виду это важное обстоятельство.

Пятое. Кем является то лицо, которое, по ее словам, она использовала для персонификации генерала Роулинса? Пусть этот человек выйдет и покается в том, дабы мы все увидели его потрясающее сходство с покойным воином.

Шестое. Пусть она назовет друзей, у которых она брала костюмы для персонификации «Сонти» и «Ричарда». Они должны подтвердить это под присягой. Пусть также предъявят и одежду. Может ли она нам сказать, где она достала сияющие одеяния второй и третьей сферы?

Седьмое. В биографии опубликовано лишь несколько выдержек из письма Холмса к «Фрэнку»: некоторые из них приведены, чтобы доказать сообщничество этих двоих в Блиссфилдском обмане. Может ли она назвать номер дома и тех лиц, у которых она останавливалась в Блиссфилде, штат Мичиган?

Когда будут даны ответы на все эти вопросы и мы сочтем их удовлетворительными, тогда и только тогда мы поверим, что Холмсы – единственные лица, виновные в этом обмане – обмане, явившемся по своей невиданной низости и бесстыдству беспрецедентным в анналах спиритуализма.

Я читала несколько писем мистера Холмса – настоящие или поддельные, не имеет значения; и поскольку бог наградил меня хорошей памятью, я помню несколько предложений, которые, к счастью для этой поэтической натуры, изъясил покрасневший от смущения редактор, сочтя их слишком неприличными для публикации. Вот самое скромное из них: «Мой

тебе совет, Фрэнк, *порезже напивайся*; что толку сгибаться в три погибели и снова сжимать кулаки» и т.д. и т.п. О, Кети Кинг!

Помните, что все вышеизложенное относится к даме, претендующей на материализацию духа, о котором Р.Д.Оуэн выразился следующим образом: «В тот вечер я обратил особое внимание на легкость и гармонию ее движений. В Неаполе, в течение целых пяти лет, я посещал круг лиц, славящихся своими изысканными манерами; но никогда ни одна благовоспитанная светская дама не могла превзойти Кети». И далее: «Известный художник из Филадельфии, увидев Кети, сказал мне, что он редко встречал черты, которые обнаруживали бы столь классическую красоту. "Ее движения и манера держаться, – добавил он, – идеал грации!"»

Сравните это восторженное описание с цитатой из письма Холмса. Вообразите идеал классической грации и красоты, потягивающий пиво в баре – и судите сами!

Статья впервые опубликована в «Banner of Light», Boston, Vol. XXXVI, January 30, 1875, p. 2–3, позже публиковалась также под названием «Спор вокруг дела Холмсов»; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 25–42. Пер. В.И.Мызникова.

О событиях и лицах обсуждаемой истории см. Приложение 2.

Кто фальсифицирует?

В последнем номере «The Religio-Philosophical Journal» (27 февраля), вышедшем в филиладельфийском отделении, опубликована статья под редакцией д-ра Чайлда с весьма поэтическим названием «После бури выглянуло солнце», где мы читаем:

«Я терпеливо ожидал, пока утихнет ажиотаж вокруг дела Холмсов. Теперь же собираюсь ответить на некоторые вопросы и сделать несколько заявлений».

Далее: «Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт – чистейшая ложь».

И ниже: «Я не буду обращать внимание на разные сообщения о моих финансовых делах; хочу только сказать, что мне причитается определенная сумма за ссуду Холмсам».

Я требую, чтобы мне предоставили право ответить на три вышеприведенные заявления, тем более, что второе из них бесцеремонно возводит меня в ранг *лжецов*. По моему скромному суждению, если и существует что-либо, заслуживающее большего презрения, чем ложь, так это сам *лжец*.

На все остальное в этом письме – редакционной статье – называйте это как угодно, ответить невозможно, а почему – читатель узнает, когда прочтет ее. Когда сердитый мистер Пэнкс (в «Крошке Доррит») отшлепал доброго Кристофера Кэсби, этот почтенный патриарх только кротко устремил свои голубые глаза к небу и улыбнулся еще более кроткой улыбкой. Д-р Чайлд, которого столь изрядно помотало и отшлепало общественное мнение, улыбается так же мило, как и мистер Кэсби, говорит о «солнце» и уверяет своих назойливых обвинителей, что «все это ложь».

Не знаю, откуда появилось «солнце». Наверное, из глубины невинного сердца доктора. Что же до меня, то со времени приезда в Филадельфию я видела лишь слякоть и грязь – слякоть на улице и грязь в этой поднадоевшей всем загадке Кети Кинг.

Я бы настоятельно советовала д-ру Чайлду не обвинять *меня* в «фальсификации» и не награждать какими-либо другими эпитетами. То, что я говорю, я могу *доказать* – и всегда готова это сделать. Если же он не участвовал в этом преступном обмане, то пусть «встанет и объяснит». Если он сможет оправдаться, я первая порадуюсь за него и публично принесу самые искренние извинения за «ошибочные подозрения» относительно его участия в этом деле; но пусть он сначала докажет свою невиновность. Грубостью ничего не докажешь, и доктор не может рассчитывать на победу, обвиняя в «фальсификации» других. Если же он не прекратит употреблять эпитеты, не подкрепленные вескими доказательствами – он рискует, как в игре в бадминтон, получить назад посланный им снаряд, и возможно, что тот ударит его гораздо сильнее, чем он рассчитывал.

В своей статье д-р Чайлд пишет: «Все рассказы о моем знакомстве с миссис Уайт – ложь. Я действительно два-три раза пропускал ее, но при входе и в холле было так темно, что узнать ни ее, ни кого-либо другого было

просто никак невозможно. Я видел ее несколько раз и знал, что она походила на Кети Кинг больше, нежели мистер (?) или миссис Холмс...»

Mirabile dictu! Это даже похлеще нашего ученого друга доктора Бэрда! Тот полностью отрицает не только «материализацию», которую еще предстоит доказать всему миру, но и любой спиритический феномен. А д-р Чайлд отрицает свое знакомство с дамой, которую, по собственному признанию, он «несколько раз видел» и принимал в своем офисе, где ее неоднократно видели и другие – и в то же самое время соглашается, что «знал, что она походила на Кети Кинг» и так далее. Кстати, у всех нас сложилось впечатление, будто д-р Чайлд признался в «The Inquirer», что он в первый раз увидел миссис Уайт и узнал в ней Кети Кинг только в то утро, когда она давала письменное показание под присягой в офисе мирового судьи. Скорее всего, это также была «фальсификация». В «The Religio-Philosophical Journal» за 27 октября 1874 года д-р Чайлд пишет:

«Ваше сообщение ни на минуту не может заставить меня усомниться в нашей Кети Кинг, поскольку она приходит и разговаривает со мной каждый день. Несколько раз Кети приходила ко мне и просила меня и мистера Оуэна пойти туда [то есть к Холмсам]; она рассказывала нам обоим то, что говорила мне одному».

Выяснил ли д-р Чайлд, где была миссис Уайт, когда его посещали духи?

«Что касается миссис Уайт, то я хорошо знаю ее. Я много раз пропускал ее в дом. Я видел ее там во время продолжения феноменов в Блиссфилде. Потом она уехала в Массачусетс».

И все же доктор уверяет нас, что не был знаком с миссис Уайт. Какое же значение, в таком случае, он придает слову «знакомство»? Разве он не ходил в отсутствие Холмсов к ним домой, не разговаривал и даже не ссорился с ней? Несомненно, это еще одна сфабрикованная история. Пусть д-р Чайлд только попробует, если посмеет, еще раз употребить слово «фальсификация» по отношению ко мне, особенно после того, как он прочтет некое заявление, которое я приберегла напоследок.

Во всей этой жалкой надувательской истории «разоблачения», предпринятого слишком материальным духом-дамой, нам не предложили ни одного разумного объяснения, хотя бы даже одного-единственного факта. Все началось с *фальшивой* биографии и грозит закончиться *фальшивой* дуэлью, ибо каждая дуэль требует, по крайней мере, участия двоих, но д-р

Чайлд предпочитает извлекать солнечный свет из невозмутимости собственной души и ждать, пока утихнет шторм, нежели сражаться, как настоящий мужчина, за свое доброе имя. Он пишет, что «не будет обращать внимания» на разговоры о своих мелких спекулятивных сделках с Холмсами. Он уверяет, что именно *они* должны ему деньги. Очень может быть, только это нисколько не меняет того факта, что он платил им по 10 долларов за *сеанс*, прикармливая себе все остальное. Осмелится ли он отрицать это? Холмсы утверждают нечто обратное, и письменные показания разных свидетелей подтверждают их слова.

Некоторым Холмсы могут показаться негодяями, а в глазах наиболее предвзятых они будут единственно таковыми; но до тех пор, пока их заявления не будут опровергнуты, их словам можно доверять так же, как и словам д-ра Чайлда; да, даже на суде «медиумы Холмсы» будут сидеть на одной скамье с любым спиритическим пророком или ясновидцем, которого посещали *те же* духи, что и Холмсов. Пока д-р Чайлд не докажет законным путем, что Холмсы обманщики, а он невиновен, почему им нельзя верить так же, как и ему?

С момента возникновения загадки Кети Кинг, хотя все и обвиняли Холмсов, никто – насколько мне известно, даже д-р Чайлд – не доказал и не пытался доказать невиновность их бывшего кассира и регистратора. Тот факт, что каждое слово бывшего лидера и президента филадельфийских спиритуалистов будет подхвачено всеми спиритическими изданиями (и здесь мы должны с удивлением признать, что он не спешит воспользоваться такой возможностью), а любое заявление Холмсов скорее всего будет отвергнуто, вовсе не означает, что виноваты лишь они *одни*; это только покажет, что несмотря на божественную истину нашей веры и доктрины наших незримых хранителей, некоторые спиритуалисты не научились у них справедливости и непредвзятости.

«Медиумов» Холмсов преследуют – и это только справедливо, ибо они сами признались в подделке фотографий; к тому же, *пока нельзя доказать, что они были под контролем ложных духов*, их собственные уста будут осуждать их; но вот что менее справедливо – так это то, что их кругом оклеветали и опорочили, возложив на них *одних* весь груз преступления, в котором из-за каждого угла выглядывают *сообщники*. Никто, похоже, не горит желанием помочь им – этим двум беспомощным, не имеющим связей

существам, которые, если и согрешили, то по слабости и невежеству; никто не хочет заняться их делом, чтобы, восстановив справедливость по отношению к ним, воздать справедливость и делу истины. Если их вина ясна, как божий день, то разве не нелепо, что их партнер, д-р Чайлд, удивляется подозрениям на свой счет! В истории известна только одна личность – законная супруга великого Цезаря – чье имя, по закону, было вне подозрений. Думаю, что если д-р Чайлд, в силу природных качеств, и претендует на произвольно присвоенное имя «отца-исповедника» Кети Кинг, то у него нет никаких прав разделять непогрешимость мадам Цезарь. Поскольку я абсолютно в этом уверена и, более того, горю нетерпением дополнить список вопросов по данному делу, по крайней мере, **одним только фактом**, то сообщу читателям следующее:

Фотография «Кети» оказалась подделкой, обманом доверчивой публики, ибо на ней была изображена миссис Уайт. Это подтверждает сама «подвыпившая» красавица в своей вымышленной автобиографии (гранки которой правил д-р Чайлд), а также письменное признание Холмсов, и, наконец, сам д-р Чайлд.

Из нескольких фальшивых фотографий этого мнимого духа самой фальшивой объявили ту (в основном, на основании показаний, подтвержденных д-ром Чайлдом и засвидетельствованных его подписью), где самозванка Кети Кинг стоит позади своего *медиума*.

Вплотить в жизнь столь тонкий обман было так сложно, что Холмсам пришлось посвятить в тайну своего заговора фотографа.

Теперь д-р Чайлд отрицает, что позировал для этих фотографий. И отрицает это категорически – он даже говорит (этому есть свидетели и доказательства), что в то время, когда делали эти фотографии, он находился за 400 миль от города. И это действительно так, да благословит Господь его провидческую душу! Он медитировал и болтал с нимфами и гоблинами у Ниагарского водопада, так что если он заявит о своем алиби – на сей раз это будет не «фальсификация», а правда.

К несчастью для правдивого д-ра Чайлда, «чью репутацию, честность и высокие моральные качества никто не ставит под сомнение». (Здесь мы цитируем слова «честность» и «истина», прозрачные псевдонимы «любителя» расследовать, разоблачать и писать под покровом

таинственности, который пытался дать дружеский шлепок доктору в двух статьях – и в обеих потерпел неудачу).

К несчастью для Х.Т.Чайлда, в некий недобрый час его посетило вдохновение написать статью, но, забыв мудрый девиз: *Verba volant, scripta manent*, – он опубликовал ее 16 ноября в «The Daily Graphic», вместе с фотографиями Джона и Кети Кинг.

Вот этот букет доказательств правдивого человека, «чи высокие моральные качества никто не ставит под сомнение».

Статья впервые опубликована в «Spiritual Scientist», Boston, Vol. II, April, 1875, p. 44–45, с подзаголовком «Нечто, проливающее свет на тайну Кети Кинг. – Больше доказательств. – Утверждение, которое, похоже, согласуется с обстоятельствами. – Письмо мадам Блаватской»; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 43–52. Пер. В.И.Мызникова.

В своем «Альбоме для вырезок», том I, с. 23, Е.П. Блаватская сделала следующее примечание к этой статье: «Мне было приказано разоблачить д-ра Чайлда. Что я и сделала. Д. – лицемер, лжец и обманщик».

Редактору «The Daily Graphic»

Вечером 20 июля Кети – после успешно проведенного *сеанса*, во время которого она, в присутствии тридцати человек, вошла в комнату, *исчезла*, а потом *появилась вновь* – сказала мистеру Лесли и мне, что если мы и четверо других, названных ею, останемся после *сеанса*, то она попробует сфотографироваться. Мы так и сделали; присутствовало шесть человек, не считая фотографа. Я раздобыл пару дюжин магниевых спиралей, и когда все было готово, Кети открыла дверь кабинета и оставалась там, пока мистер Холмс, по одну сторону, а я по другую, жгли спирали, освещая комнату ярчайшим светом. Мы использовали две фотопластинки, но безуспешно.

Мы предприняли еще одну попытку 23 июля, и она увенчалась успехом. Мы спросили Кети, не попробует ли она сфотографироваться при дневном свете. Она согласилась. В четыре часа пополудни мы все сели; *ставни были открыты*. Вскоре в проеме появилась Кети и сказала, что готова. Она попросила нас закрыть одно окно и держать шаль как защиту от света. Как только фотокамера была заряжена, Кети вышла, прошла позади шали шесть или восемь футов до середины комнаты и встала перед камерой. Так она стояла до тех пор, пока мы не сделали первый снимок, а потом вернулась в кабинет.

Мистер Холмс попросил у нее разрешения сесть перед камерой и предложил ей положить руку на свое плечо. Она согласилась, но пожелала, чтобы все присутствующие *не смотрели ей в глаза*, так как это ей очень мешает...

На второй фотографии она стоит позади мистера Холмса. Когда закрыли объектив, она очень ослабла и нуждалась в помощи, чтобы дойти до кабинета; достигнув двери, она как бы прошла сквозь пол и исчезла (?). Дверь кабинета была открыта, но ее не было видно. Через несколько минут она появилась вновь и, заметив, что еще недостаточно материализовалась, сказала, что может попробовать еще раз, если мы можем немного подождать. Мы ждали около четверти часа, после чего услышали легкий стук, означавший, что она готова выйти. Она вышла, и мы получили третий негатив.

Д-р Х. Т. Чайлд

А мы, д-р Чайлд, раздобыли вот это, мы сделали это, так же, как и многое другое. А вы? Теперь, помимо правдивых заверений д-ра Чайлда о том, что его не было в городе, *особенно тогда, когда делали третий снимок*, мы располагаем свидетельством фотографа, д-ра Сельджера и других. В то же время, я полагаю, д-р Чайлд не рискнет отречься от своей собственной статьи. Она хранится у меня, вместе с другими такими же любопытными материалами, где все *писано* черным по белому. Так кто же занимается фальсификацией? Может ли доктор дать на это ответ?

Как он выкарабкается из этой дилеммы? Какие лучи его спиритического «солнца» смогут растопить этот противоречивый факт? Перед нами статья, занимающая две большие колонки в «The Daily Graphic», где он ясно говорит, что *сам присутствовал* при фотографировании Кети Кинг; что дух выступил смело, *при ярком дневном свете*; что *она исчезла* на пороге кабинета и что *он*, д-р Чайлд, помогая обессиленной Кети добраться до кабинета, видел, что там *никого* не было, поскольку *дверь была открыта*. Кому он помогал? Чье трепетное сердце билось так близко от его руки и жилета? Была ли это красавица Элиза? Конечно, эти фотографии, подкрепленные столь надежным показанием такого поистине правдивого свидетеля, раскупились *в мгновение ока*. Кому же достались вырученные деньги? Кто прикарманил их? Если д-ра Чайлда действительно не было в городе, когда делались снимки, тогда эта статья – «явная фальсификация». С другой стороны, если то, что в ней говорится – правда, и он действительно присутствовал при подделке фотографий, тогда ему следовало бы знать «кто был кто в 1874-м», как знал это фотограф, и не нужно иметь острое зрение

Аргуса, чтобы отличить *при ярком дневном свете*, с одним только прикрытым ставнем, материализованный, эфирный дух от «подвыпившей» простой смертной, которую доктор «хорошо знал», хотя и *не был с ней знаком*.

Если наши самозванные лидеры, наши выдающиеся регистраторы феноменов будут жульничать и обманывать публику такими достоверными сообщениями, как это – тогда стоит ли спиритуалистам удивляться столь огромному количеству скептических насмешников, которые, если и не называют нас в лицо «лгунами и шарлатанами», то вежливо принимают за «лунатиков». Не мошенничающие порою «медиумы» мешают нашему делу – но экзальтированные преувеличения некоторых фанатиков, с одной стороны, и намеренные, бесстыдные утверждения тех, кто упивается «фальсификацией оптом» и «ложью во спасение» – с другой: именно они воспрепятствовали необыкновенно быстрому распространению спиритуализма в 1874-м и полностью остановили его в 1875 году. И кто знает, сколько это еще продлится?

В своей статье «После бури выглянуло солнце» доктор меланхолично замечает:

«Предполагают, что находясь в атмосфере лжи, которая окутывает этих медиумов (Холмсов) и *будучи столь чувствительным* (О, бедный Йорик!), я был подвержен обману в большей степени, нежели другие».

Мы содрогаяемся при мысли о незащищенности такой великой чувствительности перед столь великой скверной! Увы, наш голубок испачкался! Каким же чувствительным надо быть к пагубным воздействиям, чтобы пуститься на такую чудовищную фальсификацию, выдумывать небылицы и подтверждать то, чего не было и быть не могло. Если д-р Чайлд, жертва своей слишком чувствительной натуры, так же легко поддается контролю злых «диака», то наш ему дружеский совет: как можно скорее бросить спиритуализм и вступить в Молодежную христианскую ассоциацию; ибо тогда, под крылышком истинно ортодоксальной церкви, он, подобно святому Антонию, сможет начать настоящую борьбу с дьяволом. Эти диака, с которыми он познакомился у Холмсов, не чета старине Нику; и если доктор не смог противостоять им чистотою своей души, то, быть может, с помощью «колокола, библии, свечи» и святой воды, он сможет одолеть Сатану – восклицая, как это делали до него другие «отцы-исповедники»: «*Exorciso vos in nomine Lucis!*» и празднуя победу бодрим: «*Laus Deo*».

Оккультизм, или магия

Несколько вопросов к «Хирафу», автору статьи «Розенкрейцерство»

Среди многочисленных наук, изучаемых весьма дисциплинированной армией ревностных исследователей нашего века, ни одна не удостоивалась меньшего почитания и больших насмешек, нежели старейшая из них — наука наук, почтенная прародительница всех современных пигмеев. Стремясь, в мелком тщеславии, набросить покров забвения на свое неоспоримое происхождение, самоуверенные ученые-самозванцы, будучи всегда настороже, возводят серьезные препятствия на пути отважного ученика, пытающегося отклониться от проторенного пути, проложенного его догматическими предшественниками.

Как правило, оккультизм представляет собою опасное, обоюдоострое оружие для тех, кто не готов посвятить ему всю свою жизнь. Теория оккультизма, не подкреплённая серьезной практикой, всегда останется в глазах людей, настроенных против столь непопулярного занятия, пустым, бредовым досужим вымыслом, способным прельщать лишь невежественных старух. Если мы оглянемся назад и посмотрим, как к современному спиритуализму относились на протяжении последних тридцати лет, несмотря на ежедневные, ежечасные доказательства, взывающие к нашим чувствам, смотрящие нам пристально в глаза и подающие голоса из областей «по ту сторону великой бездны», то можем ли мы надеяться, что оккультизм, или магия, которые находятся в таком же отношении к спиритуализму, как бесконечное к конечному, как причина к следствию, как единство к многообразию — я спрашиваю, можем ли мы надеяться, что они легко утвердятся там, где глумятся над спиритуализмом? Тот, кто отрицает *a priori* или хотя бы сомневается в бессмертии человеческой души, никогда не поверит в ее Создателя; и, не замечая существования многообразия, тем более не увидит его происхождения из единого источника. Что касается каббалы, комплексного мистического руководства к познанию великих тайн природы, то мы не знаем в современном мире никого, кто обладал бы достаточной дозой того нравственного мужества, которое воспламеняет сердце истинного адепта священным огнем просветительства, заставляющим бросить вызов общественному мнению, демонстрируя свое знание этого величественного труда. Насмешка — самое убийственное оружие нынешнего века; и если в исторических рекордах читаем о тысячах

мучеников, с радостью и мужеством всходивших на костер, защищая мистические доктрины в минувшие века, то в наше время вряд ли найдется человек, достаточно смелый, чтобы бросить вызов хотя бы насмешкам, во имя доказательства великих истин, заключенных в традициях прошлого.

Как пример вышесказанного, упомяну статью о розенкрейцерстве, подписанную «Хираф». Несмотря на некоторые значительные ошибки, которые, однако, могут быть замечены лишь теми, кто посвятил свою жизнь изучению оккультизма и различных направлений его практического учения, эта талантливо написанная статья с уверенностью показывает читателю, что, по крайней мере, с точки зрения теоретических знаний, автору трудно найти равных. Его скромность, которую я не очень-то высоко ценю в данном случае — все-таки, маска псевдонима обеспечивает ему достаточно безопасности, не должна внушать ему никаких опасений. В этой стране позитивизма мало критиков, готовых рискнуть схватиться со столь мощным соперником на его собственной территории. Оружие, которое он держит про запас в арсенале своей замечательной памяти, его ученость и готовность предоставить любую дополнительную информацию, какую только пожелают, несомненно, отпугнет любого теоретика, за исключением тех, кто абсолютно уверен в себе, а таких немного. Но книжное знание, и здесь я имею в виду только предмет оккультизма, каким бы обширным оно ни было, всегда будет недостаточным даже для аналитического ума, привычного более к извлечению квинтэссенции истины, разбросанной среди тысяч противоречивых утверждений, если только оно не подкреплено личным опытом и практикой. Поэтому Хираф может ожидать столкновения только с теми, кто способен изыскать возможность опровержения некоторых из его смелых утверждений, именно в силу такого небольшого *практического* опыта. Тем не менее, не следует воспринимать эти слова так, будто мы намерены критиковать нашего сверхскромного эссеиста. Моя персона, ничтожная и невежественная, слишком далека от столь самонадеянной мысли. Я просто хочу помочь ему в научных, но, как я уже сказала выше, довольно гипотетических изысканиях, поведав крупницу той малости, что собрала во время своих длительных путешествий по Востоку, этой колыбели оккультизма, объездив его вдоль и поперек; и надеюсь исправить некоторые ошибочные представления, ввергнувшие его в заблуждение и способные смутить непосвященных, искренних исследователей, вздумай они испить из его источника знаний.

Во-первых, Хираф сомневается, существуют ли в Англии или где-либо еще профессиональные школы для неопитов тайной науки. Скажу, исходя из собственного опыта, что такие школы есть на Востоке: в Индии, Малой Азии и других странах. Как в далекие дни Сократа и других мудрецов древности, так и в наше время стремящиеся познать Великую Истину всегда найдут возможность, если только «постараются» повстречать проводника к двери того, «кто знает, *когда* и *как*». Если Хираф и прав относительно седьмого правила Братства Розы и Креста, гласящего, что «членом Братства можно только *стать*, но его нельзя сделать», он все же может ошибаться относительно исключений, которые всегда существовали в других братствах, посвятивших себя изучению того же тайного знания. Далее, когда автор утверждает, что розенкрейцерство почти забыто, мы можем ответить ему, что не удивляемся этому факту и добавить в скобках, что, строго говоря, розенкрейцеры теперь даже и не существуют, ибо последний из членов этого Братства исчез в лице Калиостро¹⁴.

Хирафу следовало бы добавить к названию «розенкрейцерство» слова «особая секта», поскольку это все же была секта, одна из многочисленных ветвей единого древа.

Забыв указать на это особое обозначение и включив в понятие «розенкрейцеры» всех, посвятивших свои жизни оккультизму и объединившихся в различные братства, Хираф допускает ошибку, вследствие которой можно невольно подумать, что раз розенкрейцеры исчезли, то на земле уже больше нет каббалистов, практикующих оккультизм. Автор так же повинен в анахронизме¹⁵, приписывая розенкрейцерам сооружение пирамид и других величественных монументов, в архитектуре которых неизгладимо запечатлены символы великих религий прошлого. И в этом он заблуждается.

Если главный предмет рассмотрения великой семьи древних и современных каббалистов остается одним и тем же, то догмы и формулы отдельных сект сильно разнятся. Возникнув, одна за другой, из великого материнского корня Востока, эти секты распространились по миру, и

---

¹⁴ Зная слишком мало об оккультизме в Европе, я могу ошибаться; в таком случае, каждый, кто может доказать обратное, очень обяжет меня, исправив мою ошибку.

¹⁵ Та же ошибка пронизывает и талантливую работу Харгрейва Дженнинга «Розенкрейцеры».

некоторые из них, стремясь превзойти остальных в своем проникновении в тайны, ревниво охраняемые природой, повинны в величайших ересях против изначальной восточной каббалы.

В то время как первые последователи тайных наук (преподанных халдеям народами, само имя которых никогда даже не упоминалось в истории) останавливались в своем продвижении, достигнув вершины, *омеги знания*, дозволенного человеку, многие из последующих сект отделялись от них и, в неконтролируемой жажде больших знаний, преступали границы истины, впадая в заблуждения. Как говорит Ямвлих, вслед за Пифагором, который лишь силою своей энергии и дерзновения проник в тайны храма Фив, получил там посвящение, а потом на протяжении двадцати двух лет изучал священные науки в Египте, многие иностранцы также были допущены к знаниям мудрецов Востока и впоследствии разгласили некоторые из их тайн. Со временем, не сумев сохранить эти тайны в чистоте, они так перемешали их с вымыслом и баснями греческой мифологии, что истина была полностью искажена.

Как изначальная христианская религия разделилась с течением времени на множество сект, так и наука оккультизма произвела на свет различные доктрины и братства. Египетские офиты стали христианскими гностиками, от которых произошли василиды, а первоначальные розенкрейцеры дали рождение философам огня, или последователям Парацельса, европейским алхимикам и другим ответвлениям и сектам. (См. «Розенкрейцеры» Харгрейва Дженнинга¹⁶). Называть всех без разбору каббалистов розенкрейцерами — значит, впасть в такую же ошибку, как если бы всех христиан называть баптистами, на том основании, что последние — тоже христиане.

Братство Розы и Креста было основано только в середине XIII века, и, несмотря на утверждения ученого Мошейма, название его происходит не от латинского слова *Ros* (роса) и не от креста, символа *Света*. Происхождение Братства может установить любой серьезный, *истинный* исследователь оккультизма, оказавшийся в Малой Азии, если только он захочет повстречать одного из членов Братства и посвятить себя наитруднейшей задаче — расшифровке манускрипта розенкрейцеров, который строго хранится в

---

¹⁶ «Розенкрейцеры» Харгрейва Дженнинга — Jennings Hargrave (ок. 1817—1890) «The Rosicrucians, their Rites and Mysteries», London, 1870.

архивах подлинной Ложи, основанной первым каббалистом, носившим это имя, но теперь называемой иначе. Основателем этого Братства был немецкий *Reuter* (рыцарь) по имени Розенкранц, который снискал себе на родине сомнительную репутацию практикой черной магии, но впоследствии был обращен через видение. Оставив свою пагубную практику, он дал торжественную клятву и отправился пешком в Палестину, дабы у Гроба Господня совершить *amende honorable*¹⁷. Когда Розенкранц прибыл в Палестину, ему явился христианский бог — кроткий, но знающий назорей, учившийся в школе ессеев, этих целомудренных потомков халдейских ботаников, астрологов и магов; христианин бы сказал — в видении, но я полагаю — как материализованный дух. Цель этого посещения, равно как и предмет их разговора, навсегда остались тайной для многих братьев; но сразу же после того бывший колдун и *Reuter* исчез, и о нем ничего не было слышно до тех пор, пока к семье каббалистов не присоединилась таинственная секта розенкрейцеров, чье могущество возбуждало всеобщее внимание, даже у народов Востока, беспечно и привычно живущих среди чудес. Розенкрейцеры стремились объединить самые различные направления оккультизма и вскоре прославились чрезвычайной чистотой своей жизни, необычайными способностями, а также совершенным знанием тайны тайн.

Как алхимики и маги, они вошли в легенды. Позднее (не буду сообщать Хирафу, когда именно, ибо мы пьем из двух разных источников знания) от них произошли более современные теософы, во главе которых стоял Парацельс, и алхимики, самым известным из которых был Томас Воган (XVII век), написавший наиболее практические труды по оккультизму под именем Евгения Филалета. Я знаю и могу доказать, что Воган определенно был «сделан, прежде чем стал».

Каббала розенкрейцеров представляет собой сжатое суммарное изложение еврейской и восточной каббалы, причем последняя является наиболее таинственной из всех. Восточная каббала, практическая, полная и существующая в *единственном* экземпляре, бережно хранится в обители Братства на Востоке и, могу твердо поклясться, никогда не покинет его пределов. Само существование этой рукописи ставилось под сомнение

---

¹⁷ *Amende honorable* — так называемая «Клятва у гроба Господня» — торжественная клятва чести — покаяние во искупление грехов.

многими европейскими розенкрейцерами. Тот, кто хочет «стать», должен выискивать знания в тысячах разрозненных томов и по кусочкам собирать факты. Если он не выберет кратчайший путь и не согласится быть «сделанным», он никогда не станет практическим каббалистом и вместе со всеми своими знаниями останется на пороге «таинственных врат». Использовать каббалу и раскрывать ее истины в настоящее время можно в гораздо меньшем масштабе, чем в древности; а существование таинственной Ложи, из-за ее секретности, подвергается сомнению; но тем не менее, она существует и не утратила ни одной из первоначальных таинственных сил древних халдеев¹⁸.

Ложи, а их немного, подразделяются на секции и известны только адептам. Никто не сможет обнаружить их, если только сами Мудрецы не сочтут неопита достойным посвящения. В отличие от европейских розенкрейцеров, в своем стремлении «стать, а не быть “сделанными”» всегда следовавших словам св. Иоанна, который сам бился в одиночку, силой вырывая у природы ее тайны и возглашая: «Царство Небесное силою берется, и бесстрашные покоряют его», — восточные розенкрейцеры (будучи

---

¹⁸ Для тех, кто интуитивно может воспринять что я хочу сказать, мои слова будут лишь отзвуком их собственных мыслей. Я хотела бы привлечь внимание именно таких людей к длинной серии необъяснимых событий, имевших место в нашем веке: к таинственному воздействию, управляющему политическими катаклизмами; к воцарению и низвержению монархов и крушению монархий; к метаморфозам почти на всей карте Европы — начиная с французской революции 93-го года, предсказанной до мельчайших деталей графом Сен-Жерменом в своем манускрипте, хранящемся сейчас у потомков русского дворянина, которому он его передал, и кончая недавней франко-прусской войной. Это таинственное воздействие, которое скептики называют «случаем», а христиане — Провидением, имеет право и на другое имя. Из всех деградировавших детей халдейского оккультизма, включая многочисленные общества франкмасонов, в нынешнем веке лишь одно достойно упоминания в связи с оккультизмом — это «карбонарии». Пусть кто-нибудь изучит все, что можно узнать об этом тайном обществе, пусть думает, сопоставляет и делает выводы. Если Раймонд Луллий, розенкрейцер и каббалист, мог так легко достать для короля Англии Эдуарда I шесть миллионов стерлингов для продолжения войны с турками в ту далекую эпоху, то почему бы какой-нибудь таинственной ложе в наши дни не предоставить Франции почти столько же миллионов, чтобы заплатить национальный долг — той самой Франции, которая столь чудесным образом была так быстро побеждена и столь же чудесным образом так быстро поставлена на ноги. Пустой разговор! — скажут некоторые. Ну что ж, иногда и гипотезу стоит принять во внимание.

не вправе произносить их истинное имя, назовем их именно так), в безмятежном блаженстве божественного ведения, всегда готовы помочь серьезному исследователю, пытающемуся «стать», практическим знанием, рассеивающим, подобно небесному бризу, самые черные тучи скептического сомнения.

Хираф прав, когда говорит: «Зная, что разглашение их тайн», в нынешнем хаотическом состоянии общества, «посеет лишь смятение и смерть», они не выпускают эти знания из своих рук. Являясь наследниками изначальной небесной мудрости своих праотцов, они хранят ключи от самых сокровенных тайн природы и раскрывают их лишь постепенно и с величайшей осторожностью. Но все же они иногда *делают это!*

Очувтившись в таком *cercle vicieux*, Хираф грешит подобным же образом, сравнивая Христа, Будду и Khong-foo-tse, или Конфуция. Вряд ли можно провести сравнение между двумя первыми мудрыми и духовными *иллюминатами* и китайским философом. Высочайшие устремления и взгляды обоих христосов не имеют ничего общего с холодной, практической философией последнего, являющегося блестящей аномалией среди скучного от природы и материалистичного народа, мирного, преданного земледелию с древнейших времен своей истории. Конфуций никогда не выдержит ни малейшего сравнения с двумя великими реформаторами. В то время как принципы и доктрины Христа и Будды охватывали все человечество, Конфуций ограничил внимание лишь родной страной, пытаясь приспособить свою глубокую мудрость и философию к нуждам соотечественников и мало утруждая себя думами об остальном человечестве. Его философские доктрины в чисто китайском патриотизме и представлениях настолько же лишены поэтического элемента, присущего учениям Христа и Будды, двух божественных личностей, насколько религиозность его народа лишена той духовной экзальтации, которая свойственна, например, Индии. Конфуций не выдерживает сравнения и с глубиной чувств и тонким духовным устремлением своего соплеменника Лао-цзы. Ученый Эннемозер¹⁹ говорит: «Дух Христа и дух Будды оставили неизгладимые, вечные следы во всем мире. О доктринах же Конфуция можно говорить лишь как о самых

---

¹⁹ Эннемозер Йозеф (1787—1854) — немецкий врач, автор ряда трудов по медицине и философии. Получил широкую известность благодаря практике гипноза. Основной труд: «Der Magnetismus in seiner geschichtlichen Entwicklung» (1819). Также является автором «The History of Magic» (London, 1854, перев. на англ.).

блестящих достижениях холодного человеческого разума». К.Ф.Хо в своей книге «Allgemeine Geschichte» всего в нескольких словах прекрасно охарактеризовал китайцев: их «тяжелая, детская, холодная, чувственная натура объясняет особенности их истории». Поэтому любое сравнение первых двух реформаторов с Конфуцием в эссе о розенкрейцерстве, в котором Хираф рассуждает о Науке наук и приглашает жаждущих испить из ее неисчерпаемого источника знаний, представляется недопустимым.

Далее, когда наш ученый автор столь догматически утверждает, что розенкрейцер узнает, хотя и *никогда* не применяет, секрет бессмертия в земной жизни — он утверждает лишь то, что сам, из-за своей практической неопытности, считает невозможным. Слова «никогда» и «невозможно» следовало бы вычеркнуть из словаря человечества — по крайней мере, до тех пор, пока Великая Каббала не будет полностью раскрыта и либо принята, либо отвергнута. Граф «Сен-Жермен» и поныне остается неразгаданной загадкой, так же как и розенкрейцер Томас Воган. Многочисленные свидетельства литературы и устной традиции (которая порою даже более достоверна), утверждающие, что этого удивительного графа встречали и узнавали в разные столетия — не миф.

Тот, кто признает одну из практических истин оккультных наук, преподанных каббалой — молчаливо признает их все. Здесь действует «быть или не быть» Гамлета, и если каббала — не вымысел, то и Сен-Жермен — не миф.

Но я отклоняюсь от темы своего разговора, цель которого, во-первых, выявить небольшие различия между двумя каббалами — каббалой розенкрейцеров и восточной каббалой и, во-вторых, заявить: надежда Хирафа на то, что этот предмет будет когда-нибудь понят лучше, чем сейчас, может оказаться более, нежели просто надеждой. Со временем многое станет ясно; но пока давайте сердечно поблагодарим Хирафа за этот первый меткий выстрел в сторону упрямых ученых-дезертиров, которые, стоит лишь им оказаться лицом к лицу с Истиной, избегают смотреть ей прямо в глаза, боятся даже оглянуться, чтобы, не дай бог, не увидеть чего-нибудь такого, что могло бы пошатнуть их самодовольство. Как практический последователь восточного спиритуализма, я могу уверенно ждать момента, когда, с помощью тех, «кто знает», американский спиритуализм, даже в своем нынешнем состоянии оказавшийся язвой на теле материалистов, станет

наукой, математически доказанным фактом, а не будет рассматриваться лишь в качестве бреда эпилептических мономаньяков.

Первая каббала, в которой простой смертный дерзнул объяснить величайшие тайны вселенной и указать ключи к «тем скрытым вратам в бастионах природы, чрез которые ни один смертный не может пройти, не разбудив жутких стражей, невидимых по сю сторону ее стены», была составлена неким Симоном бен Йохаи, жившим во времена второго разрушения древнеиерусалимского храма. Лишь спустя примерно тридцать лет после смерти этого известного каббалиста, его сын, раввин Елеазар и другие ученые мужи воспользовались его манускриптами и письменными разъяснениями, сохранявшимися им как драгоценнейшая из тайн. Собрав их воедино, они, таким образом, составили известный труд — «Зогар» (Сияние Бога). Эта книга стала неисчерпаемой сокровищницей для всех последующих каббалистов, источником всех их сведений и знаний; все позднейшие и подлинные версии каббалы были более или менее тщательно скопированы с первой. Прежде все тайные доктрины передавались из уст в уста, непрерывной цепочкой, восходящей ко времени появления человечества на земле. Они тщательно и ревностно охранялись мудрецами Халдеи, Индии, Персии и Египта, переходя от одного посвященного к другому в той же чистоте, как и тогда, когда их передавали первому человеку ангелы, ученики великой Теософской Семинарии Бога. Впервые с сотворения мира тайные доктрины претерпели небольшое изменение, пройдя через руки Моисея, получившего посвящение в Египте. Из-за своего личного честолюбия, этот великий пророк-медиум выдал знакомый ему дух, гневного «Иегову», за дух самого Бога — и тем снискал себе незаслуженные лавры и почести. Та же причина заставила его изменить некоторые принципы великого устного учения каббалы, дабы придать ей еще большей таинственности. Эти принципы он изложил в символах в первых четырех книгах Пятикнижия, но вследствие каких-то загадочных обстоятельств убрал их из Второзакония. Своих семьдесят старейшин он посвятил лишь в то, что счел нужным, а они уже могли давать только то, что получили сами; так впервые появилась возможность для возникновения ереси и ошибочной интерпретации символов. В то время как восточная каббала сохранила свою первозданную красоту — Моисеева, или еврейская, каббала изобиловала искажениями; и ключи ко многим из тайн, запрещенных Моисеевым законом, были преднамеренно ложно истолкованы. Однако, силы, которыми она наделяла

посвященных, все еще были огромны; и самыми могущественными из всех наиболее известных каббалистов были царь Соломон и его набожный отец Давид, несмотря на его покаянные псалмы. Но все же эта доктрина оставалась тайной и изустной, вплоть до второго разрушения храма, о чем я уже упоминала выше. С филологической точки зрения, само слово *каббала* образовано из двух еврейских слов и означает *получать*, поскольку в прежние времена посвящаемый получал знание устно, непосредственно от своего Учителя; и сама книга «Зогар» была составлена на основе полученных сведений, которые передавались по неизменной традиции восточными каббалистами, но были изменены евреями из-за честолюбия Моисея.

Если первые розенкрейцеры получили начальные уроки мудрости от восточных учителей, то с их прямыми потомками — философами огня, или последователями Парацельса — дело обстояло иначе, ибо во многом каббала этих последних *иллюминатов* была столь искажена, что стала походить на сестру-двойняшку еврейской каббалы. Попробуем их сравнить. Признавая «шедим», или еврейских духов-посредников, элементариев, которых евреи подразделяют на четыре класса: духов воздуха, воды, огня и минералов, христианский каббалист, подобно еврейскому, верит и в Асмодея, *Навечно-Проклятого*, или же нашего старого приятеля, православного Сатану. Асмодей, он же Асмоди, повелевает гоблинами-элементариями. Сама эта доктрина значительно разнится от восточной философии, отрицающей, что Эйн Соф (Бесконечный или Безграничный), проявившийся посредством духовной субстанции, исшедшей от его Бесконечного Света, самого старшего из десяти Разумов, или Эманаций, первой сефиры, мог когда-либо создать бесконечное, макрокосмическое зло. Она (восточная философия) учит, что хотя первые три сферы из семи, принимая как должное, что наша планета является четвертой, населены элементарными, или будущими *людьми* (возможно, это поможет объяснить современную доктрину перевоплощений), и хотя, пока эти существа не станут людьми, они лишены бессмертной души и являются лишь «грубейшими чистилищами небесного огня», они все же не принадлежат к Вечному Злу. Каждый из них имеет возможность *возродить* свою субстанцию в этой «четвертой сфере», нашей планете, и, таким образом, очистить свое «грубое чистилище» Бессмертным Дыханием Ветхого Деньми, который наделяет каждое человеческое существо частичкой своего бесконечного «Я». Здесь, на нашей планете, начинается первый духовный

переход, от Бесконечного к Конечному, этой субстанции, первоначально исшедшей из чистого Разума, или Бога, а также работа этого чистого Принципа по ее очищению. Так начинает бессмертный человек готовиться к Вечности.

В своей примитивной форме, духи-элементарии, столь часто ошибочно принимаемые современным спиритуализмом за неразвитые или недостаточно продвинутые души мертвых, имеют такое же отношение к нашей планете, как мы — к Стране Вечного Лета. Когда мы используем термин «развоплощенный дух», мы лишь повторяем то, что элементарии наверняка думают или говорят о нас, людях; и хотя у них все еще нет бессмертных душ — они, тем не менее, наделены инстинктом и хитростью, и мы им кажемся столь же мало материальными, как духи пятой сферы — нам. С каждым нашим переходом в последующую сферу мы сбрасываем часть нашей грубой природы. Следовательно, существует вечный прогресс, физический и духовный, для каждого живого существа. Трансцендентное знание и философия величайших восточных каббалистов никогда не преступали определенной черты, и герметики — или, скорее, розенкрейцеры, если быть более точными — никогда не шли дальше разрешения великих, но более ограниченных проблем еврейской каббалы, которые мы можем разделить следующим образом:

- 1) природа Высшего Существа;
- 2) происхождение, создание и процесс образования Вселенной, *Макрокосма*;
- 3) создание, или образование *нисходящего* сонма ангелов и людей;
- 4) конечная судьба ангелов, человека и Вселенной — или *восхождение* к первоисточнику;
- 5) показать человечеству действительный смысл всех еврейских Писаний.

Настоящая, полная каббала первых веков человечества в наше время находится, как я уже сказала, у нескольких восточных философов; где они, кто они — мне не разрешено разглашать. Возможно, я этого и не знаю, и это мне только приснилось. Многие скажут, что все это фантазия — пусть так. Время покажет. Могу сказать лишь одно: такое общество существует, но

местонахождение его Братств никогда не будет открыто ни одному народу, пока человечество не очнется от своей духовной летаргии и не прозреет настолько, чтобы увидеть ослепительный свет Истины. Слишком поспешное раскрытие может ослепить его и, возможно, навсегда. До тех же пор спекулятивная теория об их существовании будет опираться лишь на то, что народ ошибочно принимает за *божественные* явления. Несмотря на эгоистичную, греховную оппозицию к спиритуализму науки в целом, и ученых в частности, забывших свой первейший долг — просвещать человечество — и вместо этого позволяющих миллионам людей заблуждаться и плыть по течению, подобно поврежденным кораблям, без навигатора или компаса, меж песчаных отмелей предрассудков; несмотря на игрушечные молнии и безобидные анафемы, разбрасываемые честолюбивым и хитрым духовенством, которое больше, чем кто-либо, должно верить в духовные истины; несмотря на апатичное безразличие тех, кто, предпочитая ни во что не верить, тем временем делают вид, что верят в учения своих церквей — и выбирают их, согласно лучшим понятиям о респектабельности и моде; несмотря на все это, спиритуализм поднимется высоко, и остановить его прогресс невозможно так же, как утренний рассвет или восход солнца. Подобно рассвету, прекрасная Истина рассеет все эти черные тучи, собравшиеся на Востоке; подобно солнцу, ее лучезарный свет прольет ослепительные лучи над пробуждающимся человечеством. Эти лучи рассеют темные тучи и зловерные туманы тысяч религиозных сект, позорящих нынешний век. Они согреют и призовут к новой жизни миллионы несчастных душ, дрожащих, промерзших под ледяной рукою убийственного скептицизма.

В конце концов, Истина восторжествует, и спиритуализм — новый завоеватель мира, возрожденный, как сказочная птица Феникс, из пепла своего прародителя оккультизма — объединит навсегда в одном Бессмертном Братстве все антагонистические расы; ибо этот новый св. Михаил навечно сокрушит главу дракона Смерти!

Несколько слов, прежде чем закончить. Признать, что кто-то может стать практическим каббалистом (или, можно сказать, — розенкрейцером, так как оба слова, похоже, стали синонимами), имея лишь твердую решимость «стать» и надеясь получить тайное знание изучением еврейской каббалы или любой другой, возникшей на пути, не будучи посвященным и, следовательно, «сделанным» тем, кто знает, так же глупо, как надеяться

пройти знаменитый лабиринт без путеводной нити или открыть секретные замки искусных изобретателей средневековья без ключей. Если уж Новый Завет христиан — легчайшая и позднейшая из всех известных нам каббал — явил столь чрезвычайные трудности стремящимся раскрыть его тайны и сокровенный смысл (который, будучи лишь однажды рассмотрен с позиций современного спиритуализма, открылся бы так же легко, как сундук в басне Эзопа), то как же тогда современный оккультист, имеющий только лишь теоретические знания, может надеяться когда-либо достигнуть своей цели?

Оккультизм без практики всегда будет подобен статуе Пигмалиона, которую нельзя оживить, не вдохнув в нее искру священного Божественного Огня. Еврейская каббала, единственный авторитет для европейского оккультиста, целиком основывается на тайных значениях еврейских Писаний, которые, в свою очередь, указывают на ключи к ним знаками — *тайными* и непонятными для непосвященного. Ни один адепт не может разгадать их практическим путем. Седьмое правило розенкрейцера, «ставшего, но не сделанного», имеет свое тайное значение, подобно любой другой фразе, оставленной каббалистами потомкам. Слова: «Мертвая буква убивает», — цитируемые Хирафом, с большей справедливостью относятся к данному случаю, нежели к христианским учениям первых апостолов. Долгие годы розенкрейцер должен биться и трудиться **в одиночку** чтобы в результате этого тяжелого испытания, в предельном напряжении всех ментальных и физических сил, раскрыть некоторые начальные тайны — А, В, С Великой Каббалы. После этого, если его сочтут достойным, в последний раз, перед окончательным ритуалом этого тяжелого испытания, будет сказано: «Держай». Когда верховные жрецы храма Озириса, Сераписа и других подводили неопита к грозной богине Изиде, слово «держай» произносилось в последний раз; и тогда, если неопит мог выдержать эту окончательную мистерию, самую страшную и ужасную, не зная, что ему уготовано, и смело «поднимал покров Изиды», он становился посвященным, и ему уже нечего было бояться. Он прошел последнее испытание, и уже не страшился встретить лицом к лицу обитателей из областей «по ту сторону черной реки».

Единственная причина того ужаса и страха, которые мы испытываем в присутствии смерти, кроется в ее неразгаданной тайне. Христианин всегда будет бояться ее, в большей или меньшей степени; посвященный же в тайную науку, как и *истинный* спиритуалист — никогда; ибо они подняли покров Изиды и разрешили величайшую проблему, в теории и на практике.

Много тысяч лет назад мудрый царь Соломон заявил, что «ничто не ново под солнцем», и слова этого мудреца следует повторять до скончания времен. Нет ни одной науки, ни одного новейшего открытия в любой ее области, не известных каббалистам тысячелетия тому назад. Знаю, это может показаться смелым и нелепым утверждением, явно не подкрепленным ни одним авторитетом. Но я отвечаю, что там, где истина смотрит прямо в глаза, не может быть никаких других авторитетов, кроме собственных чувств. Единственный авторитет, о котором мне известно, сокрыт, рассредоточенный по всему Востоку. К тому же, кто осмелится, кто рискнет объявить себя авторитетом в постоянно изменяющейся, постоянно что-то открывающей Европе или юной Америке? Ученый, еще вчера слышавший авторитетом, благодаря счастливой случайности, становится современным открывателем, уставшим от собственных гипотез. Как легко современные астрономы забывают, что вся их наука — не что иное, как крохи, оставленные халдейскими астрологами. Чего бы только современные врачи, практики своей слепой и хромой медицины, не отдали за частичку знаний по ботанике и растениям — я не скажу, халдеев — но даже позднейших ессеев. Простая история восточных народов, их привычек и обычаев, свидетельствует, что они не могли полностью забыть все, что когда-то знали. В то время как Европа двадцать раз поменяла свой облик, была перевернута вверх дном религиозными и политическими революциями и социальными катаклизмами, Азия не изменилась. Существовавшее там две тысячи лет назад, существует и поныне, с незначительными видоизменениями. Практические знания, которыми обладали древние, не могли так быстро исчезнуть из памяти этого народа. Надежда найти хотя бы остатки той мудрости древней Азии должна подтолкнуть нашу тщеславную современную науку к исследованию ее территории.

Итак, все, что мы признаем, все, чем мы живем, пришло к нам от осмеянного и презираемого оккультизма Востока. Религия и наука, законы и обычаи — все они тесно связаны с оккультизмом и являются всего лишь его порождениями, его непосредственными продуктами, замаскированными рукой времени и преподнесенными нам под новыми псевдонимами. Если меня попросят привести доказательства — я отвечу, что в мою обязанность не входит учить других тому, чему они сами, без особого труда, могут научиться, при условии, что будут читать и задумываться над тем, что читают. Кроме того, близится время, когда все закоренелые предрассудки и ошибки

веков сметутся ураганом Истины. Подобно пророку Магомету, осознавшему, что гора к нему не пойдет и устремившемуся к ней навстречу, перед скептическим миром неожиданно явился с Востока современный спиритуализм — дабы в недалеком будущем положить конец небытию, в которое канула древняя тайная мудрость.

Спиритуализм сегодня — лишь младенец, непрошенный гость, которого общественное мнение, словно мачеха, пытается сжить со свету. Но он растет, и в один прекрасный день тот же самый Восток может послать несколько опытных, умных нянек, дабы позаботиться о нем. Угроза трагедий Салима миновала. Рочестерские стуки²⁰, какими бы негромкими они ни были, разбудили несколько бдительных друзей, которые, в свою очередь, подняли тысячи и миллионы ревностных защитников истинного Дела. Самая трудная часть работы выполнена, дверь приоткрылась. Она останется приоткрытой для тех, кого Хираф призывает помочь серьезным искателям истины найти ключ, который откроет врата и позволит им переступить порог, отделяющий этот мир от потустороннего, «не разбудив ужасных часовых, невидимых по сю сторону стены». Потребуется точное знание оккультиста, чтобы объяснить и изменить многое, что кажется «отталкивающим» в спиритуализме для слишком хрупких ортодоксальных душ. Они могут возражать против феноменов спиритуализма, с которыми каббалистика тесно связана в своей основе. Они начнут доказывать, что оккультизм, *если он действительно существует*, есть запрещенная «черная магия» — колдовство, за которое не так давно сжигали на кострах. В таком случае я робко замечу, что все в природе имеет две стороны. Оккультизм, конечно, не является исключением из этого правила и состоит из *белой* и *черной* магии. Так же, как и ортодоксальная религия. Если оккультист истинный розенкрейцер — он в тысячу раз чище, благороднее и божественнее, нежели самый святой из ортодоксальных священников; и когда последний отдается во власть необузданному демону своих низменных страстей, тем самым пробуждая всех дьяволов — они ликуют от радости, видя подобное извращение. Чем же, скажите на милость, этот ортодоксальный священник лучше самых черных колдовских делишек с элементарным «обитателем» или же с

---

²⁰ *Рочестерские стуки* — современный спиритизм ведет свое начало с 1848 года; ему положило начало явление, ныне известное как «стуки в Рочестере» — парапсихологические феномены сопровождавшие сестер Фокс.

«диака» Э.Дж.Дэвиса? Воистину, есть *черное* и *белое* христианство, равно как черная и белая магия.

О вы, истинно ортодоксальные священники и духовенство различных верований и рангов, вы, столь нетерпимые к спиритуализму, этому чистейшему из всех детищ древней магии! Можете ли вы мне сказать, почему, в таком случае, вы ежедневно практикуете самые известные обряды магии в своих церквях и следуете прототипам самих ритуалов оккультизма? Можете ли вы, к примеру, зажечь тонкую восковую свечу или осветить свой алтарь кольцами восковых свеч, не повторяя ритуалов магии? Что есть ваш алтарь с вертикально горящими свечами, как не современная имитация первоначального магического монолита с языками пламени Ваала? Разве вы не знаете, что практикуя это, вы следуете прямо по стопам древних огнепоклонников, персидских языческих геберов? А сверкающая митра вашего папы римского — что она, как не прямой потомок митраистской Жертвы — символический убор, изобретенный для верховных жрецов этого самого оккультизма в Халдее? Пройдя серию многочисленных трансформаций, сегодня он покоится в своем последнем (?) ортодоксальном виде на почтенной голове вашего последователя св. Петра. Вряд ли набожная паства Ватикана подозревает, взирая в немом обожании на голову своего Бога на Земле, папу римского, что предмет их восхищения — всего лишь жалкое подобие головного убора в стиле шлема амазонок... Афины Паллады, языческой богини Минервы! По правде говоря, вряд ли в христианской церкви существует хотя бы один обряд или ритуал, не заимствованный у оккультизма.

Говорите и думайте, что хотите, но вы не можете изменить того, что было, есть и будет, а именно — прямого сообщения между двумя мирами. Мы называем это взаимодействие современным спиритуализмом, столь же правомерно и с той же логикой, как и когда говорим «Новый Свет», имея в виду Америку.

В заключение, я, возможно, удивлю даже ортодоксальных спиритуалистов, засвидетельствовав, что каждый, кто когда-либо видел наши подлинные материализации духо-форм, невольно стал посвященным неопитом древних мистерий; ибо все и каждая из них разрешили проблему смерти, «подняв покров Изиды».

В поисках оккультизма

Получая ежедневно множество писем с просьбами рассказать о лучшем методе изучения оккультизма и о его связи с современным спиритуализмом, но не имея достаточно времени отвечать на все запросы, я предлагаю облегчить наш совместный труд — моих корреспондентов и собственный — указав несколько основных трудов по *магии* и тайнам современных герметиков.

Здесь необходимо добавить, учитывая все вышеизложенное, что вознамерившийся изучать эти работы не должен обольщаться мыслью о возможности стать оккультистом-практиком лишь на основе знаний, почерпнутых из книг. Труды философов-герметиков никогда не предназначались для широких масс.

Мистер Чарльз Содеран²¹, один из ученейших членов общества розенкрейцеров отмечает в своем последнем эссе: «Габриель Розетти в своем “Disquisitions on the Anti-papal spirit, which produced the Reformation” показывает, что искусство говорить и писать на языке, который можно трактовать двояко — искусство очень древнее: оно практиковалось жрецами Египта, оттуда его вывезли манихеи, а от них оно перешло к тамплиерам и альбигойцам и распространилось по всей Европе, что и привело к Реформации».

Самым талантливым трудом, когда-либо написанным о *символах* и *мистических орденах*, бесспорно, является книга Харгрейва Дженнингса «Розенкрейцеры»; тем не менее, люди, прекрасно разбирающиеся в обрядах и мистериях современного франкмасонства, неоднократно в моем присутствии называли ее «невразумительной чепухой». Неосведомленные же даже о франкмасонстве могут вывести из этого, сколько информации они в состоянии почерпнуть из еще более туманных и мистических трудов; ибо если сравнить книгу Харгрейва Дженнингса с некоторыми средневековыми трактатами или древними трудами наиболее известных алхимиков и магов, то последние могут показаться настолько же непонятными, с точки зрения языка, как непонятна была бы Книга Небес для изучающего небесную

---

²¹ Содеран Чарльз (1847—1902)— писатель, исследователь, библиограф, сотрудник и редактор многих американских и британских зданий; видный масон, лидер последователей Сведенборга в США, автор книги о Калиостро, принял активное участие в образовании Теософского Общества.

философию, вздумай он рассматривать далекую звезду невооруженным глазом, без помощи мощного телескопа.

Но я далека от мысли умерить в ком-нибудь похвальный порыв к страстному поиску Истины, сколь бы бесплодной и неблагодарной ни казалась эта задача на первый взгляд, ибо всегда стремилась сделать Свет Истины маяком всей своей жизни. Слова, произнесенные Христом восемнадцать столетий назад — «Веруйте и уразумеете» — применимы и ныне, и, немного изменив их, я могу так же сказать: «Учитесь и уверуете».

Рекомендовать ту или иную книгу по оккультизму стремящимся приступить к изучению сокровенных тайн природы — это ответственность, которую я не готова на себя взять. Что будет ясно обладающему интуицией, другому может показаться бессмыслицей. Если исследователь не готов посвятить этому всю свою жизнь, поверхностные знания оккультных наук, несомненно, сделают его мишенью миллионов невежд, чьи короткоствольные ружья заряжены насмешками и издевками. Кроме того, выбирать эту науку в качестве простого развлечения — более, нежели опасно. Всегда следует помнить поучительную историю Эдипа, дабы избежать ее последствий. Разгадав загадку Сфинкса лишь наполовину, Эдип стал причиной его гибели; вторая же половина тайны отомстила за смерть символического чудовища, понудив отчаявшегося царя Фив предпочесть слепоту и ссылку, нежели вплотную приблизиться к тому, с чем встретиться, как ему казалось, был еще недостаточно чист. Он разгадал человека — форму, но забыл о Боге — идее.

Решившийся следовать по стопам философов-герметиков должен заранее подготовиться к мученичеству. Он должен отбросить личную гордость и все эгоистические намерения и быть готовым к постоянным столкновениям с друзьями и врагами. Он должен раз и навсегда проститься со всеми своими прежними представлениями. Существующие религии, знание и наука снова должны стать для него чистой книгой, как в дни младенчества; ибо если он хочет преуспеть, ему придется заново учить алфавит на коленях Матери-Природы, и каждая буква подарит ему прозрение, а каждый слог и слово — неожиданное откровение. Два доселе непримиримых врага, наука и теология — эти Монтекки и Капулетти XIX века — объединившись с невежественными массами, поднимутся против современного оккультиста. Если эпоха сжигания на кострах миновала, то в

полном расцвете, *per contra*, эпоха злословия, ядовитой прессы и всех тех зловонных *venticelli* клеветы, которые так живо изображены в бессмертном Доне Базилио²².

Долг каббалиста перед наукой, разумеется, бесплодный, доказать, что испокон веков существовала лишь одна позитивная наука — оккультизм; что он был таинственным рычагом всех интеллектуальных сил — *древом познания добра и зла аллегорического рая*, от гигантского ствола которого во все стороны расходятся сучья, ветви и веточки: первые растут сначала довольно прямо, последние же, искривляясь с каждым дюймоном роста и принимая все более фантастические формы, теряют, одна за другою, жизненный сок, деформируются и, засыхая, отваливаются от ветвей, покрывая всю землю вокруг дерева грудой мусора.

Оккультисту будущего придется доказать теологии, что мифические боги, Элохим Израиля, а также религиозные и богословские таинства христианства, начиная с Троицы — родились в святилищах Мемфиса и Фив; что их праматерь Ева — лишь одухотворенная Психея древних, причем обе они одинаково расплачиваются за свое любопытство, спускаясь в Гадес или Ад: Психея — чтобы вернуть на землю известный ящик Пандоры, Ева же — отыскать и размозжить голову змию, символу времени и зла; преступление обеих было искуплено языческим Прометеем и христианским Люцифером: первый освобожден Геркулесом, второй повергнут Спасителем.

Далее, оккультисту придется публично доказать христианским теологам то, о чем многие священники знают втайне, а именно: что их Бог на земле был каббалистом, смиренным представителем могущественной Силы, способной, при неправильном применении, сотрясти основы мира; и что из всех их евангелических символов нет ни одного, который нельзя было бы проследить вплоть до его источника. Например, три волхва, ведомые звездой, приходят поклониться христианскому Воплощенному Слову, или *Логосу*, и дарят ему золото, ладан и мирру — но этот эпизод лишь отрывок из каббалы, которую презирают наши современные теологи; или изображение

---

²² *Дон Базилио* — клеветник, скупец и ханжа, изображенный П.Бомарше в «Севильском цирюльнике» и «Женитьбе Фигаро».

другой, еще более таинственной «Троицы», аллегорически воплощающей в символах высшие тайны каббалы²³.

Священнослужители, всегда стремившиеся сделать из *Божественного Креста* виселицу для Истины и Свободы, не могут поступить иначе, нежели предать забвению происхождение того самого креста, который, даже в самых примитивных символах египетских магов, являет собою ключ к Небесам. Их анафемы бессильны ныне, народ в своей массе стал мудрее; но именно здесь и подстерегает нас величайшая опасность, если мы не сможем убедить эти массы оставаться, по крайней мере, нейтральными, пока они не будут знать больше, в наступающем конфликте между Истиной, Суеверием и Самонадеянностью, или, другими словами, между оккультным спиритуализмом, теологией и наукой. Нам не следует бояться ни игрушечных бурь священников, ни огульных отрицаний науки. Но Общественное Мнение — этот незримый, неосязаемый, вездесущий, деспотический тиран, эта тысячеголовая Гидра, угрожающая тысячами посредственностей, — не тот враг, которым может пренебрегать будущий оккультист, сколь бы смелым он ни был. Многие слишком невинные спиритуалисты оставили свои овечьи шкуры в когтях этого вечно голодного, рыкающего льва, ибо из трех классов наших врагов это самый опасный.

Какая же участь ожидает несчастного оккультиста, если ему удастся вскрыть тесную связь, существующую между ними? Народные массы обычно не ценят науку истины и не обладают реальными знаниями, но безошибочно следуют инстинкту; они интуитивно, если так можно выразиться, чувствуют то, что устрашает в своей подлинной силе. Народ всегда будет плести заговоры против *истинной* Силы. Из-за слепого невежества, Таинственное и Неведомое всегда будет вселять в него чувство ужаса. Цивилизация может прогрессировать, но человеческая природа останется неизменной во все века. Оккультисты, будьте осторожны!

Итак, пусть всем станет ясно, что я обращаюсь только к истинно мужественным и упорным. Помимо отмеченной выше опасности, практически невозможно преодолеть трудности, встающие перед тем, кто хочет стать практическим оккультистом в этой стране. Барьер за барьером, препятствие за препятствием предстанут перед исследователем; ибо Ключи

---

²³ *Ternarius*, или Троица — символ совершенства в древности, а Звезда — каббалистический символ микрокосма.

от Золотых Врат, ведущих к Беспредельной Истине, зарыты глубоко, а сами врата окутаны туманом, который рассеивается лишь под пылкими лучами беззаветной Веры. Только Вера — крупица которой, размером с горчичное зерно, как сказал Христос, может сдвинуть гору — способна показать, сколь простой и ясной становится каббала для посвященного, стоит ему преодолеть первые препятствия малопонятного текста. Учение каббалы логично, просто и абсолютно. Необходимый союз идей и символов; троичность слов, букв, чисел и теорем; религия ее может быть выражена в двух словах: «Это Бесконечность, уместяющаяся в ладони младенца», как говорит Элифас Леви. Десять арабских цифр, 22 буквы алфавита, один треугольник, квадрат и круг. Таковы азы каббалы, чья таинственная грудь вскормила все религии прошлого и настоящего, чьи символы и тайны переняли все франкмасонские общества. Каббала единственная способна примирить рассудок человека с Богом и Верой, Силу со Свободой, Науку с Тайной, она одна держит ключи от прошлого, настоящего и будущего.

Первая трудность, с которой сталкивается вступающий на путь оккультизма — это полная неспособность понять, как я уже отмечала, смысл лучших трудов философов-герметиков. Эти философы, жившие преимущественно в средние века, движимые, с одной стороны, долгом перед собратьями и стремлением передать им и их последователям величественные истины, а с другой стороны, естественным желанием избежать когтей кровожадной христианской инквизиции, окутали себя еще большей тайной, чем когда бы то ни было. Они изобрели новые знаки и иероглифы, обновили символический язык верховных жрецов древности, использовавших его как секретный барьер, ограждающий священные обряды от профанов, и создали настоящий каббалистический сленг. Этот сленг, всегда ослеплявший лженеофита, привлеченного к данной науке жаждою богатства и силы, которыми он непременно бы злоупотребил, доведись ему преуспеть, представляет собою живой, красноречивый, ясный язык; но таковым он может стать лишь для подлинного последователя Гермеса.

Но если бы даже все было не так, и книги по оккультизму, написанные простым и ясным языком, все же можно было бы приобрести, дабы проникнуть в тайны каббалы, то одного лишь размышления и постижения трудов некоторых авторов все равно было бы недостаточно. Галатин, Пико делла Мирандола, Парацельс, Роберт де Флуктиб — не дают ключа к

практическим тайнам каббалы. Они просто говорят, что можно сделать и почему, но умалчивают о том, *как* это сделать. Многие философы, знающие всю литературу герметиков наизусть и посвятившие ее изучению тридцать или сорок лет своей жизни, терпят неудачу именно тогда, когда думают, что близки к разгадке. Необходимо постигнуть древнееврейские труды, такие, как, например, «Сефер Иецира», выучить наизусть великую книгу «Зогар» в оригинале, освоить «*Kabbalah Denudata*»²⁴ из Собрания 1684 г. (Париж), изучить сначала каббалистическую пневматику, а затем с головой окунуться в туманные воды таинственного, непонятного океана под названием «Талмуд» — собрания «чудовищных нелепостей», по мнению невежественных профанов — который на самом деле является последним ключом ко всем догматическим и аллегорическим символам герметиков.

Если бы я назвала две книги, содержащие наибольшее количество оккультной информации, которую почерпнули и использовали величайшие каббалисты средневековья, одним из них был Парацельс, то привела бы в изумление многих из своих корреспондентов, «алчущих знания», и они могли бы не обратить на них внимания. Из предусмотрительности, приведу цитату из книги, написанной одним из величайших современных оккультистов.

«Среди священных книг христиан, — говорит Элифас Леви, — есть два труда, которые, странно сказать, непогрешимая церковь даже не претендовала понимать и никогда не пыталась объяснить: “Книга Пророка Иезекииля” и “Апокалипсис” — два каббалистических трактата, комментировать которые могут лишь великие маги, книги за семью печатями для верных христиан и совершенно понятные для неверных, посвященных в оккультные науки».

Итак, повторяю, труды по оккультизму писались не для широких масс, но для собратьев, главным делом своей жизни почитавших разгадку тайн каббалы и преодолевших первые трудности малопонятных азов герметической философии.

---

²⁴ «*Kabbalah Denudata*» («Разоблаченная каббала») — работа Барона Христиана Кнорр фон Розенрота (1636—1689), первый том которой был издан в Зульцбахе в 1677—1678 гг., а второй — во Франкфурте в 1684 году. Она содержит несколько трактатов из «Зогара», переведенных на латинский язык и опубликованных вместе с еврейским текстом.

Пылким и упорным кандидатам в эту науку могу дать один совет: «Дерзайте». Одно путешествие на Восток, при должном настрое духа, возможные непредвиденные происшествия и встречи, кажущиеся всего лишь случайным знакомством и приключением, могут — а могут и не — распахнуть перед упорным исследователем дотоле закрытые двери окончательных тайн. Скажу больше: такое путешествие, предпринятое с одной-единственной целью и пламенным желанием ее достигнуть, несомненно, даст куда более быстрые, лучшие и практические результаты, нежели самое усердное изучение оккультизма по книгам, даже если посвятить этому десятки лет.

Наука магии

Во время своего пребывания в Итаке, где очень мало читают спиритические газеты в целом, и «Banner of Light» в частности, но где, по счастью, в нескольких домах гостеприимно встречают «Scientist», я узнала, благодаря вашей газете, о необычайно интересной и в высшей степени эрудированной атаке редакционной статьи «Banner of Light» на «магию»; или, скорее, на тех, кто имеет *глупость* верить в магию. Поскольку намеки, касающиеся лично меня, благопристойно завуалированы, по крайней мере, в отрывке, который я видела, и поскольку, похоже, жертвой религиозного всесожжения на алтаре, воздвигнутом ангелам некоторыми, вроде как ревностными спиритуалистами, избрали лишь полковника Олькотта, я оставляю этому джентльмену самому позаботиться о себе, если он сочтет это нужным, и скажу всего несколько слов по поводу якобы *несуществующей* магии.

Если бы я захотела выступить просто от своего имени и основать свою защиту магии лишь на том, что видела *сама* и достоверно *знаю* об этой науке после многих лет проживания в Индии и Африке, то, возможно, мистер Колби назвал бы меня «безответственной женщиной» — с той непредубежденной, спиритуализированной вежливостью, которая так отличает почтенного издателя «Banner of Light»; такое уже случалось. Поэтому, в противовес его поразительной уверенности в том, что никакой магии не существует и никогда не существовало на свете, я постараюсь найти

авторитеты ему под стать, а может, и повыше, и таким образом опровергнуть ранее упомянутое утверждение.

Таким неортодоксальным спиритуалистам как я, в наши дни нужно быть осторожными и предусмотрительными, если они не хотят, чтобы их с неослабной жадой возмездия преследовала могущественная армия «индийских контролеров» и «всевозможных гидов» нашей светлой Страны Вечного Лета.

Когда автор редакционной статьи пишет, что он «вовсе не считает невероятным существование духов-обманщиков, старающихся одурачить алчущих оккультного знания, внушая им мысль, что такая вещь как магия существует» (?), тогда, с другой стороны, я могу ему ответить, что не только считаю это вероятным, но абсолютно убеждена и готова поклясться под присягой, что не раз духи, либо элементарные, либо мало развитые, называясь Теодором Паркером, совершенно явно дурачили и непочтительно *водили за нос* нашего уважаемого редактора «Banner of Light», заставляя его, например, верить в то, что Апеннины находятся в Испании.

Далее, опираясь на подтверждения многих образованных спиритуалистов, широко известных своей честностью и правдивостью, я могла бы привести бесчисленное количество доказательств и примеров, когда элементарные *диака, esprits malins et farfadets*, а также другие, столь же ненадежные и невежественные обитатели мира духов, прикрываясь помпезными, широко известными в мире именами, вдруг выдавали недоумевающим свидетелям такую жалкую, неслыханную, несусветную чушь, а иногда и просто ересь, что многие, дотоле искренне верившие в спиритуалистическую философию, либо молча уносили ноги, либо, ежели они прежде были приверженцами римской католической церкви, набожно старались припомнить, какой рукой наносят крестное знамение, а вспомнив, пламенно восклицали: «*Vade retro, Satanas!*» Таково мнение любого образованного спиритуалиста.

Если бы доктор Дж.Бэрд, этот неутомимый Аттила, преследователь и гонитель современного спиритуализма и медиумов, высказался подобным образом против магии, то я бы не удивилась, ибо лучшим противоядием от мистики и спиритических измышлений всегда считалась глубочайшая преданность слабительному из ртути и александрийского листа; но для убежденного спиритуалиста, верящего в невидимые, таинственные миры,

кишащие существами, истинная природа которых все еще представляет неразгаданную тайну, признать, а вслед за этим саркастически отвергнуть все, что было доказано и во что верили бесчисленные века миллионы людей, более мудрых, нежели он — слишком дерзко! И этот скептик — редактор ведущей спиритической газеты! Человек, первейшая обязанность которого — помогать своим читателям неустанно и упорно искать **Истину**, в какой бы форме она ни предстала; но который, вместо этого, отваживается ввергнуть тысячи людей в заблуждение, припилив их к собственной притворной лояльности и легковерию. Каждый серьезный, искренний спиритуалист должен согласиться со мной в том, что, если современный спиритуализм еще хотя бы несколько лет будет пребывать в таком же состоянии хаотической анархии или еще худшем, если он продолжит следовать тем же безумным курсом, прорастая со всех сторон пустыми гипотезами, основанными на суеверных, беспочвенных идеях, тогда Бэрды, Марвины и прочие, известные как научные (?) скептики, будут действительно торжествовать.

Действительно, отвечать на такие смехотворные, невежественные утверждения, вроде того, что заставило меня взяться за перо, кажется пустой тратой времени. Начитанному спиритуалисту, наткнувшемуся на утверждение, что «существование такой науки, как магия, никогда не было и не будет доказано», не нужен ни мой, ни чей-то другой совет — он просто пожмет плечами и улыбнется, как, возможно, он улыбнулся замечательной попытке духов мистера Колби реорганизовать географию, поместив Апеннины в Испании.

Но неужто вы никогда в жизни не открывали ни одной книги, помимо собственных протоколов о том, как Том, Дик и Гарри спускались из высших сфер, дабы напомнить дядюшке Сэму, что тот порвал гетры или сломал свою трубку на Дальнем Западе?

Неужто вы думали, что магия — удел ведьм, летающих верхом на помеле и оборачивающихся черными кошками? Но даже эта суеверная чушь, хотя она всегда называлась колдовством, а не магией, не покажется такой уж глупостью тому, кто твердо верит в трансформацию миссис Комптон²⁵ в Кети

---

²⁵ *Миссис Комптон* — В своем «Альбоме для вырезок», т. I, стр. 32, Е.П.Блаватская сделала следующую надпись к статье, в которой описывались *сеансы* с миссис Комптон: «*Эта миссис Комптон — действительно замечательный медиум. Она настоящая электрическая батарея, приводимая в движение элементами*».

Бринкс. Законы природы неизменны. Условия, при которых медиум может трансформироваться, будучи всецело поглощен духом, и принять вид другого существа, будут иметь силу всегда, когда этот дух или, скорее, *сила* захочет принять форму кошки.

Проявление сил *магических* есть проявление сил *естественных*, **превосходящих** обычные процессы природы. Чудо не является насилием над законами природы, разве только для невежд. Магия — это *наука*, глубокое знание оккультных сил природы и законов вселенной, управляющих видимым и невидимым миром. Спиритуализм в руках адепта превращается в магию, ибо он владеет искусством сочетания законов вселенной, не нарушая ни одного из них и, таким образом, не совершая насилия над природой. В руках опытного медиума спиритуализм становится **бессознательным колдовством**; ибо, позволяя себе стать беспомощным орудием в руках разнообразных духов — о которых он не знает ничего, кроме того, что они сами позволяют ему узнать — медиум, даже не осознавая этого, открывает дверь сообщения между двумя мирами, через которую проникают слепые силы природы, скрывающиеся в астральном свете, а также хорошие и дурные духи.

Сильные гипнотизеры, глубоко осведомленные в своей области, такие, как барон Дюпоте, Регаццони, Пьетро Д'Амичис из Болоньи — *маги*, ибо они стали адептами, посвященными в великую тайну нашей Матери-Природы. Такие ученые, а к выше названным можно добавить Месмера и Калиостро, *управляют* духами, а не позволяют им или их подчиненным управлять собой; в руках этих людей спиритуализм в безопасности. Однако, в отсутствии опытных адептов, одаренному ясновидением медиуму лучше положиться на счастливый случай и удачу и стараться судить о древе по его плодам. Нечистые духи редко изберут проводником чистого, добродетельного человека; но еще реже чистые духи изберут нечистых проводников. Подобное притягивает подобное.

Но вернемся к магии. Таких людей, как Альберт Великий, Раймонд Луллий, Корнелий Агриппа, Парацельс, Роберт Фладд, Евгений Филалет, Кунрат, Роджер Бэкон и им подобных, в наш скептический век обычно почитают за выдумщиков, а современных спиритуалистов и медиумов и того хуже — за шарлатанов и трусов; но никогда еще никто не считал философ-герметиков глупцами и идиотами, за кого, к несчастью для нас и для нашего

дела, каждый неверящий принимает **всех**, преданных спиритуализму. Сегодня герметикам и философам могут не верить, могут сомневаться в них, как и во всем остальном, но мало кто ставил под сомнение их знания и возможности при жизни, ибо они всегда могли доказать то, что утверждали, управляя теми силами, которые *теперь управляют* беспомощными медиумами. У них были свои наука и философия, помогавшие отменить смехотворные отрицания, а мы, сентиментальные спиритуалисты, убаюкивая себя сладенькой колыбельной, не можем отличить ложных явлений от истинных, и нас ежедневно обводят вокруг пальца подлые шарлатаны. Даже если в те времена и сомневались, как ныне в спиритуализме, все же этих философов почитали и боялись даже те, кто не верил полностью в их оккультные силы, ибо это были гиганты интеллекта. Глубокие знания, равно как и развитые интеллектуальные способности, всегда будут уважать и почитать; но над нашими медиумами и их приверженцами смеются и издеваются, и все мы страдаем от того, что феномены предоставлены причудам и проделкам своевольных и шаловливых духов, а мы совершенно не в состоянии их контролировать.

Сомневаться в магии — значит отрицать саму историю, а также свидетельства очевидцев за четыре тысячи лет. Начиная с Гомера, Моисея, Гермеса, Геродота, Цицерона, Плутарха, Пифагора, Аполлония Тианского, Симона Мага, Платона, Павзания, Ямвлиха, и продолжая этот бесконечный ряд великих личностей, историков и философов, каждый из которых либо верил в магию, либо сам являлся магом, вплоть до таких современных авторов, как В.Говит, Эннемозер, Гугенот де Муссо, маркиз де Мирвиль и покойный Элифас Леви, который сам был магом — среди всех этих величайших имен лишь один мистер Колби, редактор «Banner of Light», не признает существования такой науки, как *магия*. Он простодушно верит, что вся священная армия библейских пророков — начиная с отца Авраама, включая Христа — просто медиумы; по мнению мистера Колби, ими всеми управляли! Представьте только, что Христом, Моисеем, Аполлонием Тианским управляет «индийский гид»!!! Возможно, почтенный редактор игнорирует тот факт, что в те времена древние гораздо больше знали о медиумизме, нежели мы, и, кажется, он совсем не осознает, что сивиллами, пифиями и прочими медиумами руководили верховные жрецы и посвященные в эзотерическую теургию и мистерии храмов. Теургия была *магией*; как и в наше время, сивиллы и пифии **были медиумами**, но

верховные жрецы были магами. В их руках были все секреты теологии, которая включала в себя и магию, или искусство призывать духов-помощников. Они владели наукой **различать духов**; наукой, которой мистер Колби не владеет совершенно — к его глубочайшему сожалению, несомненно. С помощью этой силы они управляли духами по желанию, открывая доступ к своим медиумам лишь благим сущностям. Таково объяснение *магии* — реальной, существующей, *белой*, или священной магии, которой сегодня пора бы быть в руках науки; и так будет, если только наука усвоит уроки, наглядно преподаваемые спиритуализмом вот уже двадцать семь лет.

Вот причина, по которой в былые времена неразвитым духам не позволялось провозглашать ересь. Оракулы сивилл или жриц никогда не смогли бы утверждать, что Афины — индийский город, или переносить гору Арарат в Египет.

Далее, если бы скептический автор редакционной статьи уделял меньше времени болтовне индийских духов и больше полезным лекциям, он смог бы узнать, что у древних были и незаконные медиумы, я имею в виду тех, кто не принадлежал к какому-то определенному храму; следовательно, духи, управлявшие этими медиумами и не контролируемые опытной рукой мага, были предоставлены самим себе и могли выделывать со своими беспомощными орудиями всякие штуки; этих медиумов считали *одержимыми* и *обуянными*, что и было на самом деле; другими словами, по библейскому выражению, «в них вселялось семь бесов». Более того, подобных медиумов было предписано предавать смерти, ибо нетерпимый Моисей, маг, посвященный в мудрость Египта, сказал: «Ворожеи не оставляй в живых»²⁶. Только египтяне и греки, более человечные и справедливые, чем Моисей, брали таких медиумов в храмы, и если выяснялось, что они не способны исполнять священные обязанности прорицателей, то их *лечили* — так же, как Иисус Христос лечил Марию Магдалину и многих других, «изгоняя семь бесов». Мистер Колби и Ко должен либо полностью отрицать чудеса, сотворенные Христом²⁷, апостолами, пророками, тавматургами и магами, и следовательно, каждую частицу духовной и мирской истории, либо признать существование в этом мире некой **силы**, способной управлять

---

²⁶ «Ворожеи не оставляй в живых» — Исх., XXII, 18.

²⁷ Если он действительно жил, что весьма сомнительно.

духами, хотя бы только злыми и неразвитыми, элементариями и диака. *Чистые духи*, развоплощенные, никогда не спустятся в нашу сферу, если только их не притянет поток мощной симпатии и любви, либо для выполнения определенной миссии.

Я далека от мысли осмеять или вызвать отвращение ко всем медиумам. Я сама спиритуалистка, если, как говорит полковник Олькотт, под словом «спиритуалист» понимать твердую веру в бессмертие нашего духа и знание о существовании постоянной возможности общаться с духами умерших и близких нам людей — либо через честных, чистых медиумов, либо посредством Тайной Науки. Но я не являюсь одной из тех фанатичных спиритуалистов, коих много в любой стране, которые слепо верят утверждениям любого «духа», ибо видела слишком много различных феноменов, Америке и не снившихся.

Я знаю, что **магия** действительно существует — и десять тысяч редакторов спиритических газет не смогут изменить мою веру в то, что я знаю. Существует *белая и черная* магия — и ни один, когда-либо путешествовавший по Востоку и исследовавший данный вопрос, не может в этом усомниться.

Моя вера тверда, и посему я готова поддерживать и защищать любого честного медиума, а иногда даже того, кто кажется *нечестным*; ибо я слишком хорошо знаю, какими беспомощными орудиями и жертвами становятся медиумы в руках неразвитых невидимых существ. Я также знаю насколько порочны и злобны элементарии и до какой степени они могут овладеть не только сенситивным медиумом, но и *любым другим человеком*. Хотя я могу быть «безответственной дамой» в глазах «слишком ответственных» за вред, который приносится **честным** спиритуалистам несправедливостью, однобокостью и спиритическим сентиментализмом, все же с уверенностью могу сказать, что обычно мне нужно немного времени, чтобы определить, обманывает ли медиум сознательно или оттого, что им *управляют*.

Итак, магия существует и существовала с доисторических времен. Начавшись с самофракийских мистерий, она непрерывно следовала своим курсом, приостановившись на время в связи с исчезновением теургических обрядов и церемоний христианизированной Греции; затем она возобновилась в неоплатонической и александрийской школах; перешла,

путем посвящения, к различным отдельным исследователям и философам; несмотря на яростные преследования церкви, благополучно миновала средневековье и вновь обрела известность в руках таких адептов, как Парацельс и некоторые другие; и, в конце концов, исчезла из Европы вместе с графом Сен-Жерменом и Калиостро, укрывшись от жестокосердного скептицизма в своей родной обители на Востоке.

В Индии магия никогда не умирала и процветает там так же, как и всегда. Как и в Древнем Египте, ее практикуют только в тайных пределах храмов и называют, как и раньше, «священной наукой». Ибо это действительно наука, основанная на естественных оккультных силах природы, а не просто слепая вера в глупую болтовню хитрых элементариев, готовых силой удержать *настоящих развоплощенных духов* от общения с близкими людьми.

Недавно некий мистер Менденхол посвятил несколько колонок в «Religio-Philosophical Journal» вопросам, расспросам и критике таинственного Братства из Луксора. Он предпринял безуспешную попытку добиться ответа от этого Братства и таким образом разгадать загадку сфинкса. Я могу удовлетворить м-ра Менденхола. **Братство Луксора** является одной из секций Великой Ложи, *членом которой я состою*. Если этот господин питает сомнения по поводу моего утверждения, а я уверена, что дело обстоит именно так, то он может, ежели пожелает, написать в Луксор, дабы получить дополнительные сведения. Если же *Семеро из Комитета* окажутся столь грубы, что не ответят и откажутся предоставить нужную информацию, тогда я могла бы предложить ему маленькую сделку. У мистера Менденхола, насколько я помню, есть две жены в мире духов. Обе эти леди материализуются у М.Мотта и часто подолгу беседуют со своим супругом, клятвенно заверявшим нас в этом несколько раз, более того, он утверждал, что не сомневается в подлинности этих духов. А если так, то пусть одна из этих усопших дам назовет мистеру Менденхолу секцию Великой Ложи, к которой я принадлежу. Ибо для *истинных, подлинных развоплощенных духов*, ежели обе являются тем, за кого себя выдают, это сущий пустяк: им нужно всего-навсего спросить других духов, прочесть мои мысли и так далее, а для развоплощенной сущности, бессмертного духа это простейшая вещь в мире. Если джентельмен, которому я бросаю этот вызов, хотя и не имею чести быть с ним знакомой, скажет мне, как называется секция, а название нашей Ложи знают три неопита в Нью-Йорке, тогда я обещаю

предоставить мистеру Менденхолу факты, касающиеся этого Братства, состоящего не из духов, как он думает, а из *живых* смертных, и, более того, если он пожелает, наладить прямой контакт с Ложей, как я делала это для других. Однако, мне кажется, мистер Менденхол ответит, что духи не смогут правильно назвать Ложу, ибо ни Ложи, ни Секции не существует — и тем самым положит конец нашей дискуссии²⁸.

Магическое вызывание духа Аполлония Тианского

Отрывок из Элифаса Леви²⁹

Мы уже говорили, что в астральном свете сохраняются изображения людей и предметов. В этом свете можно вызвать образы тех, кого уже больше нет в нашем мире, при его посредничестве также совершаются таинства некромантии, столь же *реальные*, сколь и оспариваемые.

Каббалисты, рассказывавшие о мире духов, попросту говорили о том, что видели в своих вызываниях.

Элифас Леви Захед (в переводе эти еврейские имена означают: Альфонс-Луи Констан), пишущий эту книгу, вызывал и видел.

Вначале расскажем о свидетельствах учителей об их видениях, или интуитивных прозрениях в то, что они называли *светом славы*.

Из еврейской книги «О круговороте душ»³⁰ мы узнаем, что души бывают трех родов: дочери Адама, дочери ангелов и дочери греха. Согласно

---

²⁸ ...конец нашей дискуссии. — Здесь Е.П.Б. добавила на полях: «Что он и сделал — оскорбив меня самым гнусным образом в газетах за мое предложение. **Духи** оказались невеждами!!!»

²⁹ *Отрывок из Элифаса Леви*. — Глава XIII из работы Э.Леви «Dogme et Rituel de la Haute Magie»; на русском языке: *Элифас Леви*. Ритуал трансцендентальной магии. — Рефл-бук, Ваклер, 1995.

³⁰ Ссылка на сочинение Исаака бен Соломона Лория «Commentarius in librum Zeniutha. Tractatus de revolutionibus animarum». Первый том вышел в Зульцбахе в 1677–1678 гг., а второй во Франкфурте в 1684 г.

той же книге, существуют и три рода духов: духи порабощенные, духи блуждающие и духи свободные. Души посылаются парами. Существуют, однако, души мужчин, рождающихся холостяками, а их пары удерживают в плену *Лилит* и *Наемах*, царицы *стригов*³¹, – это те души, которые должны искупить свою безрассудность обетом безбрачия. Например, когда человек с детства отказывается от любви женщины, то предназначенная ему супруга становится рабой демонов похоти. Души растут и размножаются на небе так же, как тела на земле. Безгрешные души – отпрыски союза ангелов.

Взойти на небо может только сошедшее с небес. Потому, после смерти, лишь божественный дух, оживлявший человека, возвращается на небо, оставляя на земле и в атмосфере два трупа. Один – земной и элементарный; другой – воздушный и звездный; один – уже безжизненный, другой – все еще оживленный универсальным движением души мира (астральным светом), обреченный умирать постепенно и поглощаться астральными силами, которые произвели его. Земной труп видим; другой – незримый глазами земного и живого тела – может быть замечен только в результате воздействий астрального, или *полупрозрачного* света, передающего свои изображения нервной системе и таким образом влияющего на орган зрения, позволяя ему видеть образы и читать слова, сохранившиеся и запечатленные в книге живой жизни.

Если человек жил хорошо, его астральный труп или дух испаряется, как чистый фимиам, восходя к высшим областям; но если он совершал злодеяния – астральное тело, удерживая его в плену, вновь ищет объекты страстей и жаждет возобновить свою жизнь. Оно терзает молодых девушек во сне, купается в парах пролитой крови, кружится вокруг мест, где протекали удовольствия его жизни; стережет зарытые им сокровища, изнуряет себя бесплодными попытками создать себе материальные органы и жить вечно. Но звезды притягивают его и поглощают; он чувствует, как слабеет разум, как угасает память, как растворяется все его существо... ему являются его пороки и преследуют его в виде чудовищ; они набрасываются на него и пожирают... Несчастный теряет один за другим все свои члены, служившие для удовлетворения порочных appetитов; затем он умирает во второй раз – и уже навсегда, ибо теперь он теряет свою индивидуальность и

---

³¹ Стриги – слово, обозначающее на Востоке определенный род неразвитых элементарных духов.

память. Души, призванные жить, но еще не совсем очистившиеся, остаются на некоторое время в плену у астрального тела, в котором они очищаются одическим светом, стремящимся ассимилировать их в себе и растворить. И вот, чтобы избавиться от этого тела, страждущие души иногда входят в тела живых людей и удерживаются там в состоянии, которое каббалисты называют *эмбриональным*.

Это и есть воздушные фантомы, вызываемые во время некромантии. Это – лярвы, мертвые или умирающие сущности, с которыми приходят в контакт во время вызываний; они не могут говорить иначе, как только посредством звона в наших ушах, производимого нервным дрожанием, о котором я уже упоминал и, рассуждая, обыкновенно лишь отражают наши собственные мысли или мечты.

Но чтобы видеть эти странные формы, нужно привести себя в особое состояние, граничащее со сном и смертью; то есть, нужно намагнетизировать себя так, чтобы достичь некоторой степени ясного и бодрствующего сомнамбулизма. Тогда некромантия достигает реальных результатов, и магические вызывания способны явить настоящие призраки. Мы говорили, что в великом магическом посреднике, каковым является астральный свет, сохраняются все отпечатки вещей, все образы, созданные либо их излучениями, либо отображениями; именно в этом свете являются нам сновидения; именно этот свет опьяняет помешанных и заставляет их немощный рассудок преследовать самые фантастические химеры. Чтобы избавиться от иллюзий в этом свете, необходимо отбросить отображения мощным усилием воли и притягивать к себе только лучи. Грезить наяву – значит, видеть в астральном свете; и оргии *шабаша ведьм*, о которых рассказывало столько колдунов во время судебных процессов, представляли пред ними именно в этом свете. Зачастую сама подготовка и вещества, употреблявшиеся для достижения этого результата, были ужасны, как мы уже видели это в главах, рассказывающих о ритуале; но в результатах никогда не сомневались. Они видели, слышали и прикасались к самым отвратительным, фантастическим, невероятным вещам...

Весной 1854 года я отправился в Лондон, чтобы избежать некоторых семейных неприятностей и всецело отдаться науке. У меня были рекомендательные письма к знаменитым людям, интересовавшимся сверхъестественными феноменами. Встретившись с некоторыми, я нашел в

них много любезности и столько же безразличия и легкомыслия. Они сразу же требовали от меня чудес, как от шарлатана. Я был слегка обескуражен, так как, по правде говоря, не имея ничего против того, чтобы посвятить других в тайны церемониальной магии, сам всегда побаивался иллюзий и переутомления; к тому же, для этих церемоний нужны очень дорогие принадлежности, которые трудно найти. Итак, я погрузился в изучение высшей каббалы и совершенно перестал думать об английских адептах, когда однажды, войдя в свою комнату, обнаружил письмо, адресованное на свое имя. В конверте были: половина карточки, на которой я сразу узнал знак печати Соломона, и маленький клочок бумаги, где карандашом было написано: «Завтра, в три часа, около Вестминстерского аббатства, вам предъявят другую половину этой карточки». Я отправился на это странное свидание. В назначенном месте стояла карета. Я с видимым безразличием держал в руке свою половину карточки; приблизился слуга и, открывая дверцу кареты, подал мне знак. В карете сидела дама в черном; шляпа ее была покрыта густой вуалью; она жестом пригласила меня сесть подле себя, одновременно показывая вторую половину полученной мною карточки. Лакей закрыл дверцу, карета тронулась; дама подняла вуаль, и я увидел особу с чрезвычайно живыми и пронизательными глазами. «Сэр, – сказала она мне с сильным английским акцентом, – я знаю, что закон секретности строго соблюдается адептами; приятельница сэра Бульвер-Литтона, видевшая вас, знает, что от вас требовали экспериментов, но вы отказались удовлетворить это любопытство. Быть может, у вас нет необходимых предметов: я покажу вам полный магический кабинет; но требую от вас заранее строжайшего соблюдения секретности. Если вы не дадите мне такого обещания, то я прикажу кучеру проводить вас домой». Я дал требуемое от меня обещание и не называю ни имени, ни звания, ни места жительства этой дамы, которая, как я узнал позже, была посвященной, хотя и не первой, но все же очень высокой степени. Мы несколько раз подолгу беседовали, и она все время настаивала на необходимости практических экспериментов, чтобы завершить посвящение. Она показала мне коллекцию магических одеяний и инструментов, одолжила даже несколько любопытных, нужных мне книг – короче говоря, она решила *попробовать* произвести у себя эксперимент по вызыванию духа, к которому я готовился двадцать один день, добросовестно выполняя все обряды, указанные в тринадцатой главе «Ритуала».

Все было готово к 24 июля; нашей целью было вызвать призрак божественного Аполлония и спросить его о двух секретах – один касался меня, другой интересовал эту даму. Первоначально она намеревалась участвовать в вызывании вместе со своим близким другом; но в последний момент смелость подвела ее, и, поскольку магические ритуалы непременно требуют присутствия троих или одного, то я остался один. Кабинет, подготовленный для вызывания, был устроен в небольшой башне; в нем находились четыре вогнутых зеркала и нечто вроде алтаря, верхняя часть которого, из белого мрамора, была окружена цепью из намагниченного железа. На белом мраморе был высечен и вызолочен знак пентаграммы; тот же знак был нарисован различными красками на свежей белой овечьей шкуре, лежащей под алтарем. Посреди мраморного стола стояла маленькая медная жаровня с углями из вяза и лаврового дерева; другая жаровня стояла передо мной на треножнике. Я был одет в белое платье, похожее на одеяние наших католических священников, но более просторное и длинное; на голове моей возлежал венок из листьев вербены, вплетенных в золотую цепь. В одной руке я держал обнаженную шпагу, в другой – Ритуал. С помощью необходимых, подготовленных заранее веществ, я зажег два огня и начал – сначала тихо, затем постепенно повышая голос – произносить вызывания Ритуала. Дым распространился, пламя вспыхнуло, заставляя танцевать освещаемые им предметы, а затем потухло. Над мраморным алтарем медленно подымался белый дым; мне показалось, что я ощутил легкий толчок землетрясения; в ушах звенело; сердце сильно билось. Я подкинул в жаровни несколько веток и ароматов и, когда огонь разгорелся ясно различил перед самым алтарем человеческую фигуру – больше естественной величины – которая стала растворяться, а потом и совсем исчезла. Я вновь принялся произносить вызывания и стал в круг, заранее начерченный между алтарем и треножником; тогда я увидел, что диск обращенного ко мне зеркала, стоявшего позади алтаря, стал постепенно освещаться, и в нем обрисовалась беловатая фигура, постепенно увеличивавшаяся в размере и, казалось, понемногу приближавшаяся. Закрыв глаза, я трижды призвал Аполлония и, когда открыл их, предо мною стоял человек, совершенно закутанный в нечто вроде савана, показавшегося мне скорее серым, нежели белым; лицо его было худощавым, печальным и безбородым, что совершенно не соответствовало моему представлению об Аполлонии. Я испытывал чувство чрезвычайного холода и, когда открыл рот,

дабы обратиться к призраку с вопросом, не смог произнести ни звука. Тогда я положил руку на знак пентаграммы и направил на него острие шпаги, мысленно приказывая не пугать меня и повиноваться. Вдруг образ стал менее ясным и внезапно исчез. Я приказал ему вернуться, после чего ощутил возле себя нечто вроде дуновения, что-то коснулось моей руки, державшей шпагу, и тотчас вся рука онемела. Мне показалось, что шпага оскорбляет духа, и я воткнул ее в круг подле себя. Тотчас же вновь появилась человеческая фигура; но я почувствовал такую слабость во всех членах, такое изнеможение, что, сделав пару шагов, сел. Оказавшись в кресле, я мгновенно впал в глубокую дремоту, сопровождаемую видениями, о которых, когда я пришел в себя, осталось лишь смутное воспоминание. В течение нескольких дней моя рука оставалась онемевшей и болела. Призрак не говорил со мной, но мне казалось, что вопросы, которые я собирался ему задать, сами собой разрешились в моей голове. На вопрос дамы мой внутренний голос ответил: «Умер!» (речь шла о человеке, о котором она хотела иметь известие). Что касается меня самого, то я хотел знать, возможно ли примирение двух лиц о которых я думал; и то же внутреннее эхо безжалостно ответило: «Умерли!»

Я излагаю это событие в точности так, как оно произошло, не принуждая кого-нибудь верить в него. Этот эксперимент произвел на меня совершенно необъяснимое действие. Я уже не был прежним...

Я дважды повторил эксперимент в течение нескольких дней. В результате последующих вызываний мне открылись два каббалистических секрета, которые, если бы стали известны всем, могли бы в кратчайший срок изменить основы и законы всего общества.

...Не стану объяснять, в силу каких физиологических законов я видел и осязал; я только утверждаю, что действительно видел и осязал, что я видел совершенно четко и ясно, наяву – и этого достаточно, чтобы доказать действенность магических церемоний...

Прежде чем закончить эту главу, я должен упомянуть о любопытном убеждении некоторых каббалистов, которые различают смерть видимую от смерти реальной и думают, что они редко совпадают. По их мнению, большинство людей хоронят живыми – и, наоборот, многие, кого мы считаем живыми, на самом деле мертвы. Так, неизлечимое помешательство, на их взгляд – неполная, но *настоящая* смерть, при которой земное тело

совершенно инстинктивно управляется астральным, или звездным телом. Когда человеческая душа испытывает сильнейший шок, не будучи в состоянии его превозмочь – она отделяется от тела и оставляет вместо себя животную душу, или, другими словами, астральное тело, которое делает из таких конченных людей нечто, в некотором роде даже менее живое, чем животное. Таких мертвецов можно легко распознать по отсутствию сердечности и нравственности, ибо они совсем угасли; они не плохи и не хороши – они мертвы. Эти существа – ядовитые грибы человеческого рода – поглощают, сколько могут, жизненные силы живых – вот почему их приближение парализует душу и леденит сердце. Такие мертвецам подобные существа во всем походят на вампиров, этих ужасных созданий, о которых рассказывают, что они встают по ночам и высасывают кровь из здоровых тел спящих людей. В самом деле, разве нету людей, возле которых мы чувствуем себя менее умными, менее добрыми, а часто даже и менее честными? Разве их приближение не убивает веру и энтузиазм, разве они не привязывают вас к себе вашими собственными слабостями, не поработают вашими же дурными наклонностями и не заставляют вас медленно, в постоянных муках, нравственно умирать?

Это – мертвецы, которых мы принимаем за живых; это – вампиры, которых мы почитаем за друзей!

Пояснительные замечания

В наше время так мало известно о древней магии, ее значении, истории, возможностях, литературе, адептах и результатах, что я не могу оставить без пояснений все вышеизложенное. Церемонии, со всеми их атрибутами, столь детально описанные Леви, на самом деле рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение несерьезного читателя. Движимый непреодолимым желанием написать о том, что он знал, но опасаясь быть слишком откровенным, Леви, в данном случае, как и в других своих работах, преувеличивает значимость несущественных деталей и упоминает лишь вскользь о самом важном. На самом деле, восточным каббалистам не нужны ни приготовления, ни костюмы, ни приспособления, ни диадемы, ни оружие: все это – атрибуты еврейской каббалы, которая имеет такое же отношение к своему скромному халдейскому прототипу, как и ритуалы римской католической церкви – к скромным обрядам Христа и его апостолов. В руках

истинного адепта Востока простая бамбуковая палочка с семью узлами, дополненная несказанной мудростью и железной силой воли, способна вызывать духов и творить чудеса, подтвержденные многочисленными непредвзятыми свидетелями. На *сеансе*, описанном Леви, при повторном появлении призрака, отважный исследователь видел и слышал нечто, о чем он полностью умалчивает в своем отчете о первом эксперименте, и о чем лишь намекает в рассказе о последующих. Я знаю это от людей, в правдивости которых нельзя усомниться.

Допустим, что *критиканы* из «Banner» и «ir-Religio», каждую неделю обстреливающие из своих игрушечных пугачей элементарных духов, материализованных в их литературе полковником Олькоттом и мною, вознамерятся принять участие в простейших церемониях неофитов и, наточив о них свой зуб мудрости, станут потешать и поучать весь мир своим остроумием и мудростью. Ну что ж, стреляйте, дорогие друзья, вы потешаете самих себя и никому не причиняете вреда.

Статья впервые опубликована в «Spiritual Scientist», Boston, Vol. III, November 4, 1875, p. 104-105; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 95-103. Пер. В.И.Мызникова.

Медиумы, берегитесь!

[Редактору «Banner of Light»]

Уважаемый сэръ! Спешу воспользоваться случаем и предупредить всех медиумов — в особенности же американских, — что против них плетут заговор в Санкт-Петербурге. Я только что получила подробности от одного моего корреспондента, кои считаю вполне достоверными.

Сегодня всем известно, что профессор Вагнер, геолог, смело выступил в защиту медиумических феноменов. С тех пор, как он стал свидетелем замечательных феноменов Бредифа, французского медиума, Вагнер издал несколько памфлетов и подробно проанализировал «People from the Other World» полковника Олькотта, вызвав гнев всех противников психических феноменов Императорского Университета, что его отнюдь не испугало.

Вообразите стадо бешеных быков, бросающихся на *красный* флаг *пикадора* — и вы получите некоторое представление о том, какой эффект произвел памфлет Вагнера о работе Олькотта на его коллег!

Главный из них — председатель научной комиссии, только что разразившейся докладом о том, чего она *не* видела на *сеансах*, которые *никогда* не проводились! Взбешенный защитой спиритуализма, который они хотели тихонько уничтожить, этот господин внезапно преисполнился решимости поехать в Америку и, возможно, уже находится в пути. Как Самсон науки, он думает связать наших медиумов-лисиц за хвосты, поджечь их и пустить на поле этих филистимлян — Вагнера и Бутлерова³².

Позвольте мне сделать медиумам дружеское предупреждение. Если этот русский профессор появится на спиритическом *сеансе* — не спускайте с него глаз, и пусть другие делают так же; не приглашайте его на частные сеансы, где не будет хотя бы одного правдивого и непредвзятого спиритуалиста. Некоторым ученым нельзя доверять. Мой корреспондент пишет, что профессор «направляется в Америку, дабы устроить там грандиозный скандал, уничтожить спиритуализм и выставить на посмешище профессора Вагнера, господ Аксакова и Бутлерова». Заговор довольно искусно спланирован: он едет сюда якобы на празднование Столетия Америки и не будет привлекать особого внимания медиумов.

Но, Господин Редактор, что если ему уготована судьба профессора Хэра³³... и он станет спиритуалистом! Как же заголосит Общество Физических

---

³² *Бутлеров Александр Михайлович* (1828-1886) — великий русский химик, основатель органической химии; с 1854 г. профессор Московского университета; выдающийся исследователь спиритуализма и парапсихологии в целом с естественнонаучной точки зрения. По его инициативе в 1871 г. в Санкт-Петербурге был образован первый научный комитет по исследованию медиумистических феноменов, в который входили профессора Овсянников и Чебышев. По предложению Менделеева принял самое деятельное участие в образовании другого комитета с теми же целями, состоящего из членов Физического Общества Санкт-петербургского университета. Постоянный сотрудник популярного спиритического журнала «*Ребус*», в котором часто публиковалась и Е.П.Блаватская.

³³ *Хэр Роберт* (1781-1858) — выдающийся американский ученый естествоиспытатель; служил в законодательных органах штата Пенсильвания, с 1816 г. проф. химии Пенсильванского университета; изобрел кислородно-водородную горелку (наиболее эффективный источник тепла в то время, что привело к созданию платиновой промышленности), калориметр, электровспышку, ему мы обязаны использованием

Наук! Я содрогаюсь при мысли, какое разочарование постигнет моих соотечественников.

Однако, в Америку приезжает также и другой известный русский ученый, и ему я прошу оказать совсем иной прием. Профессор Киттара — выдающийся технолог России, член Тайного Совета Государя Императора — действительно послан правительством на празднование Столетия. Он очень интересуется спиритуализмом, страстно желает его исследовать и везет с собою рекомендательные письма от господина Аксакова. Этот джентльмен пишет мне, что профессору Киттара нужно оказать всевозможные любезности и знаки внимания, поскольку его доклад, в случае успеха, сильнейшим образом повлияет на общественное мнение.

Предвзятость Университетской комиссии, кажется, не прошла бесследно. Нижеследующий отрывок я перевела из газеты, которую прислал мне господин Аксаков:

Из Санкт-Петербургских «Биржевых Ведомостей»

«Мы слышали, что состоявшая при «физическом обществе» медиумическая комиссия предполагает издать труды свои, к печатанию которых уже приступлено, и которые, как говорят, появятся в приложении к издаваемому «физическим и химическим обществом» журналу. Между тем будет составлена другая комиссия, и на этот раз указывают уже не на «физическое общество», а на одно из врачебных. К участию в занятиях этой комиссии будут приглашены некоторые из членов комиссии «физического общества», представители медиумизма и вообще все желающие, если только у

ртутного катода в электролизе и новыми методами анализа и синтеза газов. Кроме различных научных работ и брошюр опубликовал роман «*Standish the Puritan*» под псевдонимом Эльфред Грейсон. Хэр был одним из первых именитых ученых, которые, поначалу намереваясь изобличить обман спиритуализма, вместо этого твердо уверовали в его реальность. Будучи большим скептиком, Хэр сам проводил опыты и, подобно Уильяму Круксу позднее, изобретал приборы для работы с медиумами. Результаты его исследований вошли в «*Experimental Investigation of the Spirit Manifestations*», New York: Partridge & Brittan, 1855, 460 p. Этот доклад послужил причиной позорного преследования человека, который был одним из самых известных ученых Америки. Профессора Гарвардского университета приняли резолюцию, осуждающую Хэра и его «безумную привязанность к грандиозному надувательству». Американская Ассоциация Прогресса Науки также обрушилась на него с заявлением, где говорилось, что предмет исследований Хэра недостойн внимания.

них есть веские аргументы за или против. Говорят, вопрос об учреждении новой комиссии в ходу, и главным мотивом к необходимости ее выставляются нежелание комиссии «физического общества» произвести сорок обещанных заседаний, преждевременное обнародование ее заключения и предвзятая мысль против медиумизма, положенная в основу всех ее занятий. Новая комиссия, впрочем, ранее осени организована не будет, так как в летнее время занятия ее невозможны, вследствие отсутствия некоторых лиц из города, участие которых в обсуждении вопроса было бы, между тем, желательно».

Будем надеяться, что эта новая Комиссия окажется более достойной, нежели предыдущая (мир праху ее!).

Е.П.Блаватская

*[Статья впервые опубликована в «Banner of Light»,
Boston, Vol. XXXIX, № 7, May 13, 1876, p. 8.]*

Гексли и Слейд: кто больше виноват в «обмане»?

[Редактору «Banner of Light»]

Сэр! Доктор Халлок и мистер Гексли³⁴, которые подняли этот вопрос, напоминают мне двух ученых, смотрящих в телескоп на одно и то же удаленное тело. Доктор, приняв обычные меры предосторожности, правильно настроил телескоп и может на досуге изучать объект, а естествоиспытатель, забыв снять крышку с объектива, не видит ничего, кроме своего собственного отображения.

Хотя материалистам будет трудно ответить даже на слабую критику доктора, все же кажется, что лекции мистера Гексли в Нью-Йорке, как они предстают предо мною в своей беззащитной покинутости, наводят на одну важную мысль, о которой д-р Халлок не говорил. Едва ли стоит напоминать вам, читавшим эти якобы иконоборческие лекции, что речь идет об одном из

---

³⁴ *Гексли (Хаксли) Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, соратник Ч.Дарвина и виднейший пропогандист его учения, иностранный член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, президент (1883—1885) Лондонского Королевского общества.*

«обманов» современной науки. После всей шумихи, сопровождавшей приезд Гексли, после всех пробужденных надежд, скрытых опасений церкви и предвкушения триумфа материалистов, чему же действительно *новому* он нас научил или хотя бы намекнул? Ничему, абсолютно *ничему*. Если отбросить его внешний вид, звук его хорошо поставленного голоса и отблеск его научной славы, то можно подвести следующий итог: «*Кредит: Томас Г.Гексли — 1000 фунтов стерлингов*».

О нем можно сказать, как приходилось говорить и о других учителях до него: то, что он выдавал за новое, было неправдой, а то, что было правдой, не было новым.

Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что материалистическая теория эволюции далеко не полностью доказана, а мысль, которую мистер Гексли никак *не* может постичь, то есть *двоякая* эволюция духа и материи, присутствует в виде различных легенд в древнейших частях *Ригведы* («Айтарея-брахмана»). Одни лишь отсталые индусы, похоже, сделали незначительный шаг вперед по сравнению с современной наукой, посадив Первопричину на дальний крюк цепи эволюции.

В «Чатурнотри Мантра» (кн. V, гл. IV, 23, «Айтарея-брахмана») богиня Земля (*iyam*), которую называют Царицей Змей (*sarpa-rajni*), ибо она мать всего, что движется (*sarpat*), при сотворении мира была совершенно *лысой*. Она представляла собой лишь *одну круглую голову*, мягкую на ощупь (то есть «желатиновую массу»). Сильно горя об отсутствии волос, она обратилась к великому *Ваю*, Владыке *воздушных* областей, за помощью, с мольбой научить ее *мантре* (заклинание, или жертвенная молитва, составляющая определенную часть Вед), наделяющей магической силой создавать все сущее (потомство). Он согласился, и, произнеся мантру «в правильном ритме», она тотчас же покрылась волосами (растительностью). Теперь она стала твердой на ощупь, ибо *дыхание Владыки воздуха коснулось ее* (шар остыл). Она стала разноцветной и разнородной и неожиданно обрела способность создавать из себя все живые и неживые формы, а также *изменять эти формы*. «Точно так же, — говорит священная книга, — человек, обладающий этим знанием [мантр], обретает способность принимать любой вид или форму, какие пожелает».

Едва ли стоит говорить о том, что эта аллегория имеет несколько значений, а именно, что древние индусы за много веков до христианской

эры учили доктрине эволюции. Мартин Хо, санскритолог, утверждает, что Веды существовали с 2000 или 2200 года до Р.Х.

Итак, теория эволюции не является чем-то новым и может считаться доказанной, а вот новые идеи, навязываемые обществу мистером Гексли, являются всего лишь непроверенными гипотезами и, раз так, могут рухнуть в любой момент, если неожиданно всплывет какой-нибудь новый факт. Однако мистер Гексли не делает подобных допущений, общаясь с публикой, и излагает недоказанные теории с такой смелостью, как будто это установленный научный факт, подтвержденный неопровержимыми законами природы. И вопреки всему мир, похоже, должен окружить почетом великого Эволюциониста только потому, что тот стоит под сенью великого имени.

Что это, как не один из многочисленных *обманов* лжеученых? Однако Гексли и его сторонники обвиняют верящих в эволюцию духа в таком же преступлении обмана, поскольку поистине наши теории еще не доказаны. Верящие в духов Слейда³⁵ — «помешанные», а видящие эмбрион человека в «желатиновой массе» Гексли — прогрессивные умы эпохи. Слейда привлекают к суду за то, что он взял пять долларов у Ланкастера, в то время как Гексли победоносно удаляется с пятью тысячами долларов в кармане, полученными за то, что он возвестил нам чудесную весть: человек произошел от пальца задней ноги некопытной лошади!

Но, строго говоря, чем отличается теоретик-материалист от теоретика-спиритуалиста? И насколько убедительнее доказуема эволюция человека, независимо от божественного и духовного вмешательства, останками пальца ноги вымершей некопытной лошади, нежели эволюция и выживание человеческого духа — писаниями неких неведомых сил, оставшимися на испорченной временем дощечке? И вот опять бездушный Гексли отплывает,

---

³⁵ *Слейд Генри* (?—1905) — американский медиум, в основном известный в связи со *slate-writing* (особый вид медиумического письма с помощью грифельной доски). Приобрел широкую известность после того, как комитет в составе Е.П.Блаватской и Г.С.Олькотта остановил на нем свой выбор. Подозрения в обмане, высказываемые некоторыми из наблюдателей сеансов Слейда, никогда не были обоснованы. Напротив, существует серьезное свидетельство в пользу истинности его медиумических феноменов. Среди тех, кто признал реальность феноменов, демонстрировавшихся Слейдом, были д-р Альфред Рассел Уоллес, сержант Эдвард У.Кокс, д-р Картер Блейк, д-р Джордж Уайлд, профессор Цёльнер и его коллеги Фехнер, Вебер и Шейбнер. В России князь Константин, проф. Бутлеров и А.Н.Аксаков также убедились в реальности его опытов.

весь в цветах, как модный покойник, дабы стяжать себе новую славу, а бедного медиума тащат в суд как «бродягу и мошенника», хотя доказательства его вины выглядели бы неубедительно в глазах непредвзятых присяжных.

Очень трудно опровергнуть утверждение, что психологическая наука — спорная территория, на которую физиолог едва ли осмелится ступить. Я очень сочувствую сбитому с толку студенту, изучающему физическую сторону природы. Мы все хорошо понимаем, как неприятно должно быть ученому-теоретику, стремящемуся возвести свое хобби в общепризнанную научную истину, постоянно получать опровержения от своего беспощадного и неутомимого антагониста — психологии. Действительно, грустно видеть, как взлелеянные им материалистические теории день ото дня становятся все более и более несостоятельными, пока наконец не начнут походить на мумии, закутанные в пелены, им же самим сотканные и расписанные его излюбленной софистикой.

И все же в своей самодовольной логике эти сыны материи отвергают любые свидетельства, кроме собственных: божественный *daimonion*³⁶ Сократа, дух Цезаря и *divinum quiddam*³⁷ Цицерона они приписывают эпилепсии, а пророческие оракулы иудейских Бат-Кол³⁸ объясняют врожденной истерией!

А теперь предположим, что великий *протоплазмист* доказал, к обоюдному удовольствию, что наша лошадь — продукт постепенного развития *orohippus*'а, или же четырехпалой лошади эоценского периода, которая, пройдя через миоценский и плиоценский периоды, стала современным честным *equus*, но доказывает ли этим Гексли, что человек также происходит от однопалого человеческого существа? Отсутствие нужных конечностей еще не аргумент. Чтобы быть до конца последовательным, он должен доказать, что в то время как его лошадь теряла с каждым последующим периодом по пальцу, человек, в силу обратного процесса, приобретал по дополнительному пальцу (на ноге) с каждой новой формацией; а пока нам не предъявят поочередно ископаемые останки одно-, двух-, трех- и четырехпалого антропоида, предшественника

---

³⁶ *Daimonion* (греч.) — даймон, понятие внутреннего голоса у Сократа.

³⁷ *Divinum quiddam* (лат.) — Божественный Некто.

³⁸ *Бат-Кол* (евр.) — букв. «Дочь Голоса»; Голос с Небес, Божественное Откровение пророков Израиля.

современного *homo*, какой толк в теории Гексли? Никто не сомневается, что все развивается из предшествующих видов. Но пока Гексли оставляет нас в сомнении: то ли человек эволюционировал от лошади, то ли допотопный *equus* произошел от примитивного вида *homo*!

Таким образом, используя этот аргумент в деле Слейда, мы можем сказать, что независимо от того, являются ли духи допотопных обезьян авторами записей на его табличке или же это бандиты и предки Ланкастера, Слейд не более виновен в *обмане*, чем Эволюционист с пятью тысячами долларов. Гипотеза, не важно, ученого или медиума, не обман; обман — это *необоснованное утверждение*, за которое взяли деньги.

Если, удовлетворившись окостенелыми останками эллинской или римской эпохи, мы признаем, что физическая эволюция действительно имела место, то в силу какой логики мы станем отрицать возможность эволюции духа? Есть две стороны вопроса, и никто не будет это оспаривать, кроме закоренелых ненавистников психологии. Можно утверждать, что, если бы даже спиритуалисты и предъявили голые факты, их философия несовершенна, ибо в ней есть недостающие звенья. Но и у эволюционистов не все гладко. У них есть окаменелые останки, доказывающие, что предков современной лошади Господь когда-то наградил тремя и четырьмя пальцами ног и рук, из которых «четвертый соответствовал мизинцу человеческой руки», и что у *protohippus*'а была «рука». Спиритуалисты же, в свою очередь, демонстрируют нам полностью руки и даже тела в подтверждение теории, что мертвые все же живут и возвращаются к нам. Что до меня, то я не считаю, что у остеологов есть какие-то преимущества. И те и другие следуют индуктивному, или чисто научному, методу, идя от частного к общему; так, Кювье, наткнувшись на маленькую кость, очерчивает вокруг нее воображаемые линии, пока наконец в его богатой фантазии не вырисовывается образ мамонта. Факты ученых не более убедительны, чем факты спиритуалистов, и в то время как первые строят свои теории лишь на современных открытиях, спиритуалисты могут привести доказательства многих веков, начавшихся задолго до прихода современной науки.

Нам говорят, что индуктивная гипотеза верна в том случае, если факты полностью ее подтверждают. Следовательно, если у Гексли есть неопровержимое доказательство эволюции от лошади до человека, то спиритуалисты равно могут утверждать, что эволюция от тела до духа подтверждается материализованными, более или менее реальными,

конечностями, плавающими в тенях кабинета, иногда даже при ярком свете, — феномен, засвидетельствованный бесчисленными поколениями мудрецов всех стран. Что же касается мнимого превосходства современной науки над наукой древней, то его наличие утверждает лишь первая. Это тоже гипотеза, и нужны убедительные факты, чтобы доказать ее. Стоит лишь обратиться к лекции Уэнделя Филлипса об утраченных искусствах³⁹, чтобы усомниться в уверениях современной науки.

Говоря о доказательствах, странно видеть, как произвольно и по-разному можно оценивать свидетельства людей, равно заслуживающих доверия и действующих из лучших побуждений. Говорит отец протоплазмы:

Невозможно, чтобы на чью-либо жизнь так или иначе не оказывали влияния мнения, которые мы можем считать самой историей. Среди них разнообразные *свидетельства людей*: свидетельства очевидцев, традиционные свидетельства, переданные со слов очевидцев, и свидетельства тех, кто записал или опубликовал свои впечатления.

Вот именно на таком свидетельстве, подробно изложенном в Библии (мистер Гексли отвергает его), а также многими другими авторами, менее проблематичными, нежели Моисей, среди которых поколения великих философов, теургов и непрофессионалов, спиритуалисты могут обосновать свои фундаментальные доктрины. Далее, говоря о необходимости проводить различия между всевозможными видами доказательств, одни из которых более ценны, чем другие, ибо даны в силу каких-то неясных причин, или же причин, нелогично изложенных, или же тех, которые не выдерживают тщательного анализа, этот специалист по желатину замечает:

Например, если я читаю в вашей истории Теннесси [Рамзея], что сотню лет назад эту страну населяли бродячие дикари, моя вера в это утверждение основывается на убеждении, что мистер Рамзей руководствовался теми же мотивами, что и наши современники... что он сам, как и мы, не был расположен делать ложные утверждения... Если вы читаете «Комментарии» Цезаря, то, где бы он ни писал о своих сражениях с галлами, вы в какой-то степени доверяете его словам. Вы принимаете его свидетельство именно на этом основании. *Вы чувствуете, что Цезарь не стал бы делать таких утверждений, если бы не верил в них сам.*

Глубокая философия! ценные мысли! жемчужины сгущенной желатиновой истины! да прилепятся они надолго к американскому уму!

---

³⁹ Лекция 1838—1839 гг., прочитанная этим выдающимся оратором и писателем около двух тысяч раз в различных местах по самым разнообразным поводам. Была издана в виде брошюры в Бостоне и Нью-Йорке в 1884 г.

Мистеру Гексли следует посвятить остаток своих дней составлению букварей для слабоумных взрослых Соединенных Штатов. Но стоит ли выбирать Цезаря в качестве достоверного свидетеля античных времен? И если уж мы должны безоговорочно верить его свидетельствам о сражениях, то стоит ли сомневаться в его вере в авгуров, предсказателей и призраков? Ибо вместе со своей супругой Кальфурнией он верил в них столь же твердо, как и современный спиритуалист — в своих медиумов и феномены.

Нам также кажется, что помимо Цезаря ни Цицерон, ни Геродот, ни Ливий, ни многие другие не «стали бы делать таких ложных утверждений», «если бы сами в них не верили».

Как уже указывалось, доктрина эволюции целиком изложена в *Ригведе*, и я могу добавить, что ее также можно найти в древнейших *Книгах Гермеса*. Это бросает тень на оригинальность, которую приписывают себе наши современные ученые; но что можно сказать, если вспомнить, что та самая неопытная, чьи следы столь воодушевили мистера Гексли, упоминалась еще древними писателями (Геродотом и Плинием, если не ошибаюсь) и некогда была осмеяна французскими академиками? Пусть желающие проверить этот факт прочитают «Des Sciences Occultes» Сальверта в переводе Энтони Тодда Томпсона⁴⁰.

Когда-нибудь будут найдены такие же убедительные доказательства достоверности свидетельств древних писателей о психических феноменах. То, что сделал Нибур, немецкий материалист, с «Историей» Ливия, изъяв из нее все до единого факты о «сверхъестественных» феноменах, ученые, похоже, молча сговорились сделать со всеми древними, средневековыми и современными авторами. Сведения, способные укрепить физическую науку, ученые принимают, а иногда и хладнокровно, без зазрения совести, присваивают себе, но данные, подтверждающие спиритуалистическую философию, они немедленно отвергают как мистические и противоречащие природе. В таких случаях «доказательства» и свидетельства «очевидцев» не имеют никакого значения. Они избирают тактику, противоположную Лорду Верулэму, который, рассуждая о свойствах амулетов и чарах, замечает: «Мы не должны все это отвергать, ибо не знаем, насколько то, что способствует распространению предрассудков, зависит от *естественных причин*».

---

⁴⁰ Имеется в виду издание «The Philosophy of Magic», New York, Harper and Brothers, 1847, 2 v.

Мысль не станет по-настоящему свободной, а наука не сделает новых открытий, пока не будет признано существования духа и *двойственной* эволюции. До тех же пор лживые теории всегда будут в чести у тех, кто, забыв о «Боге своих отцов», тщетно пытается найти ему замену в атомах материи. Из всех печальных фактов, наблюдаемых в эту эпоху «мошенников», ни один не является более прискорбным (хотя тщетность его смехотворна), чем сговор некоторых ученых искоренить дух своей однобокой теорией эволюции, а также уничтожить спиритуализм, привлекая к суду медиумов по обвинению в «обмане».

Статья впервые опубликована в «Banner of Light», Boston, Vol. XL, № 5, October 28, 1876, p. 1; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 107—115. Пер. В.И.Мызникова.

В своем «Альбоме для вырезок», т. III, с. 119, Е.П.Блаватская поместила статью из журнала «Spiritual Scientist» с обсуждением взглядов древних на возвращение духов и сделала к ней следующее примечание:

*«Ум — квинтэссенция Души и, слившись со своим божественным Духом, **Nous'ом**, уже не может вернуться на землю — это невозможно».*

Фокус или магия?

Мудрая поговорка гласит: кто стремится доказать слишком много, в итоге не докажет ничего. Профессор У.Б.Карпентер, член Королевского Общества (имеющий все прочие титулы на все буквы алфавита), являет именно такой пример в борьбе с людьми, достойнее себя самого. Его атаки становятся все ожесточеннее с выходом каждого нового журнала, который он превращает в свой собственный орган; и пропорционально росту оскорблений, теряют силу и убедительность его доводы. Но, воистину, отчитывая противников за отсутствие «спокойствия в полемике», сам он взрывается как нитроглицерин! Набрасываясь на них со своими доказательствами, «неопровержимыми» лишь в его собственных глазах, он

совершает несколько промахов. Одним из них я и намереваюсь сегодня воспользоваться, поведав о любопытном случае из своей жизни.

Я не собираюсь участвовать в нападках на добрые имена. Господа Уоллес и Крукс вполне могут постоять за себя сами. Каждый из них способствовал прогрессу полезных знаний в собственной области более, нежели д-р Карпентер — в своей. Оба они удостоены почестей и наград за ценные, оригинальные исследования и открытия, в то время как их обличителя не раз обвиняли в том, что он был ничуть не лучше ловкого компилятора чужих идей. Прочитав толковые ответы «обвиняемых» и разгромный обзор профессора Бьюкенена, все — за исключением его друзей, ненавидящих психические феномены — убедились, что д-р Карпентер сражен наповал, оставшись без каких-либо традиционных признаков жизни.

В декабрьском приложении к «*Popular Science Monthly*» я обнаружила (на с. 116) интересное признание — будто бедный индусский фокусник может показать такое, от чего у именитого профессора захватывает дух! А вот спиритические феномены мисс Николь (миссис Гуппи) во внимание не принимаются. «Знаменитый “трюк с деревом”, — говорит д-р Карпентер, — знакомый многим из тех, кто подолгу жил в Индии и описанный несколькими нашими известными гражданами и офицерами-учеными, является самым большим чудом, о котором я [он] когда-либо слышал. То, что манговое дерево сначала дает побеги шестидюймовой высоты, на лужайке, к которой фокусники ранее не имели никакого доступа, из-под опрокинутой вверх дном корзины, в чьей пустоте заранее удостоверились, и то, как это дерево за каких-нибудь полчаса вырастает от шести дюймов до шести футов, из-под череды все более и более высоких корзин — побивает все феномены мисс Николь».

Ну что ж, может быть, и так. Во всяком случае, этот факт затмевает все, что какой-нибудь Член Королевского Общества может продемонстрировать днем или ночью, в Королевском Институте или где-либо еще. Не наводит ли это на мысль, что подобный феномен, удостоверенный и происходящий при обстоятельствах, исключающих обман, должен стать предметом научного исследования? Если не он, то что же тогда? Но посмотрите на лазейку, которую оставил себе Член Королевского Общества. «Приписывает ли все это мистер Уоллес, — иронически вопрошает профессор, — какой-либо

невидимой силе? Или, подобно миру в целом [конечно, имеется в виду мир науки, который Карпентер приводит в движение] и исполнителям «трюка с деревом» в частности, он считает это ловким фокусом?»

Предоставим мистеру Уоллесу — если только он переживет эту молнию Юпитера — отвечать за себя, но я должна сказать, что «исполнители» ответят категорическим «нет» на оба вопроса. Индусские фокусники не претендуют на то, что им помогает некая «невидимая сила», но и не признают данный феномен «трюком ловкости рук». Они исходят из того, что подобные фокусы производятся некими, присущими самому человеку силами, которые могут быть использованы во благо или во зло. Сама же я, скромно следуя за теми, чье мнение основано на точных психологических опытах и знании, считаю, что ни д-р Карпентер, ни ученые, его защищающие — пусть даже их звания волочатся за ними, как хвост за бумажным змеем — не имеют ни малейшего представления об этих силах. Чтобы даже хотя бы поверхностно познакомиться с ними, им нужно изменить свои научные и философские методы. Вслед за Уоллесом и Круксом, они должны начать с азов спиритуализма, который д-р Карпентер издевательски величает «центром просвещения и прогресса». Они должны извлекать уроки не только из истинных, но и из ложных феноменов, классифицируемых его (Карпентера) великим авторитетом «верховного жреца новой религии» соответственно как «Иллюзии, Бессмыслицы и Трюки». Только пройдя через это — как проходит каждый вдумчивый исследователь — он сможет уловить некоторые отблески истины. Узнать, что не является феноменами, столь же полезно, как и понять, чем они являются.

Д-р Карпентер располагает двумя оригинальными ключами, гарантирующими раскрытие любой потайной двери кабинета медиумов. Имя им — «предвкушение» и «предубеждение». У большинства ученых подобные отмычки. Но к «трюку с деревом» они вряд ли подойдут; ибо ни «известные граждане», ни «офицеры-ученые» никак не могли ожидать, что совершенно голый индус, на неизвестной лужайке, среди бела дня вырастит из зернышка манговое дерево шести футов в высоту, всего за какие-то полчаса. Все их «предубеждения» против этого: не может быть вмешательства «невидимой силы» — это должен быть просто «трюк».

Сегодня два ловких английских фокусника, Маскелин и Кук привели в изумление весь Лондон своими разоблачениями спиритуализма. Все ученые

восхищаются ими, а на процессе по делу Слейда они фигурировали как свидетели-эксперты со стороны обвинения. Они заодно с д-ром Карпентером. Так что же он не попросит их объяснить этот ловкий трюк и заставить господ Уоллеса и Крукса сгореть от стыда за свой идиотизм? Им известны все трюки их ремесла — где же еще наука найдет лучших союзников? Но мы должны настаивать на соблюдении точно таких же условий. «Трюк с деревом» не должен исполняться на искусственно освещенной сцене Египетского Зала и исполнителям не нужен строгий вечерний костюм. Все должно происходить при ярком дневном свете, на незнакомой лужайке, к которой фокусники ранее не имели доступа. Никакой техники, никаких соучастников. Англичанам придется снять белые галстуки и фраки и предстать в незатейливых костюмах Адамы и Евы — плотно облегающих «одеждах из кожи»; а единственным посторонним украшением будет *дхоти* — набедренная повязка шириною в семь дюймов. Так делают индусы, и мы лишь требуем честной игры. Если при таких условиях им удастся вырастить манговое деревце, тогда д-р Карпентер совершенно свободен вышибить им последние мозги любому попавшемуся «сумасшедшему спиритуалисту». Но до тех пор, чем меньше он будет говорить об индусских фокусах, тем лучше для его научной репутации.

Нельзя отрицать, что в Индии, Китае, да и повсюду на Востоке есть настоящие фокусники, показывающие именно фокусы. Так же верно и то, что некоторые из этих фокусов превосходят всё, с чем знакомы западноевропейцы. Но представляют их не факиры и не описанные д-ром Карпентером фокусники, демонстрирующие чудо «мангового дерева». Подобное иногда могут имитировать и адепты — как индусские, так и европейские — ловкостью рук, но совершенно в других условиях. Скромно следуя позади «известных граждан» и «офицеров-ученых», я расскажу о том, что видела собственными глазами.

По пути в священный город Бенарес, в Канпуре у одной леди, моей попутчицы, украли все содержимое её небольшого сундучка. Драгоценности, платья и даже записная книжка с дневником, который она аккуратно вела в течение трех месяцев — всё исчезло при таинственных обстоятельствах, причем замок был цел. Спустя несколько часов, а возможно, и сутки после пропажи, мы отправились на рассвете исследовать близлежащие руины — молчаливые свидетели мести Нана Саиба англичанам. Первой мыслью моей спутницы было обратиться к местной полиции, моей же — прибегнуть к

помощи какого-нибудь местного госсейна (святого человека, который должен знать обо всем, что творится) или, по крайней мере, к джадугару, то есть колдуну. Но победили цивилизованные представления, и целая неделя была потрачена на бесполезные визиты в «chabutara» (полицейский участок) и интервью с «kotwal» (начальником полиции). Наконец, отчаявшись, прибегли к моему средству и позвали госсейна. Жили мы в маленьком бунгало, на окраине предместья, на правом берегу Ганга, и с веранды открывался вид на реку, очень узкую в этом месте.

Наш эксперимент проводился на этой веранде, в присутствии всего семейства хозяина — наполовину португальца, моей подруги и двух недавно приехавших французов, открыто потешавшихся над нашими предрассудками. Было три часа пополудни. Жара стояла невыносимая, но, несмотря на это, святой человек — цвета кофе, ходячий скелет — потребовал, чтобы мы прекратили пользоваться рупкаш (подвешенным опухалом, приводимым в движение шнуром). Он не объяснил, почему, но причина была в том, что вибрации воздуха мешают чувствительным магнетическим экспериментам. Мы все слышали о «катыщемся горшке», с помощью которого в Индии раскрывают кражи; это обычный железный горшок, но под воздействием индуса-колдуна он сам по себе — так, что никто к нему не притрагивается — катится к месту, где спрятаны украденные вещи. Но этот госсейн поступил иначе. Прежде всего он попросил дать ему какой-нибудь предмет, который последним был в контакте с содержимым сундучка; ему подали пару перчаток. Он сжал их меж худых ладоней, несколько раз перевернул, а затем бросил на пол и стал медленно поворачиваться, вытянув руки вперед и широко расставив пальцы, словно пытаюсь найти направление, в котором спрятаны вещи. Вдруг он резко остановился, медленно опустился на пол и, усевшись «по-турецки» с по-прежнему вытянутыми в том же направлении руками, замер, как бы погрузившись в каталептический транс. Это длилось более часа и в такую жару казалось нам бесконечной пыткой. Внезапно хозяин дома вскочил со своего места и, подбежав к балюстраде, начал пристально всматриваться в сторону реки; наши взоры устремились в том же направлении. Оттуда, неведомо как и откуда взявшись, скользил над поверхностью воды, приближаясь к нам, темный предмет. Что это было — мы не могли разобрать; но, казалось, предмет этот побуждала вращаться какая-то внутренняя сила: вначале медленно, затем, по мере приближения, всё

быстрее и быстрее. Словно поддерживаемый чем-то на невидимой дорожке, он двигался строго по прямой. Достигнув берега, он исчез среди высокой растительности, но тотчас, перелетев через низкую ограду сада и отскочив от нее, скорее влетел, нежели вкатился на веранду и с глухим стуком упал к вытянутым рукам госсейна. Сильная судорога пробежала по телу старика, и, глубоко вздохнув, он открыл свои полузакрытые глаза. Все были ошеломлены, а французы уставились на сверток с выражением идиотического ужаса! Поднявшись, святой открыл просмоленный парусиновый мешок, внутри которого находились все украденные вещи, вплоть до последней. Не проронив ни слова и не ожидая благодарностей, он низко поклонился по-восточному и удалился, прежде чем мы оправались от изумления. Пришлось ещё довольно долго бежать за ним, пока удалось заставить его принять в благодарность дюжину рупий, которые он положил в свою деревянную чашу.

Эта история может показаться удивительной и невероятной европейцам и американцам, никогда не бывавшим в Индии. Но мы можем сослаться на авторитет д-ра Карпендера: ведь даже его «известные граждане» и «офицеры-ученые» — столь же неспособные учуять своими аристократическими носами что-либо мистическое в Индии, как д-р Карпендер, со всеми своими телескопами, микроскопами и двойными линзами, неспособен увидеть его в Англии — наблюдали «трюк с деревом» манго, который еще более чудесен. Если последний — «ловкий трюк», то и другой, должно быть — тоже. Может быть, джентльмены из Египетского Зала, во фраках и белых галстуках, объяснят Королевскому Обществу, как это делается?

Статья впервые опубликована в «Religio-Philosophical Journal», Chicago, Vol. XXIII, December 22, 1877, p. 8, — под заголовком «Д-р Карпендер о “трюке с деревом” и Е.П.Блаватская о “надувательстве” факиров».

Факиры

[Редактору «The Sun»]

Сэр! Каким бы профаном я ни была в отношении законов солнечной системы, но я настолько твердо верю в гелиоцентрическую журналистику, что подписываюсь на «The Sun». Следовательно, я видела ваши замечания по поводу моего «иконоборства» в сегодняшнем выпуске.

Бесспорно, для скромной иностранки большая честь быть распятой между двумя выдающимися личностями вашей великодушной страны — несомненно добрым дьяконом Ричардом Смитом в синих марлевых брюках и соловьем ивы и кипариса Дж.Вашингтоном Чайлдзом, магистром гуманитарных наук. Но я не индусский факир и, следовательно, не могу сказать, что наслаждаюсь распятием, особенно незаслуженным. Я даже и представить себе не могла, что буду раскачиваться на дыбе, пронзенная стрелами вашей сатиры. Я не приглашала журналистов на представление. Я не искала дурной славы. Я лишь поселилась в тихом уголке вашей свободной страны и, поскольку много путешествовала, стараюсь рассказать западной публике, какие необычные вещи наблюдала на Востоке. Если бы я могла воспользоваться этой привилегией у себя на родине, то меня бы, разумеется, здесь не было. Но поскольку я здесь, то «скажу всю правду и посрамлю дьявола», как гласит ваша старинная английская поговорка.

Репортер из «The World», посетивший меня, написал статью, в которой перемешал свои воспоминания о моих чучелах обезьян, канареек, тигровых голов и пальм с эфирной музыкой и бесшумно проносящимися двойниками адептов. Это была очень интересная статья, и, конечно, автор не хотел показаться предвзятым. Если в ней усмотрят, что я отрицаю непреложность законов природы или предполагаю возможность чудес, то виноват либо мой плохой английский, либо легкомыслие самих читателей.

Нет никого, кто бы так непреклонно верил в непреложность и универсальность законов природы, как оккультисты. Так пусть же прах великого Ньютона покоится с миром. Отрицается не принцип закона гравитации или необходимость тяготения центральной силы к солнцу, но предположение, будто помимо закона притяжения тел к центру земли, являющегося самым наглядным примером гравитации, не существует никакого другого, равно непреложного, закона, который при некоторых условиях не мог бы опрокинуть первый. Если даже раз в сто лет видят, как

стол или факир поднимается в воздух без всякой видимой механической причины, то это свидетельствует о проявлении естественного закона, о котором наши ученые еще не имеют ни малейшего представления. Христиане верят в чудеса; оккультисты же чтят их даже меньше, чем набожные ученые, как например, сэр Давид Брюстер. Проявите оккультисту неизвестный ему феномен, и он никогда не будет утверждать *a priori*, что это фокус или чудо. Он будет искать причину в области причин.

В 1854 году по Парижу ходил анекдот про астронома Бабинэ; в то время шла настоящая война между Академией и «вальсирующими столами». Этот скептик науки заявил в «Revue des Deux Mondes», что левитация мебели без физического контакта «так же невозможна, как и вечный двигатель». Спустя несколько дней, во время эксперимента на спиритическом сеансе, в его присутствии в воздух поднялся стол, без всякого физического контакта, после чего Бабинэ сразу же отправился к зубному врачу и удалил коренной зуб, который ему сильно повредил иконоборческий стол во время своего воздушного полета. Но отзываться статью было уже слишком поздно.

Думаю, девять человек из десяти, включая редакторов, будут утверждать, что волновая теория света — одна из наиболее твердо доказанных. И тем не менее, если вы откроете статью в «The New Chemistry» (Нью-Йорк, 1876), написанную профессором Джосафом П.Куком-младшим из Гарвардского университета, то вот что вы прочитаете: «Я не согласен с теми, кто считает волновую теорию света окончательно доказанным принципом науки... [она] требует сочетания таких свойств в эфире пространства, которые, как я полагаю, едва ли еще осознаны». Что же это, как не иконоборство?

Надо помнить и то, что сам Ньютон заимствовал корпускулярную теорию у Пифагора и его предшественников, от которых он ее узнал, и только позднее *en desespoir de cause* ученые приняли волновую теорию Декарта и Гюйгенса. Кеплер настаивал на магнитной природе Солнца. Лейбниц приписывал движение планет возмущениям эфира. Борелли же предвосхитил открытие Ньютона, хотя он и не смог доказать его столь убедительно. Гюйгенс и Бойль, Хоррокс и Гук, Галлей и Рен — все имели представление о тяготении к Солнцу и об истинном принципе уменьшения действия этой силы, пропорционально обратному квадрату расстояния.

О гравитации последнее слово еще не сказано; ее ограничения останутся непознанными до тех пор, пока природа Солнца не будет лучше

понята. Только сегодня начинают осознавать (смотри лекцию «Солнце и Земля» профессора Балфура Стюарта, прочитанную в Манчестере, а также лекцию профессора Мейера «Земля как огромный магнит») внутреннюю взаимосвязь между пятнами на солнце и положением небесных тел. Только сегодня начинают говорить о межпланетных магнитных притяжениях. Пока под гравитацией будут понимать лишь магнитное притяжение и отталкивание, лишь одно из проявлений магнетизма в бесконечных корреляциях сил в эфире пространства — «этом гипотетическом посреднике», как называет его Вебстер, я смело говорю, что немудро и несправедливо отрицать факты левитации факиров или столов. Тела с противоположной полярностью притягивают друг друга; тела с одинаковой полярностью отталкивают друг друга. Итак, допустим, что любое тело, имеющее вес, будь то человек или неодушевленный предмет, может под воздействием какой-то причины, внутренней или внешней, изменить свою полярность на полярность того места, на котором оно стоит, — и что же тогда помешает ему подняться в воздух?

Прежде чем уличить меня во лжи, когда я утверждаю, что наблюдала левитацию как людей, так и предметов, сначала нужно отвергнуть многочисленные свидетельства лиц более известных, нежели моя скромная персона. Мистер Крукс, профессор Тюри из Женевы, Луи Жаколио, ваш д-р Грей и д-р Уорнер и сотни других — могут, от первого до последнего, подтвердить феномен левитации.

Я удивлена, как мало даже редакторы вашего эрудированного издания «The World» знакомы с восточной метафизикой вообще и с брюками индусских факиров в частности. Недопустимо писать о том, что эти святые нищенствующие монахи, исповедующие религию Брахмы, вышли из буддийских монастырей Тибета; но еще более непозволительно одевать их в широкие шаровары при совершении религиозных обрядов. Это так же недопустимо, как если бы индусский журналист изобразил преподобного мистера Бичера входящим на кафедру в скудном облачении факира — дхоти, набедренной повязке, «и ничего больше». Следовательно, объяснять часто наблюдаемые на открытом воздухе левитации *свами* и *гуру* куском железа, спрятанным под одеждой, настолько же разумно, насколько объяснять «бессознательным чревовещанием» постукивания и наклоны стола, как это делает месье Бабинэ.

Вы можете возражать против возможности акта вынимания внутренностей из человека, но я заявляю, что сама видела, как это делается. Это, как вы говорите, «замечательно», но все же не удивительно. Ваше предложение, что д-ру Хаммонду следует посмотреть на это самому, заслуживает внимания. Наука от этого только выиграет, а ваш скромный корреспондент будет оправдан. Однако можете ли вы дать гарантию, что он представит миру скептиков пример «достоверного сообщения», если его наблюдения опрокинут излюбленные теории того, что мы условно называем наукой?

Статья впервые опубликована в «Banner of Light», Boston, Vol. XLI, April 21, 1877, p. 8, под заголовком «Мадам Блаватская о факирах»; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 124—128. Пер. В.И.Мызникова.

Буддизм в Америке

[Редактору «*The Sun*»]

Сэр! Поскольку Ваша редакционная статья от 6-го мая, с одной стороны, воздаёт должное моим скромным знаниям о религии брахманов и буддистов, а с другой, называет меня обманщицей из рода Жаколио и даже его плагиатором, то вы уж не удивляйтесь, что я опять стучусь в вашу дверь за гостеприимством. На этот раз я пишу под своим собственным именем и возлагаю на себя ответственность, какую при других обстоятельствах на себя не беру.

Неудивительно, что вашему «ученому другу» некоторые фразы напомнили «о высказываниях некоего Луи Жаколио». Те места в замечательном интервью представителя вашей газеты, которые относятся к «Adhima и Neva» и «Jezeus Christna», были полностью переведены, в его присутствии, из французского издания «Bible in India». Более того, они взяты из главы под заголовком «Bagaveda-Gita», которую, несомненно, читало большинство американских ученых. Жаколио произносит Bagaveda вместо Bhagavad, как это делаете вы, любезно меня поправляя. И, поступая так, мне

кажется, он совершенно прав, а все другие не правы; если даже они основываются только на том, что сами индусы именно так произносят это слово — по крайней мере, те из них, кто живет на юге Индии и говорит либо на тамильском, либо на других диалектах. Поскольку мы тщетно пытались найти хотя бы двух санскритологов, согласных между собой относительно произношения и значения важнейших индусских слов, а также орфографии этого очень важного заголовка, то я утверждаю, что ни «французский обманщик», ни я сама не заслуживаем обвинения в преступных искажениях.

Например, профессор Уитни, ваш величайший американский востоковед, один из самых знаменитых среди живущих, произносит это слово как *Bagavata*; в то же время его не менее великий оппонент, Макс Мюллер, предпочитает *Bagavadgita*, а еще полдюжины других произносят его на свой собственный лад, так как, естественно, каждый ученый, переводя индийские слова на родной язык, исходит из национальных правил произношения; итак, вы можете убедиться, что, когда профессор Мюллер пишет слог *ad* через *A*, то он поступает точно так же, как Жаколио, который тот же слог пишет как *ed*, ибо перед согласным французское *E* произносится так же, как и английское *A*. То же самое относится и к правописанию имени индусского Спасителя, которое различные авторитеты пишут как *Krishna*, *Crisna*, *Khristhna* и *Krisna* — короче говоря, как угодно, но только не так как надо, а именно — *Christna*. Возможно, вы скажете, что все это только гипотеза. Но поскольку каждый индолог следует своей собственной фантазии, составляя фонетическую транскрипцию, то я не понимаю, почему мне нельзя представить свое мнение, тем более, что я могу обосновать его.

Вы утверждаете, что «никогда не было никакого индусского реформатора по имени *Jezeus Christna*»; и хотя в вышеупомянутом интервью я отстаивала его существование, ссылаясь на авторитет Жаколио, то теперь, под свою личную ответственность, заявляю, что в Индии почитали и до сих пор почитают выдающуюся личность по имени *Jezeus Christna* и что это не *Jesus Christ*. *Christna* — это божество браминов и, кроме них, его также признают некоторые секты джайнов. Когда Жаколио произносит *Jezeus Christna*, он лишь обнаруживает некоторую неточность в фонетической передаче, но все же он гораздо ближе к истине, нежели его критики. Я была на празднествах дня рождения *Christna* в Джанмотсаре (индусское Рождество) и слышала тысячи голосов, выкрикивающих: «*Jas-i-Christna! Jasad-wi-Christna!*». Что в переводе означает: *Jas-i* — прославленный, известный;

Jasas-wi — знаменитый, божественный, могущественный, и *Christna* — священный. Дабы избежать новых нападков оппонентов, я отсылаю читателя к любому индийскому словарю. Все брамины, с которыми мне доводилось разговаривать на эту тему, называли *Christna* либо *Jas-i-Christna*, либо *Jadar-Christna*, или же, опять-таки, употребляли выражение *Jadu-pati*, что значит Владыка Ядавов, потомок Яду, один из многочисленных титулов Кришны в Индии. Итак, вы сами видите, что дело лишь в орфографии и произношении.

То, что *Christna* предпочтительнее, чем *Krishna*, станет очевидным из правил, изложенных Бюрнуфом и другими, опиравшимися на авторитет пандитов. Действительно, первая буква этого имени на санскрите пишется через *K*, но санскритское *k* произносится с сильным придыханием; это гортанный, резкий выдох; единственным, похожим на него звуком является греческое *Chi*. Но в английском языке *k* будет произноситься не как в слове *King*, а с придыханием, причем даже с большим, чем *h* в слове *heaven*. Так как греческое слово по-английски пишется *Christos*, а не *H'ristos*, что было бы более правильно, то также и имя индусского божества, подчиняясь тому же правилу, должно писаться как *Christna*, несмотря на возможное нежелательное сходство.

Мистер Текстор де Равизи, французский католик-востоковед, который в течение десяти лет был губернатором Карикала (Индия), злейший оппонент Жаколио по религиозным вопросам, полностью оценил ситуацию. Он рассудил, что это имя нужно писать как *Krishna* потому, что (1) большинство статуй этого божества — черные, и *Krishna* также означает черный; (2) настоящее имя Кришны «было *Caneya* или *Caneya*». Прекрасно; но черный значит *Krishna*. И если не только Жаколио, но и самим браминам непозволительно знать столько, сколько знают их европейские критики, то нам придется призвать на помощь Волнея и других востоковедов, указывающих, что имя индусского божества произошло от корня *Chris* — священный, как это показывает и Жаколио. Более того, для браминов было бы неестественным и абсурдным называть своего Бога «черным», но именовать его священным или *чистой сущностью* — всецело отвечало бы их понятиям. Что же касается до имени *Caneya*, то мистер Текстор де Равизи, предлагая его, довершает свое собственное поражение. Избежав Сциллы, он попадает прямо к Харибде. Думаю, вряд ли кто станет отрицать, что санскритское *Canya* значит Дева; ибо даже на современном хиндустани зодиакальный знак *Virgo* называется *Kaniya*. *Christna* назван *Caneya*,

поскольку он был рожден девой. Итак, прошу прощения у вашего «ученого друга», но я еще раз утверждаю, что если даже «никогда не существовал индусский реформатор по имени Jezeus Christna», то был Индусский Спаситель, которого и поныне почитают как Jas-i-Christna, или, если это больше соответствует его набожным устремлениям, как Jas-i-Kristna.

Вот когда 84 000 томов *Dharma-Khanda*, или священных книг буддистов, тысячи свитков ведической и брахманической литературы, известных ныне европейским ученым только лишь по названиям, или хотя бы даже десятая часть всего этого будет переведена, осознана и согласована — вот тогда я с радостью скрещу шпаги с *солнечным* пандитом, который подтолкнул вас на такие суровые выпады против вашей скромной подписчицы.

Вторя различным авторитетам, вы клеймите Жаколио «французским обманщиком». Но я действительно должна отдать ему справедливость и заметить, что даже его католический оппонент, де Равизи, в своем докладе, сделанном по просьбе Академического Общества Святого Квентэна, сказал, что «*Bible in India*» написана «добросовестно, исключительно интересна и являет собою *научный труд* об известных фактах, подкрепленных известными доводами».

Десять лет, прожитые в Индии в изучении этой страны, делают такое мнение вполне заслуженным. К несчастью, в Америке слишком легко приобрести репутацию «обманщика», и даже в более короткий срок.

**С уважением,
Е.П.Блаватская.**

Статья впервые опубликована в «*The Sun*», New York, Vol. XLIV, № 255, May 13, 1877, — с подзаголовком «Некоторые филологические и теологические заметки мадам Блаватской».

«И начал умывать ноги ученикам»

[Редактору «The Sun»]

Сэр: На церемонии «умывания ног», происходившей в Лимвуд Кемпе 8-го августа и описанной в сегодняшнем номере «The Sun», Элдер Джонс, из Меканиксберга, штат Пенсильвания, заявил, что знает историю этого древнего обряда. В статье сказано:

«Он утверждает, что этот обряд не мог зародиться до Христа; также не имеет он отношения и к чистоте тела, что сразу приходит на ум. Его соблюдение предписывается Евангелиями; Христос умыл ноги ученикам и наказал им следовать своему примеру. В подтверждение этому приводятся многочисленные цитаты из Библии».

Священник, о котором идет речь, заблуждается. Впервые этот обряд совершил индусский Christna (или Krishna), который умыл ноги своим браминам, явив пример смиренности, много тысячелетий до христианской эры. Если понадобится, мы укажем главу и стихи из Брахман. Пока же, мы отсылаем читателя к работе его преподавателя Джона П. Ланди «Monumental Christianity», стр.154.

Е.П.Блаватская
Нью-Йорк, 12 августа.

Статья впервые опубликована в г. «The Sun», New York, Vol. XLIV, № 350, August 16, 1877.

«Элементарии»

[Редактору «Religio-Philosophical Journal»]

Уважаемый сэр! Я заметила, что с недавних пор ортодоксальные спиритуалистические газеты стали писать, и довольно часто, на запретную тему – об «элементариях» каббалистов. И это не удивительно; спиритуализм и его философия прогрессируют и будут прогрессировать, несмотря на оппозицию некоторых ученых невежд, воображающих, что весь космос вращается в академических мозгах. Но если в качестве предмета дискуссии избирают новый термин, то меньшее, что мы можем сделать – это точно

определить значение данного термина; изучая восточную философию, мы считаем большим достижением тот факт, что спиритуалистические журналы по обе стороны Атлантики начинают обсуждать – даже если они и высмеивают это – вопросы, связанные как с существами, стоящими ниже человеческого развития, так и с привязанными к земле. Только знают ли высмеивающие эту идею, о чем они говорят? Поскольку они никогда не изучали труды каббалистических писателей, мне становится совершенно ясно, что они просто путают «элементариев» – развоплощенных, злобных, тянущихся к земле, но все-таки человеческих духов – с «элементалами», или духами стихий.

С вашего позволения я отвечу на статью доктора Уолдрича, появившуюся в вашем журнале за 27-е число, которую автор озаглавил «Элементарии». Я открыто признаю, что в то время, когда писала об элементариях впервые, мои познания в английском языке были несовершенны, вследствие чего я сама могла внести еще большую путаницу в нынешнюю неразбериху, чем навлекла на свою бедную голову гнев спиритуалистов, медиумов и всех их «гидов» в придачу. Но сегодня я постараюсь разъяснить свою мысль точнее. Элифас Леви называет «элементариями» как привязанных к земле духов, так и духов стихий. Такую небрежность с его стороны можно объяснить тем, что, согласно каббалистам, человеческие элементарии, безвозвратно утратившие все шансы на бессмертие, по истечении определенного срока становятся ничем не лучше элементалов, у которых вообще никогда не было души. Чтобы распутать этот клубок противоречивых понятий, я пояснила в «Разоблаченной Изиде», что только первых следует называть «элементариями», а последние являются «элементалами». («Перед Покровом», том I).

Д-р Уолдрич, вторя Герберту Спенсеру, пытается объяснить веру народа в духов природы, демонов и мифологические божества порождением воображения, не тронутого наукой и вызванного к жизни непониманием естественных явлений. Он приписывает легендарных сильфов, ундин, саламандр и гномов – четыре больших семьи, с их бесчисленными подгруппами – простому воображению; однако, он доходит до крайности, утверждая, что длительной практикой можно приобрести «способность материализовывать призраки по желанию, которую имеют развоплощенные духи». Допустим, что «развоплощенные духи» иногда обладают такой способностью, но если так, то почему бы ею не обладать и воплощенному

духу, то есть живому человеку, ставшему адептом в оккультизме, благодаря знаниям? В соответствии с теорией д-ра Уолдрича, воплощенный дух или маг может создавать только субъективно, или, цитируя его собственные слова: «обычно он вызывает, то есть создает в собственном воображении знакомых духов, которых считает реальными сущностями, ибо они подвластны его воле».

Не стану требовать доказательств подобного утверждения, поскольку это приведет лишь к нескончаемой дискуссии. Если в Европе и Америке тысячи спиритуалистов видят материализованные объективные формы, заверяющие, что были духами когда-то живших людей, то миллионы людей на Востоке на протяжении многих веков наблюдали – и даже теперь наблюдают в Индии – как иерофанты храмов вызывали, не будучи медиумами, объективные и осязаемые формы, не претендующие быть духами развоплощенных людей. Замечу только, что, как говорит доктор Уолдрич, хотя эти формы субъективны и невидимы для других, они вполне осязаемы и, следовательно, объективны для ясновидящих; но ни один ученый еще не овладел тайнами хотя бы физических наук настолько, чтобы опровергнуть с помощью правдоподобных или неопровержимых доказательств утверждение, что поскольку ясновидящий видит форму, остающуюся субъективной для других, эта форма, тем не менее, не является ни галлюцинацией, ни игрой воображения. Если бы присутствующие были наделены такой же способностью ясновидения, то они бы увидели это «порождение галлюцинации» столь же отчетливо, и тогда появилось бы достаточно доказательств объективного существования данной формы. Именно так проводят эксперименты в некоторых психологических школах, как я называю подобные заведения на Востоке. Одному ясновидящему никогда не стоит доверять. Он может быть честным, правдивым и иметь огромное желание изучать только то, что реально, но все же невольно ошибаться, принимая элементала за развоплощенного духа и *vice versa*. Например, может ли поручиться д-р Уолдрич, что «Hoki» и «Thalia» – гиды мисс Мей Шо – не были просто существами, порожденными силой воображения? Этот джентльмен может иметь в том ручательство своего ясновидца; он может полностью и вполне заслуженно доверять ее честности, когда она находится в нормальном состоянии; но сам факт, что медиум является пассивным и послушным орудием в руках неких невидимых и

таинственных сил, должен сделать ее безответственной в глазах каждого серьезного исследователя.

Исследователь должен испытать именно дух, невидимые силы, а не способности ясновидца; но каким же доказательством их достоверности он располагает, чтобы иметь право выступать трактователем философии, основанной на тысячелетиях практического опыта и отвергать эксперименты, проводившихся многими поколениями ученых египетских иерофантов, гуру-брахманов, адептов святилищ и целой плеядой более или менее ученых каббалистов, которые все были профессиональными ясновидцами? Более того, вышеупомянутое обвинение опасно для самих спиритуалистов. Стоит только допустить, что все формы возникают в воображении мага как результат галлюцинаций – и что же тогда станет со всеми этими гидами, духами-друзьями и *tutti quanti* из благоухающей Страны Вечного Лета, толпящимися вокруг погруженных в транс медиумов и ясновидцев? Почему следует считать, что эти якобы развоплощенные сущности более подлинны, нежели элементалы, или, как их называет д-р Уолдрич, «элементарии» мага, – вопрос, который вряд ли поддается исследованию.

С точки зрения некоторых буддистских школ, ваш корреспондент, возможно, и прав. Их философия учит, что даже наша видимая вселенная приняла объективную форму в результате воздействия воли или желания неведомого и высочайшего адепта на мысленный образ; в отличие от христианской теологии, эти буддисты считают, что творец не вызывает нашу вселенную из ничего, а направляет свою волю на пред-существующую материю, вечную и неуничтожимую в своей невидимой субстанции, хотя временную и постоянно изменяющуюся в своих формах. Некоторые высшие и более утонченные метафизические школы Непала заходят даже так далеко, что утверждают – и на вполне разумных основаниях – что эта пред-существующая и самосушая субстанция или материя (Свабхават) не имеет ни создателя, ни правителя; когда она находится в активном состоянии – *это Pravritti*, вселенский творящий принцип; когда же она непроявлена или пассивна – они называют эту силу *Nivritti*. То, что вечно и бесконечно, что не имеет начала и конца – не может иметь ни прошлого, ни будущего; но все, что было и будет – **есть**; следовательно, нет такого деяния или даже мысли, пусть самой примитивной, которые бы не запечатлелись в неизгладимых рекордах этой субстанции, называемой буддистами Свабхават, а каббалистами – астральным светом. Как в безупречном зеркале, этот свет

отражает каждый образ, и ни одно человеческое воображение не может увидеть ничего находящегося за пределами того, что запечатлено в этой вечной субстанции. Воображать, будто человеческий мозг способен помыслить о чем-то, никогда не существовавшем во «вселенском мозгу» – есть заблуждение и тщеславное предположение. В лучшем случае, человеческий мозг может временами улавливать отдельные отблески «вечной мысли», принявшие объективную форму – как в мире невидимом, так и в проявленной вселенной. Поэтому единодушное свидетельство профессиональных ясновидцев только доказывает существование таких созданий, как элементалы; а также и то, что хотя элементарии и были когда-то человеческими духами, но, утратив всякую связь с чистейшим бессмертным миром, должны именоваться специальным термином, дабы провести четкую грань между ними и истинными, подлинными развоплощенными душами, которые впредь останутся бессмертными. Каббалисты и адепты, особенно в Индии, подчеркивают важность различия между ними, и их просвещенный ум никогда не позволит смешивать одних с другими, но для непросвещенного медиума все они одинаковы.

Спиритуалисты никогда не принимали предположений и серьезных сообщений от некоторых своих ясновидцев и медиумов. Они относились к «Gadarenes» мистера Пиблза с равнодушием; они пожимали плечами на «розенкрейцерские» фантазии П.Б. Рандольфа, а его «Ravalette» ни одного из них не сделала мудрее; они хмурились и ворчали по поводу «Диака» Э.Джексона Дэвиса; и наконец, высоко подняв знамя, объявили смертельную войну теософам и каббалистам. И что же мы имеем теперь в результате?

Ряд разоблачений медиумов-мошенников, принесший разочарование их сторонникам и бесчестье всему делу; разоблачение настоящими ясновидцами и медиумами мнимых духов, которые, как потом выяснилось, были персонифицированы живыми обманщиками – факт, доказывающий, что, по крайней мере, в таких случаях (кроме случаев явного сговора) идентификация была обусловлена иллюзией некоторых из вышеупомянутых ясновидцев; духов-младенцев, оказавшихся изношенными масками и кучами тряпья; одержанных медиумов, подталкиваемых их гидами к пьянству и безнравственному поведению – практике свободной любви, одобряемой и поощряемой якобы бессмертными духами сенситивных приверженцев, понуждаемых к совершению убийства, самоубийства, подлога, кражи, растраты денег и других преступлений; сверхдоверчивых,

принуждаемых растрачивать собственное состояние на глупые инвестиции и поиски спрятанных сокровищ; медиумов, поощряющих разорительные спекуляции акциями; сторонников свободной любви, расставшихся с женами в поисках близости других женщин; два континента, наводненных самой злостной клеветой – устной, а иногда и печатной – одних медиумов против других; *incubi* и *succubi*⁴¹, принимаемых за возвратившихся духов-мужей или жен; опекаемых учеными и духовенством шарлатанов и фокусников, собирающих толпы свидетелей, дабы удостоверить лже-феномены, реальность которых настоящие медиумы и духи бессильны подтвердить за неимением необходимых контрольных условий; спиритические *сеансы*, проводимые в адском мраке, где даже истинные феномены можно легко принять за ложные, а ложные за истинные; медиумов, брошенных на произвол судьбы своими ангелами-хранителями – судимых, осужденных и отправленных в тюрьмы – причем не делается ни одной попытки спасения их от этой участи теми, кто, если они духи, имеющие власть управлять делами смертных, должны были бы иметь сочувственную поддержку всего небесного воинства для защиты своих медиумов перед лицом столь вопиющей несправедливости; прочих верных проповедников спиритуализма и медиумов с подорванным здоровьем, оставленных без помощи теми, кто называет себя их покровителями и защитниками. Таковы некоторые особенности нынешней ситуации, темные места явления, которое должно было бы стать величайшей и благороднейшей из всех религиозных философий – и неверующие и материалисты вольны швырнуть это в лицо каждому спиритуалисту; ни одному разумному спиритуалисту не надо выходить за рамки личного опыта, чтобы найти примеры, подобные этим. Спиритуализм не продвигается вперед и не продвинется до тех пор, пока его явления не будут рассматриваться в свете восточной философии.

Итак, г-н редактор, ваш многоуважаемый корреспондент, доктор Уолдрич, виновен в двух ошибочных постулатах. В последнем предложении своей статьи он говорит:

---

⁴¹ *Incubiu succubi* (инкубы и суккубы) – в европейской традиции, элементалы, соответственно мужского и женского рода; считаются темными демонами, стремящимися к противоестественной связи с людьми противоположного пола; Е.П.Блаватская отождествляет их с индийскими пишачами.

«Не знаю, удалось ли мне доказать, что "элементарии" – это миф, но я, по крайней мере, надеюсь, что пролил немного больше света на эту тему читателям журнала».

На это я отвечаю: 1) он вовсе не доказал, что «элементарии – это миф», ибо элементарии, за редким исключением, являются привязанными к земле гидами и духами, в которых он сам верит так же, как и любой спиритуалист; 2) вместо того, чтобы пролить свет на эту тему, доктор затуманил ее еще больше; 3) подобные объяснения и безответственные разоблачения наносят огромный вред будущему спиритуализма и чрезвычайно задерживают его прогресс, ибо убеждают его последователей в том, что им больше нечему учиться.

Статья впервые опубликована в «Religio-Philosophical Journal», Chicago, Vol. XXIII, Nov. 17, 1877, с подзаголовком «Письмо ответственного секретаря Теософского Общества»; на русском языке – *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* – М., Сфера, 1996. С. 135–142. Пер. В.И.Мызникова.

Взгляды каббалистов на «духов»

[Редактору «Religio-Philosophical Journal»]

Уважаемый сэръ! Я вновь обращаюсь к вам с просьбой позволить мне выступить на страницах вашего журнала для разъяснения очень важного вопроса – об «элементалах» и «элементариях». К сожалению, в наших европейских языках не существует терминологии для выражения различных градаций и состояний духовных существ. Но, несомненно, я не могу отвечать ни за то, что наш язык недостаточно совершенен, ни за то, что некоторые не хотят или не могут понять смысл моих слов! Я не могу слишком часто повторять, что не претендую на оригинальность в данном вопросе. Мое учение – лишь суть того, что многие каббалисты утверждали до меня и что я хотела бы, с вашего позволения, сейчас доказать.

Меня обвиняют: 1) что я «выделываю сальто» и перескакиваю с одного на другое; обвиняемая заявляет: не виновна. 2) Что придумываю не только слова, но и философские учения, которых сама не в состоянии понять;

обвиняемая также не признает своей вины. 3) Что неоднократно утверждала, будто «разумные духи» – не те, кто жил на земле в физическом теле, а совсем другие – участвуют в явлениях, известных как феномены спиритуализма; верно, и обвиняемая готова повторить это утверждение. 4) Что в своих смелых и необоснованных теориях зашла «дальше самого великого Элифаса Леви». Неужели? Если бы я даже зашла так далеко, как он (смотри его «La Science des Esprits»), *то* я отрицала бы, что каждое так называемое спиритическое явление есть нечто большее, нежели галлюцинация, вызванная бездушными элементами, которых он называет «элементариями» (смотри «Догмы и ритуалы высшей магии»).

Меня спрашивают: «Где же доказательство существования элементаров?» В свою очередь, я задам встречный вопрос: «А где доказательство существования "diakkas", "guides", "bands" и "controls"? Ведь эти термины в широком обиходе у спиритуалистов. Доказательством служит единодушное свидетельство бесчисленных наблюдателей и компетентных экспериментаторов. Если спиритуалисты не могут или не хотят ехать в те страны, где живут эти свидетели и где можно найти такие доказательства, то они, по крайней мере, не имеют права опровергать тех, кто видел адептов и сталкивался с фактами. Мои свидетели – живые люди, преподающие и наглядно подтверждающие философию седых веков; их же свидетели – те самые «guides» и «controls», которые и поныне существуют, в лучшем случае, гипотетически и чьи утверждения сами спиритуалисты неоднократно находили противоречивыми и ложными.

Если мои нынешние критики утверждают, что с самого начала дискуссии по этому вопросу развоплощенный дух никогда не рассматривался как «элементарий», то я сошлюсь на лондонский «Spiritualist» от 18 февраля 1876 года, вышедший почти два года тому назад, в котором корреспондент, несомненно изучавший оккультные науки, говорит: «Разве не может быть, что некоторые злобные элементарные духи – это сущности, недавно сбросившие физическую оболочку, которые, находясь на пороге окончательного уничтожения, продлевают свое временное существование, вампиризируя живых людей? Они существовали, но так и не достигли реального бытия». Обратите внимание на две особенности: что помимо гномов, сильфов, ундин и саламандр – сущностей исключительно элементарных – признается существование человеческих элементариев; и что уничтожение души считается возможным.

Вот что говорит Парацельс в своей «Philosophia Sagax»⁴²: «Поток астрального света с его особыми обитателями, гномами, сильфами, и т.д., в момент зачатия преобразуется в человеческий свет и становится первой оболочкой души – ее большей частью; в сочетании с тончайшими флюидами, он образует сидеральный (астральный или эфирный) фантом – внутреннего человека». Элифас Леви добавляет: «Астральный свет насыщен душами, которые он постоянно сбрасывает в физический мир... При рождении ребенка они влияют на четыре типа темперамента: у меланхоликов превалирует элемент гномов; у сангвиников – элемент саламандр; у флегматиков – ундин; у холериков – сильфов... Это те духи, которых мы обозначаем термином оккультные элементы». («Догмы и ритуалы высшей магии», том II, глава «Заклинение четырех классов элементариев»). «Да, да, – говорит он (там же, том I), – эти духи элементов действительно существуют. Некоторые из них блуждают в своих сферах, другие пытаются воплотиться, третьи уже воплотились и живут на земле. Это все порочные и несовершенные люди».

Обратите внимание: перед нами описание более или менее «разумных духов, отличных от тех, которые прежде жили на земле в физическом теле». Если бы они не были разумными, они бы не знали, как можно воплотиться. Злобные элементалы или элементарии притягиваются к злым родителям; они купаются в их ауре зла, и, пользуясь пороками родителей, закрепляют их в ребенке. Неразумные «элементалы» бессознательно притягиваются друг к другу и, в порядке, определенным природой, как составные части большего астрального тела, или души, определяют темперамент. Их сопротивление так же мало, как и тех живых организмов, которые попадают в наши тела с глотком воды.

О третьем классе – одном из сотен, известных восточным философам и каббалистам – Элифас Леви, рассуждая о спиритических феноменах, говорит следующее: «Это не души проклятых или преступных; элементарные духи – как дети, любопытные и безобидные, и досаждают людям в зависимости от уделяемого им внимания». Их он рассматривает как единственных посредников всех бессмысленных и бесполезных физических феноменов на спиритических *сеансах*. Подобные феномены продолжаются до тех пор, пока эти сущности не подчинит себе «более сильная воля, нежели их

---

⁴² Речь идет об «Astronomia magna: oder die gantze Philosophia sagax der grossen und kleinen Welt», Frankfurt, Hieronymus Feyerabends, 1571.

собственная». Такой сильной волей обладают адепты, но, поскольку никто из них не посещает *спиритических сеансов* западных стран, то этими готовыми посредниками управляет любой сильный, злобный, привязанный к земле человеческий элементарий, привлеченный к данному месту. Он использует их, в сочетании с астральными эманациями круга и медиума, как вещество, из которого производятся материализованные духи.

Леви полагает⁴³ возможность возвращения духа в объективной форме настолько малой, что заявляет: «Умершие праведники возвращаются к нам во сне; состояние медиумизма есть продление сна – это сомнамбулизм, во всех своих проявлениях и экзальтациях. Постигните феномен сна – и вы поймете феномен духов...

В соответствии с одной из величайших догм каббалы, душа сбрасывает с себя оболочку, чтобы подняться выше, и, следовательно, ей приходится вновь в нее облекаться, чтобы спуститься. Для уже развоплощенного духа есть только один путь объективно проявиться на земле – он должен вновь войти в свое тело и воскреснуть. Это уже нечто совершенно иное, нежели прятаться под столом или в шляпе. Вот почему ужасна некромантия. Это преступление против природы... В наших предыдущих работах мы уже признали возможность существования вампиров и даже пытались объяснить этот феномен. Явления, происходящие сегодня в Америке и Европе, несомненно, относятся к этой страшной чуме... Правда, медиумы не едят трупов (как сержант Бертран), но их нервная система впитывает в себя фосфорические эманации разлагающейся плоти, или спектральный свет. Они не вампиры, но они вызывают вампиров. По этой причине почти все они ослабленные и больные люди».

Генри Кунрат был весьма ученым каббалистом и величайшим авторитетом среди оккультистов средневековья. В одной из ключевых глав своего «*Amphitheatrum Sapientiae Aeternae*» он описывает характерные черты четырех больших классов элементарных духов, предстающих во время вызывания пред взором мага, преступившего порог и приподнявшего «покров Изиды». Описание Кунрата соответствует описанию Элифаса Леви. Он говорит, что это – развоплощенные, злобные люди, распростившиеся со своим божественным духом и ставшие элементариями. Их называют так, «потому что они притянуты земной атмосферой и окружены земными

---

⁴³ Далее цитируется «*La Science des esprits*».

элементами». Кунрат употребляет здесь термин «элементарии» по отношению к обреченным душам, в то время как Леви, как мы уже видели, использует его для обозначения другого класса той же большой семьи – гномов, сильфов, ундин, и т.д. – сущностей, стоящих ступенью ниже людей.

Передо мной манускрипт, первоначально предназначавшийся для публикации, но по разным причинам не изданный. Автор, подписавшийся как «Зевс» – каббалист с двадцатипятилетним стажем. Этот опытный оккультист, ревностный последователь Кунрата, излагая доктрину последнего, также утверждает, что каббалисты подразделяют духов-элементалов на четыре класса, соответствующие четырем темпераментам человека.

Меня обвиняют в ужасном преступлении, в связи с утверждением, что некоторые люди теряют свои души и уничтожаются. Но тогда вышеозначенный авторитет, «Зевс», тоже преступен, ибо он пишет: «Они (каббалисты) учили, что человеческий дух спустился из великого океана духа, и, следовательно, *perse* чист и божествен; но его душа или капсула, из-за (аллегорического) падения Адама, утратила свою чистоту в мире тьмы, или мире Сатаны (зла) и должна опять обрести ее, прежде чем вновь подняться к неземному блаженству. Представьте каплю воды в капсуле, брошенной в океан; до тех пор, пока капсула цела, капля изолирована, но стоит разбить капсулу – капля станет частью океана и ее индивидуальное существование прекратится. То же самое происходит и с духом: до тех пор, пока его луч окружен своим пластическим посредником или душой, его индивидуальное существование продолжается. Уничтожьте эту капсулу (астрального человека, который в таком случае становится элементарием), как это может произойти, вследствие порочности, с самыми злыми и растленными душами, и дух возвратится в свою изначальную обитель, индивидуализация человека прекратится». «Это противоречит идее продвижения, весьма популярной среди спиритуалистов, – добавляет он. – Если бы они поняли закон гармонии, то увидели бы свою ошибку. Именно этот закон поддерживает индивидуальную жизнь; но чем дальше мы отклоняемся от гармонии, тем труднее ее вновь обрести». Но вернемся к Леви. Он говорит («Догмы и ритуалы высшей магии», том I): «Когда мы умираем, наш внутренний свет (душа) поднимается, согласно притяжению своей звезды (духа); но душа, прежде всего, должна избавиться от колец змия (земное зло – грех), то есть от неочищенного астрального света, окружающего и

удерживающего ее в плену, пока, усилием воли, не сумеет освободиться и подняться к духу. Это погружение живой души в мертвый свет (эманации зла, отравляющие магнетическую оболочку земли, как зловонные испарения болота отравляют воздух) – ужасная пытка; душа одновременно и замерзает в нем, и горит».

Каббалисты представляют Адама как Древо Жизни, в котором человечество – ствол; различные расы – ветви, а отдельные люди – листья. Каждый лист живет своей индивидуальной жизнью, но питается единым соком, и жизнь его зависит от ветви, а последней – от ствола. «Злобные, – говорит каббала, – это мертвые листья и гнилая кора дерева. Они падают, умирают, гниют, превращаются в удобрение, которое возвращается в дерево через корни».

Моя подруга, мисс Эмили Кислингбери из Лондона, секретарь Британской национальной ассоциации спиритуалистов, которую уважают и любят все, кто знает ее, прислала мне сообщение духов, полученное в апреле 1877 года через молодую леди, одну из чистейших и правдивейших женщин. Следующий отрывок как нельзя лучше подходит к обсуждаемой нами теме: «Мой друг, вы правы. Поддерживайте наш спиритуализм чистым и возвышенным, ибо есть такие, кто воспользуется его унижением. Но это потому, что они не знают истинной силы спиритуализма. То, что дух может победить плоть – верно до определенной степени; но есть и такие, кому плотская жизнь дороже духовной, они ходят по лезвию бритвы. Ибо плоть может настолько затмить дух, что выхолащивает все духовное, и человек становится полевым животным, лишенным спасительной силы. Это те, кого церковь называет "нечестивцами", навеки пропавшими, но они не мучаются осознанно, как учит церковь, в аду. Они просто умирают и не существуют; свет их уходит, и сознательное бытие прекращается». (Вопрос): «Но разве это не уничтожение?» (Ответ): «Это равносильно уничтожению; они утрачивают свою индивидуальность и возвращаются к огромному резервуару духа – бессознательному духу».

Наконец, меня спрашивают: «Кто такие профессиональные провидцы?» Отвечаю: это те, кого с детства учили в пагодах пользоваться духовным зрением; чьи доказательства фундаментальных истин восточной философии на протяжении тысячелетий неизменны; причем каждое последующее поколение подтверждало доказательства предшествующего.

Доверять ли им более или менее, нежели сообщениям «bands», каждая из которых противоречит другой точно так же, как различные религиозные секты готовы перерезать друг другу глотки; или медиумам, даже лучшие из которых пребывают в неведении относительно своей собственной природы и не подлежат мудрому руководству и обузданию адептом психологической науки?

Ясного представления о природе невозможно достичь без обращения к закону гармонии и аналогии – как в духовном, так и в физическом мире. «Как вверху, так и внизу», – гласит древняя герметическая аксиома. Если бы спиритуалисты применили ее в своих исследованиях, они увидели бы философскую необходимость действия закона выживания сильнейших – как в мире духа, так и в мире материи.

Статья впервые опубликована в «Religio-Philosophical Journal», Chicago, Vol. XXIII, January 26, 1878, p. 2, под названием «Взгляды каббалистов на "духов", как их представляет Теософское Общество»; на русском языке – *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* – М., Сфера, 1996. С. 143–151. Пер. В.И.Мызникова.

"Дух" и "Душа"

[Редактору "Spiritualist"]

Сэр! Позвольте скромному теософу впервые выступить на страницах вашей газеты и сказать несколько слов в защиту наших убеждений. В номере за 21 декабря прошлого месяца один из ваших корреспондентов, мистер Кроушер, делает следующие смелые утверждения:

Если бы теософы до конца постигли природу души и духа и их взаимосвязь с телом, они бы поняли, что если душа покидает тело, то вернуться уже не может. Дух может отойти, но, если однажды отходит душа, она отходит навеки.

Это заявление столь туманно и двусмысленно, что если под термином "душа" он подразумевает не жизненный принцип, то я могу только предположить, что он впадает в распространенную ошибку, называя астральное тело духом и бессмертную сущность – "душой". Мы же, теософы, поступаем *vice versa*, как об этом уже говорил полковник Олькотт.

Кроме необоснованного обвинения нас в невежестве, мистер Кроушер выражает идею (для него характерную), что проблема, занимавшая умы метафизиков всех веков, в наше время уже решена. Трудно представить, чтобы теософы или кто-нибудь еще "до конца" проникли в природу души и духа и в их взаимосвязь с телом. Такое достижение свойственно лишь Всезнанию; мы же, теософы, следуя путем, проложенным стопами древних мудрецов в зыбучих песках экзотерической философии, можем лишь надеяться на приближение к абсолютной истине. Очень сомнительно, что мистер Кроушер достигнет большего, пусть даже он и "вдохновленный медиум", приобретший опыт "во время постоянных сеансов с одним из лучших медиумов" вашей страны. Предоставим времени и спиритуалистической философии решить наш спор. Когда какой-нибудь Эдип нашего или следующего столетия разрешит вечную загадку сфинкса-человека, все современные догмы, даже любимые спиритуалистами, исчезнут, как чудовище Фив, согласно легенде, бросившееся в море с утеса, исчезнув навсегда.

Не далее как 18 февраля 1876 года, ваш ученый корреспондент "М.А.(Оксон)"⁴⁴, в статье "Душа и дух" указывал на путаницу в этих терминах, часто встречаемую у других авторов. Поскольку и сегодня дела обстоят не лучше, то я, пользуясь удобным случаем, хочу показать м-ру Кроушеру и другим спиритуалистам, чьим представителем его можно считать, как превратно они поняли полковника Олькотта и взгляды нью-йоркских теософов. Полковник Олькотт не утверждал и никак не подразумевал, что бессмертный дух покидает тело для медиумических проявлений. И все же м-р Кроушер уверен, что это так, ибо слово "дух" для него означает внутреннего, астрального человека, или двойника. Олькотт же сказал следующее:

---

⁴⁴ М. А. Оксон (псевдоним Стейнтон Моузеса) – преподаватель английского и классических языков в лондонском университетском колледже. Один из лидеров спиритуалистического движения, медиум, автор многих блестящих статей в спиритических изданиях. Принимал участие также и в теософском движении. По словам Олькотта, Моузес приступил к исследованиям медиумических феноменов с единственной целью – выяснить их подлинность, но вскоре сам стал невольным соучастником самых невероятных феноменов. Развевая по ветру все свои научные и философские идеи, поглощавшие его в Оксфорде, Моузес был вынужден признать новые теории о материи, силе, человеке и природе. Своим "духовным водителем" он считал сущность, которую называл "Император" (подробнее см. "Письма Махатм").

Медиумические физические феномены производят не чистые духи, но "души" – воплощенные или развоплощенные, и обычно с помощью элементалов.

Любой думающий читатель понимает, что, заключая слово "души" в кавычки, автор тем самым подчеркивает понимание его в необычном смысле. Как теософ он мог бы выразиться более точно и более философски: "астральный дух", "астральный человек", или двойник. Следовательно, критика здесь совершенно неуместна. Я поражаюсь столь огульному охаиванию на столь шатких основаниях. В конце концов, наш президент лишь выдвигает на рассмотрение идею о *триаде* человека, как это делали античные и восточные философы и их достойный ученик Павел, полагавший, что телесная субстанция, плоть и кровь, насыщена *психе* (*psyche*) – душой, или астральным телом, благодаря которой в ней поддерживается жизнь. Эта доктрина – что человек есть триада: дух, или *ноус* (*nous*), душа и тело – преподавалась апостолом язычников гораздо шире и яснее, нежели его христианскими последователями (см. 1 Фес, 5, 23). Но, явно забыв или не удосужившись "досконально" изучить трансцендентные взгляды древних философов и христианских апостолов по данному вопросу, мистер Кроушер рассматривает душу (*психе*) как дух (*ноус*) и *vice versa*.

Буддисты, разграничивая в человеке три сущности (которые рассматриваются как единое целое на пути к нирване), подразделяют еще и душу на несколько частей, давая каждой из них и их функциям особое наименование. Таким образом они избегают путаницы. Так же поступали и древние греки, полагая, что *психе* является *биосом* – физической жизнью и одновременно *тумосом* – натурой страстей и желаний; при этом животные обладают лишь низшей способностью души – инстинктом. Душа-*психе* сама по себе является соединением, консенсусом, или союзом *bios* – физических жизненных сил, *epithumia* – естественных влечений и *phrenos, mens* – то есть ума. Возможно, сюда следует включить и *animus*. Последняя состоит из эфирной субстанции, которая наполняет собою всю вселенную и исходит от души мира – *Анима Мунди*, или буддийского Свабхават, который *не* дух; хотя неосязаем и неосязаем, но все же, по сравнению с духом, или чистой абстракцией, является объективной материей. Вследствие своей сложной природы душа может опуститься и настолько тесно слиться с физической сущностью, что всякое моральное воздействие на нее высшей жизни прекращается. С другой стороны, она может настолько тесно соединиться с *ноусом*, или духом, что начинает разделять его мощь; в таком случае ее

"носитель", физический человек, становится богом даже во время своей земной жизни. До тех пор пока душа не сольется с духом – либо во время земной жизни, либо после физической смерти – индивидуальный человек не станет бессмертным как сущность. Психе рано или поздно распадается. Человек может обрести "весь мир", но "душу" свою потерять.

Павел, проповедовавший *анастазис* – непрерывное существование индивидуальной духовной жизни после смерти, говорил, что тленное облекается в нетленное. Духовное тело, конечно же, *не* является одним из тех тел, видимых и осязаемых *лярв*, которые появляются на спиритических сеансах и ошибочно называются "материализованными духами". Когда *metanoia*, полное развитие духовной жизни, поднимает духовное тело из физического (развоплощенного, тленного астрального человека, которого Олькотт и называет "душой"), оно становится, в строгом согласии с достигнутым прогрессом, все большей и большей абстракцией для телесных чувств. Оно может воздействовать, вдохновлять и даже сообщаться с людьми субъективно; его можно ощутить, а в тех редких случаях, когда ясновидец абсолютно чист и сознание его ясно, даже увидеть *духовным глазом* (это глаз очищенной психе – души). Но разве может оно проявиться объективно?

Вы вскоре убедитесь, что применять термин "дух" к материализованным *эйдолом* ваших "формопроявлений" совершенно недопустимо, и непременно нужно что-то сделать, чтобы изменить ситуацию, ибо эту тему уже начали обсуждать ученые. В лучшем случае эти феномены являются если и не тем, что греки называли *phantasma*, то *phasma*, то есть призраками.

У ученых, мыслителей и особенно у наших современных *savants* физический принцип более или менее пронизан материальным, и то, что от духа, "они почитают безумием и не могут разуметь" (1 Кор., 2, 14). Выходит, Платон был по-своему прав, презирая землемерство, геометрию и арифметику, ибо все они игнорировали высшие идеи. Плутарх учил, что в момент смерти Прозерпина разделяет тело и совершенную душу, и тогда душа становится свободным и независимым *демоном (даймоном)*. После этого праведные подвергаются второму разложению: Деметра отделяет *психе* от *ноуса*, или *пневмы*. Первая со временем распадается на эфирные частицы, отсюда неизбежное растворение и последующее уничтожение человека, являющегося по смерти сущностью чисто психической. Последний,

ноус, возносится к своей высшей божественной мощи и постепенно становится чистейшим, *божественным Духом*. Калила, как и все восточные философы, презирал чисто психическую природу души. Именно это скопление грубейших частиц души, месмерических выделений человеческой натуры, насыщенной всеми земными желаниями и пристрастиями, пороками, недостатками и слабостями, образующими астральное тело (которое может стать объективным при определенных обстоятельствах), буддисты именуют *скандхами* (группами), а полковник Олькотт для удобства окрестил "душой".

Буддисты и брахманы учат, что человек не может достигнуть индивидуальности, пока не освободится от последней из этих скандх – конечной частицы земного порока. Отсюда их доктрина метемпсихоза, столь осмеянная и совершенно непонятая нашими величайшими востоковедами. Даже физики учат, что частицы, составляющие физическое тело, в процессе эволюции преобразуются природой во множество различных низших физических форм. Почему же тогда считают нефилософским и ненаучным утверждение буддистов, что полуматериальные скандхи астрального человека (его эго, вплоть до окончательного очищения) идут на эволюцию малых астральных форм (которые, конечно, входят в состав чисто физических тел животных), как только он сбрасывает их в своем продвижении к *нирване*? Следовательно, мы можем сказать, что, пока развоплощенный человек сбрасывает частицу этих скандх, часть его воплощается в телах растений и животных. И если он, развоплощенный астральный человек, настолько материален, что Деметра не может найти ни малейшей искры *пневмы*, чтобы вознести ее к "божественной мощи", то личность, если можно так выразиться, постепенно распадается и идет в эволюционную переработку, или, как это аллегорически поясняют индусы, проводит тысячелетия в телах нечистых животных. Здесь мы видим, как в совершенном согласии друг с другом по одну сторону выстраиваются в ряд древние греки и индусские философы, современные восточные школы и теософы; по другую же в совершенном беспорядке стоит блестящая армия "вдохновенных медиумов" и "духовных водителей". И хотя среди последних не найдется и двух, согласных между собой в том, что является истиной, а что нет, все они единодушно отрицают любое из философских учений, какое бы мы ни приводили!

Все это не означает, что я или кто-либо из настоящих теософов недооцениваем истинные спиритические феномены и философию, что мы меньше верим в возможность общения между чистыми смертными и чистыми духами, нежели между порочными людьми и порочными духами или же между добродетельными людьми и порочными духами при неблагоприятных условиях. Оккультизм – квинтэссенция спиритуализма, в то время как современный, популярный спиритуализм я не могу охарактеризовать иначе как *фальсифицированную, неосознанную магию*. Мы даже скажем, что все известные и замечательные личности, все величайшие гении: поэты, художники, скульпторы, музыканты, бескорыстно трудившиеся когда-либо над воплощением своих высших идеалов, – все они были *спиритически* вдохновляемы; не медиумы (как называют их многие спиритуалисты), эти пассивные орудия в руках управляющих ими водителей, но воплощенные, просветленные души, сознательно работающие в сотрудничестве с чистыми развоплощенными человеческими и воплощенными высшими планетарными Духами ради совершенствования и одухотворения человечества. Мы верим, что все в материальной жизни теснейшим образом связано с духовными факторами. Что касается психических феноменов и медиумизма, то мы полагаем, что только когда пассивный медиум изменится, вернее, перерастет в сознательного медиатора, только тогда он сможет различать хороших и дурных духов. Мы действительно верим, а также знаем, что пока человек воплощен (не считая высочайших Адептов), он не может состязаться в могуществе с чистыми развоплощенными духами, которые, освободившись от всех своих скандх, становятся субъективными для физических чувств; тем не менее он может не уступать и даже намного превзойти в области феноменов как ментальных, так и физических, среднего "духа" современного медиумизма. Следуя этому, вы увидите, что мы более спиритуалисты, в истинном смысле этого слова, нежели так называемые спиритуалисты, которые вместо того чтобы почитать, как мы, истинных духов – богов, унижают само понятие духа, применяя его к нечистым или, в лучшем случае, несовершенным сущностям, производящим большинство феноменов.

М-р Кроушер, протестуя против следующих двух утверждений теософов: что ребенок при рождении является дуадой "и остается таковым, возможно, до шести или семи лет" и что некоторые порочные личности уничтожаются по истечении какого-то времени после своей смерти,

выдвигает два возражения, заключающиеся в том: 1) что медиумы ему описывали трех его детей, "умерших в возрасте двух, четырех и шести лет", и 2) что он знает людей, которые были "очень безнравственны", но все же возвращались на землю. Он говорит:

Эти утверждения впоследствии подтвердили прекрасные сущности, которые возвращались и своим владением законами, управляющими вселенной, доказали, что достойны доверия.

Я поистине счастлива узнать, что м-р Кроушер достаточно компетентен, чтобы оценить этих "прекрасных сущностей" и отдать им пальму первенства над Капилой, Ману, Платоном и даже Павлом. Ради этого стоит быть "вдохновленным медиумом". В Теософском Обществе нет таких "прекрасных сущностей", у которых можно поучиться; но очевидно, что в то время как м-р Кроушер смотрит на вещи и оценивает их сквозь призму собственных эмоций, философы, которых мы изучаем, не принимали от каких бы то ни было "прекрасных сущностей" ничего, что совершенно не соответствует всеобщей гармонии, справедливости и равновесию на проявленном плане вселенной. Герметическая аксиома "как внизу, так и наверху" – единственное правило, признаваемое теософами. Веря в существование духовной и невидимой вселенной, мы не можем себе представить ее иначе как посредством соответствий и сопоставлений с материальной, объективной вселенной; ибо и логика, и наблюдения показывают, что последняя является следствием и видимым проявлением первой и что законы, управляющие обеими, – непреложны.

В своем письме от 7 декабря полковник Олькотт удачно иллюстрирует вопрос о потенциальном бессмертии ссылкой на общепризнанный физический закон выживания сильнейших. Этот закон приложим как к большому, так и к малому – от планеты до растения. Он применим также и к человеку. Недоразвитый младенец мужского пола проживет в условиях, предназначенных для более развитых представителей его пола, не дольше, чем несовершенное растение или животное. В младенческом возрасте высшие способности еще не развиты, но, как известно, находятся в зачаточном, рудиментарном состоянии. Младенец – лишь животное, каким бы "ангелочком" он ни казался своим родителям, что вполне естественно. Даже самое прекрасное тельце младенца – всего лишь ларец, готовящийся принять сокровище. Младенец – животное, эгоистичное создание, и больше ничего. В нем нет ничего даже от души, психе, за исключением жизненного

принципа; голод, страх, боль и удовольствие, похоже, составляют основу всех его понятий. Котенок и тот превосходит его во всем, кроме возможностей. Серое вещество мозга также еще не развито. Со временем он начинает проявлять ментальные способности, но они имеют отношение в основном лишь к внешним предметам. Развитие ума ребенка может затронуть только ту часть души, которую Павел называет душевной, а Иаков и Иуда – чувственной или душевной. Отсюда слова Иуды (Иуд., 19): "душевные, не имеющие духа", и Павла:

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. (1 Кор., 2, 14).

Только взрослого человека, научившегося различать добро и зло, мы можем назвать духовным, разумным, обладающим интуицией. Дети же, развитые до такого уровня, были бы явлением преждевременным, ненормальным – ошибкой природы.

Почему же тогда ребенок, никогда не живший иной жизнью, кроме как животной, никогда не различавший правду от лжи, которому все равно, жив он или умер, ибо он не может понять ни жизни, ни смерти, должен стать *индивидуально* бессмертным? Человеческий цикл не завершается, пока человек не пройдет через земную жизнь. Ни одну ступень испытания и опыта нельзя проскочить. Необходимо быть человеком, прежде чем стать духом. Мертвый ребенок есть ошибка природы – он должен жить снова; и та же самая психе вновь возвращается на физический план через другое рождение. Подобные случаи, наряду с врожденными идиотами, как сказано в "Разоблаченной Изиде", – единственные примеры человеческого перевоплощения. Если каждый ребенок-дуада бессмертен, то почему мы должны отказываться в подобном индивидуальном бессмертии дуаде животного? Тот, кто верит в *триаду* человека, знает, что младенец это всего лишь *дуада* – душа и тело; и личность, присущая только душе, как нас убедили в этом философы, брэнна. Переживает смерть лишь совершенная триада. Я говорю "триада", ибо по смерти астральная форма становится внешним телом, внутри которого, подобно психе на земле, раскрывается еще более тонкое – и их, в большей или меньшей степени, осеняет ноус. Из-за недостатка места полковник Олькотт не смог изложить эту доктрину более подробно, иначе он бы добавил, что даже не все элементарии (человеческие) уничтожаются. У некоторых из них все же есть шанс на

спасение. Невероятным усилием они могут удержать свой третий, высший, принцип и благодаря этому хотя и медленно и болезненно, но все же восходить, сфера за сферой, сбрасывая при каждом переходе отягощающие прежние покровы и облачаясь во все более сияющие *духовные* оболочки – до тех пор, пока *триада*, освободившись от всех временных частиц, не погрузится в нирвану и не станет единой – Богом.

Воистину тот, в ком после смерти не осталось ни единой искры божественного *руаха*⁴⁵, или ноуса, дающей последний шанс на спасение, – настоящее животное. И все же такие прискорбные исключения имеются – и не только среди порочных людей, но и среди тех, кто всю свою жизнь, заглушая мысли о посмертном существовании, убивал в себе последнее желание достигнуть бессмертия. Только воля человека, его всемогущая воля, сплетает судьбу, и если человек твердо убежден, что смерть – это разрушение, то он его и получит. Наш опыт показывает, что выбор физической жизни или смерти зависит от воли. Некоторые люди силою выбора вырывают себя из челюстей смерти, в то время как другие уступают малейшей болезни. Что человек делает со своим телом, он может сделать и со своей разво-пощенной психе.

Ничто из сказанного не противоречит тому, что медиум видел в астральном свете образы детей м-ра Кроушера, которые были оставлены либо самими детьми, либо вызваны отцом, представившим своих детей взрослыми. Впечатление в последнем случае есть лишь *phasma*, в то время как в первом – *phantasma*, призрак неразрушимого отпечатка того, что некогда существовало реально.

В давние времена "посредниками" человечества были такие люди, как Кришна, Гаутама Будда, Иисус, Павел, Аполлоний Тианский, Плотин, Порфирий и им подобные. Все они были адептами, философами – людьми, которые, проведя всю свою жизнь в чистоте, познании и самопожертвовании, через испытания, лишения и самодисциплину достигли божественного озарения и сверхчеловеческих способностей. Они могли не только производить феномены, наблюдаемые и в наши дни, но изгоняли "бесов", или демонов, из несчастных одержимых, почитая это своим священным долгом. Другими словами, избавляли медиума их дней от "элементариев".

---

⁴⁵ *Руах* (евр.) – воздух, также дух; дух как один из "принципов" человека (Будхи-Манас).

Но в наше время более развитой психики каждый истеричный сенситив мнит себя пророком – и смотрите: медиумов уже тысячи! Без всякого предварительного обучения, самоотречения или хотя бы ограничения своей физической природы они полагают, выступая в качестве глашатаев неопознанных и неопознаваемых разумов, что превзойдут Сократа в мудрости, Павла – в красноречии, а самого Тертуллиана – в пламенном и авторитетном догматизме. Теософы не из тех, кто присваивает себе непогрешимость или признает ее в других; судя других, они хотели бы, чтобы и их судили так же.

Итак, во имя логики и здравого смысла, прежде чем обмениваться эпитетами, давайте представим наши разногласия на суд разума. Давайте будем все сопоставлять и, отбрасывая эмоции и предрассудки как недостойные логиков и экспериментаторов, придерживаться только того, что выдержало испытание беспощадным анализом.

Статья впервые опубликована в "Spiritualist", London, February 18, 1878, p. 68–69, под заголовком "Мадам Блаватская о взглядах теософов"; на русском языке – *Блаватская Е. П. В поисках оккультизма.* – М., Сфера, 1996. С. 152-164. Пер. В. И. Мызникова.

«Что есть человек?»

[Редактору «*La Revue Spirite*»]

Саксонские спиритуалисты несколько путают дух с периспригом (perispit). Возможно, они не различают их, называя первый душой, а второй – духом. Теософы же полагают напротив: для них дух есть *Nous*, а Perispit, или *Psyche* есть душа.

Теософы не признают никаких догм, предвзятых идей или принципов, которым все должно подчиняться. Они мудро и искренне ищут истину и готовы принять ее из любого источника, даже пожертвовав тем, что признавали до сих пор. Чему бы они ни учили в настоящий момент, они далеки от мысли, что разрешили все проблемы. Такое притязание было бы равносильно всезнанию, и это было бы просто смешно. В тот день, когда новый Эдип *полностью* разгадает загадку веков — «Что есть человек?» — в

этот день и древние, и современные доктрины, близкие спиритуалистам, исчезнут, подобно древнему Сфинксу, в океане небытия.

Теософы, также как древние философы и их ученик Павел, утверждавший, что физическое тело насыщено периспритом — *Psyche*, поддерживающей жизнь — считают человека триадой: телом, периспритом и духом.

Буддисты, также разграничивающие эти три сущности, подразделяют perisprit еще на несколько частей. Однако, перед лицом приближающегося совершенства — Нирваны — они признают лишь единственную из них — Дух.

Греки поступали так же, подразделяя perisprit на жизнь и страстную натуру, или *Thumos*. Perisprit, таким образом, является сочетанием физических жизненных сил — *Bios'a*, желаний и страстей — *Epithumia*, и идеальности — *Phren'a*.

Perisprit состоит из эфирной субстанции, наполняющей собой всю вселенную, и следовательно, исходит из космического астрального флюида, который отнюдь не является духом, поскольку этот астральный флюид, хотя и неосязаем и неосязуем, представляет собой, в сравнении с духом, объективную материю. Вследствие своей сложной природы, perisprit может довольно тесно слиться с физической сущностью, ускользая от благого влияния высшей жизни. Точно так же он может довольно тесно слиться с духом и разделить его мощь; в этом случае его проводник, физический человек, может стать Богом даже во время своей земной жизни. Если же такого слияния — духа и материи — не произойдет, человек не сможет стать бессмертным как сущность: perisprit рано или поздно распадется.

Плутарх говорит, что после смерти Прозерпина отделяет тело от души (perisprit'a), после чего последняя становится гением, или *Daimon'ом*, свободным и независимым. Но должно наступить второе разделение, под воздействием Блага. Деметра отделяет perisprit от духа. Первый со временем распадается на эфирные частицы; второй же восходит, ассимилируется с божественными силами и постепенно становится чистым божественным духом.

Капила, как и все Восточные философы, придавал мало значения perisprit'у. Именно это скопление грубейших частиц, человеческих эманаций, изобилующих несовершенствами, слабостями, людскими страстями и

желаниями, способную, при некоторых обстоятельствах, стать объективной, буддисты называют *Skandhas* — группами, Теософы — душой, Аллан Кардек — *perisprit'ом*.

Брахманы и буддисты говорят, что человек не может достичь индивидуальности, пока не сбросит последнюю из этих сканд — остаток земного пятна. Отсюда их доктрина метемпсихоза, столь много осмеянная и столь мало понятая нашими востоковедами. Наука учит, что материальные молекулы, составляющие физическое тело человека, в процессе эволюции преобразуются природой в низшие физические формы. Что ж, буддисты утверждают то же самое и в отношении частиц астрального тела: они говорят, что полу-материальные группы *perisprit'a* употребляются для эволюции низших астральных форм и соединяются с ними в соответствии с их степенью утонченности. Следовательно, до тех пор, пока развоплощенный человек сохраняет хотя бы одну частицу этих *сканд*, некоторые элементы его *perisprit'a* неизбежно будут входить в астральные тела растений или животных. Итак, если астральный человек настолько заматериализован, что Деметра не может найти ни единой частицы духа — личность постепенно распадается и идет в эволюционную переработку. Это то, что индусы символически изображают как тысячелетия, проведенные в нечистых телах животных. Теософы полностью с этим согласны.

Теософы считают, что все великие личности, гении, поэты и истинные художники спиритически вдохновляемы и не являются — по крайней мере, в своей общей массе — просто медиумами, пассивными орудиями в руках их водителей. Напротив, они являются всецело просветленными душами, в высокой степени обладающими духовным элементом и поэтому способные сотрудничать с чистыми духами, во имя одухотворения и совершенствования человечества.

Что касается феноменов *perisprit'a* и медиумизма, то мы полагаем, что чисто пассивный медиум не может отличить хороших духов от дурных, ибо, для этого, он должен стать сознательным посредником. Мы также знаем, что, хотя воплощенный человек, даже высочайший адепт, не может состязаться в могуществе с чистыми духами, которые, освободившись от своих сканд, становятся субъективными для физических чувств, он все же может не уступать и даже превзойти обычных медиумов в области феноменов.

Может ли ребенок, то есть не полностью развившийся человек, переходя в другой мир, существовать там в условиях, предназначенных для совершенных представителей его вида, дольше, нежели растение или животное?

У ребенка еще, так сказать, нет духа; он — лишь душа, и его воспитание затрагивает только астральную природу и имеет дело лишь с внешними предметами.

Человеческий цикл не завершен, пока человек не прошел через земную жизнь. Ни одну ступень испытания или опыта нельзя проскочить; прежде чем стать чистым духом, необходимо быть человеком.

Мертвый ребенок — ошибка природы: он должен родиться вновь; тот же самый *perisprit* должен завершить прерванное испытание путем другого рождения. То же самое относится и к врожденным идиотам. *Это единственные случаи человеческого перевоплощения.*

Если бы ребенок, являясь лишь душой, был бы бессмертным, то почему бы таковыми не быть и животным? Выживает только триада.

После смерти *perisprit* становится внешним телом, внутри него формируется более тонкое тело, и оба они, в большей или меньшей степени, осеняются Духом.

Элементарии, однако, не всегда распадаются после физической смерти; может случиться так, что неимоверным усилием они смогут удержать что-то от третьего принципа и, таким образом, медленно и болезненно, восходить от сферы к сфере, сбрасывая на каждой ступени отягощающие одеяния и облачаясь во все более сияющие покровы; в конце концов, они достигают совершенства и, избавившись от всех материальных частиц, становятся *едиными* — Богами.

Мы уже говорили, что человек, у которого не осталось ни малейшей искры божественного духа, способной спасти его после смерти, подобен животным.

Такие прискорбные случаи все же встречаются — и не только среди порочных людей, но и среди упрямых слепцов и отъявленных отрицателей. В самом деле, только воля человека, его высшая сила, отчасти управляет его судьбой, и если кто-то упорно верит в уничтожение после смерти — он его и

получит. И условия физической жизни, и вид смерти очень часто зависят от воли.

Некоторые люди, лишь силою решимости, избегают объятий смерти, в то время как другие поддаются малейшим болезням. То, что человек может сделать со своим телом — он сможет сделать и с астральным телом, то есть с развоплощённым perispit'ом.

Статья впервые опубликована в «*La Revue Spirite*», Paris, April, 1878, — под заголовком «Фрагменты от мадам Блаватской».

Метафизика и метафизики

[Редактору «*The Spiritualist*»]

Сэр! Две горошины в одном стручке — традиционный символ общего сходства. Это освященное временем сравнение напрашивалось само собою, когда я читала письма двух замаскировавшихся наших противников в вашей газете за 22-е февраля. Они столь идентичны по содержанию, что можно предположить, будто писал их один и тот же человек двумя руками одновременно, как Поль Морфи может играть сразу две партии в шахматы или Коссус — диктовать два письма. Единственное различие между этими письмами — помещенными рядышком на одной и той же странице, подобно двум младенцам в одной кроватке — это то, что послание «М.А. (Кэнтэба)» коротко и учтиво, а «Скрутатора» — нудно и грубо.

По странному совпадению, оба этих метких стрелка выстрелили из своего надежного укрытия по некоему «ученому оккультисту», и пули пронеслись прямо над головой мистера Ч.К.Мэсси⁴⁶, который процитировал

---

⁴⁶ Мэсси Чарльз Карлтон (1838-1905) — английский адвокат, писатель и переводчик. Оставил успешную адвокатскую практику чтобы посвятить себя изучению философии и парапсихологии. Выступал защитником Генри Слейда на его знаменитом суде в Лондоне. Один из основателей Общества Психических Исследований. По словам главного организатора Общества, Уильяма Ф.Барретта, Мэсси был «выдающимся исследователем философии и психологии, и одним из наиболее оригинальных и полных идей мыслителей, которых я когда-либо знал». Мэсси был убежден, что феномены спиритуализма как

некоторые высказывания этого лица в письме, опубликованном 10-го мая 1876-го года. То ли по иронии судьбы, то ли еще по какой причине, они забросали нас с полковником Олькоттом мнениями этого «ученого оккультиста», словно это снаряды, призванные сразить нас наповал. Но «ученый оккультист», о котором идет речь, ничуть не более и не менее учен, чем ваша покорная слуга — по той простой причине, что оба... одно и то же лицо. Выдержки, опубликованные с моего разрешения, были взяты м-ром Мэсси из моего письма к нему. Более того, оно сейчас передо мной — и я не нахожу ни единого слова, которое желала бы изменить, кроме одной незначительной опечатки. Изложенное там я, собственной персоной, повторяю и сегодня: теории 1876-го года ни по одному аспекту не противоречат теориям 1878-го. И я намереваюсь это доказать, но прежде покажу беспристрастным читателям, на какой шаткой почве стоят наши критики. Их аргументы против теософии — особенно «Скрутатора» — похожи на зеленеющий мох, который внешне выглядит как бархатистый, без кореньев и кочек, зеленый ковер, скрывающий под собою глубокое болото.

Вступающий в полемику под псевдонимом должен быть вдвойне осторожным, во избежание обвинения в злоупотреблении возможностью маскировки, дабы безнаказанно оскорблять своих оппонентов. Кто же или что же такое «Скрутатор»? Священник, медиум, юрист, философ, физик (определенно не метафизик) или что-то иное? *Quien sabe?* Похоже, он понюхал всего понемножку, но ничего не удостоил собою. Хотя его аргументы перемежаются с цитатами из наших писем, но критикует он вовсе не то, что нами написано, а то, что мы *могли* подразумевать или что *могли* означать наши высказывания, по его мнению. Выводя умозаключения из того, что существует лишь в глубинах его собственного сознания, он изобретает фразы и дает их истолкования, а затем изливает на них свой праведный гнев. Ни в коем случае не желая оскорбить «Скрутатора» — ибо, хотя я и с «величайшей наглостью» пропагандирую «нелепости», мне все же было бы неловко и стыдно, обойтись с ним столь же грубо, как он с нами —

таковые не дают и не могут дать доказательства бессмертия. Он утверждал, что самореализация может быть достигнута только через «Крестный путь», обуздание своих страстей и духовное преображение.

Был также одним из главных организаторов и первым президентом Британского Теософского Общества. Как явствует из ряда писем Е.П.Блаватской разным лицам, она весьма ценила Мэсси как талантливого исследователя и благородного человека. (Избранный сборник трудов Ч.К.Мэсси: «*Thoughts of a Modern Mystic*», London, 1909).

тем не менее, увидя собаку, гонящуюся за тенью собственного хвоста, я буду вспоминать о его письме.

Гадая, кто же такой мой противник, я обратилась за помощью к Уэбстеру, в надежде найти ключ к разгадке псевдонима. «Скрутатор, — говорит великий лексикограф, — «это тот, кто тщательно исследует, изучает что-либо», и слово это происходит от латинского *scrutari* — «искать даже в тряпье»; само же *scrutari* он выводит от греческого корня, означающего «мусор, мишура». Итак, в результате этого анализа, мы можем рассматривать это *nom de plume*, как вполне подходящее к его письму от 22-го февраля, но совсем неудачное для него самого; ибо в лучшем случае оно делает из него нечто вроде литературного *chiffonnier*, роющегося в куче словесного мусора в поисках оскорбительных прилагательных для резких выпадов в наш адрес. Еще раз повторяю: когда анонимный критик обвиняет других людей в «клеветнических нападках» (представляющих собой лишь плод его воображения) и «непостижимых нелепостях» — он должен, по крайней мере, быть уверен, во-первых, в том, что до конца понял то, что сам изволит называть «доктриной» противников и, во-вторых, что его собственная философия непогрешима. К тому же, могу добавить, что когда такой критик позволяет себе называть мнения других людей — наполовину еще не переваренных им самим — «непостижимыми нелепостями», он должен быть крайне осторожен, внося в дискуссию в качестве аргументов сектантские нелепости куда более «непостижимые» и не имеющие ничего общего ни с наукой, ни с философией.

«Я думаю, — серьезно утверждает “Скрутатор”, — что мозг младенца слаб и совершенно непригоден для мышления; в противном случае Иисус не смог бы утратить Своего разума, войдя в тело и мозг младенца» (!!?)

Этот Иисус-младенец «Скрутатора» — явная противоположность Оливеру Джонсону.

Такого рода аргумент может иметь смысл в дискуссии между двумя конфликтующими догматическими сектами, но представляется «величайшей наглостью» — по выражению самого «Скрутатора» — извлекая «прямо из тряпья», использовать подобное в философском споре как научно или исторически доказанный факт! Если я с самого начала отказалась от спора с нашим другом «М.А.(Оксоном)» — которого ценю и уважаю как очень немногих в этом мире — только потому, что он выдвигает «кардинальную догму», то тем более не намерена терять время на теософские дебаты со

старьевщиком-христианином, чьи «изыскательские» данные не продвинули его дальше принятия последнего из мировых *Аватаров* в совершенно нефилософском, буквальном смысле, даже не заподозрив в его словах символического значения. Щеголяние в мнимо философском споре изжившими себя церковными догмами совершенно бесполезно и выявляет, в лучшем случае, ужасную скудость изобретательности. Почему бы «Скрутатору» не обратить свои изощренные оскорбления, *ex cathedra*, на Королевское Общество, члены которого обрекают на уничтожение любого смертного — теософа и спиритуалиста, чистого и нечистого?

С сокрушающей иронией он величает нас «наши учителя». Что ж, в своем предыдущем письме я недвусмысленно заявила, что мы никогда *не* предлагали себя в учителя, но, напротив, отклоняем подобные предложения — вопреки сверхпанегирикам моего уважаемого друга, мистера О'Сулливана, который не только видит во мне «буддийскую жрицу»(!), но и безо всяких оснований приписывает мне организацию Теософского Общества и его отделений! Был бы полковник Олькотт хоть наполовину «психологизирован» мною — как утверждает некая американская спиритуалистическая газета — он бы последовал моему совету и не стал бы обнародовать наши «взгляды», о которых нас столь часто выпрашивают в разных местах. Но, с характерным упрямством, он поступил по-своему и теперь пожинает следствия разрыва бомбы, брошенной им в осиное гнездо. Вместо возможности спокойного обсуждения мы получаем чистейшей воды оскорбления — единственное оружие фанатиков. Ну что ж, тогда используем их и присоединимся к нашим оппонентам в раскапывании вопроса «в тряпье». Мистер Ч.К.Мэсси — хотя и достойный лидер, произведенный «Скрутатором» в вожди — тоже получит свою долю!

Никто из наших критиков не разбирается в наших взглядах (да и в своих собственных) так слабо, как «Скрутатор». Он не понимает, что такое элементарии и делает жуткую путаницу из духа и материи. Так, он говорит, что элементарии — «это новомодный, неопределенный термин... появившийся около двух лет назад»! Одно только это высказывание показывает, что он вступает в дискуссию без малейшего представления о предмете спора. Совершенно ясно, что он не читал ни средневековых, ни современных каббалистов. Генри Кунрат неизвестен ему так же, как и аббат Констан. Ему бы пойти в Британский Музей и спросить «*Amphitheatrum Sapientiae Aeternae*» Кунрата. Там он найдет гравюры четырех больших

классов элементарных духов, изображенных так, как их видели во время магических вызываний маги, поднявшие *Покров Изиды*. Автор объясняет, что это развоплощенные порочные люди, расставшиеся со своим божественным духом и уподобившиеся зверю. После этого труда «Скрутатору» полезно было бы обратиться к Элифасу Леви, где он обнаружит применение термина «элементарные духи» на протяжении всего труда «*Dogme et Rituel de la Haute Magie*», причем в обоих значениях, употребляемых и нами. Особенно это касается того места, где он рассказывает о вызывании духа Аполлония Тианского (том I, стр.262). Цитируя величайшие каббалистические авторитеты, он говорит:

«Если человек жил хорошо, его астральное тело испаряется, как чистый фимиам, восходя к высшим областям; но если он совершал злодеяния — астральное тело, удерживая его в плену, вновь ищет объекты страстей и жаждет возобновить свою жизнь. Он терзает спящих девушек, купается в парах пролитой крови, кружится вокруг мест, где протекали удовольствия его жизни, стережет зарытые им сокровища, изнуряет себя бесплодными попытками воссоздать материальные органы [материализовать себя] и жить вечно. Но звезды притягивают и поглощают его, мало-помалу слабеет разум, память угасает и все его существо растворяется... Несчастный утрачивает один за другим все свои члены, служившие удовлетворению порочных appetitов. Затем он [это астральное тело, «душа» — все, что осталось от некогда жившего человека] умирает во второй раз — и уже навсегда, ибо теперь он теряет свою индивидуальность и память. Не полностью очистившиеся души, которым суждено жить, остаются на какой-то срок в плену у астрального тела и очищаются одическим светом, стремящимся поглотить и растворить их в себе. И вот, стремясь избавиться от этого тела, страждущие души входят иногда в тела живых людей и пребывают там некоторое время в состоянии, которое каббалисты называют эмбриональным [*embryonat*]. Это и есть воздушные фантомы, вызываемые во время некромантии [и я могу добавить, «материализованные духи», вызванные бессознательной некромантией неосторожных медиумов — в случаях, когда эти формы не являются трансформациями их собственных двойников]; это лярвы — мертвые или умирающие сущности, с которыми входят в *контакт* во время вызываний...

...Астральный свет насыщен элементарными душами... Да-да, эти духи стихий действительно существуют. Некоторые блуждают в своих сферах, другие пытаются воплотиться, третьи уже воплотились и живут на земле — это все порочные, несовершенные люди».

И вот перед лицом этих доказательств (которые можно найти в Британском Музее, всего в двух шагах от офиса «*The Spiritualist*!»), свидетельствующих, что каббалисты писали об элементариях и их

потенциальном уничтожении еще со времен средневековья, «Скрутатор» позволяет себе упрекать теософов в «наглом» навязывании спиритуалистам «новомодного и неопределенного термина», которому всего «не более двух лет»!!

Истинно, мы можем сказать, что эта мысль древнее христианства, ибо она встречается в старинных каббалистических трудах евреев. В древности различали три вида «душ» — дочерей Адама, дочерей ангелов и дочерей греха; а в книге «The Revolution of the Souls» указаны три вида «духов» (отличных от материальных тел) — плененные, блуждающие и свободные духи.

Если бы «Скрутатор» ознакомился с литературой каббалистов, то узнал бы, что термин элементарий употребляется не только применительно к главной или составляющей части — к элементарной, первичной субстанции — но также воплощает в себе идею, которую мы выражаем термином элементар: то, что относится к четырем элементам материального мира, первоначальным принципам или первичным ингредиентам. Слово «элементар», как оно оно определено Уэбстером, во времена Кунрата не употреблялось, но суть этого явления понималась совершенно ясно. Установив сие разграничение, теософы, во избежание возможной путаницы, приняли этот термин. В благодарность же мы получили... обвинения в том, что теория об элементариях, выдвинутая нами в 1878-м, отличается от теории 1876-го года!

Противоречит ли что-либо сказанное здесь нами, Кунратом или Леви утверждению «ученого оккультиста», что «каждый атом, где бы его ни обнаружили, насыщен тем жизненным принципом, который зовется духом... В каждой песчинке, равно как и в каждом мельчайшем атоме человеческого тела, в латентном состоянии сокрыта искра божественного света»?

Ни в коей мере. «М.А.(Кэнтэб)» спрашивает: «Как же человек может *утратить* этот божественный свет — целиком или частично — перед смертью, если в каждом мельчайшем атоме человеческого тела в латентном состоянии сокрыта искра божественного света?»

Выделяя курсивом некоторые слова, подобные вышеприведенному, он упускает самые главные слова предложения — «в латентном» — где кроется разгадка всей тайны. В песчинке и в каждом атоме человеческого физического тела дух не активен, но *латентен*; поэтому атом, будучи лишь корреляцией высшего света, чем-то конкретным по сравнению с чисто

абстрактным, оживляется и активизируется духом, хотя и не наделяется отчетливым сознанием. Песчинка, как и каждый мельчайший атом, несомненно, «насыщены тем жизненным принципом, который зовется духом». Как и каждый атом человеческого тела, физического или астрального. И следовательно, каждый атом и того, и другого, подчиняясь закону эволюции — касается ли это объективной или полуконкретной астральной материи — остается вечным на протяжении бесконечных циклов, неразрушимым в первичных, элементарных основах. Назовет ли «М.А.(Кэнтэб)», после всего сказанного, песчинку или обрезок человеческого ногтя сознательно бессмертными? Станет ли он убеждать нас, что отдельный кусочек — как части-ца — обладает теми же атрибутами, возможностями и ограничениями, что и целое? Скажет ли он, что поскольку атомы в обрезке ногтя неразрушимы как атомы, то и тело, частью которого был ноготь, непременно неразруσιμο и бессмертно — как сознательное целое?

Наши оппоненты повторяют слова: Троица, Тело, Душа, Дух — точно так же, как они бы могли сказать: кошка, дом и ирландец, живущий в нем — три совершенно разные вещи. Они не понимают, что какими бы различными ни казались три части человеческой троицы, они в действительности лишь корреляции одной вечной сущности — которая не есть сущность; но, к сожалению, в английском языке отсутствует эквивалентное выражение. И хотя они не понимают этого — дом, живой ирландец и кошка, в конечном итоге, едины. Я поистине начинаю подозревать, что они представляют дух и материю как нечто разное, а не одно целое! Верно говорит Вишну Бава Брахмачари в одном из своих эссе, написанном на маратхи (1869):

«Представления европейцев, что материя есть «Padartha» (эквивалент слова «pada» или слова «Abhava» — то есть *Ahey*, состоящего из двух букв: «Ahe», означающее *есть* и «nahin» — *нет*) — тогда как «Abhava» не есть «Padartha» — всецело ошибочны!»

Кант, Шопенгауэр и Хартман, похоже, писали впустую, да и Капилу вскоре тоже объявят древним невеждой. Я вовсе не намерена встать под знамена Шопенгауэра, утверждавшего, что в действительности нет ни материи, ни духа, но все же я должна сказать, что если бы его изучали, то лучше понимали бы Теософию.

Но возможно ли обсуждать метафизические идеи на европейском языке? Сомневаюсь. Мы говорим «spirit» — и смотрите, к какой путанице это ведет! Европейцы называют этим словом то, что не является частью

физического мира, не зависит от земного, объективного существования — и этим же словом они называют эфирный, насыщенный парами, спиртовой раствор, алкоголь. Следовательно, нью-йоркский репортер, назвавший материализованный дух «замороженным виски», был по-своему прав. Не правда ли, богатый словарь, если Бог и алкоголь обозначаются одним словом! Имея столько библиотек с метафизической литературой, европейские народы даже не потрудились изобрести подходящие слова для разъяснения метафизических идей. А если бы они взяли на себя такой труд, то, возможно, одной книги из тысячи было бы достаточно для информирования общества. Но вместо этого мы имеем жуткую путаницу в терминах, затрудняющую понимание и препятствующую ориенталисту в изложении восточной философии по-английски. В то время как в английском языке одно слово выражает чуть ли не двадцать различных идей — в восточных языках, особенно в санскрите, двадцать или более слов обозначают одну идею во всех ее разнообразных оттенках.

Нас обвиняют в пропаганде идей, которые могут удивить даже «среднего» буддиста. Мы вполне это допускаем; я даже могу добавить, что средние брамины могут быть столь же обескуражены. Мы никогда не говорили, что мы буддисты или брамины, в смысле их популярной экзотерической теологии. Будда, восседающий на лотосе, или Брама, с любым количеством тератологических рук, волнуют нас так же мало, как и католическая Мадонна или христианский личный Бог, вззирающие со стен и потолков соборов. Но ни Будда, ни Брама не являются для своих верующих олицетворением тех идей, что представлены католическими иконами, которые мы считаем просто богохульными. В этом отношении, кто осмелится сказать, что христианство, вместе со своей хваленой цивилизацией, переросло фетишизм Фиджи? Когда мы видим христиан и спиритуалистов, столь легкомысленно и самодовольно рассуждающих о Боге и материализации «духа», нам хочется, чтобы они хоть немного разделяли благоговейные идеи древних ариев.

Мы не пишем для «средних» буддистов или каких-либо других средних людей. Но мне было бы крайне интересно сравнить любого веротерпимого буддиста или брахманиста с лучшими метафизиками Европы, дабы сопоставить их взгляды на Бога и человеческое бессмертие.

Конечное, абстрактное определение этого — назовите его, как хотите: Богом, силой, принципом — всегда останется тайной для человечества, пусть

даже оно и достигнет высочайшего уровня интеллектуального развития. Антропоморфические идеи спиритуалистов относительно Духа являются прямым следствием антропоморфических концепций христиан о Боге. Одно настолько непосредственно вытекает из другого, что «Скрутатор», в качестве аргумента против дуады-младенца и потенциального бессмертия, ссылается на Иисуса, «мудрость которого росла по мере роста его мозга».

Христиане называют Бога Бесконечным, а затем наделяют его всеми конечными атрибутами — такими как любовь, гнев, щедрость, милость! Они называют Его Всемиловитым — и осуждают на вечное проклятие три четверти человечества; называют Всепрощающим — и утверждают, что грехи краткого мига жизни нельзя искупить даже вечностью сознательной агонии. Сегодня, среди тысяч неверно переведенных в «Священном» Писании терминов, каким-то чудом, в версии короля Джеймса, точно передано значение слова «destruction» — синонима annihilation — и ни один словарь уже не истолкует его как проклятие или вечные муки. Хотя церковь постоянно подавляет «деструкционистов», все же беспристрастный читатель вряд ли станет отрицать, что они лучше, нежели их преследователи, поняли то, чему учил Иисус и что соответствует справедливости — доктрину о конечном уничтожении порочных людей.

Мы верим, что во всей вселенной существует лишь один неопределимый Принцип, который — поскольку он совершенно непостижим нашим ограниченным сознанием — мы предпочитаем оставить без обсуждения, нежели унизить его величие своими антропоморфическими спекуляциями. Мы верим, что все сущее — материальное ли, или духовное, все, что может иметь бытие — в действительности или потенциально в нашем сознании, — все исходит из этого Принципа. Что все есть корреляция, в том или ином виде, этой Воли или Силы. И поэтому, рассуждая о невидимом с позиций видимого, мы опираемся в своих размышлениях на учения многих поколений мудрецов, предшествовавших христианству, подкрепляя их собственными доводами.

Я уже показывала, на примере песчинки и обрезка ногтя, неспособность некоторых критиков отделять абстрактные идеи от сложных форм. Они не хотят понять философскую доктрину, которая учит, что атом, насыщенный божественным светом, или частичкой великого Духа, в своей латентной стадии корреляции, может все-таки быть, несмотря на свое сходство и принадлежность к единому неделимому целому, абсолютно

лишенным самосознания. И только когда этот атом, магнетически привлеченный к таким же, как и он, атомам, которые в своем предыдущем состоянии служили вместе с ним формированию какой-нибудь низшей сложной формы, в конце концов, после бесконечных циклов эволюции, преобразуется в ЧЕЛОВЕКА — вершину физического и интеллектуального совершенства на нашей планете — и в единстве с ними становится, как целое, живой душой и достигает состояния интеллектуального самоосознания.

«Камень становится растением, растение — животным, животное — человеком, а человек — духом», — говорят каббалисты. И здесь мы вновь сталкиваемся с этой скверной необходимостью переводить словом «дух» выражение, означающее небесного или, лучше сказать, эфирного, прозрачного человека — нечто прямо противоположное человеку из плоти — но все же человека. Но если человек — венец эволюции на земле, то что же он такое на ранних стадиях последующих существований — тот самый человек, который в лучшем случае, даже когда он якобы служил вместилищем христианского бога, Иисуса, «немного был унижен пред Ангелами»⁴⁷, как сказал Павел? Сегодня же каждое астральное привидение преобразилось в «ангела»! Я не могу поверить, что ученые, пишущие для вашей газеты — а среди них есть мужи весьма большого ума и эрудиции, привыкшие думать самостоятельно; выученные точной наукой, что *ex nihilo nihil fit*; знающие, что каждый атом человеческого тела постепенно, на протяжении циклов, развивался от низших форм к высшим — принимают ненаучную и нелогичную доктрину о том, что простая скорлупа астрального человека преображает его в божественный дух и «ангела»-водителя.

По представлениям теософов, дух — это луч, частичка целого; и поскольку Целое является Всеведущим и Бесконечным, то и частичка его должна обладать, в какой-то степени, этими качествами. Человеческий «дух» должен стать каплей Океана, называемого «Ишвара-Бхава» — «я одно целое со вселенной» (Я в Отце и Отец во Мне), вместо того, чтобы оставаться «Джива-Бхава» — всего лишь телом. Он должен почувствовать себя не только частичкой Творца, Хранителя и Разрушителя, но и частичкой души этой троицы — Парабрамана — который выше их и является оживотворяющим, активизирующим и превышним Духом. Он должен полностью осознать значение слова «Сахаджананда» — того состояния полного блаженства в

---

⁴⁷ Послание к Евреям Святого Апостола Павла, 2, 9.

Нирване, которое может существовать только для Того, кто со-существует с «бесформенным и бездейственным настоящим». Это состояние называется «Вартамана», или «Всегда Только Настоящее», где нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одна безграничная вечность настоящего. Кто из контролирующих «духов», материализованных или невидимых, проявил какие-либо признаки принадлежности к настоящим духам, известным как «Сыновья Вечности»? Способен ли самый высший из них сообщить нам столько, сколько наш собственный Божественный *Nous* может шепнуть нам в минуты внезапного озарения? Вступающие в контакт честные «разумы» на многие вопросы отвечают: «Мы не знаем, это нам не известно».

Это признание прекрасно доказывает, что хотя они во многих случаях и встали на путь знания и совершенства — все же они лишь эмбрионы, неразвитые «духи». Они даже ниже некоторых живущих йогов, слившихся, посредством абстрактной медитации, со своим личным, индивидуальным Брахмой, своим Атманом и тем самым преодолевших «Аджняна» — незнание истинной ценности своего «я», и *Ego* — то есть самость, что так рекомендовал Сократ и Дельфийский оракул.

Лондон часто посещают высокоинтеллектуальные, образованные индусы. И никогда я не слыхала, чтобы кто-нибудь из них заявлял, что верит в «материализованных духов» — как в духов. Как может кто-то из них, не развращенный, посредством деморализующих контактов с европейцами, материализмом, свободный от суеверного сектантства, сведущий в Веданте, относиться к этим призракам кругов? Скорее всего, побывав у нескольких медиумов, он скажет: «Возможно, некоторые из них представляют собою то, что переживает сознание развоплощенного человека, но они не более духовны, чем средний человек. Они не обладают знанием “Дхьянанта” и, очевидно, находятся в хроническом состоянии “Майя” — то есть одержимы идеей, что “они являются тем, чем не являются”. “Вартамана” для них ничего не значит, поскольку они осведомлены лишь о “Вишама” (то есть о том, что, подобно конкретным числам в математике, относится лишь к исчисляемому). Как и простые невежественные смертные, они принимают тень вещей за реальность и, *vice versa*, смешивают истинный свет “Вьятирека” с ложным светом, обманчивой внешностью — “Анвайя”... В чем же тогда они превосходят среднего смертного? Нет, они не духи и не “Дэвы”, а просто... астральные “Дасиусы”».

Конечно, все это покажется «Скрутатору» «непостижимой нелепостью», ибо, к несчастью, слишком мало метафизиков восходит на западном небосклоне. Поэтому до тех пор, пока наши английские оппоненты будут оставаться на своих полухристианских позициях и игнорировать не только древнюю философию, но и самые термины, которые она применяет для передачи абстрактных идей; до тех пор, пока мы вынуждены передавать эти идеи общепринятым способом — не вводя специальных терминов, необходимых для их разъяснения — до тех пор бесполезно продолжать дискуссии. Мы только опротивеем нашим читателям и получим еще от нескольких анонимных писателей такие же неубедительные «комплименты», какими одарил нас «Скрутатор».

Е.П.Блаватская
Нью-Йорк,
7 марта, 1878 г.

Статья впервые опубликована в «The Spiritualist», London, March 22, 1878, p. 140-141, — под заголовком «Мадам Блаватская об индийских метафизиках». Позднее публиковалась также под названием «Индийские метафизики».

Тодды

[Редактору «The Spiritualist»]

Эти строки — ответ вашему корреспонденту «Г.М.», высмеявшему мое мнение о тоддах. Я хочу сказать, что рассказанное о них в «Разоблаченной Изиде» было написано под впечатлением книги полковника Маршалла «Френолог среди тоддов», в которой, на мой взгляд, автор приходит к ошибочным выводам. Если бы, описывая восточную психологию, ее феномены и тех, кто их производит, я не предвидела таких отрицаний и противоречий, с какими выступил «Г.М.», то мне вполне можно было бы отказать в здравом уме. Какая польза искателю оккультных знаний в опасностях, лишениях и всякого рода препятствиях на пути их достижения, если он все же не будет располагать фактами, дабы поведать о них профану? Большинству критиков — обычным путешественникам или наблюдателям,

которых д-р Карпентер ласково величает «офицер-ученый» или просто «известный ученый», практически каждому европейцу, не обладающему неким мистическим паспортом, входить в дом ортодоксального брахмана или в пагоду запрещено. Почему же тогда мы, бедные теософы, должны трепетать под презрительным взором этих современных Даниилов, когда даже умнейший из них не в состоянии объяснить простейших «трюков» индусских фокусников, не говоря уже о феноменах факиров! Эти *ученые мужи* на все свидетельства спиритуалистов отвечают высокомерным презрением и как личное оскорбление отвергают приглашение посетить спиритический сеанс.

Я не стала бы заострять внимание на тоддах, если бы не письмо «Late Madras C.S.», напечатанное в вашей газете за 15-е число. Я чувствую себя обязанной ответить на него, так как автор его изображает меня лгуньей. Более того, он угрожает мне громовыми стрелами, которые некий другой офицер скрывает в шкафах своей библиотеки.

Замечательно, как человек, прибегающий к *alias*, порою забывает, что он джентльмен. Возможно, так принято в вашей цивилизованной Англии, где, говорят, манеры и образование достигли утонченной изысканности; однако же в несчастной варварской России, которую именно теперь добрая половина ваших соотечественников старается подмять под себя (если им это удастся), все обстоит совсем иначе. В моей стране татарских казаков и калмыков оскорбляющий обычно не прячется за спины других. Сожалею, что вынуждена распространяться об этом, но вы позволили своим корреспондентам, без какого бы то ни было повода с моей стороны, всячески оскорблять меня, и я уверена, что как человек чести вы не откажете мне в привилегии ответить на эти оскорбления.

«Late Madras C.S.» заодно с миссис Шауэрз утверждает, будто я никогда не бывала в Индии. Это напомнило мне о клеветнических слухах, распространявшихся в прошлом году по поводу «духов», говоривших через знаменитого бостонского медиума; тогда в эту клевету поверили многие. Дело в том, что я *не была* тогда русской и даже не говорила на этом языке, а была просто французской путешественницей. Но довольно о непогрешимости добрых «ангелов»! Конечно, я не намерена предъявлять никому из моих замаскированных клеветников как в этом мире, так и в ином свои паспорта с многократными визами, выдававшимися мне во время путешествий в Индию и обратно русским посольством. Я также считаю ниже

собственного достоинства предъявлять конверты с марками от писем, полученных мною в различных частях Индии. Подобное обвинение просто смехотворно, поскольку, само собою, моим словам можно доверять так же, как и словам кого-то другого. Скажу только, что очень жаль, что английский офицер, проживший «пятнадцать лет в этой части Индии», знает о тоддах меньше меня, которая, по его утверждению, вообще никогда не была в Индии.

Он называет «купол» пагоды *gopura*. А почему не крышу или что-нибудь еще? *Gopura* — это священный пилон, ворота пирамидальной формы, через которые входят в пагоду; и все же я неоднократно слышала, как население Южной Индии называет *gopura* саму пагоду. Быть может, это просто неточное выражение, употребляемое простонародьем, но когда мы обращаемся к авторитету лучших индийских лексикографов, то убеждаемся, что такое значение действительно существует. В «Индийско-английском словаре» Джона Шекспира (издание 1849 г., с. 1727) слово *gopura* переводится как «храм индусов-идолопоклонников». Бывал ли «Late Madras C.S.» или кто-либо из его друзей внутри этого храма, дабы узнать, кто или что сокрыто в нем? Если нет, то его выпад против меня является явно преждевременным. Сожалею, что задела чувства такого филологического пуриста, но я действительно не понимаю, почему, говоря о храмах тоддов, существуют они или нет, даже брахман гуру не может сказать, что у них есть свои *gopuras*. Может быть, он или кто-то еще из блестящих знатоков санскрита и прочих индийских языков объяснит нам этимологию этого слова? Означает ли первый слог «go», или «gu» — округлость этих «куполов», как мой критик называет их (хотя слово «go» действительно означает что-то круглое), или этот слог относится к слову «гора», пастух, давшее наименование индусской касте и бывшее одним из имен Кришны — «go-pala», что означает пастух? Пусть эти критики внимательно прочтут работу полковника Маршалла и сами убедятся, можно ли сказать, что это племя пастухов (он так много раз его видел и так мало о нем узнал), которое поклоняется (экзотерически, конечно) священным коровам и буйволам, проводя свои дни в заботах о распределении «божественного нектара» — молока, и чье восхищение своими буйволами, как говорят миссионеры, настолько велико, что они называют их «даром божьим», — можно ли сказать, что это племя не имеет своих *gopuras*, хотя последние представляют

собой лишь огороженную площадку для скота, *tirieri*⁴⁸... короче говоря, *tand*, куда наш френологический исследователь полз впотьмах в одиночку, испытывая бесконечные муки, но так *ничего* и не увидел и не нашел! И только из того, что он ничего не нашел, заключает, что у них *нет ни* религии, *ни* представления о боге, *ни* предмета поклонения. Примерно к такому же разумному выводу может прийти и д-р Карпентер, если однажды вечером, пробравшись в спиритический *кабинет* миссис Шауэрз, он обнаружит, что там уже нет ни «ангелов», ни их гостей, и тут же поспешит оповестить весь мир, что среди спиритуалистов нет ни медиумов, ни феноменов.

Полковника Маршалла я нахожу гораздо менее догматичным, чем его поклонники. Такие осторожные фразы, как «я полагаю», «я не мог выяснить», «я думаю, что это правда» и тому подобное, показывают его желание докопаться до истины, хотя едва ли свидетельствуют о том, что он ее нашел. В лучшем случае все сводится к тому, что полковник Маршалл считает достоверным то, на что я смотрю совсем по-иному. Он доверяет своему другу миссионеру, я же верю своему другу брахману, который и рассказал мне то, о чем я написала. К тому же я очень ясно выразилась в своей книге (см. «Разоблаченная Изида», т. II.):

Как только их (тоддов) уединенность была осквернена лавиной цивилизации... тодды начали перебираться в другие места, столь же неизвестные и еще более недоступные, чем до этого Нильгирийские холмы.

Следовательно, тодды, о которых мне говорил мой друг брахман и которых видел капитан О'Грэйди, покойный менеджер Мадрасского отраслевого банка в Утакаманде, не были вырождающимися остатками племени, чьи френологические шишки измерял полковник Маршалл. И все же, несмотря на все, что он о них написал, я должна признать, что и сама допустила много неточностей. Мои критики могут считать меня слишком легковой, но это не дает повода обвинять меня во лжи ни покойным, ни живым правителям Мадраса. Ни капитан О'Грэйди, родившийся в Мадрасе и некоторое время находившийся вместе со своей частью на Нильгирийских холмах, ни я сама не признали в существах, сфотографированных в книге полковника Маршалла, тоддов. У тех, кого мы видели, длинные темно-коричневые волосы, а сами они намного светлее, чем бадаги или другие

---

⁴⁸ *Tirieri* — согласно Е.П.Блаватской, священное и весьма охраняемое тоддами жилище, иногда подземное, за буйволиным хлевом есть храм *tirieri*, посвященный совершенно неизвестному никому, кроме тоддов, культу.

индусские племена, и ничем не напоминают тип, описанный полковником Маршаллом. «Г.М». пишет:

У тоддов коричневая, цвета кофе, кожа, такая же, как и у многих других туземцев.

Но в «Новой американской энциклопедии» Эплтона (т. XII, с. 173) мы читаем:

У этого народа *светлый цвет лица*, с ярко выраженными еврейскими чертами; многие считают, что это одно из утерянных племен.

«Г.М». уверяет, что в местах, где живут тодды, нет ядовитых змей и тигров, но та же «Энциклопедия» замечает:

Горы кишат дикими животными, среди которых много слонов и тигров.

Но «Late Madras C.S». («Late» — усопший? ваш корреспондент — бесплотный ангел?), достигает вершины абсурда, когда в конце с язвительной иронией заявляет:

Все добрые духи, независимо от их степени, астральные или элементарные... стараются не допустить встречи (капитана Р.Ф.Бертон) с «Изидой» — тяжким может оказаться разоблачение!

Конечно, пока эта воинствующая Немезида будет испытывать гостеприимство какой-либо американской газеты, где всем заправляют политики, Бертон никогда не будет казаться грубее, чем сей мадрасский Грэндисон. Но предполагать, что, вступив в противоречие и высмеяв в своих двух томах величайшие авторитеты Европы и Америки, начиная с Макса Мюллера и кончая позитивистами, я должна прийти в ужас от капитана Бертона или целой гвардии капитанов на службе у ее величества, хотя бы у каждого из них на плече был револьвер Армстронга, а в кармане митральеза — эта идея просто великолепна! Пусть они приберегут свои угрозы для моих христианских соотечественников.

Любой средний лжеученый (а чем меньше у него мозгов, тем проще), встав на позиции простолюдина, может растерзать «Разоблаченную Изиду» на кусочки своим софизмом и якобы авторитетным анализом, но докажет ли это, что он прав, а я нет? Пусть за меня ответят все рекорды медиумических феноменов, отвергнутых, сфальсифицированных, оклеветанных и высмеянных, а также рекорды медиумов, которых терроризируют вот уже тридцать лет.

Я вовсе не из тех, кого легко заставить замолчать подобными методами, в чем «Late Madras C.S.» со временем убедится; и, если я захочу кого-то

оскорбить, он никогда не увидит меня прячущейся за *псевдонимом*. У меня всегда было, есть и, я уверена, будет достаточно мужества высказывать свои убеждения, какими бы непопулярными и ошибочными они ни считались; и в Великобритании не хватит ливней, дабы потушить тот пыл, с каким я буду отстаивать свои убеждения.

Существует лишь единственное объяснение той бури, которая в течение четырех месяцев свирепствовала в «Spiritualist» над Олькоттом и мною, и оно прекрасно выражено французской пословицей: «*Quand on veut tuer son chien, on dit qu'il est enrange*».

Статья впервые опубликована в «Spiritualist», London, April 12, 1878; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 186—192. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Ахунд из Свата

основатель многих мистических обществ

Из многих замечательных людей этого века Гафур⁴⁹ был одним из самых выдающихся.

Если восточная доктрина права, утверждая, что души, хорошие или плохие, которым не хватило времени для осуществления своих планов на земле, воплощаются вновь, причем жажда утоления страстей вовлекает их в поток земных привязанностей все сильнее и сильнее, — тогда получается, что Гафур был воплощением того Феличе Перетти, который известен в истории как папа Сикст V, оставшийся в памяти потомков коварной и одиозной фигурой. Оба они родились в семье бедняков, были невежественными крестьянскими мальчишками и начинали свою жизнь пастухами. Оба достигли вершины славы хитростью и стяжательством, насаждая вокруг суеверия.

---

⁴⁹ Гафур Абдул (1794—1877) — ахунд (букв., наставник; духовное звание высших иерархов ислама) суннитско-магометанского клана Юсафзая Патхана в Свате (область в северо-западной провинции Пакистана Пешавар); был религиозным вождем этого племени в последние тридцать лет своей жизни.

Сикст V — автор мистических книг, практиковавший запрещенные науки, дабы утолить жажду к власти и остаться безнаказанным — стал главным инквизитором. Когда его выбрали папой, он начал всех предавать анафеме: и королеву Англии Елизавету, и короля Наваррского, и других великих людей. Абдул Гафур, обладавший железной волей, был самоучкой и постиг многие науки, благодаря общению с «мудрецами» из Каттака. Он был столь же сведущ в арабской и персидской литературе по алхимии и астрономии, как Сикст V в трудах Аристотеля, и так же, как и он, умел делать месмеризированные талисманы и амулеты, которые несли либо жизнь, либо смерть — в зависимости от того, кому они предназначались. Их психическое влияние распространялось на миллионы приверженцев, которые скорее боялись, чем поклонялись им.

Гафур был воином и честолюбивым предводителем фанатиков; он стал дервишем, а затем, с позволения сказать, папой: благословения и проклятия превратили его в такого же господина эмиров и прочих мусульман, каким Сикст V был для католических монархов Европы.

Христианскому миру известны лишь основные этапы его карьеры. Как бы пристально за ним ни наблюдали, все же его личная жизнь и честолюбивые стремления к светской и религиозной власти остались книгой за семью печатями. Ясно лишь одно: он был основателем и главой почти всех тайных обществ, достойных упоминания среди мусульман, и духовным вождем всех остальных. Его явный антагонизм к ваххабитам⁵⁰ был только маской; и несомненно, что рука убийцы, казнившая лорда Майо, умело направлялась стариком Абдулом. Дервиши, члены ордена Бекташи⁵¹, все завывающие и пляшущие нищие и другие мусульманские нищенствующие монахи признают его власть превыше власти Шейха-уль-Ислама над правоверными. Вряд ли Константинополь или Тегеран, какими бы еретиками эти персы ни были, осмелились бы когда-нибудь издать хоть один указ без

---

⁵⁰ *Ваххабизм* — религиозно-политическое течение пуританского характера в исламе, основанное в конце XVIII в. в Аравии арабским богословом Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом.

⁵¹ *Бекташи* — суфийский орден, основанный Хаджи Бекташи Вели в XII в. в Малой Азии, верования и обряды которого сочетают элементы шиизма и христианства.

По сей день никто не признает дервишей, членов ордена Бекташи, если они не предъявят некий медальон с печатью этого «высшего понтифика» всех дервишей, независимо от того, принадлежат ли они к одной секте или к разным.

ведома Абдула. Такой же фанатичный, как и Сикст, но еще более хитрый, он вместо того, чтобы давать прямые приказы уничтожить ваххабитов — гугенотов ислама — посылал свои проклятья и указывал пальцем только на тех из них, кто стоял на его пути; с остальными же он поддерживал, хотя и втайне, дружеские отношения.

Титулом Наср-эд-Дина (защитник веры) он одинаково награждал и султана и шаха, хотя один был суннитом, а другой шиитом⁵². Он подсластил жгучую религиозную нетерпимость Османской династии, добавив к старому титулу Наср-эд-Дин титулы Сайф-эд-Дин (ятаган веры) и эмир эль-Мумминья (правитель правоверных). Каждый эмир эль-Сурей, или глава паломников в Мекку, посылал и приносил сообщения от Абдула, а также получал от него совет и инструкции; Абдул выступал в роли таинственного оракула, для которого оставлялись деньги, подарки и другие подношения, равноценные тем, которые католические паломники подносили Ватикану.

В 1847—1848 годах принц Мирза, дядя молодого шаха и экс-губернатор огромной провинции в Персии, появился в Тифлисе, надеясь найти защиту у князя Воронцова⁵³, наместника Кавказа. Стащив драгоценности и деньги из королевской казны, принц Мирза бежал от суда своего любящего племянника, горевшего от нетерпения выколоть ему глаза. Ходили слухи, что ему во сне трижды являлся великий дервиш Ахунд, подстрекавший его взять все, что принадлежало молодому шаху, и поделиться добычей с покровителями веры его главной жены, уроженки Кабула (он привез с собою в Тифлис двенадцать жен). Тайна — хотя, возможно, это было косвенное воздействие, которому он подверг бегу из Бхопала во время восстания сипаев в 1857 году⁵⁴ — была тайной только для англичан, которых старый интриган Абдул мог легко обвести вокруг пальца. Всю свою жизнь следуя взглядам Макиавелли, внешне поддерживая дружеские отношения с англичанами, а втайне их проклиная, Абдул,

---

⁵² *Суннизм и шиизм* — основные религиозно-политические направления в исламе, возникшие в VII в. и положившие начало множеству более мелких исламских сект.

⁵³ *Князь Воронцов Михаил Семенович (1782—1856)* — наместник Кавказа с 1844 по 1856 гг.

⁵⁴ *Восстание сипаев (1857—1859)* — восстание против английского колониального господства в Индии, военное ядро которого составляли сипаи — наемные солдаты, вербовавшиеся в колониальную армию из числа местных жителей; жестоко подавлено англичанами.

почитаемый как новый пророк миллионами правоверных мусульман и еретиками, стремился сохранить свое влияние над друзьями и врагами. Но все же у старого «Учителя» был один враг, которого он весьма опасался, так как знал, что никакая хитрость никогда не поможет переманить его на свою сторону. Этим врагом были некогда могущественные сикхи⁵⁵ — бывшие полновластные правители Пенджаба и хозяева долины Пешавар. Этот воинственный народ, низвергнутый со своего некогда высокого положения, находится теперь в подчинении у одного Махараджи из Патиялы, который сам является лишь бессильным вассалом англичан. С самого начала на пути Ахунда встали сикхи. Не успевал он почувствовать себя победителем, как между ним и воплощением его надежд неизменно возникал сей заклятый враг. Если сикхи и оставались верными англичанам в 1857 году, то не из-за сердечной преданности или политических убеждений, а скорее из-за открытой оппозиции к мусульманам, которым, как им было известно, тайно помогал Ахунд.

Со времен великого Нанак — кшатрия, основавшего во второй половине пятнадцатого века Сикхское братство — эти отважные и воинственные племена всегда были источником постоянного раздражения династии моголов, наводя ужас на индийских мусульман. Зародившись, если так можно выразиться, в религиозном братстве, целью которого было покончить с исламом, брахманизмом и другими *измами*, включая и позднейшее христианство, эта секта преобразовала чистый монотеизм в абстрактную идею вечно непознаваемого Принципа и превратила его в доктрину «Всеобщего Братства». Согласно их взглядам, все мы — дети единого Принципа Отец-Мать, у которого «нет ни формы, ни образа, ни цвета», и следовательно, все мы должны быть братьями, независимо от расы или цвета кожи. Жреческий брахман, фанатично следующий мертвой букве писаний, стал в глазах сикхов таким же врагом истины, как и мусульманин, предающийся чувственным наслаждениям со своими гуриями на небесах, как идолопоклонник буддист, монотонно читающий молитвы у своего колеса, или же как римский католик, восхищающийся своей украшенной

---

⁵⁵ *Сикхи* (санскр., букв., ученик) — отколовшаяся от ортодоксального индуизма секта, основанная в начале XVI в. Нанаком (1469—1539, индийский поэт), индусом, находившимся под влиянием суфизма. Верят в перевоплощение, отвергают антропоморфических богов и кастовое разделение. Сикхизм является господствующей религией Пенджаба. Во время восстания сипаев поддержали англичан.

драгоценностями Мадонной, чей цвет лица священники меняют по собственному желанию с белого на коричневый и черный, подгоняя его под климатические условия и предрассудки. Позднее Арджуна — сын Рамдаса, четвертый в роду Нанаков — объединив доктрины основателя Братства и его сына, составил священное писание, назвав его «Ади Грантх»⁵⁶ и снабдив многочисленными отрывками из сорока пяти сутр джайнов.

Хотя «Ади Грантх» и заимствовала религиозные персонажи из Вед и Корана, предварительно тщательно их просеяв и объяснив их символизм, — все же ее идеи относительно сложных метафизических концепций имеют больше сходства скорее с положениями школы гуру джайнов. Основания астрологии — влияние звездных сфер на людей — были явно заимствованы из этой весьма выдающейся школы древности. В этом легко убедиться, сравнив «Ади Грантх» с комментариями Абхаядева Сури, написанными к оригинальным текстам сорока пяти сутр на языке магадхи или балабаша. Старый гуру джайнов, который, как говорят, составил гороскоп Ранджита Сингха в период расцвета его власти, предсказал падение королевства Лахор.

Просвещенный Арджуна, возвратившись в Амритсар, превратил секту сикхов в политико-религиозную общину и учредил в ней другую, более эзотерическую школу гуру, ученых и метафизиков и стал ее единственным главой. Он умер в тюрьме, где его, по приказу Аурунгзеба, подвергли пыткам в начале семнадцатого века. Его сын Говинда, знаменитый гуру (религиозный учитель), поклялся отомстить убийцам своего отца, и после некоторых превратностей судьбы афганцы были окончательно изгнаны сикхами из Пенджаба в 1767 году. Этот триумф еще больше возбудил в сикхах ненависть, и с сего момента вплоть до смерти Ранджита Сингха в 1839 году, мы видим их постоянно нападающими на мусульман. Махан Сингх, отец Ранджита, разделил всех сикхов на двенадцать *misls*, или округов; каждый округ имел своего собственного главу (сирдар), при котором был учрежден тайный Государственный совет, состоявший из гуру. Среди них были знатоки духовной науки, и они могли бы, если бы захотели, показать такие же поразительные «чудеса» и божественные фокусы, как и старик-

---

⁵⁶ *Ади-Грантх* (пенджаби) — букв., Начальная Книга; священная книга сикхизма; собрание изречений святых. В книге излагается религиозное кредо сикхов в его изначальной набожной форме, которая впоследствии приняла весьма воинствующий характер.

мусульманин Ахунд. Он прекрасно знал это и потому испытывал к ним больше страха, чем ненависти, помня поражение — как собственное, так и своего эмира — от рук Ранджита Сингха.

Одним из самых драматичных моментов в жизни «папы из Сайду» является следующий достоверный факт, который лет двадцать тому назад широко комментировался в той части Индии, где он жил. Однажды, в 1858 году, когда Ахунд, сидя на корточках на ковре, раздавал амулеты, благословения и пророчества своей благочестивой конгрегации паломников, к нему незаметно, смешавшись с толпой, подошел высокий индус и неожиданно обратился со следующими словами: «Скажи мне, пророк, ты, который так хорошо предсказываешь другим, знаешь ли ты, какой будет твоя собственная судьба и судьба “Защитника Веры”, твоего султана из Стамбула, через двадцать лет?»

Старый Гафур, остолбеневший от удивления, уставился на своего вопрошателя, не издавая ни звука. Узнав в нем сикха, он, похоже, потерял дар речи, и вся толпа оцепенела.

«Если нет, — продолжал непрошенный гость, — то я тебе расскажу. Пройдет двадцать лет, и твой “Правитель Правоверных” падет от руки убийцы своего собственного рода. Два старика, один — далай-лама христиан, другой — великий пророк мусульман — ты сам — будут раздавлены колесом смерти в одно и то же время. Затем пробьет час падения двух врагов истины — христианства и ислама. Первый, как более могущественный, переживет второго, но оба вскоре распадутся на отдельные секты и будут истреблять друг друга. Видишь, твои последователи бессильны, и я мог бы убить тебя прямо сейчас, но ты в руках Судьбы, а она знает свой час».

И оратор в одно мгновение исчез. Этот случай достаточно убедительно показывает, что сикхи могли бы убить Абдул Гафура в любой момент, если бы только пожелали этого. И возможно, что «Mayfair Gazette», которая в июне 1877 года пророчески заметила, что враждующие понтифы Рима и Свата могут умереть одновременно, прослышала об этом от одного «старого индуса». Пишущая же сии строки услышала эту историю в Лахоре от своего знакомого.

Статья впервые опубликована в первом выпуске журнала «Echo», New York, April-May, 1878, с подзаголовком редактора (Ч.Содеран) «Волнующее образное и яркое описание удивительной и богатой событиями жизни Абдул Гафура, данное мадам Блаватской. — Антагонизм сикхов к современному иерофанту. — Почти одновременная смерть Пап Рима и Сайду»; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 193—199. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Персидский зороастризм и русский вандализм

Немногие способны оценить истинную красоту; еще меньше тех, кто может оценить монументальные реликвии прошлого — живых свидетелей того, что даже в древнейшие эпохи человечество поклонялось Высшей Силе, и человек стремился запечатлеть абстрактные идеи в творениях, которым суждено было пережить века. Вандалы, будь то славянские венды, либо какое-то дикое германское племя, всегда приходили с севера. Недавний случай заставляет нас пожалеть о том, что Юстиниан не разрушил все реликвии прошлого, так как выясняется, что и поныне живут на севере потомки этих ужасных разрушителей памятников старины — в лице русских купцов, только что совершивших акт непростительного вандализма. Русские газеты пишут, что московский миллионер Кокорев со своим тифлисским партнером, армянским крезом Мирзоевым, оскверняют и разрушают старейшую святыню зороастризма — Аттеш-Гаг, что в Баку⁵⁷.

Мало кто из иностранцев — и, возможно, столь же мало русских — знают что-либо об этой святыне огнепоклонников у Каспийского моря. В двадцати верстах от небольшого городка Баку, в долине Апшерона, в русской Грузии, среди выжженной, бесплодной каспийской степи стоит — господи! стояло всего четыре месяца назад — странное сооружение, напоминающее нечто среднее между средневековым храмом и укрепленным замком. Когда и кто его построил, никому не известно. На участке площадью в одну квадратную милю, известном как «Огненное поле», стоит это сооружение;

---

⁵⁷ Называется также Аттеш-Кудда.

если копнуть песчаную землю на два-три дюйма и поднести к этому месту зажженную спичку, то из него, как из фонтана, брызнет вверх струя огня⁵⁸.

«Храм гебров», как это сооружение иногда называют, был вырезан из цельного куска скалы. Он представлял собою огромный квадрат, обнесенный зубчатыми стенами. Посередине, опираясь на массивные колонны, стояла высокая башня. Эти колонны своим основанием касались скальных пород, а наверху достигали вырезанных в стене амбразур, выходя наружу. Это были своего рода трубы, по которым горячий газ, скопившийся в центре материнской породы, бесперебойно подавался наверх. На протяжении веков башня была святыней огнепоклонников; ее символическое изображение — трезубец, названный *teersoot*.

С лицевой стороны ее внешней стены были высечены кельи, числом около двадцати, в которых жили поколения зороастрийских отшельников. Под руководством высшего мобеда, здесь, в тиши, под сводами уединенных келий, они изучали «Авесту», «Вендидад» и «Яснү», особенно, кажется, последнюю, поскольку скалистые стены их келий испещрены многочисленными цитатами из священных гимнов. Под башней-алтарем висели три огромных колокола. Легенда рассказывает, что их чудом сотворил один святой скиталец в X веке, во время мусульманского преследования, чтобы своевременно оповещать верующих о приближающемся враге. Всего несколько недель назад над высокой башней-алтарем горел тот же огонь, который, как гласит предание, зажгли тридцать веков назад. У горизонтальных отверстий четырех полых колонн неугасимо горели четыре пламени, бесперебойно поступавших из неисчерпаемого подземного резервуара. Из каждого зубца и амбразуры струился лучезарный свет, переливаясь многочисленными язычками пламени, и даже большой балкон над главным входом был освещен гирляндой огненных звезд; светящиеся огоньки вспыхивали и в меньших, более узких отверстиях стен храма. Вот в таком удивительном окружении гебры-отшельники ежедневно отправляли свои молитвы, собираясь под открытым алтарем; каждое лицо благоговейно устремлялось к заходящему солнцу, и голоса молящихся сливались в вечернем гимне прощания. И так как светило — «Глаз Ахура Мазды» — уходило все дальше и дальше за горизонт, их голоса становились

---

⁵⁸ Видно, как голубоватое пламя поднимается из земли, но «этот огонь не обжигает; и если кто-то очутится в его середине, он не ощутит даже и тепла». См. *Kinneir. A Geographical Memoir of the Persian Empire*, p. 360.

все тише и тише, пока, наконец, их пение не напоминало печальный и приглушенный шепот... Последний луч — и... солнце скрылось; и поскольку ночь в этих местах наступает мгновенно, уход этого божественного символа служил сигналом к общей иллюминации, сравниться с которой не могут даже величайшие фейерверки королевских торжеств. Каждую ночь это Огненное поле походило на одну горящую прерию...

Примерно до 1840 года Аттеш-Гаг был главным местом паломничества огнепоклонников Персии. Тысячи пилигримов посещали эту святыню; и ни один истинный гебр не мог умереть счастливым, пока не совершит, хотя бы раз в жизни, паломничество к этому святому месту. Один путешественник, некий Кох, примерно тогда же посетил этот храм, нашел в нем всего пять зороастрийцев со своими учениками. В 1878 году, почти четырнадцать месяцев назад, одна дама из Тифлиса, побывавшая в Аттеш-Гаге, сообщила мне в письме, что она обнаружила там лишь одного отшельника, который покидал свою келью только для того, чтобы приветствовать восход и заход солнца. И сегодня, спустя почти год, мы читаем в газетах, что г-н Кокорев и К^О строят на Огненном поле огромные сооружения по переработке нефти! Во всех кельях, наполовину разрушенных и невыразимо грязных, расположились рабочие компании, за исключением единственной, где живет бедный старый отшельник; алтарь, над которым горел священный огонь, сейчас завален строительным хламом и известковым раствором, а сам огонь горит уже совершенно для других целей. Благодаря стараниям русского священника, периодически посещавшего этот храм, колокола тоже сняли и повесили на веранде дома управляющего; как всегда, языческие реликвии используются, и даже оскверняются, религией, которая вытесняет прежние верования. И все выглядит как мерзость запустения... «Меня удивляет, — пишет в «Санкт-Петербургских Ведомостях» бакинский корреспондент, первым приславший печальную новость, — что трезубцу, священному *teersoot*, все еще не нашли какого-либо достойного применения, хотя бы на кухне компании!.. Так ли уж нужно было миллионеру Кокореву осквернять зороастрийскую святыню, занимающую столь малое место по сравнению с тем, какое этому господину выделили под его мануфактуры и лавки? И стоит ли такую великолепную реликвию древности приносить в жертву коммерческой жадности, которая, в конечном счете, не выиграет ни рубля от ее разрушения?».

По-видимому, стоит, поскольку г-н Кокорев и К^О взяли этот участок земли в аренду у правительства, которое, похоже, абсолютно безразлично восприняло сей идиотский и никчемный акт вандализма. Прошло уже более двадцати лет после того, как я в последний раз посетила Аттеш-Гаг. В те дни, кроме небольшой группы отшельников, туда пребывало множество паломников. И поскольку весьма вероятно, что спустя десять лет о нем никто уже ничего не услышит, я хочу более подробно остановиться на его истории. Наши персидские друзья, я уверена, заинтересуются несколькими легендами, которые я услышала в этом храме.

Кажется, подымается завеса над тайною происхождения Аттеш-Гага. Исторических данных очень мало, к тому же все они противоречивы. За исключением некоторых армянских летописей, повествующих о том, что Аттеш-Гаг существовал еще до того, как Грузия узнала о христианстве от святой Нины⁵⁹ в третьем веке, больше упоминаний о нем, насколько я знаю, не содержится нигде.

---

⁵⁹ Хотя святая Нина* [**Святая Нина (276—340) — просветительница Грузии, дочь крупного военачальника римской империи. С 315 г. жила в Грузии, где снискала всеобщую любовь чудесными исцелениями и проповедями. Считается покровительницей Грузии.*] появилась в Грузии в третьем веке, грузины оставались идолопоклонниками вплоть до пятого века, когда тринадцать сирийских священников обратили их в христианство. Они пришли в Грузию под предводительством святого Антония и святого Йоханны Зедадзене, получившего это имя якобы потому, что он отправился на Кавказ с единственной целью — сразиться и покорить главного идола *Зеду!* Пока, как неопровержимое доказательство существования обоих, густые локоны черных волос святой Нины хранились (и до сих пор хранятся) как реликвия в христианском соборе Тифлиса — чудотворец Йоханна успел прославить свое имя еще больше. Легенда рассказывает, что *Зеду*, Ваалу Закавказья, приносили в жертву детей на вершине горы Зедадзене, в восемнадцати верстах от Тифлиса. Именно здесь святой вызвал на бой идола — или, скорее, Сатану в образе каменной статуи — и *чудесным образом* победил его, то есть сбросил наземь и растоптал ногами. Но на этом не закончилась демонстрация его чудодейственных сил.

На вершине горы огромной высоты не было ничего, кроме голых камней, и родник не пробивался наверх. Но в ознаменование своей победы святой пробудил к жизни родник на самом дне глубокого, прорубленного в недрах горы и, как уверяют, бездонного колодца, зияющая пасть которого находилась совсем рядом с алтарем божества Зеды, прямо посередине его храма. Именно в неё бросали тела детей, приносимых в жертву этому идолу. Однако, вскоре вода в чудодейственном роднике иссякла и в течение многих веков не появлялась. Но когда христианство утвердилось в Грузии, вода начала

Предание гласит, насколько точно, не мне судить, что задолго до Заратустры народ, которого мусульмане и христиане презрительно окрестили «гебрами» и который сам себя называет «бехединами», последователями истинной веры, поклонялся Митре, Посреднику — своему единственному и высшему Божеству, воплощавшему в себе всех хороших и плохих богов. Митру, соединявшего в себе две сущности — Ормузда и Аримана — народ боялся, хотя он мог бы и не бояться его, а только любить и почитать как Ахура Мазду, если бы Митра не обладал чертами Аримана.

Однажды, когда Бог, переодетый пастухом, бродил по Земле, он пришел в Баку, тогда еще мрачный, пустынный морской берег, и обнаружил там своего старого и ревностного поклонника, ссорящегося с женой. В этой бесплодной местности дрова были редкостью, и жена, обладая небольшим запасом угля для приготовления пищи, отказывалась дать хоть немного этого угля мужу, чтобы разжечь огонь над алтарем. То, что было в Боге от Аримана, вдруг вспыхнуло в нем и, ударив жадную старуху, он превратил ее в огромную скалу. Затем в нем проснулся Ахура Мазда, и чтобы утешить овдовевшего старика, он пообещал ему, что больше никогда ни он, ни его потомки, не будут испытывать недостатка в топливе, потому что он снабдит его таким запасом угля, который будет неисчерпаем. И он снова ударил о скалу, а затем о землю, и известковые почвы каспийского берега

появляться снова, и появляется до сих пор, каждый год, на седьмой день мая. Странно, но этот факт уже не имеет отношение только к легенде, он возбудил огромное любопытство даже среди ученых мужей, таких как знаменитый геолог д-р Отто Абиш, который много лет прожил в Тифлисе. Тысячи пилигримов каждый год седьмого мая устремляются к Зедадзене, чтобы лицезреть «чудо». С раннего утра слышно журчание воды на дне скалистого колодца, и к полудню его пересушенные стены становятся влажными: кажется, что прозрачная, холодная и искристая вода выходит из всех пор скалы, поднимается все выше и выше и, достигнув края колодца, внезапно перестает подниматься под радостные крики фанатичной толпы. Кажется, что эти крики, как внезапный залп артиллерии, сотрясают глубины горы и разносятся эхом на мили вокруг. Каждый спешит наполнить свой сосуд святой водой. В этот день у Зедадзена многие ломают себе шею и голову, но тот, кто остается живым и невредимым, уносит с собою кристально-прозрачную жидкость. К вечеру вода начинает так же таинственно исчезать, как и появилась, и к полуночи колодец опять становится совершенно сухим. Ни капли воды, ни следа родника не могут отыскать геологи и инженеры, пытающиеся, склонившись над колодцем, разгадать этот «трюк». Целый год никто не посещает эту святыню, и нет даже сторожа, чтобы приглядывать за ней. Геологи объявили, что в этой горной породе родников нет и быть не может. Кто же разгадает эту тайну?

наполнились нефтью. В ознаменование счастливого события, старый ревностный слуга своего бога собрал всех юношей округи и начал долбить скалу — все, что осталось от его бывшей жены. Он выдолбил амбразуры в стенах, и алтарь, и четыре колонны, вырезав в них полости, чтобы газ мог свободно подниматься и выходить наружу. Бог Митра, увидев, что работа закончена, метнул молнию, и она зажгла огонь над алтарем и все огни в зубцах на стенах. Затем, чтобы огонь горел ярче, он призвал четыре ветра и приказал им разнести огонь во все стороны. По сей день Баку известен под своим первоначальным именем «Badlube», что дословно означает место встречи ветров.

Другая легенда, продолжающая предыдущую, гласит: веками верующие в бога Митру молились в его храмах, пока Заратустра, спустившись с небес в виде «Золотой Звезды», не принял человеческий облик и не начал проповедовать новую доктрину. Он славил Единого, но Тройственного Бога — высшую Вечную, Непостижимую сущность Зервана-Акарана, который эманурует из себя «Первозданный Свет», а последний, в свою очередь — Ахура Мазду. Однако, этот процесс требует, чтобы «Первозданный Единый» сначала поглотил весь свет, исходящий из огненного Митры, и лишил бедного Бога его сияния. Утерев свое право на безраздельное господство, Митра в отчаянии, подстрекаемый сущностью Аримана, который в нем, уничтожает себя до поры до времени, предоставляя Ариману одному бороться с Ормуздом. Отсюда преобладание двойственности в природе, но только до той поры, пока не возвратится Митра, который обещал своим преданным поклонникам в один прекрасный день вернуться. Только с тех пор на огнепоклонников стали сваливаться многочисленные беды. Последним из этих бедствий стал приход в их страну мусульман в VII веке, когда эти фанатики начали жесточайшие преследования бехединов. Вытесняемые отовсюду, гебры нашли приют только в провинции Керман и в городе Йезд. Затем последовали ереси. Многие из зороастрийцев отказывались от веры своих предков и становились мусульманами; другие, в неугасимой ненависти к новым правителям, присоединялись к жестоким и свирепым курдам, поклоняясь дьяволу, как когда-то — огню. Это езиды. Вся религия этих странных сект (за исключением некоторых, отправляющих гораздо больше таинственных ритуалов, никому не раскрывая их таинственный смысл) состоит в следующем. Как только встает солнце, они складывают крест-на-крест большие пальцы и целуют этот символ, поднося

его в благоговейном молчании к бровям. Затем они приветствуют солнце и возвращаются в свои жилища. Они верят во власть Дьявола, боятся его и стараются всячески умиловить «падшего ангела»; они очень сердятся, когда слышат, что мусульманин или христианин непочтительно о нем отзывается; они даже идут на убийства, когда слышат такие непочтительные речи, но в последнее время народ стал более осторожным в своих высказываниях.

Кроме общины парсов в Бомбее, огнепоклонников можно встретить еще лишь в двух упомянутых выше местах и неподалеку от Баку. Статистика показывает, что несколько лет назад в Персии их насчитывалось 100 000 человек⁶⁰, хотя я сомневаюсь, что их религия сохранила такую же чистоту, как и религия гуджератских парсов, претерпев изменения, так же как, впрочем, и последняя, в результате ошибок и небрежности целых поколений необразованных мобедов. И все же, как и их бомбейские собратья — которых все путешественники, а также англо-индийцы считают наиболее умными, трудолюбивыми и благонравными из туземных племен — огнепоклонники из Кермана и Йезда пользуются большим уважением среди персов и русских, живущих в Баку. Долгие века преследований и грабежей сделали их грубыми и хитрыми, но всеобщая молва на их стороне, и о них говорят как о добродетельных, высоконравственных и трудолюбивых людях. Курды говорят: «Верно, как слово гебра», — даже не сознавая, какое самоосуждение заключается в слове «гебр».

Я не могу закончить, не выразив своего удивления по поводу крайнего невежества, которое, похоже, преобладает в России относительно религии гебров даже среди журналистов. Один из них в статье, напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях», упомянутой мною выше, пишет о гебрах как о секте индусских идолопоклонников, которые молятся Брахме. Чтобы придать вес своей статье, он цитирует Александра Дюма (старшего), который в своей работе «Путешествия по Кавказу» говорит, что во время своего посещения Аттеш-Гага он обнаружил в одной из келий зороастрийского

---

⁶⁰ Г-н Гери Грэтн в своей очень ценной и интересной работе «Through Asiatic Turkey» сообщает о гебрах Йезда следующее: «говорят, что их осталось всего 5000 человек». Но поскольку эту информацию он получил во время своего стремительного путешествия по стране, то, вероятно, не совсем правильно её понял. Возможно, имелось в виду, что во время его визита 5000 гебров жили в Йезде и недалеко от него. Как правило, с наступлением лета, этот народ разбредается по всей стране в поисках работы.

храма «двух индусских идолов»! Помня милосердное изречение — *De mortuis nil nisi bonum* — мы не можем удержаться, чтобы не напомнить нашему уважаемому корреспонденту: ни один читатель романов блестящего французского писателя не должен забывать, что все разнообразие и неисчерпаемый запас *исторических фактов* он черпал из глубин своего собственного сознания. Даже бессмертный барон Мюнхгаузен вряд ли может с ним сравниться. Сенсационный рассказ о его охоте на тигров в Мингрелии, где, со времен Ноя, не водилось ни одного тигра, до сих пор в памяти его читателей.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 1, October, 1879, p. 19—21; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 200—209. Пер. Т.О.Сухоруковой.

«СВЕТ АЗИИ»⁶¹

Поэма в стихах индийского буддиста

Весьма своевременно вышла в свет работа в поэтической форме, одна из тех, чей сюжет, несомненно вызовет дискуссию и резкую критику, хотя ее внешнее оформление безупречно. Она посвящена «Верховному, Великому Магистру и Кавалерам самого величественного ордена — Звезда Индии»; автор ее — г-н Эдвин Арнольд, Кавалер ордена «Звезда Индии», директор Декан-колледжа в Пуне — проведя несколько лет в Индии, очевидно, изучил эту тему *con amore*. В предисловии он выражает надежду, что настоящая работа, а также его «Индийская Песнь Песней» — оставят память о том, кто любил Индию и индийский народ». И надежда эта не беспочвенна, поскольку, если кто из западных поэтов и завоевал право на благодарную

---

⁶¹ «Свет Азии, или Великое Самоотречение (Махабхинишкрамана)». Жизнь и учение Гаутамы, Принца Индии и Основателя буддизма. Рассказанные в стихах индийским буддистом, Эдвином Арнольдом, Магистром гуманитарных наук, Кавалером ордена Индийской империи 2-й степени, Кавалером ордена «Звезда Индии» 3-й степени. В прошлом директор Декан-колледжа, Пуна, и член Совета Бомбейского университета. Лондон, 1879.

память азиатских народов и если кому суждено жить в их сердцах, так это автору «Света Азии».

Новизна, а с христианской позиции, неприемлемая манера изложения сюжета, уже повергла в изумление одного критика. Описывая обложку тома как «яркую, в желто-золотистых тонах», он полагает, что эта книга «особенно ценна потому... что исходит от человека, который в течение долгого пребывания в Индии впитал в себя философию буддизма». Это, добавляет он, «не критика религии, заведомо считающейся ложною, но трогательное изложение религии, содержащей столь много истинного, *устами ее приверженца [sic]*». Многие идентифицируют «воображаемого приверженца буддизма», о котором г-н Арнольд пишет в предисловии, с самим автором, который теперь, выражаясь словами его критика, «предстает перед нами в своем истинном свете». Мы рады этому; это редкий комплимент любому писателю нынешнего поколения, чьи пристрастия к догмам вынуждают слишком многих придерживаться чуждых им взглядов. Что же касается нас, то мы рассматриваем эту поэму как поистине замечательный образец литературного таланта, насыщенный философской мыслью и религиозным чувством — короче говоря, это как раз та книга, которая нам нужна в эпоху *Science of Religion* и всеобщего свержения богов древности.

Мильтоновские строки поэмы полны глубокого смысла, просты, но убедительны, без тех метафизических намеков в ущерб смыслу, на которые, казалось бы, напрашивается сюжет и которые столь любимы нашими современными английскими поэтами. Все повествование полно неповторимой красоты и значения, что отнюдь не свойственно другим недавно появившимся поэмам. Одна из них — «Pheidippides», идилия г-на Браунинга, в которой ее неотесанный герой — аркадский бог в образе козла, — представляет весьма жуткий контраст кроткому индусскому Спасителю. Тема, выбранная г-ном Арнольдом, одна из самых величественных, как бы резко она ни звучала для христианского слуха. И она достойна его пера так же, как сам поэт — сюжета. Описания, пронизанные целостностью восточного колорита; правдивое изложение основного сюжета, мастерски раскрывающего характер Будды, столь же изысканны, сколь уникальны; ибо впервые в истории западной литературы эта личность предстает во всем богатстве ее неподдельной красоты. Нравственное величие героя — этого принца королевской крови, который мог бы быть «Богом Богов», но который

...променял богатства мира на чашу нищего,

так же как и становление его философии — плод нескольких лет уединенной медитации и борьбы со своим смертным «я», показаны чрезвычайно утонченно. Поэма начинается победоносным ликованием всей природы — вселенским гимном при виде освобождающей Мир души:

Сказанье о Будде, спасителе Мира,
О князе Сиддхарте, о том,
Кому на земле и в пространстве эфира
Нет равного светлым умом,
О том, кто учил, всех усердней и ране,
Закону о вечной, блаженной Нирване.

Какой бы ни была последующая судьба всех мировых религий и их основателей, имя Гаутамы Будды, или Шакьямуни⁶², никогда не будет забыто; оно будет жить в сердцах миллионов его последователей. Проникновенная история Будды, полная каждодневного и ежечасного самоотречения на протяжении почти *восемидесяти* лет, глубоко тронула всех, изучавших его жизнь. Любой искатель чистейшего, высочайшего идеала религиозного реформатора в мировых рекордах прошлого, после знакомства с жизнеописанием Будды оставляет дальнейшие попытки. В мудрости, усердии, скромности, чистоте жизни и мысли, в своем стремлении принести пользу человечеству, в призыве к добру, терпению, состраданию и кротости, Будда превосходит всех других реформаторов так же, как Гималаи — все другие вершины. Из всех основателей религий он был единственным, кто не нашел ни одного злого слова, даже упрека для тех, чьи взгляды отличались от его собственных. Его доктрины — воплощение вселенской любви. Не только наши филологи — равнодушные анатомы веками освященных верований, расчленяющие жертвы своих критических исследований, но даже те, кто с предубеждением относятся к его вере, с неизменным почтением отзываются о Гаутаме. Нет ничего возвышеннее и чище его социального и нравственного кодекса. «Этот нравственный кодекс,

---

⁶² Он принадлежал к роду Шакья, ведущего свое происхождение от Икшваку и составлявшего одну из многочисленных ветвей Солнечной династии; раса, которая появилась в Индии 2300 лет до Р.Х., «как гласят эпические поэмы Индии. *Муни* означает “святой” или “аскет”, отсюда — Шакьямуни».

— говорит Макс Мюллер, — даже взятый в отдельности — один из самых совершенных, которые когда-либо знал мир»⁶³.

В своей работе «Le Bouddha et sa religion» (р.5) Бартелеми Сент-Илер достигает апогея благоговейного признания. Он «не колеблясь заявляет», что «среди основателей религий нет никого чище и трогательнее Будды. Его жизнь ничем не запятнана и неустанный героизм равноценен убеждениям... А сам он — совершеннейший образец всех добродетелей, которые проповедует; самоотверженность и сострадание, неизменная кротость Будды никогда, ни на мгновение не оставляли его...» И он умирает на руках у своих учеников «с безмятежностью мудреца, творившего добро в течение всей своей жизни и, несомненно, познавшего истину». Это настолько верно, что даже отцы ранней римско-католической церкви — канонизировавшие святых, проявляя легкомысленное безразличие к тому, что грядущим поколениям станет известно об особенностях ранних веков христианства — утверждали, что он был одним из их новообращенных, и под именем святого Иосафата занесли его в «Золотое Предание» и «Мартиролог»⁶⁴ как правоверного католического святого⁶⁵, причисленного к лику блаженных. По сей день в Палермо стоит церковь, посвященная Будде под именем Диво Иосафат⁶⁶.

Именно Буддийскому канону и *Священным историческим книгам Цейлона*, частично переведенным досточтимым Дж. Тернером с древнего

---

⁶³ «Буддизм», «Chips from a German Workshop», V. I, p.217.

⁶⁴ «Золотое Предание» — «Golden Legend or Lombardica historia» — одно из самых популярных религиозных сочинений средневековья, сборник легендарных жизнеописаний выдающихся святых. Составлен в XIII в. итальянским летописцем, доминиканским монахом, архиепископом Генуи, Якобом де Ворражин.

Мартиролог (от греч. *martyros* свидетель, мученик и *logos* слово) — сборник житий христианских мучеников.

⁶⁵ Включен также в число православных святых. Житие индийского царевича Иосафата вошло в «Четьи-Минеи».

⁶⁶ См. «Speculum historiale» Винцентия из Бовэ, XIII век. Макс Мюллер подтверждает историю о превращении великого основателя буддизма в одного из многочисленных папских святых. (См. «Contemporary Review», июль, 1870, с. 588.) Полковник Юл рассказывает («Book of Ser Marco Polo», 1875, vol. II, p. 308), что история о Варлааме и Иосафате признается Баронием и содержится в «The Roman Martyrology», написанном по приказу папы Григория XIII и пересмотренном по настоянию папы Урбана VIII; перевод с латинского на английский осуществлен Дж.К. из Общества Христа...

пали, и особенно талантливому переводу «Лалитавистары», осуществленному Бабу Раджендралалом Митрой — мы обязаны всем, что знаем об истинной жизни этой замечательной сущности, которого автор поэмы так удачно назвал «Светом Азии». И ныне поэзия сплетает на его могиле венки из златоцветника.

Г-н Арнольд, как он сам говорит в предисловии, заимствовал некоторые сведения из работы Спенса Харди и изменил не один отрывок в повествовании. Он признается, что стремился «изобразить жизнь и характер, а также познакомить с философией этого благородного героя и реформатора, принца Гаутамы из Индии», и напоминает читателям, что лет тридцать тому назад «Европа знала слишком мало или почти совсем ничего не знала об этой великой религии Азии, которая, тем не менее, существовала в течение двадцати четырех веков и до наших дней превосходит по численности своих последователей и области распространения все другие вероисповедания. Четыреста семьдесят миллионов наших современников живут и умирают, следуя принципам Гаутамы...», чье «возвышенное учение наложило неизгладимую печать на современный брахманизм... Более трети человечества обязано своими нравственными и религиозными убеждениями этому величайшему принцу, чья личность... предстает перед нами как в высшей степени возвышенная, кроткая, святая и самая милосердная... в истории Мысли... ни один поступок или слово... не запятнали безупречную чистоту и сострадание этого индийского Учителя...»

Теперь мы перейдем к объяснению некоторых священных легенд.

[Далее следует пространное изложение поэмы, перемежающееся многочисленными цитатами].

Статья впервые опубликована анонимно (как и многие другие статьи Е.П.Блаватской) в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 1, October, 1879, p. 20—25; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 210—215. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Древность Вед

Журналу, подобно «Theosophist» проявляющему интерес к исследованиям археологии и религий древности наравне с изучением оккультных сил в природе, необходимо быть вдвойне осторожным и предусмотрительным. Непосредственное сближение двух таких конфликтующих дисциплин — точной науки и метафизики, может вызвать столь же сильное возмущение в обществе, как и брошенный в воду калий. А наше стремление доказать, что некоторые мудрейшие ученые Запада, сбитые с толку мертвой буквой священных писаний, не в состоянии обнаружить сокровенный дух в реликвиях прошлого, неизбежно ставит нас под удар критики. С теми лжеучеными, которые не обладают достаточной терпимостью и сдержанностью, чтобы позволить другим пересмотреть их заключения, мы неизбежно будем входить в антагонизм. Поэтому очень важно с самого начала четко определить наше отношение к научным гипотезам, возможно, недолговечным и признанным лишь за отсутствием лучшего.

Многие исследования археологов и востоковедов посвящены вопросу хронологии, особенно в том, что касается сравнительной теологии. Их утверждения об относительной древности величайших религий дохристианской эпохи до сих пор являются не более чем правдоподобными гипотезами. Как далеко в прошлое уходит ведический период, «невозможно сказать», признается профессор Макс Мюллер⁶⁷; тем не менее он прослеживает его до «периода, предшествовавшего 1000 году до Р.Х.», и приводит нас к «1100 или 1200 году до Р.Х. как к самому раннему времени, когда было закончено составление сборника ведических гимнов». Также ни один из наших ведущих ученых не может похвастаться тем, что он разрешил этот спорный вопрос, особенно деликатный, когда речь идет о хронологии книги «Бытие». К несчастью, на пути этих ученых встало христианство — прямая ветвь иудаизма и в большинстве случаев государственная религия их стран. Поэтому едва ли найдутся двое ученых, согласных друг с другом; каждый устанавливает различные даты появления *Вед* и книг Моисея, не забывая при этом при каждом удобном случае высказать сомнение в адрес первых. Даже профессор Мюллер, это светило светил в филологических и

---

⁶⁷ Мюллер Макс (1820—1900) — выдающийся английский филолог-востоковед, крупнейший специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

хронологических вопросах, лет двадцать тому назад осторожно заметил, что будет трудно установить, «являются ли *Веды* самыми древними из книг и нельзя ли некоторые отрывки из *Ветхого Завета* отнести ко времени появления старейших *ведических гимнов* или даже к еще более раннему периоду». «Theosophist», таким образом, может либо принять, либо отвергнуть так называемую авторитетную хронологию науки. Заблуждаемся ли мы, признавая, что более склонны принять хронологию известного знатока Вед — свами Даянанды Сарасвати, всегда уверенного в том, что говорит, знающего четыре Веды наизусть, прекрасно знакомого со всей санскритской литературой, не оглядывающегося, как западные востоковеды, на общественное мнение, не подтрунивающего над суевериями большинства и не ищущего выгоды в сокрытии фактов? Мы вполне сознаем, на какой идем риск, отказывая в лести нашим ученым мужам. И все же с присущей еретикам безрассудностью мы должны следовать своей дорогой, даже если, как Тарпея⁶⁸ древности, будем погребены под грудой щитов и ученых цитат из этих «авторитетов».

Мы далеки от принятия абсурдной хронологии Бероса или даже хронологии Синселлия, хотя, по правде говоря, они кажутся абсурдными лишь в свете наших собственных предрассудков. Но между экстремистскими утверждениями брахманов и смехотворно короткими сроками, допускаемыми нашими востоковедами для развития и расцвета этой гигантской литературы периода, предшествовавшего Махабхарате, должна быть некая золотая середина. Свами Даянанда Сарасвати утверждает, что «вот уже почти 5000 лет, как Веды перестали быть объектом изучения», и относит появление первых четырех Вед к далекой древности. Профессор Мюллер, приписывая составлению даже самых ранних из *Брахман*⁶⁹ период от 1000 до 800 года до Р.Х., едва осмеливается, как мы уже видели, отнести составление *Самхиты* — гимнов Ригведы — ко времени ранее 1200—1500 годов до н.э.⁷⁰ Кому же верить и кто из них двоих лучше информирован? Нельзя ли ликвидировать этот пробел в несколько тысячелетий, и неужели так трудно каждому из этих двух авторитетов предоставить науке дату,

---

⁶⁸ *Тарпея* — персонаж римской мифологии.

⁶⁹ *Брахманы* (санскр.) — священные книги индусов; комментарии тех частей Вед, которые предназначались для ритуального использования и руководства «дважды рожденными» (двиджа), или брахманами.

⁷⁰ «Chips from a German Workshop», лекция о Ведах.

которую бы она сочла достаточно убедительной? Как легко прийти к ложным заключениям путем современного метода индукции, так же легко можно принять и ложные посылки, из которых затем последуют ложные выводы. Несомненно, профессор Макс Мюллер имел достаточные основания для своих хронологических заключений. Так же, как и пандит Даянанда Сарасвати. Опытному филологу в его исследованиях безусловным ориентиром служит постепенное изменение, развитие и становление санскрита. То, что у профессора Макса Мюллера были причины впасть в заблуждение, можно понять, рассмотрев доводы свами Даянанды. Наш уважаемый друг и учитель утверждает, что и г-н Мюллер, и д-р Уилсон в своих исследованиях и выводах руководствовались неточными и недостоверными комментариями Саяны, Махидхары и Уваты, которые диаметрально отличаются от комментариев более раннего периода, использованных свами Даянандой во время работы над своим великим трудом «Веда-бхашья». С самого начала публикации этого труда поднялся скандал из-за того, что комментарий свами якобы имеет целью доказать несостоятельность Саяны и английских интерпретаторов. Пандит Даянанда справедливо замечает: «Меня нельзя упрекать в том, что Саяна ошибся, а английские интерпретаторы выбрали его своим гидом; заблуждение не может длиться слишком долго. Лишь Истина способна выстоять, а ложь по мере развития цивилизации исчезнет»⁷¹. И поскольку, как он утверждает, «Веда-бхашья» целиком основана на древних комментариях периода до Махабхараты, к которым западные ученые совсем не имеют доступа и которые нам кажутся более убедительными, то мы без колебания должны последовать за ним, а не за нашими лучшими европейскими востоковедами.

Но, отложив в сторону такое *prima facie* доказательство, мы попросим профессора Макса Мюллера разгадать нам загадку. Предложенная им самим и имеющая такое же отношение к элементарной логике, как и к рассматриваемой нами хронологии, она не давала нам покоя в течение двадцати лет. Эта идея, ясная и прямая, как течение Роны, впадающей в Женевское озеро, проходит красной нитью через все его лекции — от первого тома «Chips from a German Workshop» и до последней его лекции. Постараемся объяснить.

---

⁷¹ Ответ на возражения против «Веда-бхашья».

Все, кто, как и мы, пристально следили за его лекциями, припомнят, что профессор Макс Мюллер приписывает все богатство мифов, символов и религиозных аллегорий ведических гимнов, равно как и греческой мифологии, первоначальному поклонению человека природе. Приводим его слова: «В гимнах Вед человек, разрешая тайны этого мира, предоставлен самому себе... От темноты и сна его пробуждает свет солнца... и он называет его “своею жизнью”, своим дыханием, своим блистающим Господином и Защитником. Он дает имена всем силам природы, и после того как он назвал огонь “Агни”, солнечный свет “Индрой”, бурю, гром и молнию “Марутами”, а зарю “Ушас”, все они, естественно, приняли подобный человеку облик и стали даже еще более величественными»⁷².

Это описание умственного восприятия *примитивного* человека, во времена, когда человечество находилось в младенческом состоянии и едва вышло из своей колыбели, очень точно. Однако эпоха, которой он приписывает эти инфантильные размышления, ведический период, а время, отделяющее нас от него, как утверждается выше, насчитывает около 3000 лет. Великий филолог, кажется, так взволнован идеей умственной слабости человечества во времена, когда наиболее почтенные Риши составляли гимны, что в своей «Introduction to the Science of Religion» (р. 278) он говорит: «Вы все еще удивляетесь политеизму и мифологии? Напрасно, ведь они неизбежны. Они, если хотите, *parler enfantin* религии. У мира есть свой период детства, и когда он был ребенком, то и говорил, как ребенок (*nota bene*, 3000 лет назад). Он все воспринимал, как дитя и думал, как дитя... И наша ошибка, если мы *принимаем детский лепет за язык взрослых людей*... Язык древности — это язык детства... *Parler enfantin* в религии еще не умер... как например, в религии Индии».

Прочитав эти слова, остановимся и задумаемся. В самом конце сего талантливо объяснения мы сталкиваемся с огромной трудностью, о которой выдающийся поборник древней веры, кажется, никогда и не догадывался. Всем, кто знаком с работами и идеями этого исследователя Востока, может показаться верхом абсурда подозрение, что за основу своих исчислений он может принять библейскую хронологию, согласно которой человек на земле появился 6000 лет назад. И, тем не менее, признание этой хронологии неизбежно, если мы вообще намерены признавать доводы

---

⁷² «Chips from a German Workshop», V. I, p. 68.

профессора Мюллера, ибо здесь мы уже наталкиваемся на чисто арифметическую и математическую ошибку в составлении пропорции...

Никто не может отрицать, что процесс роста и развития — ментального так же, как и физического, должен быть аналогичен процессу роста и развития самого человека. Антрополог, если он захочет подняться выше простого изучения взаимосвязи человека с другими представителями животного царства, должен в некотором роде быть физиологом и анатомом, поскольку его наука, так же как и этнология, — наука прогрессивная, которой могут заниматься только те, кто способен ретроспективно проследить постепенное раскрытие в человеке способностей и сил, отводя каждому из этих процессов определенный период времени. И тогда никто не будет считать, что череп с сохранившимся зубом мудрости принадлежит ребенку. Сегодня, основываясь на данных современных исследований геологии, профессор В.Дрейпер⁷³ говорит: «Есть основания полагать, что в более низких пластах земли можно проследить существование человека вплоть до третичного периода. В ледниковом наносе в Шотландии наряду с останками человека можно встретить и останки окаменелого слона». Самые точные расчеты показывают, что с начала последнего ледникового периода прошло 240 000 лет. Составив пропорцию между 240 000 годами (минимальный возраст, который мы можем приписать человеческой расе) и двадцатью четырьмя годами жизни одного человека, мы обнаружим, что три тысячи лет назад, во времена составления ведических гимнов, человечеству исполнился бы как раз двадцать один год — год совершеннолетия, когда человек уже перестает использовать *parler enfantin*, или детский лепет. Но, согласно взглядам лектора, человек три тысячи лет назад, когда ему исполнился двадцать один год, был глупым и недоразвитым, хотя и многообещающим ребенком, а в двадцать четыре года стал умным, проницательным и образованным, превосходно аналитически и философски мыслящим человеком девятнадцатого века. Или, не упуская из виду наше уравнение, другими словами, профессор мог бы с таким же успехом сказать, что человек, который еще в полдень был младенцем, в полночь уже стал взрослым, произносящим вместо *parler enfantin* мудрые речи!

---

⁷³ Стр. 14. Дрейпер Джон Уильям (1811—1882) — американский медик и химик. Его труд «History of the Conflict between Religion and Science» (1874) высоко ценится Е.П.Блаватской.

Знаменитый санскритолог и лектор по сравнительной теологии обязан разрешить это противоречие. Или же гимны Ригведы были составлены 3000 лет назад и, таким образом, не могут быть написаны на «языке детства» человеком, жившим в ледниковый период, а поколение, которое их составляло, было из взрослых, вероятно, таких же сведущих в философии и науке своего времени, как мы в философии и науке нашего времени, или же нам придется отнести их ко временам глубокой древности, когда ум человека был еще в младенческом состоянии. И в этом последнем случае профессору Макс Мюллеру придется взять назад предыдущее замечание, выражающее сомнение: «Нельзя ли некоторые отрывки из Ветхого Завета отнести к тем же временам, когда были написаны и древнейшие Веды, или даже к более раннему периоду?»

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 1, October, 1879, p. 8—9; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 216—223. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Крест и огонь

Очевидно, самыми распространенными и известными символами древних астрономических систем, которые с потоком времени дошли до нашего века и оставили след в христианстве и других религиях, являются Крест и Огонь; последний — символ Солнца. Древние арии использовали их как символы Агни. Каждый раз, когда древний индусский огнепоклонник хотел помолиться Агни, — говорит Э.Бюрнуф⁷⁴, — он складывал два куска дерева в виде креста и с помощью трения добывал огонь для жертвоприношения. Как символ, крест называют *свастикой*, а как орудие, изготавливаемое из священного дерева и имеющееся у каждого брахмана — *арани*.

У скандинавов существовал такой же знак, называвшийся молотом Тора, из-за его таинственной магнито-электрической связи с Тором, богом грома — подобно Юпитеру, вооруженному молниями, он держит в руке эту

---

⁷⁴ «La Science des Religions», chap. XIII, p. 187-188.

эмблему власти не только над смертными, но и над злыми духами стихий, которыми повелевает. В масонстве этот знак предстает в форме деревянного молотка Великого Мастера; в Аллахабаде его можно увидеть на стенах форта в виде креста джайнов — талисмана правителей джайнов; а молоток современного судьи — не что иное как *crux dissimulata*, как его называет археолог де Росси; ибо молоток — это знак власти и силы, так же как молот — символ могущества Тора, который разбивает им скалу и убивает мидгардского змея, согласно легендам Севера. Шлиман обнаружил этот символ на *терракотовых* дисках при раскопках нижних пластов земли в том месте, где, по его предположению, находилась древняя Троя; по мнению д-ра Ланди, это свидетельствует о том, что «арийская цивилизация значительно предшествовала греческой — скажем, на два-три тысячелетия (до Р.Х.)». Бюрнуф называет изображение креста самым древним из известных человечеству и утверждает, что в древней религии греков этот символ воплощен в образе Прометея, «несущего огонь» и распятого на горе Кавказа, у которого небесная птица, *Syena* ведических гимнов, ежедневно пожирает внутренности. Болдетти⁷⁵ приводит копию картины с кладбища Св.Себастьяна, изображающей новообращенного христианина и могильщика по имени Диоген, у которого на обеих ногах и правой руке — знаки *свастики*. Этот символ бытовал в Мексике и Перу, а в древних гробницах Египта его находят в форме священного тау.

То, что символика *Agnus Dei*, Агнца Божьего, идентична символике индусского бога Агни — как минимум странное совпадение, которое отмечали даже некоторые христианские священники. В то время как *Agnus Dei* искупает и берет на себя грехи мира в одной религии, в другой бог Агни точно так же искупает грехи богов, человека, души, *духов почивших предков* и повторные грехи — о чем свидетельствуют шесть молитв, сопровождающихся шестью жертвоприношениями⁷⁶.

И если Крест и Огонь столь тесно связаны в эзотерической символике практически всех народов, то это потому, что на объединении сил этих двух знаков покоится вся схема вселенских законов. В астрономии, физике, химии, во всех разделах естественной философии эти знаки всегда

---

⁷⁵ *M.A.Boldetti, Osservazioni sopra i cimenterj de' Santi Martiri, ed antichi Cristiani di Roma, Roma, 1720, part 1, 15, p. 60.*

⁷⁶ *H.T.Colebrooke, Essays on the Religion and Philosophy of the Hindus, London, 1837, vol. I, p. 190.*

предстают как невидимая причина и видимое следствие; и только метафизика и алхимия — или, лучше сказать, *метахимия* (мы предпочитаем ввести новое слово, чтобы шокировать скептиков) — могут окончательно раскрыть их таинственный смысл. Для тех, кто хочет поразмыслить над этими намеками, будет достаточно одного-двух примеров.

Центральной точкой — или, как говорят каббалисты, великим центральным солнцем Космоса — является Божество. Это точка пересечения двух взаимоуравновешивающих сил, центростремительной и центробежной, под действием которых планеты движутся по эллиптическим орбитам и, проходя Зодиак, очерчивают крест. Эти две противоположные силы, хотя и гипотетические и воображаемые, поддерживают гармонию и стабильное, непрерывное движение Вселенной; а четыре изгиба свастики символизируют вращение Земли вокруг своей оси. Платон называет Вселенную «благословенным богом», *что символизирует круг, пересеченный буквой «X»*. Но об астрономии достаточно. Степень Королевской Арки в масонстве сохраняет крест как тройное египетское тау. Это космический круг, по которому быстро вращается астрономический крест, идеальный квадрат в пифагорейской математической системе чисел, как объясняет его оккультное значение Корнелий Агриппа. Огонь — это тепло, центральная точка; перпендикулярный луч представляет мужской элемент, или дух, а горизонтальный — женский элемент, или материю. Дух оживляет и оплодотворяет материю, и все исходит от Центральной Точки — Фокуса Жизни, Света и Тепла, представленного земным огнем. А теперь довольно физики и химии, ибо аналогий можно приводить сколько угодно, а законы Вселенной непреложны и идентичны и во внешнем, и во внутреннем приложении. Не желая проявить к кому-либо неуважение или удалиться от истины, думается, можно сказать: есть веские причины полагать, что в своем первоначальном смысле христианский крест как причина, и вечные муки в адском огне как прямое следствие отрицания первого, имеют больше отношения к этим двум древним символам, нежели наши западные теологи готовы признать. Если Огонь является Божеством для некоторых язычников, то и в *Библии* Бог уподобляется Жизни и Свету Мира; если Святой Дух и

Огонь очищают от грехов христиан, то, с другой стороны, Люцифер — это тоже Свет и «Сын Звезды Утренней»⁷⁷.

Куда бы мы ни обратились, почти у всех народов мы непременно найдем эти общие реликвии [крест и огонь] древнего культа. От ариев, халдеев, зороастрийцев, перуанцев, мексиканцев, скандинавов, кельтов, древних греков и римлян они полностью перешли к современным парсам. Финикийские Кабиры и греческие Диоскуры частично возрождены в каждом храме, соборе, деревенской церкви, а христиане-болгары, как это будет показано ниже, даже полностью сохранили культ Солнца.

Более тысячи лет прошло с тех пор, как этот народ, о котором до последней русско-турецкой войны мало кто знал, был обращен в христианство. И тем не менее, они остаются такими же язычниками, как и раньше; вот, например, как они справляют Рождество и Новый год. По сей день они называют этот праздник *Сурваки*, так как он совпадает с праздником в честь древнего славянского бога *Сурвы*. В славянской мифологии это божество, *Сурва*, очевидно, идентичное арийскому *Сурья*, Солнцу — бог тепла, плодородия и изобилия. Корни этого праздника уходят далеко вглубь веков, поскольку задолго до христианства болгары поклонялись Сурве и посвящали праздник Нового года этому богу, моля его благословить их поля и послать им самим счастье и процветание. Этот обычай сохранился во всей своей языческой силе, и хотя в каждой местности есть свои отличия, тем не менее, обряды и ритуалы, в основном, одинаковы.

Накануне Нового года болгары не работают и обязаны поститься. Молодые девушки-невесты готовят большой пирог, *платий*, в который они кладут корни различной формы с молодыми ростками, давая каждому название по его форме. Так, один корень называют домом, второй — садом, другие — мельницей, виноградом, лошадью, курицей, кошкой и так далее, в соответствии с тем, какой собственностью и какими земными сокровищами владеет семья. В этом символе рога изобилия представлены даже такие ценности, как украшения и мешочки с деньгами. Кроме всего этого, внутрь

---

⁷⁷ *Люцифер — тоже Свет и «Сын Звезды Утренней»*. — Ср. Откровение, XXII, 16. *Люцифер* (лат., *lucis, lux* свет и *ferre* носить) буквально означает «носитель света», или «светоносец»; одно из названий Венеры, известной также как Утренняя Звезда и Вечерняя Звезда. В христианской мифологии проводится параллель между Венерой-Люцифером как ярчайшей звездой вечернего небосклона, которая как бы безуспешно тщится заменить Солнце, и Сатаной, пытающимся заместить Бога.

пирога кладут большую старинную серебряную монету, называемую *бабкой*, которую обвязывают красной нитью так, чтобы получился крест. Эта монета считается знаком удачи и счастья.

После захода солнца и некоторых обрядов, включающих молитвы уходящему светилу, вся семья собирается вокруг большого круглого стола, который называется *паралия*; на него выставляют описанный выше пирог, сушеные овощи, кукурузу, тонкую восковую свечу и, наконец, большую кадильницу с благовониями лучшего качества — для бога. Глава семьи, обычно старший из ее членов, дед или отец, с особым благоговением берет в одну руку кадило, а в другую свечу и обходит дом, окуривая все четыре угла, начиная и заканчивая на восточной стороне; при этом он произносит различные обращения к богу, заканчивая христианским «Отче наш, иже еси на небесех...», адресованным Сурве. Затем свечу прячут и хранят целый год, до следующего праздника. Считается, что она обладает чудесными целительными свойствами, и зажигают ее только если в семье кто-то болен, полагая, что она исцелит больного.

После этого обряда старший берет нож и разрезает пирог на куски, по количеству членов семьи. Получив свой кусок, каждый спешит его осмотреть. Самым счастливым в предстоящем году будет тот, у кого в пироге окажется старинная монета с крестом из красной нитки; его считают избранником Сурвы, и все завидуют счастливику. Следующими по важности идут символы дома, виноградника и прочие; в соответствии с находкой человек узнает свой гороскоп на предстоящий год. Самым несчастным будет получивший кошку; он бледнеет и дрожит: горе ему, ибо он окружен врагами и должен приготовиться к тяжким испытаниям.

В это время в печь кладут большое полено, символизирующее пылающий алтарь, и зажигают огонь. Это полено горит в честь Сурвы и предстает оракулом всего семейства. Если оно будет гореть всю ночь до утра и огонь не потухнет — это хороший знак; в противном же случае ожидается смерть кого-либо из членов семьи, и праздник заканчивается сильным плачем.

В эту ночь не спят ни юноши, ни девушки. В полночь начинаются предсказания, чудеса и разнообразные обряды, в которых горящее бревно выступает в роли оракула. Если молодая почка, брошенная в огонь, громко разорвется, то это означает быструю и счастливую свадьбу — и *vice versa*.

Поздно ночью молодые пары выходят из своих домов и идут в гости к знакомым, переходя из дома в дом, обмениваясь поздравлениями и воздавая благодарности божеству. Эти пары называют *сурвакари*; все парни несут большие ветки, украшенные красными лентами, старинными монетами и изображением *Сурвы*; по пути они поют хором песню, столь же своеобразную, сколь и необычную. Она заслуживает того, чтобы ее привести здесь, хотя, конечно, перевод на другой язык преуменьшит ее достоинства. Вот строки, с которыми обращаются к хозяевам в каждом доме:

Сурва, Сурва, Господин этой поры,
Пошли счастливый Новый год;
Здоровье и удачу этому дому,
Успех и благословение до следующего года.

Да будут у вас хорошие урожаи
и полные колосья.

Да будут у вас золото и шелк,
виноград и фрукты.

Да будут у вас бочонки, полные вина,
и сытые желудки.

Будьте благословенны Богом —
вы и ваш дом...

Его благословение на всех вас.

Аминь! Аминь! Аминь!

Поющие *сурвакари*, получившие в каждом доме вознаграждение за добрые пожелания, на рассвете расходятся по домам... Вот так, рука об руку, в христианской Болгарии идут символы экзотерического культа Креста и Огня древней Арьяварты...

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 2, November, 1879, p. 34—35; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 224—230. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Рождество прежде и теперь

Приближается время, когда весь христианский мир будет отмечать свой самый популярный праздник — день рождения основателя христианства. Когда этот журнал дойдет до своих западных подписчиков, веселье и ликование будут царить в каждом доме. В северо-западной Европе и в Америке остролист и плющ украсят каждый дом, а церкви будут убраны вечно-зелеными растениями; согласно традиции, унаследованной от древних ритуалов язычников друидов, «лесные духи слетятся к елям и останутся там, не тронутые морозом, вплоть до самой весны». В римско-католических странах огромные толпы людей стекаются к церквям в ночь на «сочельник», дабы отдать почести восковым фигурам Божественного Младенца и его девственной Матери в убранстве «Царицы Небес». Человеку с аналитическим умом все это великолепие из золота и кружев, вышитого жемчугом сатина и бархата и украшенной драгоценными камнями колыбели кажется довольно парадоксальным. Когда мы думаем о скромных, источенных червями, грязных яслях в еврейской ночлежке, куда, если верить *Евангелию*, поместили новорожденного будущего «Спасителя» за неимением более достойного убежища, — то не можем не заметить, что перед ослепленным взором неискушенного христианина вифлеемский хлев исчезает без следа. Выражаясь более мягким языком, эта красочная показуха плохо согласуется с демократическими чувствами и истинно божественным презрением «Сына Человеческого», «не имевшего, где преклонить голову», к богатству. Среднему христианину становится все труднее рассматривать недвусмысленное выражение «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» как нечто большее, чем просто риторическая угроза. Римская церковь поступила мудро, строго-настроено запретив своим прихожанам самостоятельно читать или трактовать Евангелия, предоставляя Библии как можно дольше провозглашать свои истины на латыни — «глас вопиющего в пустыне». В этом она лишь следовала мудрости веков — мудрости древних арийцев, которая также «оправдана и по отношению к ее детям»; ибо, как ни один современный приверженец индуизма не понимает ни слова из санскрита и ни один современный парс — ни слога на пехлеви, так и средний католик понимает латынь не лучше, чем иероглифы. И как следствие, все трое — высший жрец брахманов, зороастрийский мوبед и римский папа — имеют

неограниченные возможности для извлечения все новых религиозных догм из глубин своей собственной фантазии, и все ради блага своих церквей.

Чтобы оповестить о наступлении этого великого дня, в полночь по всей Англии и по всему европейскому материка начинают весело звонить колокола. Во Франции и Италии, после того, как отслужена литургия в богато убранных храмах, «гулякам разрешается вкусить рождественской трапезы (*reveillon*), чтобы они могли лучше перенести усталость ночи», как говорится в книге, посвященной католическим церковным обрядам. Эта ночь рождественского поста напоминает *Шиваратри* последователей бога Шивы — великий день мрака и поста в одиннадцатый месяц индусского года. Только в последнем случае долгому ночному бдению предшествует суровый и строгий пост, который соблюдается и по окончании праздничной ночи. Никаких *reveillons* или компромиссов для постящихся. Конечно, они лишь нечестивые «язычники», и их путь ко спасению будет в десять раз тернистее.

И хотя в настоящее время все христианские народы празднуют 25 декабря как день рождения Христа, прежде это не было принято. В ранние века нашей эры Рождество часто путали с Крещением и отмечали его в апреле или мае. Поскольку ни в светской, ни в церковной истории никогда не существовало ни одного подлинного свидетельства или доказательства, которые могли бы с точностью определить этот день, его выбор долгое время оставался произвольным; и только в четвертом веке, по настоянию Кирилла Иерусалимского, папа (Юлий I) приказал епископам провести расследование и прийти, наконец, *хоть к какому-то* согласию относительно *возможной* даты рождения Христа. Их выбор пал на 25 декабря — и вышел весьма неудачным, как оказалось впоследствии! Дюпюи, а затем и Вольней выпустили первые залпы по этой годовщине рождения. Они доказали, основываясь на точных астрономических данных, что неисчислимы века до нашей эры почти все древние народы отмечали этот день как день рождения своих солнечных богов. «Дюпюи говорит, что **Дева с младенцем** как зодиакальный знак существовал тысячи лет до рождения Христа», — отмечает Хиггинс в работе «*Anacalypsis*». Так как Дюпюи, Вольней и Хиггинс вошли в историю как безбожники и враги христианства, то *стоит* процитировать в этой связи признания христианского епископа из Регенсбурга, «выдающегося ученого средневековья» — доминиканца Альберта Магнуса. «Знак небесной девы поднимается над горизонтом в тот

момент, когда мы отмечаем рождение Господа нашего Иисуса Христа»⁷⁸, — утверждает он. Таким образом, Адонис, Бахус, Озирис, Аполлон и прочие — все были рождены 25-го декабря. Рождество выпадает как раз на время зимнего солнцестояния, когда бывают самые короткие дни, и *тьма* предельно окутывает землю. Согласно верованиям, все солнечные боги рождались каждый год в этот переломный момент, поскольку, начиная с него с каждым новым днем Свет все больше и больше рассеивает тьму, и сила *Солнца* начинает возрастать.

Как бы то ни было, рождественские праздники, отмечавшиеся христианами почти пятнадцать веков, имели чисто языческое происхождение. Более того, мы опасаемся, что даже современные обряды церкви вряд ли смогут избежать упрека в том, что они являются почти точной копией мистерий Египта и Греции, проводившихся в честь Озириса и Гора, Аполлона и Бахуса. И Изиду, и Цереру называли «Святыми Девами», а **божественного младенца** можно найти в любой «языческой» религии. Представим две картины веселого Рождества: одна изображает «старые добрые времена», другая — современное состояние христианского вероисповедания. С первых дней учреждения Рождества этот день рассматривался в двух аспектах: как святое поминовение и как самый радостный праздник — его поделили поровну божественное почитание и безудержное веселье. «Среди празднеств Рождества существовали так называемые пиры дураков и гротескные сатурналии, именовавшиеся «декабрьскими вольностями», в которых все серьезное представляли в комическом свете, общественный порядок меняли на прямо противоположный, а приличия общества высмеивали, — рассказывает составитель старинных летописей. — В средние века его отмечали веселым фантастическим представлением, в котором персонажи в гротескных масках и необычных костюмах разыгрывали драматические мистерии. Это представление обычно изображало младенца, лежащего в колыбели, в окружении Девы Марии и Святого Иосифа, бычьих голов, херувимов, восточных магов (мобедов древности) и многочисленной церковной утвари. Обычай распевать на Рождество духовные песни, называемые рождественскими гимнами, должен был напоминать песни пастухов в Рождество Христово. Епископы и духовенство часто исполняли эти гимны

---

⁷⁸ Данный фрагмент взят из работы Годфри Хиггинса «Anacalipsis», том I, с. 314, где он приписывает эти слова Альберту Магнусу со ссылкой на «Всемирную Энциклопедию».

вместе с народом, и пение это сопровождалось танцами под музыку барабанов, гитар, скрипок и органов...» Мы можем добавить, что вплоть до сегодняшнего дня, в течение всех дней, предшествующих Рождеству, такие кукольные мистерии разыгрываются на юге России, в Польше и Галиции и известны под названием *колядки*. В Италии калабрийские менестрели спускаются со своих гор в Неаполь и Рим и толпятся у алтарей Девы-Матери, приветствуя ее своей необычной музыкой.

В Англии празднества обычно начинались накануне Рождества и продолжались зачастую вплоть до Сретения (2-е февраля); все дни до кануна Крещения (6-е января), были праздничными. В домах аристократии назначался глава рождественских увеселений и «пира дураков», который должен был играть роль шута. «Кладовая была заполнена копченой селедкой, курами, индюшкой, гусями, утками, говядиной, бараниной и свиной, пирогами, пудингами, орехами, сливами, сахаром и медом...» «Полыхающий костер, сложенный из больших поленьев — главное из которых величалось “Святочным поленом”, или рождественским бревном, и должно было гореть вплоть до кануна Сретения Господня, отгонял прочь холод; и все это изобилие распределялось между челядью господина среди музыки, фокусов, загадок, игры в «жучок», фиглярства, игры «схватить дракона», шуток, смеха, игры в фанты и танцев».

В наше время епископы и духовенство уже не участвуют в народных песнопениях и танцах, а «пиры дураков» предпочитают устраивать в святом уединении, избегая угрозы всевидящего ока репортера. И все же празднества, сопровождающиеся обильной пищей и питьем, до сих пор отмечаются во всем христианском мире; и, несомненно, скоропостижная смерть от обжорства и невоздержания во время рождественских и пасхальных праздников бывает чаще, чем в любое другое время года. Вместе с тем, почитание Христа из года в год становится все большим и большим притворством. Бессердечность этой неискренности разоблачали бесчисленное количество раз, такого трогательного реализма, как в очаровательном рассказе-сновидении о прошлом Рождестве, появившемся в «New York Herald» — думается, еще не бывало. Пожилой человек, председательствовавший на общественном собрании, объявил, что позволит себе воспользоваться случаем, чтобы рассказать о видении, которое он лицезрел прошлой ночью.

...Ему казалось, что он стоит на кафедре самого великолепного и величественного собора, который он когда-либо видел. Перед ним находился священник или пастор этой церкви, а позади него — ангел с дощечкой и карандашом в руке, дабы записывать каждое действие поклонения или молитвы, совершенное в его присутствии и восходящее как приемлемое подношение к трону Господа. Каждая скамья церкви была заполнена богато одетыми прихожанами обоего пола. Самая возвышенная музыка, что когда-либо ласкала его восторженный слух, наполняла пространство нежной мелодией. Все прекрасные церемониальные действия богослужения, включая чрезвычайно выразительную проповедь одаренного священника, были последовательно совершены — но ангел не сделал ни одной записи на своей дощечке! Наконец, прочитав пространную красивую молитву и напутствуя всех своим благословением, пастор отпустил прихожан, — но ангел опять ничего не записал.

...Все еще сопровождаемый ангелом, оратор покинул церковь, следуя позади роскошно одетых прихожан. В сточной канаве, у обочины, стояла нищенка в лохмотьях; ее бледная, исхудавшая рука была протянута вперед, молчаливо прося подаяния. Разряженные прихожане, вышедшие из церкви, проходя мимо, сторонились бедной Магдалины, а дамы приподнимали свои шелковые, увешанные драгоценностями платья, чтобы не испачкаться, коснувшись ее.

...Как раз в это время по противоположной стороне тротуара шел, пошатываясь, пьяный моряк. Поравнявшись с отверженной, он неверными шагами перешел улицу и, подойдя к ней и вытащив несколько пенни из кармана, сунул ей в руку со словами: «Вот, бедолага, возьми!» Небесное сияние озарило лицо ангела, и он тут же занес этот акт сострадания и милосердия в свою дощечку и улетел с этим сладостным жертвоприношением к Господу.

Могут сказать, что это лишь модификация библейского повествования о суде над женщиной, взятой в прелюбодеянии. Пусть так; зато здесь мастерски описано состояние нашего христианского общества.

Предание гласит, что в Сочельник быки, как бы застыв в молитве и беззаветной преданности, стояли на коленях; а «на церковном дворе аббатства Гластонбери знаменитый боярышник 24-го декабря всегда покрывался почками, а 25-го расцветал»; учитывая тот факт, что этот день был выбран отцами церкви наугад и что старый стиль календаря сменили на новый, это показывает замечательную проницательность животных и растений! Также, согласно церковному преданию, дошедшему до нас благодаря Улафу, архиепископу Упсалы, в праздник Рождества «люди, живущие в холодных северных странах, неким неизвестным и таинственным образом превращаются в волков; огромное множество их собирается в

условном месте и так лютует против человечества, что оно страдает больше от их нападков, чем от настоящих волков»⁷⁹.

Рассматривая это как метафору, можно признать, что в настоящее время подобное больше, чем когда-либо случается с людьми, особенно с христианскими народами. Кажется, нет необходимости ждать Сочельника, чтобы убедиться в том, как целые народы превращаются в «диких зверей» — особенно во время войны.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 3, December, 1879, p. 58—59; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 231—238. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Популярная идея о бессмертии души

В какую эпоху пробуждающийся интеллект человека впервые принял идею о загробной жизни – сказать не может никто. Но мы все же знаем, что эта идея с самого начала пустила столь глубокие корни и так опутала человеческие инстинкты, что вера в нее жила во всех поколениях и запечатлелась в сознании каждой нации и каждого племени, цивилизованного, полуживилизованного или варварского. Величайшие умы над этим размышляли, а примитивные дикари, не имевшие даже имени для обозначения Божества, просто верили в существование духов и боготворили их. Если в христианской России, Валахии, Болгарии и Греции восточная церковь предписывает в день Всех Святых возлагать на могилы рис и питье как жертвоприношение, а в "языческой" Индии те же умиротворительные дары в виде риса преподносятся умершим, то также и бедный дикарь Новой Каледонии приносит пищу в жертву черепам некогда любимых им людей.

Согласно Герберту Спенсеру, почитание душ и реликвий можно приписать "древнему представлению, что любое свойство, характеризующее

---

⁷⁹ цитируется Улаф Магнус «Краткая История готов, шведов и вандалов, а также других северных народов». Перевод с латинского оригинала на английский язык (Лондон, 1653 г.)

целое, присуще и всем его частям... Душа присутствует как в сохранившемся полностью теле усопшего, так и в отдельных его частях. Отсюда и вера в реликвии". Хотя это утверждение в одинаковой степени можно отнести и к хранящейся в золотой раке, усыпанной драгоценностями реликвии цивилизованного приверженца римско-католической церкви, и к покрытому пылью, изъеденному червями черепу, боготворимому идолопоклонником, все же оно может быть опровергнуто первым из них, который скажет, что не верит в присутствие души ни в трупе, ни в скелете, ни в какой-либо его части. Строго говоря, он и не поклоняется, а только почитает эту реликвию как нечто, принадлежавшее некогда тому, кого он считает святым, и при соприкосновении оказывающее чудотворное действие. Следовательно, определение г-на Спенсера кое-что упускает. Точно так же профессор Макс Мюллер, в своей "Introduction to the Science of Religion", доказав на многочисленных примерах, что человеческий мозг с самого начала питал "смутную надежду на жизнь после смерти", объясняет не больше, нежели Герберт Спенсер, как или каким образом впервые возникла эта надежда; он только указывает на присущую *нецивилизованным* народам способность превращать силы природы в богов и демонов. Заканчивает он свою лекцию об урало-алтайских легендах и универсальности веры в привидения и духов простым замечанием, что "поклонение духам умерших является, *возможно*, наиболее распространенной формой *суеверия* во всем мире".

Таким образом, куда бы мы ни обратились за философской разгадкой этой тайны, ожидаем ли мы получить ответ от теологии, которая сама склонна верить в чудеса и учить сверхъестественному; или справимся об этом у господствующих сегодня школ современной мысли – величайших противников всего сверхъестественного в природе; или вновь обратимся за объяснениями к той философии крайнего позитивизма, которая со времен Эпикура до современной школы Джеймса Милла, вооружившись зловецким дилетантским лозунгом "*nihil in intellectu, quod non ante fuerit in sensu*" превращает интеллект в раба материи, – мы не получим удовлетворительного ответа ни от кого!

Если бы данная статья предназначалась лишь для сопоставления фактов, установленных путешественниками и касающихся "суеверий", рожденных в мозгу примитивного человека и доныне сохраняющихся только среди диких племен, тогда работы таких философов, как Герберт Спенсер, могли бы разрешить наши противоречия. Мы могли бы удовлетвориться его

объяснением, что в отсутствии гипотезы, "чуждой мысли в своей ранней стадии... примитивные идеи, возникшие в результате разнообразных наблюдений над явлениями неорганического мира", такими, как ветер, эхо и собственная тень человека, и убедившие дикаря, что существует "невидимая форма бытия, проявляющая силу", – оказались достаточными для того, чтобы возникла подобная "укоренившаяся вера" (см. "Генезис суеверия" Спенсера, "Popular Science Monthly", March, 1875). Но сейчас нас волнует то, что нам ближе и что стоит выше примитивного человека каменного века: человек, который полностью проигнорировал "эти понятия о физической причинности, возникшие только как наблюдения и медленно оформлявшиеся в систему по мере развития цивилизации". Ныне мы имеем дело с убеждениями двадцати миллионов современных спиритуалистов – наших братьев, живущих в ослепительном блеске просвещенного XIX века. Эти люди не пренебрегают ни одним из открытий современной науки; более того, многие из них сами принадлежат к числу выдающихся ученых, сделавших эти открытия. Вместе с тем, меньше ли они подвержены той же "форме суеверия", если считать это суеверием, чем примитивный человек? По крайней мере, их интерпретации физических явлений – всякий раз, когда они сопровождались случайностями, заставлявшими их верить в то, что физической силой движет разум, зачастую являются в точности такими же, какие возникали в представлении человека древних, до-цивилизированных времен.

Что есть тень? – спрашивает Герберт Спенсер. Ребенок и дикарь "думают о тени как о чем-то реально существующем". Бастиан говорит о неграх Бенина, что "они принимают тени за души людей...", полагая, что "...они наблюдают за всеми их действиями и свидетельствуют против них"⁸⁰. Согласно Крантцу, гренландцы верят в то, что тень человека – это "одна из его двух душ, та, что выходит из тела ночью". Жители острова Фиджи называют тень "темным духом, отличным от другого, которым обладает каждый человек". И знаменитый автор "Принципов психологии" утверждает, что "общность смысла, о чем ниже будет сказано более подробно, которую различные неродственные языки обнаруживают между тенью и духом, говорит нам об одном и том же".

---

⁸⁰ Цитируется Adolf Bastian "Zur Mythologie und Psychologie der Nigritier in Guinea", Berlin, 1894, p. 41.

Все это убедительно показывает, что, как бы неверны и противоречивы ни были выводы, все же предпосылки, на коих они базируются, не вымысел. Предмет должен существовать прежде, чем человеческий ум может о нем помыслить или вообразить его. Сама способность представить существование чего-либо, обычно невидимого и неосязаемого, доказывает, что это что-то уже когда-то проявлялось. Профессор Мюллер, изображая в своей обычной артистической манере постепенное развитие идеи о душе и показывая в то же самое время, как *"мифология"* не только проникает в область религии... но и заражает в большей или меньшей степени все царство мысли", говорит, что когда человек впервые захотел выразить словами

...разницу между телом и тем, что находится внутри этого тела и отлично от него, то самое простое, что пришло на ум, было *дыхание*... Сначала оно означало жизненный принцип, отличный от тленного тела, а затем бесплотную... бессмертную часть человека – его душу, его разум, его "Я"... Когда умирает человек, мы также говорим, что он отдал богу душу, душа же первоначально означала дух, а дух означал дыхание.

В подтверждение этого приводятся рассказы различных миссионеров и путешественников. Когда Отец Франсиско де Бобадилья вскоре после испанского завоевания спросил индейцев Никарагуа о том, что они думают о смерти, те ответили ему, что "когда человек умирает, из его рта выходит нечто, напоминающее человека и называемое *julio* ("*juli*" у ацтеков означает "жить"), – поясняет М.Мюллер. – Это существо похоже на человека, но не умирает, а труп остается здесь..." В одной из своих многочисленных работ Эндрю Джексон Дэвис, когда-то считавшийся величайшим американским ясновидцем и известный как "Провидец из Поукипси", дает нам прекрасную иллюстрацию веры никарагуанских индейцев. Его книга "Смерть и жизнь после смерти" содержит выгравированный фронтиспис, на котором изображена старая женщина на смертном одре. Иллюстрация называется "Формирование духовного тела". Из головы усопшей поднимается светящееся очертание – ее собственная преобразенная форма⁸¹.

---

⁸¹ "Предположим, что человек умирает, – говорит Провидец из Поукипси, – ясновидящий видит прямо над его головой то, что можно назвать магнетическим ореолом – эфирную эманацию, золотистую на вид и пульсирующую, как бы сознающую... Человек перестал дышать, пульс не прослушивается, а эманация вытягивается в длину и *принимает очертание человеческого тела!* Она все еще связана с мозгом... благодаря

Некоторые индусы верят, что дух сидит на карнизе дома, в котором он расстался с телом, в течение десяти дней. Поскольку он может купаться и пить, из листьев подорожника делают две чаши и кладут их на карниз; одну из них наполняют молоком другую – водой. "Считают, что в первый день покойный получает голову; на второй день – уши, глаза и нос; на третий – руки, грудь и шею; на четвертый – средние части тела; на пятый – ноги и ступни; на шестой – жизненно важные органы; на седьмой – кости, костный мозг, вены и артерии; на восьмой – ногти, волосы и зубы; на девятый – все недостающие члены, органы и физическую силу; на десятый день новое тело мучают голод и жажда". ("The Pathari Prabhus" Кришнанатха Рагхунатджи, опубликована в правительственной "Bombay Gazetteer", 1879 г.)

Теория г-на Дэвиса признана всеми спиритуалистами, и именно эту модель ясновидцы берут за основу, когда описывают отделение "нетленного от тленного". Но здесь дороги спиритуалистов и ацтеков расходятся; ибо в то время как первые утверждают, что душа бессмертна и сохраняет свою индивидуальность в вечности, ацтеки говорят, что, "если покойный вел благочестивую жизнь, *julio* восходит высоко к нашим богам, но, если он вел жизнь недостойную, *julio* умирает вместе с телом".

Некоторые, возможно, сочтут, что "примитивные" ацтеки более последовательны в своей логике, нежели наши современные спиритуалисты. Лопари и финны тоже утверждают, что пока физическое тело гниет, усопшему дают *новое* тело, которое видит только шаман.

...Хотя дыхание, или дух, или душа, – говорит далее профессор Мюллер, – представляют собой наиболее общие названия... мы говорим... что *тень* умершего первоначально означала тень, отбрасываемую телом. Тот, кто первым употребил это выражение, а мы находим его в самых

инертности последнего. Я видел, как умирающий человек при последнем слабом ударе пульса внезапно очнулся и поднялся в кровати, чтобы поболтать, но тут же упал бездыханным – его мозг расставался с жизненным принципом последним. Золотистая эманация... соединена с мозгом очень тонкой жизненной нитью. Когда она поднимается, то появляется что-то *белое и блестящее*, напоминающее человеческую голову; затем слабое очертание *божественного* лица, *прекрасная* шея и *красивые* плечи; потом, в быстрой последовательности, появляются все части нового тела, вплоть до стоп – светлый, сияющий образ, немного меньше, чем физическое тело, но совершеннейший прототип... во всем, кроме изъянов. Тончайшая жизненная нить все еще соединена с прежним мозгом. Следующим тело покидает электрический принцип. Когда жизненная нить обрывается, духовное тело становится свободным (!) и готово следовать за своим ангелом-хранителем в Страну Вечного Лета".

отдаленных уголках земного шара, очевидно, рассматривал тень как более близкое тому, что он хотел выразить: нечто, что должно быть бесплотным и в то же время тесно связанным с телом. Греческий эйдолон означает лишь малыши, небольшой народ. Но вот что любопытно... народ, рассматривающий жизнь или душу как тень физического тела, уверовал в то, что мертвое тело не отбрасывает тени, поскольку тень его покинула; а также в то, что она становится чем-то вроде Питера Шлемиля.

Верит ли в это племя амазулу и другие племена Южной Африки? Несомненно; эта идея широко распространена и среди славянских христиан. Если заметят, что труп отбрасывает тень при солнечном свете, то его считают греховной душой, которую отвергло само небо. И она, как дух, привязанный к земле, обречена искупать свои грехи вплоть до Дня Воскрешения из Мертвых. И Ландер, и Кетлин рассказывают, что дикари племени мандан раскладывают черепа своих умерших по кругу. "Каждая жена знает череп своего усопшего мужа или ребенка, и "редко проходит день, чтобы она не навестила его, с блюдом самой лучшей еды... В ясный день можно видеть, как эти женщины сидят или лежат у черепа своего ребенка или мужа и ласково, любовно беседуют с ними (как они делали это раньше) и, *повидимому, получают от них ответ*".

То что делают бедные матери и жены дикого племени мандан, совершают ежедневно миллионы цивилизованных спиритуалистов – и это лишний раз свидетельствует об универсальности убеждения, будто мертвые слышат и могут отвечать нам. С теософской, месмерической, и следовательно, в некотором роде научной точки зрения, первые могут привести более веские доводы, чем последние. Череп умершего человека, с которым так беседуют, несомненно, имеет магнетическую близость и более тесную связь с покойным, нежели стол, наклоня который, умершие отвечают живым – стол, которого в большинстве случаев дух при своем воплощении никогда не видел и которого никогда не касался. Но спиритуалисты – не единственные, кто может соперничать с манданами. В каждом уголке России, оплакивая ли покойника, сопровождая ли гроб на кладбище, либо в течение шести недель после смерти крестьянки, так же как и женщины богатых торговых сословий, идут на могилу, чтобы в голос выть или, выражаясь библейским языком, "поднять вопль". Придя туда, они начинают ритмично причитать, обращаясь к покойному по имени, задавая ему вопросы и иногда останавливаясь в надежде услышать ответ.

Не только древние и идолопоклонники, египтяне и перуанцы думали, будто дух или душа умершего живет в мумии, а сам труп находится в сознании; подобное поверье распространено и в наше время среди православных христиан греческой и римской церковью. Мы упрекаем египтян за то, что они кладут своих набальзамированных покойников на стол, а перуанцев-язычников за то, что они проносят по полям труп своего родителя, дабы он смог увидеть и оценить состояние урожая. Но что же тогда говорить о мексиканском христианине современности? Под руководством священника он одевает покойников в пышные наряды и украшает их цветами, а если усопший является женщиной, даже румянит ей щеки. Затем тело усаживают на стул, стоящий на большом столе, откуда жуткий мертвец как бы председательствует над плакальщиками, сидящими вокруг стола, которые всю ночь едят и пьют, играют в карты и кости, справляясь у покойника о своих шансах. С другой стороны, в России существует обычай накладывать покойнику на лоб длинную полоску позолоченной и украшенной орнаментом бумаги, называемую Венчик (венец, корона), на которой яркими буквами начертана молитва. Эта молитва – нечто вроде рекомендательного письма, с которым приходской поп отправляет покойника к его святому-покровителю, отдавая усопшего под его защиту⁸².

Баски-католики пишут письма своим усопшим друзьям и родственникам, адресуя их в рай, чистилище или ад, в соответствии с указаниями духовника почившего адресата, и, вложив их в гроб новоусопшего, просят его доставить письма в загробный мир, обещая посыльному, качестве вознаграждения заказывать мессы за упокой его души.

На недавнем сеансе, проводимом известным в Америке медиумом (см. "Banner of Light", Boston, June 14, 1879),

...Мерседес, покойная королева Испании, известила о себе и выступила вперед в пышном убранстве невесты – восхитительное богатство кружев и бриллиантов, и говорила на нескольких различных языках (среди присутствовавших был лингвист). Ее сестра, принцесса Кристина, также появилась вскоре, но в гораздо более скромном наряде, в виде застенчивой школьницы.

---

⁸² Она читается так: "Святой Николай (или Святая Дева Мария, или такой-то и такая-то), святой покровитель (далее следует полное имя покойного и его титул), прими душу раба Божьего и испроси прошение его (или ее) грехов".

Таким образом, мы видим, что покойники не только доставляют письма, но даже, возвращаясь из небесных обителей, приносят с собою свои "кружева и драгоценности". Как древний языческий грек населял свой Олимп пиршествующими и флиртующими богами; как американский индеец помещает свой рай там, где духи отважных вождей восседают на призрачных конях и преследуют иллюзорную дичь; как у индуса есть множество высших лок, где его многочисленные боги живут в золотых дворцах, предаваясь всевозможным чувственным наслаждениям; а у христианина – Новый Иерусалим, с улицами из "чистого золота, прозрачного как стекло" и основаниями стен, "отделанными... драгоценными камнями", где бесплотные щебечущие херувимы и божьи избранники восхваляют Иегову под звуки золотых арф, – так и у современного спиритуалиста есть своя "Страна Вечного Лета в пределах Млечного Пути"⁸³, хотя и несколько выше небесных обителей других народов⁸⁴.

Здесь, среди городов и деревень, изобилующих дворцами, музеями, виллами, колледжами и храмами, проходит вечность. Молодых воспитывают и обучают, не успевшие развиться на земле достигают полной зрелости, старые молодеют, и каждое влечение и желание удовлетворяются; духи флиртуют, женятся и обзаводятся семьями с детьми⁸⁵.

Поистине, поистине мы можем воскликнуть вместе с Павлом: "О смерть, где твое жало? О ад, где твоя победа!" Вера в загробную жизнь предков – самое древнее и наиболее освященное временем из всех верований.

---

⁸³ См. *A. J. Davis, Stellar Key to the Summer Land.*

⁸⁴ В работе того же автора, "The Spiritual Congress", Гален говорит устами ясновидца: "Между Обителью Духа и Землю, на всем протяжении, разбросаны... более *четырёхсот тысяч* планет и *пятнадцать тысяч* солнечных тел меньшей величины".

⁸⁵ В недавнем сообщении из Америки говорится о свадьбе призрака дочери полковника Итона из Левенворта (Канзас), выдающегося члена Национального демократического комитета. Его дочь, умершая в возрасте трех недель, превратилась за время своего двадцатилетнего пребывания в Стране Вечного Лета в прекрасную молодую леди и теперь выходит замуж за призрака сына Франклина Пирса – покойного президента Соединенных Штатов Америки. Свадьба, свидетелем которой был знаменитый ясновидец из Нью-Йорка, была великолепна. "Невеста-призрак" была "в наряде нежно-зеленого цвета". По приказу духа накрыли свадебный стол, поставив на него свечи и букеты цветов, а также тарелки для счастливой пары. Когда гости собрались, новобрачные полностью "материализовались" и сели вместе с ними за стол. ("Times", New York, June 29, 1879).

Путешественники рассказывают, что все монгольские, татарские, финские и тунгусские племена, помимо духов природы, обожествляли также духов предков. Китайские историки, изучая урало-алтайские народности, гуннов и *тюкуев*, предков современных турков, изображают их поклоняющимися "духам неба, земли и духам умерших". Меджерст классифицирует китайских духов в следующем порядке: главными являются небесные духи (*tien shin*), за ними следуют земные духи (*ti-ki*), потом духи предков, или бродячие духи (*jin kwei*). Среди них наиболее почитаются духи покойных императоров, величайших философов и мудрецов. Они являются общественным достоянием всей нации и частью государственной религии, но "в то же время каждая семья имеет своих собственных *манов*, которым оказывают особое почитание и посвящают многие мистические обряды".

В то время как все нации одинаково верят, а многие даже и боготворят своих умерших, их взгляды относительно желательности прямого общения с этими усопшими гражданами существенно разнятся. По сути, среди образованных людей только современные спиритуалисты стремятся к постоянному общению с ними. В качестве примера возьмем несколько разобщенных народов. Индусы, как правило считают, что чистый дух человека, умершего примиренным с собственной судьбою, никогда не вернется обратно во плоти, чтобы досаждать смертным. Они утверждают, что только *бхуты* – души расставшихся с жизнью неудовлетворенными, не утолившими свои земные желания, короче говоря, порочные мужчины и женщины – становятся "привязанными к земле". Неспособные подняться к мокше, они вынуждены оставаться в земных сферах либо до своего следующего воплощения, либо до полного уничтожения и, таким образом, используют каждую возможность, чтобы преследовать людей, особенно слабых женщин. Возвращение или появление этих духов считается столь нежелательным, что индусы используют все возможные средства для предотвращения этого. Даже когда речь идет о самом святом чувстве – любви матери к младенцу, они делают все возможное, чтобы воспрепятствовать ее возвращению к нему. Среди некоторых из них распространено поверье, будто женщина, умершая при родах, обязательно вернется, чтобы охранять свое дитя. Поэтому, возвращаясь домой с гхата, после предания тела огню, все участники похорон густо посыпают дорогу от погребального костра до дома покойной горчичными зернами. По какой-то необъяснимой причине они верят, что дух, возвращаясь домой, должен

поднять каждое из этих зернышек. А поскольку этот труд утомителен и долг, то бедная мать никак не сможет достигнуть своего дома до петухов, когда она будет вынуждена, подчиняясь законам мира призраков, исчезнуть до следующей ночи, роняя на землю все, что собрала. У чувашей, одного из племен, населяющих российские просторы, сын, предлагая жертвоприношение духу своего отца, неизменно произносит следующее заклинание: "Мы почитаем тебя этим угощением; посмотри, здесь хлеб и всякое мясо; здесь все, что ты можешь пожелать, только не тревожь нас и не приближайся к нам"⁸⁶.

Лопари и финны считают, что духи, делающие свое присутствие явным и осязаемым, очень проказливы, но "самые озорливые – духи священников". Поэтому предпринимается все возможное, дабы держать их подальше от живых. Сходство, обнаруживаемое между этим смутным народным инстинктом и мудрыми выводами некоторых величайших философов и даже современных ученых, удивительно. "Почитайте духов – и держите их на расстоянии", – сказал Конфуций за шесть столетий до Рождества Христова. Девятью столетиями спустя Порфирий, знаменитый антитеург, описывая природу различных духов, выразил свое мнение о духах умерших людей, сказав, что *он не знал такого зла*, на которое не были бы способны эти опасные демоны. А в наш собственный век барон Дюпоте, каббалист и величайший магнетизер современности, в своей работе "La Magie Devoilee" предупреждает спиритов, чтобы они не тревожили мертвых. Ибо "вызванная тень может *прилепиться* к вам, преследовать и впоследствии все время оказывать воздействие; и мы сможем умиротворить ее, лишь заключив договор, который свяжет нас с нею вплоть до самой смерти!"

Но все это – лишь частные мнения; сегодня нас больше волнует вопрос: как могла вера в загробную жизнь так укорениться в каждом из последующих веков, несмотря на вкroppившиеся в нее преувеличения, если она является лишь туманной и нереальной концепцией интеллекта, возникшей у "примитивного человека". Из всех мужей науки единственный удовлетворительный ответ дал профессор Макс Мюллер в "Introduction to the Science of Religion", хотя он и не щадит усилий, дабы представить в своем труде эту веру как обычное "суеверие". Но нам придется примириться с его выводом, за неимением лучшего. К более удачному решению он сможет

---

⁸⁶ М.А. Castren, Vorlesungen uber die Finnische Mythologie, p. 122.

прийти, лишь переступив границы сравнительной филологии и смело вторгнувшись в область чистой метафизики; короче говоря, следуя тропюю, запрещенной точной наукой. Одним ударом он рубит гордые узел, который Герберт Спенсер и его школа так сильно затянули под колесницей "Непознаваемого". Он показывает нам, что "существует философская дисциплина, исследующая условия сенсуалистического, или интуитивного, знания", а также "другая философская дисциплина, исследующая условия рационального, или концептуального, знания", а затем дает определение третьей способности –

...постигать Бесконечное не только в религии, но во всем сущем – силы, не зависящей от чувства и рассудка, силы, в определенном смысле противоречащей чувству и рассудку, но тем не менее очень реальной силы, существующей с сотворения мира; ни чувство, ни рассудок не в состоянии одолеть ее, в то время как она способна победить и рассудок и чувство.

Интуиция, всецело лежащая за гранью понимания наших современных биологов, вряд ли может быть описана лучше. И тем не менее, заканчивая свою лекцию о магических обрядах китайцев и их храмах поклонения духам предков, наш великий филолог замечает: "Это происходит постепенно; все начинается с возложения на могилу цветка, а заканчивается поклонением духам..."

Статья впервые опубликована в "Theosophist", Vol. 1, № 3, December, 1879, p. 60-62; на русском языке – Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 239-253. Пер. Т. О. Сухоруковой.

Магнетическая цепь

С большим интересом мы прочитали первый номер нового французского журнала под названием «*La Chaine Magnetique*» (Магнитная Цепь), который посвящен месмеризму или, как его ещё называют, животному магнетизму; его любезно прислал нам из Парижа Барон Дюпоте — всеми уважаемый и наиболее известный в этой области ученый-практик. После долгих лет относительного безразличия, вызванного нападениями

скептической науки, этот увлекательный предмет вновь захватывает внимание западных исследователей психологии. Месмеризм — этот ключ к тайнам внутренней природы человека — позволяет каждому, знакомому с его законами, понять не только феномены западного спиритуализма, но и тот обширный предмет — настолько обширный, что охватывает все области оккультизма — который носит название Восточной Магии. Главная цель индийского *йога* — привести в действие свои внутренние силы, подчинить им свое низшее я и многое другое. То, что совершенный *Йог* может воздействовать, а иногда и контролировать жизнь растений и животных, показывает, что душа, заключенная в его теле, имеет внутреннюю связь со всем сущим. Месмеризм указывает, как раскрыть эту оккультную тайну; и великое открытие *Odyle* или силы *Od*, сделанное Бароном Рейхенбахом, и *Психометрия* профессора Бьюкенена, а также успехи современной науки в области электричества и магнетизма — довершают эту картину. «*The Theosophist*» намеревается уделить огромное внимание и месмеризму, и законам *Od*, и психометрии и так далее. В этой связи мы приводим отрывки из «*La Chaine Magnetique*», которые вознаградят внимание читателя. Великая истина заключается в том, что Барон Дюпоте говорит о месмерическом флюиде:

«Это не утопическая теория, а универсальная Сила, всюду одна и та же, что мы неопровержимо докажем....Закон природы, такой же реальный, как и электричество, но тем не менее отличающийся от него, такой же реальный, как ночь и день. Закон, о существовании которого врачи, несмотря на всю свою ученость и науку, до сих пор не имели ни малейшего представления. Только зная природу магнетизма, можно будет продлевать жизнь и лечить больных. Врачи должны либо приступить к его изучению, либо — перестать называться врачами».

Хотя ему сейчас почти девяносто, ум Барона столь же ясен, а его самоотверженная преданность любимой Науке пылает так же, как и тогда, когда в 1826 году он предстал перед Французской Медицинской Академией и экспериментально доказал реальность животного магнетизма. Франция, давшая миру так много великих ученых, может похвастаться немногими, кто был более велик, чем Дюпоте.

Ученик Барона — некий г-н Саладин из Тараскона-на-Роне — докладывая ему о результатах недавних магнетических экспериментов, проводившихся в ходе лечения болезни, сообщает:

«Однажды, гипнотизируя свою жену, я величайшим усилием воли пытался направить на неё свой магнетический флюид, но вдруг почувствовал, что из кончиков моих пальцев исходит нечто, похожее на струйки холодного ветерка, вроде того, что испускает надувная лодка, когда из неё вытаскивают затычку. Моя жена совершенно явственно ощущала этот необычный ветерок, и — что ещё более странно — наша служанка, которую я попросил протянуть руку между моей рукою и телом моей жены, на вопрос, что она чувствует, ответила, что “кажется, нечто вроде ветерка исходит из кончиков моих пальцев”».

Необычный феномен, отмеченный здесь, часто наблюдался во время лечебного гипноза: это жизненная сила, до предела сконцентрированная волей магнетизера, переливающаяся из его организма в организм пациента. Дуновение холодного ветерка, которое присутствующие ощущают на своих руках и лицах, также часто наблюдается во время спиритических «кругов».

Статья впервые опубликована в «*The Theosophist*», Vol. 1, № 1, October, 1879, pp. 29-30.

Великий Свет под Спудом

Если, следуя ироничному определению одного французского писателя, язык не был бы дан человеку для того, чтобы в будущем "он мог лучше скрывать свою мысль" в катехизисе наук, то мы могли бы надеяться прочесть следующий ответ под заголовком "Физиология".

Вопрос. Что такое физиология?

Ответ. Искусство отрицать все, что ее специалисты не знают, и невольно искажать все, что они знают.

Грядущие поколения одобряют и оценят уместность этого ответа; особенно когда месмеризм, или животный магнетизм, станет общепризнанной наукой и история публично заклеит поколения упрямых врачей, которые принесли миллионы страдающих современников в жертву своему дикому тщеславию и упрямству.

Для тех наших читателей, которые слишком мало знают об этой самой древней науке, практиковавшейся с доисторических времен в Индии, Египте и Халдее; для тех, кто никогда не слышал, что она являлась основой

замечательного "искусства магии" фригийских дактилов⁸⁷ и посвященных жрецов Мемфиса, мы вкратце обрисуем ее историю и покажем, что, как сегодня признают величайшие мужи современной науки, она способна совершить.

"Животный магнетизм, называемый также месмеризмом, есть сила, или флюид, который может оказывать особое воздействие на животный организм", – говорится в "Новой американской энциклопедии". За разрушением языческих храмов и после интервала в несколько веков его стал преподавать и практиковать Парацельс – величайший мистик, один из "философов огня". Среди последних эта сила была известна под различными наименованиями: "живой огонь", "дух света" и так далее. Пифагорейцы называли ее "мировой душой" (*Анима Мунди*), а алхимики – "*магнэс*" и "*Небесной Девой*". Приблизительно в середине XVIII века Макс Хелл, профессор астрономии в Вене и друг д-ра Ф. Антони Месмера, посоветовал ему лечить болезни при помощи магнита, подобно тому, как это делали Парацельс и Кирхер.

Месмер усовершенствовал эту идею, что позволило ему совершать чудодейственные исцеления, но уже не посредством минерала, а как он сам утверждал, при помощи *животного* магнетизма. В 1778 году Месмер отправился в Париж, произвел там величайший переполох и сразу прочно завладел общественным мнением. Однако же он не пожелал раскрыть свой секрет правительству, а вместо этого собрал класс учеников; почти 4000 человек учились у него в разное время, его учениками были Лафайет, маркиз де Пюисегюр⁸⁸ и знаменитый д-р Шарль д'Эслон. Его методы отличались от современных; он лечил своих пациентов, накладывая магниты на различные участки тела, либо усаживал их вокруг ванны, накрытой крышкой, из-под которой к каждому пациенту был протянут железный прут, прикасаясь к которому все члены группы устанавливали между собою контакт. Он также производил пассы руками над их телами. Пока Месмер, вызывая в теле и конечностях пациентов ощущение холодных покалываний, нервные

---

⁸⁷ *Дактилы* (греч.). От *дактилос*, "палец". Название, данное фригийским иерофантам Кибелы, которые считались величайшими магами и заклинателями. Их было пять или десять: вследствие *пяти* пальцев одной руки – благословляющей, и десяти пальцев обеих рук – при вызывании богов. Они также исцеляли наложением рук или месмеризмом.

⁸⁸ *Пюисегюр Арман-Мари-Жак де Шастене*, маркиз де (1752–1825) – французский военный и впоследствии специалист в области магнетизма и месмеризма, а также автор драматических произведений. Был одним из первых исследователей магнетического сомнамбулизма, которому посвятил несколько статей. Подвергся преследованиям и даже тюремному заключению во время Революции и впоследствии материально помогал тем, кто лишился своего состояния.

подергивания, сонливость и сон, достигал облегчения боли, а зачастую и полного исцеления, маркиз де Пюисегюр, его ученик, открыл сомнамбулизм – самый значительный результат животного магнетизма. Но именно Делез – знаменитый натуралист Ботанического сада, человек, снискавший огромное уважение за свою неподкупность, написал "Критическую историю животного магнетизма"⁸⁹, опубликовав ее в 1813 году. В то время, несмотря на очевидный успех и пользу, месмеризм почти утратил свою популярность. В 1784 году французское правительство поручило медицинскому факультету Парижского университета исследовать практические и теоретические методы Месмера и доложить о результатах. Была назначена комиссия, в состав которой вошли американский философ Франклин⁹⁰, Лавуазье, Байи и другие. Но поскольку Месмер отказывался обнародовать свой секрет, то после тщательного изучения методов лечения они пришли к заключению, которое, признавая, что на пациентов оказывается огромное воздействие, приписывало это воздействие *преимущественно воображению!* Впечатление, которое их заключение произвело на умы общественности, было таково: Месмер – шарлатан, а его ученики – простофили.

Несмотря на всеобщее предубеждение, магнетизм делал успехи, распространяясь по всему миру. Он вторгся в пределы будничной медицины и шаг за шагом пробивал себе дорогу. От упрямой враждебности Академии и старых традиций ее членов он взывал к суду большинства, обещая придерживаться решений этого большинства. "Напрасно медицинский факультет и большинство ученых провозглашали его друзей шарлатанами, – пишет Делез, – человек, присутствовавший при месмерических экспериментах своих друзей, будет верить в них невзирая на все авторитеты, которые могут свидетельствовать против". Наконец в 1825 году благодаря усилиям д-ра П. Ф. Фуассака – молодого, но уже известного врача, восторженного поклонника Месмера, Королевская медицинская академия в Париже назначила другую комиссию из выдающихся ученых и провела серьезные исследования. Можно ли поверить в это? Вследствие многочисленных интриг мнение выдающихся исследователей держалось в секрете более пяти лет, и только в 1831 году их доклад стал достоянием

---

⁸⁹ "Критическая история животного магнетизма" – исследование "Histoire critique du magnetisme animal" Жана Филиппа Франсуа Делеза (Paris, 1813).

⁹⁰ Франклин (Franklin), Вениамин – североамерикан. ученый и деятель. (1706-90), владелец типографии во Бостоне. 1753 генер. почтмейстер англо-американ. колоний, 1778 полномочный министр в Париже; 1783 подписал Версальский мир, до 1788 губернатор Пенсильвании. Изобретатель громоотвода, выдающийся моралист. Соч. изд. Спарксом (нов. изд., 1882, 10 т.) и Бигеловом (1887, 10 т.); автобиогр. изд. Бигеловом. Биограф. Venedey (1865), Mc. Master (1888), Morse (1889), Robins (1898)

гласности; как выяснилось, к огромному смятению старых заплесневелых мозгов академиков, доклад содержал следующее *единодушное* решение.

В докладе сообщалось:

- 1) что *месмеризм* является силой, способной оказывать огромное воздействие на человеческий организм;
- 2) что это воздействие не зависит от *воображения*;
- 3) что он не оказывает одинакового действия на всех людей, а по отношению к некоторым он даже бессилён;
- 4) что он вызывает сомнамбулический сон;
- 5) что во время этого сна повреждение нервных окончаний не вызывает ни малейшего чувства боли;
- 6) что спящий не слышит ни единого звука, за исключением голоса магнетизера;
- 7) что нервы осязания и обоняния спящего не передают никакого ощущения мозгу, если их не возбуждает сам магнетизер;
- 8) что некоторые из спящих могут видеть с закрытыми глазами, могут *в точности предсказывать*, даже на месяцы вперед (что потом полностью подтверждалось) различные события и особенно время повторения эпилептических припадков и их исцеления, а также выявлять болезни людей, с которыми они находятся в магнетической связи; и что люди, страдающие от немощи, боли, эпилепсии и паралича, частично или даже полностью выздоравливали благодаря магнетическому лечению.

Доклад произвел настоящую сенсацию. Месмеризм распространялся по всему миру. Число изучающих новую науку значительно возросло, талантливейшие авторы следили за его развитием, и среди них особенно выделялся как месмеризатор и писатель барон дю Поте⁹¹.

Где-то около 1840 года барон Карл фон Рейхенбах⁹², выдающийся немецкий химик и первооткрыватель креозота, обнаружил новую силу,

---

⁹¹ Кроме многочисленных современных и очень талантливых периодических изданий, таких, как "Chaine Magnetique", выходящий в Париже при поддержке всеми уважаемого барона дю Поте, почетного члена нашего Общества, и "Revue Magnetique", издаваемый Донато, лучшими работами по магнетизму являются работы Дж. Аткинсона, д-ра Эллиотсона и профессора Уильяма Грегори из Эдинбурга.

⁹² *Рейхенбах, барон Карл фон (1788–1869)* – немецкий философ, химик и промышленник. В химии стал открывателем парафина и креозота, а также целого ряда красителей. Однако более известен своими многосторонними исследованиями того, что

флюид, или принцип, который мы предпочитаем рассматривать как одну из корреляций *Анима Мунди*, и назвал эту силу *од*, или *одиль*. Согласно его теории, этот принцип "принадлежит не только животному царству, но пронизывает собою всю вселенную, его различными путями воспринимают сенситивы, он оказывает огромное влияние на жизнь и здоровье и, подобно электричеству и гальванизму, обладает полярностью; его могут накапливать и выделять животные тела"⁹³.

Затем последовало открытие д-ра Брейда⁹⁴ из Манчестера, который обнаружил, что может погружать пациентов в сон, приказав им смотреть не отрываясь на какой-нибудь небольшой и блестящий объект, находящийся на расстоянии одного фута от их глаз и над ними. Он назвал этот процесс *гипнозом*, а своей теории дал изящное имя *нейрогипнология*, рассматривая ее как месмерическое противоядие.

Такова вкратце история этого замечательного принципа природы – принципа, который так же мало понят, как в былые времена электричество и гальваника. И все же в то время как последние сразу же после их открытия были приняты и даже приветствовались, первый, несмотря на все его притязания облегчить боль страждущему человечеству, сколько бы его ни демонстрировали, до сих пор так же яростно отрицается и порицается, как и в дни Месмера. Сказать, почему? Да потому, что в то время как электричество и гальванизм, в их практическом применении и по значению в науке, представляют собою грубые манифестации вселенского Протея, величественной *Анима Мунди*, магнетизм, в своем широчайшем и особо мистическом смысле, идет дальше чисто физических результатов, открывая столь таинственные и обширные горизонты, что скептически настроенные и лишенные фантазии ученые колеблются в нерешительности и отвергают его духовные возможности со всей силой своего узколобого материализма. Как только они признают его существование и предоставят ему права гражданства, все их школы придется перестроить. С другой стороны, духовенство тоже ополчилось против магнетизма, поскольку его результаты своими благотворными воздействиями лишают необходимости верить в божественные "чудеса" или страшиться дьявольских сил и уличают во лжи своих давнишних клеветников.

он сам назвал одом – электромагнитного излучения, эманлирующегося людьми, и особенно сенситивами. Поначалу ортодоксальная материалистическая наука лишь осмеивала его, но позднее его взгляды и выводы были поддержаны наиболее прогрессивными учеными; и, как убедительно показывает Е. П. Блаватская, они полностью согласуются со взглядами древних о человеке и его скрытых силах.

⁹³ Рейхенбах, "Researches on Magnetism" ("Conclusions").

⁹⁴ *Брейд Джеймс* (1795–1860) – шотландский хирург. Предложил термин "гипноз" (1843 г.), один из основоположников лечебного применения гипноза.

А теперь покажем, какого прогресса достигли ученые и месмеризаторы в области магнетизма, известного сегодня под такими именами, как гипноз, месмеризм, магнетизм и прочие измы, и приведем их собственные объяснения.

Статья впервые опубликована в "Theosophist", Vol. I, № 5, February, 1880, p. 125–129; на русском языке – Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 251–211. Пер. Т. О. Сухоруковой.

Месмеризм и гипноз во Франции

Поскольку мы предлагаем заняться этим опасным пугалом физической науки – месмеризмом, нам придется с должным вниманием и уважением исследовать то яблоко раздора, которое мы недавно сорвали в саду науки. Мы намерены отрезать противнику любой из возможных путей отступления и потому будем твердо придерживаться личных экспериментов и объяснений общепризнанных лидеров медицины.

Одним из таковых является г-н Наке – депутат от департамента Воклюз, профессор медицинского факультета Парижского университета, а также автор "Древних и современных откровений".

Этот джентльмен, являющийся закоренелым материалистом, которому сама идея присутствия души в человеке столь же отвратительна, как черту запах ладана, как раз теперь читает серию научных лекций в Париже, в которых он признает феномены месмеризма (наконец-то!) и отрицает, что человеческая душа имеет к ним какое-либо отношение. Удачно вытащив подпорки из-под древнего откровения, то есть Библии, и продемонстрировав абсурдность веры в современные "чудеса" католиков Лурда и Салетта, – против данной позиции мы не возражаем – он пробует себя в спиритизме и месмеризме. К несчастью для талантливого лектора, он, кажется, не может избавиться от впечатления, что сторонники общения с *духами*, равно как и сторонники Месмера, непременно верят в Сверхъестественное – отсюда и *чудеса*. Из этого его представления возникает путаница. Мы цитируем отрывки из его лекций, переводя их *дословно*.

Мы находим, что бок о бок с этими лицами (спиритуалистами), выдвигающими столь слабые аргументы, идут и некоторые другие (месмеризаторы), чьи идеи заслуживают рассмотрения и обсуждения. Эти претендуют (?) на умение по собственному желанию погружать некоторых людей в особый сон, называемый магнетическим. Они утверждают, что могут сообщать некоторым субъектам способность видеть сквозь плотные тела; они также утверждают, что эти факты останутся необъяснимыми до тех пор, пока не будет признано наличие души в человеке.

Начнем с вопроса: являются ли все эти факты, на основании которых эти люди строят свои заключения, достаточно надежными?⁹⁵

Если да, то нельзя ли их объяснить какой-либо другой гипотезой, а не существованием этой души?

Факты, о которых идет речь, подтвердили просвещенные и честные люди; следовательно, в данном случае их нельзя упрекнуть в *слабоумии и мошенничестве, которые составляют характерную черту спиритуализма*⁹⁶.

Поэтому я не буду говорить о нереальности всего того, что они рассказывают о магнетизме, но в то же время я намереваюсь доказать, что все эти факты, какими бы реальными они ни были, можно вполне объяснить без какого-либо вмешательства души.

Магнетический сон можно объяснить вполне естественными причинами. Феномены электрического притяжения, ежедневно происходящие на наших глазах, которые еще никто и никогда не пытался приписать сверхъестественной причине, по крайней мере настолько же необычны, насколько необычно и месмерическое воздействие одного человека на другого. В последние несколько лет сон, сопровождаемый полной нечувствительностью и по всем параметрам идентичный магнетическому сну, производится чисто механическими способами. Чтобы погрузить пациента в подобный сон, довольно поднести к его носу фонарик.

---

⁹⁵ В то время, когда была прочитана эта лекция, знаменитый врач слабо верил в месмерические феномены. Однако впоследствии, неоднократно присутствуя при экспериментах по животному магнетизму профессора Шарко, он уже больше не сомневался в них, более того, он даже уверовал – и все же, находя невозможным сомневаться в них, он старается объяснить всё собственными материалистическими гипотезами.

⁹⁶ Спиритуалисты могут вернуть данный комплимент материализму – и с лихвой.

Сосредоточение взгляда на блестящей точке вызывает утомление головного мозга, в результате чего наступает сон. В наше время больше не вызывает сомнений тот факт, что магнетизм является феноменом такого же рода; фонарик можно заменить другими средствами или приспособлениями, вызывающими то же самое утомление головного мозга и в конечном итоге сон.

Озарение представляется еще более сомнительным, нежели обычный магнетический сон, и верить в него становится все труднее. Допуская, однако, что его существование может быть наглядно продемонстрировано, мы могли бы объяснить его без вмешательства духа.

Мы знаем, что свет и тепло – это лишь вибрационные движения, что свет и тепло разнятся лишь длиной своих волн, что эти волны, видимые глазом, имеют различную длину, позволяя нам различать различные цвета, что, помимо этого, среди волновых колебаний, которые мы воспринимаем как тепло, существуют волны различной длины, что, короче говоря, существует такая вещь, как реальный тепловой спектр. С другой стороны, так же, как вне пределов красного луча существуют вибрации, неразличимые для глаз, но воспринимающиеся как тепло, существуют и другие колебания вне пределов фиолетового луча, не вызывающие у нас ощущения ни тепла, ни света, но которые мы можем сделать видимыми путем химического воздействия, оказываемого ими на определенные вещества.

Наконец, эксперимент показал, что существуют тела, пропускающие тепло, но абсолютно не восприимчивые к свету – и *vice versa*.

Таким образом, мы можем признать, что существуют вибрации или волны разной длины, бесконечно различные. Но среди всех возможных колебаний существует определенное количество вибраций, в очень ограниченных пределах, воспринимаемых нами как свет, тепло или химические лучи. Меньшие и большие вибрации недоступны нашим чувствам, как были бы недоступны и световые вибрации, не обладай мы органом зрения. Они не воспринимаются нами лишь потому, что у нас нет органов, способных уловить их.

А теперь давайте предположим, что наши органы вследствие нервного перевозбуждения станут чувствительными к сверхтепловым и ультрасветовым лучам. **В этом случае факты магнетического озарения получают полное объяснение.**

***

Мы благодарим современную науку за то, что она преподала нам эти истины и объяснила такую серьезную проблему. Но мы едва ли можем удержаться, чтобы не напомнить эрудированному лектору, что он лишь вторит тому, что было изложено чуть ли не каждым древним философом и повторено многими современными авторами, писавшими о ясновидении.

Неоплатоники объясняли ясновидение тем же самым принципом; баптист ван Гельмонт⁹⁷ в работе "Opera Omnia" очень тщательно описывает это второе зрение в царстве оккультной вселенной. Индусский йог достигает ясновидения чисто физиологическим путем, что не мешает ему зачастую различать вещи *реальные*, а не *воображаемые*.

"Свет, тепло и химические лучи, – продолжает наш мудрый лектор, – распространяются посредством вибраций и в соответствии с одним и тем же законом; все это, должно быть, производится лучами, которые остаются неуловимыми для наших чувств. Как только наши глаза смогут воспринимать их, "второе зрение" перестанет удивлять нас... *В тот день, когда эти факты (месмеризма)... будут полностью доказаны, наша гипотеза станет более приемлемой, чем гипотеза души. Она сможет дать любое объяснение, не выходя за рамки законов, которые управляют вселенной*".

Мы категорически протестуем против обвинения, будто мы верим в сверхъестественное. Гипотеза физиолога г-на Наке, даже если признание ее выйдет за рамки узкого круга его коллег, никогда не станет "приемлемой". Он обвиняет многочисленную армию спиритуалистов, спиритистов и месмеристов в том, что их объяснения выходят *за рамки законов, которые управляют вселенной*, но это обвинение настолько же фальшиво, насколько нелепо. Оно лишний раз показывает, насколько наши оппоненты, и особенно физиологи, способны искажать факты, когда последние противоречат их собственным представлениям. Их аргументы уникальны. Если, говорят они, искусственный сон можно вызвать чисто *механическими* способами (гипноз), то какой смысл прибегать к помощи *духа и души* для объяснения данного феномена? Абсолютно никакого.

---

⁹⁷ Гельмонт Ян Баптист ван (1577–1644) – величайший мистик и оккультист. Здесь идет речь об одном из его основных сочинений "Opera Omnia", широко известном в Европе.

Мы никогда и не пытались объяснить эту предварительную ступень к провидческому сну, будь он естественный, гипнотический или месмерический, какой-либо теорией души и духа. Это обвинение справедливо лишь по отношению к необразованным спиритуалистам, приписывающим все подобные феномены "развоплощенным духам". Но могут ли они сами, эти высочайшие жрецы интеллекта, без посредничества духовного эго объяснить феномены сомнамбулизма, ясновидения (которые, как мы видим, некоторые из них вынуждены признать) или даже простые сны более рационально, чем мы, "не ученые" смертные? Даже обычный сон с его бесконечными модификациями остается загадкой для физиологии. Если даже допустить, что *воля человека* не является непосредственной причиной магнетических следствий, все же она, как заметил г-н Донато, знаменитый парижский магнетизер, "оказывает воздействие и управляет многими таинственными силами в природе, само существование которых науке неизвестно".

Д-р Шарко⁹⁸ из Парижа

(Неутомимый исследователь "истерического петуха")

Между тем наука ловит в той же водиче, что и месмеризаторы, ту же самую рыбку – только, поймав ее, она придумывает ей более научное, как она полагает, имя. Данное обвинение легко подтвердить. В доказательство приведем пример с д-ром Шарко. Это тот самый парижский ученый, который, доказав, к собственному удовольствию, что ни одного месмерического эффекта нельзя добиться с каким-либо субъектом, если этот субъект не истеричен от природы, загипнотизировал петуха, став, таким образом, первым исследователем "истерического петуха"⁹⁹.

Профессор Шарко – авторитет в области нервных заболеваний, серьезный противник Броки, Вюльпьяна, Люи и прочих, и помимо того, что является знаменитым врачом всех парижских больниц, он еще и член Медицинской академии. Как и менее ученый, но в равной степени

---

⁹⁸ Шарко (*Charcot*), Жан-Мартен, 1825-93, знаменитый французский невропатолог; с 1862 врач париж. госпиталя Сальпетриер, с 1872 профессор. Труды по диагностике, патологич. анатомии, нервн. болезням, гипнотизму и пр. "Клинич. лекции по нервн. болезням" (вып. I, 1886). "Болезни нервн. сист." (пер. 1876); "Oeuvres completes" (12 т., 1886).

⁹⁹ См. "Revue Magnetique" за февраль 1879 г., издававшийся Донато в Париже.

знаменитый д-р Уильям Хаммонд из Нью-Йорка, он верит в эффективность металлических дисков д-ра Берка при лечении многих неизлечимых заболеваний, но, в отличие от вышеупомянутого невропатолога, не приписывает ни исцеление от этих заболеваний, ни какие-либо другие феномены воображению; ибо каталепсию можно вызвать даже у животных, о чем свидетельствуют его собственные эксперименты. Он также по-своему верит в реальность сомнамбулизма и аномалии каталепсии, приписывая последней решительно все медиумические феномены. Основываясь на свидетельстве одного из корреспондентов г-на Рагацци, редактора "Journal du Magnetisme", издаваемого в Женеве, он продолжает в следующей манере.

Сначала д-р Шарко представляет аудитории госпиталя Сальпетриер (Париж) больную девочку, находящуюся в бессознательном состоянии. И в голову, и в тело ей вводят булавки и иглы – но без малейшего эффекта. На пять минут к ее горлу прикладывают воротничок из цинковых дисков – это возвращает жизнь в горловую полость. Затем к ее левой руке прикладывают магнитную подкову – и этот участок проявляет чувствительность, в то время как остальные части тела остаются в прежнем состоянии. Но тот же самый магнит, приложенный к ноге, вместо того чтобы вернуть к жизни конечность, производит сильнейшее сведение стопы, притягивая пальцы ног к пятке; это прекращается только после применения электричества.

"Эти эксперименты с *металлотерапией* и минеральным магнетизмом напоминают об исследованиях Месмера в 1774 году и использовании им намагниченных предметов при нервных заболеваниях", – пишет в своем письме в "Journal du Magnetisme" г-н Поуни, студент-медик, наблюдавший подобные эксперименты.

Приводят другого субъекта. Она так же истерична, как и предыдущий и, кажется, находится в состоянии абсолютной невосприимчивости. На нее наводят мощный луч электрического света – и пациентка мгновенно погружается в каталептическое состояние. Ее заставляют принимать самые неестественные положения, а также, в соответствии с внушаемой позицией, принимать "по приказу", как говорит д-р Шарко, "выражение лица, которое подразумевает данная поза. Таким образом, скрещенные на груди руки сопровождаются выражением экстаза на лице, а руки, протянутые вперед, – выражением мольбы..."

Если яркий луч света резко убрать, пока субъект еще находится в этом состоянии, то пациент снова впадает в *сомнамбулизм* – слово, которое шокирует профессора Шарко неопишимо. Следуя приказу врача, демонстрирующего полную нечувствительность, вонзая булавки во все части ее тела, пациентка вынуждена повиноваться каждому его слову. Он заставляет ее подниматься, ходить, писать и так далее.

Из письма г-на Аксакова¹⁰⁰, приведенного ниже, становится ясно, что Донато, профессиональный магнетизер, совершает *силой воли* все, что производит при помощи электричества и *механических* приспособлений скептический *savant*. Доказывает ли последний эксперимент, что месмеризм лишь название? Не лучше ли рассматривать оба эксперимента как подтверждающие друг друга; более того, как доказательство присутствия в организме человека всех тех тончайших сил природы, более грубые манифестации которых известны как электричество и магнетизм, а более тонкие всецело ускользают от тщательного изучения физической науки?

Но одна из самых любопытных особенностей феномена, полученного в результате экспериментов д-ра Шарко, заключается в эффекте, который производят на его пациентов вибрации, наподобие тех, что чувствуешь в поезде. Осознав это, неутомимый профессор распоряжается положить огромный, сорокасантиметровой высоты камертон на большой ящик. Как только этот инструмент начинает производить вибрации, пациенты моментально впадают в каталепсию; и каждый раз, когда вибрации резко прекращаются, пациенты погружаются в сомнамбулизм.

Итак, представляется, что для того чтобы произвести описанные выше эффекты, д-р Шарко использует только два фактора – *звук* и *свет*. Данное утверждение может иметь колоссальное значение для всех арийцев, изучающих теософию, особенно для тех, кто изучает санскрит и теперь благодаря свами Даянанде может узнать настоящее, духовное значение некоторых спорных слов. Для тех из наших братьев, кто узнал оккультное

---

¹⁰⁰ Аксаков Александр Николаевич (1832–1903) – русский писатель, философ, переводчик и один из крупнейших лидеров спиритуализма в России, переводчик и исследователь наследия Э.Сведенборга, в сотрудничестве с А. М. Бутлеровым проводил серьезную работу по естественнонаучному изучению феномена медиумизма. В отношении спиритуализма проводил четкую грань между наблюдаемыми фактами и современными теориями, их объяснявшими. Его взгляды были очень близки к позиции Е. П. Блаватской. В лице Аксакова она нашла блестящего союзника, и оба они вызвали яростные нападки со стороны представителей различных фракций спиритуалистического и спиритического движения, чьи убеждения опирались на голые умозрительные теории.

значение слов "Вак" и "Хираньягарбха"¹⁰¹ в их применении к "звуку" и "свету", вышеизложенное послужит дополнительным доказательством великой мудрости наших предков и глубокого, духовного знания, содержащегося в *Ведах* и даже в других священных брахманических книгах, когда они будут наконец правильно истолкованы.

Обсуждая феномены, произведенные д-ром Шарко, хладнокровным материалистом и ученым, чрезвычайно интересно прочитать письмо Александра Аксакова, члена Теософского Общества, русского действительного статского советника, о его личных экспериментах в области магнетизма, проведенных совместно со знаменитым магнетизером, г-ном Донато из Парижа. Это письмо он недавно отправил в один французский журнал. Полученные результаты достойны внимания, поскольку г-н Донато никогда прежде не пытался осуществить так называемую "передачу мысли" от одного человека к другому посредством одной лишь воли магнетизера и выражал большие сомнения по поводу успеха его действий в этом направлении.

Две французские газеты, "Rappel" и "Voltaire", дали лестные отзывы о деятельности и достижениях г-на Донато, известного как один из тех, кто осмелился покинуть колею, проторенную привычкой и традицией, дабы исследовать, выражаясь его собственными словами, "оккультный мотор, оживляющий нас, таинственные силы, созидающие жизнь, узы, связующие нас друг с другом, наши взаимные симпатии и нашу связь с высшею силой – вечным рычагом мира".

---

¹⁰¹ Профессор Макс Мюллер переводит "Хираньягарбха" как "золото", но на самом деле это слово означает "Божественный Свет" – в том смысле, который ему придавали средневековые алхимики. В своем санскритологическом труде "Sahitya Grantha" ученый филолог на основании того, что якобы слово "золото", Шгапуа, можно найти в мантре Agnihi Poorvebhihi*, выступает против древности Вед, доказывая, что они не такие уж древние, как все думают, поскольку разведка золотых приисков началась сравнительно недавно. В свою очередь, свами Даянанда Сарасвати показывает в своей работе "Rig-Vedadi-Bhashya Bhumika", книга IV, с. 76, что профессор заблуждается. Слово Шгапуа означает не "золото", но золотистый свет божественного знания – первый принцип, во тьме которого содержится свет вечной истины, озаряющий освобожденную душу, когда она достигает своей высшей обители. Короче говоря, это "философский камень" алхимика и Предвечный Свет философа огня.

* *Agnihi Poorvebhihi* – два первых слова из второго стиха гимна Огню, *Ригведа*, I, 1. Звук "h" произносится вместе с предшествующей гласной. Упомянутый санскритский труд – "Ригведа-бхашья" свами Даянанды Сарасвати.

Но довольно о г-не Донато. Что до Аксакова, то это исключительно умный и правдивый джентльмен; своими серьезными исследованиями в области магнетизма и психологии он зарекомендовал себя не только как осторожный исследователь, но и как очень недоверчивый человек. Мы приводим здесь *дословный* перевод его статьи, напечатанной в "La Revue Magnetique" в феврале 1879 года.

Г-н Донато и м-ль Люскль

(Эксперименты в области "передачи мысли")

Имея удовольствие познакомиться в Париже с г-ном Донато и его очаровательной ученицей, я хотел воспользоваться случаем и провести эксперимент под моим личным руководством, чтобы убедиться в возможности передачи мысли от одного человека к другому посредством одной лишь воли.

Известно, что одним из наиболее избитых афоризмов современной психологии является следующий: "Психологическая активность не может распространяться дальше нервных окончаний". Если бы можно было доказать, что человеческая мысль не ограничивается пределами тела, но может воздействовать на расстоянии на другое человеческое тело, передаваться другому мозгу без какого-либо видимого и общепризнанного общения и воспроизводиться словом, движением или каким-либо другим способом, то мы сделали бы величайшее открытие, перед которым материалистическая физиология склонилась бы в низком поклоне и за которое сразу ухватились бы психология и философия, чтобы дать новую поддержку и новое развитие их метафизическим гипотезам. Этот феномен различными способами и на различных телах был доказан животным магнетизмом; но во время экспериментов, которые я планировал, мне хотелось удостовериться, что его можно произвести способом, который убеждает мгновенно и может быть легко воспроизведен любым человеком, знакомым с магнетизмом.

Когда я поинтересовался у г-на Донато, не сможет ли он встретиться со мною лично для проведения нескольких задуманных мною экспериментов, то он охотно согласился и пообещал, что будет в моем распоряжении в тот день и час, какие я назначу. Итак, известив о себе телеграммой, я отправился

к нему домой 17 ноября в два часа, и после нескольких минут беседы мы приступили к работе.

Первый эксперимент. Я начал с того, что попросил г-на Донато погрузить в сон его субъект, м-ль Люсиль, и он сразу же поставил кресло между двумя окнами комнаты, в нескольких шагах от стены; м-ль Люсиль села в него и через несколько минут заснула (магнетически). Мы разместились в другом конце комнаты, напротив спящей, а затем я вытащил из кармана коробочку для визитных карточек, взял из нее одну и протянул ее г-ну Донато, попросив его, просто глядя на м-ль Люсиль, сделать так, чтобы она воспроизвела движение, указанное на карточке. На этой карточке было написано: "Протяни левую руку". Г-н Донато поднялся, стоя неподвижно около меня и посмотрел на м-ль Люсиль; через мгновение ее левая рука начала двигаться, медленно вытянулась вперед и оставалась в этом положении до тех пор, пока г-н Донато не вернул ее в прежнее положение.

Второй эксперимент. Я передал г-ну Донато белый платок, который принес с собой, и попросил его накрыть им лицо и голову м-ль Люсиль. Когда это было сделано и концы платка спадали на ее плечи, мы снова заняли свои места и я молча протянул г-ну Донато вторую карточку, на которой было написано: "Подними правую руку вертикально". Г-н Донато сосредоточил свой взгляд на неподвижном теле м-ль Люсиль, и вскоре ее правая рука, послушная мысли, направлявшей ее, "воспроизвела указанное движение – медленно, спокойно, останавливаясь каждый раз, когда г-н Донато поворачивался, чтобы взглянуть на меня. Я поздравил его с успехом и попросил, во избежание переутомления, снять платок и разбудить м-ль Люсиль.

Третий эксперимент. После десятиминутной беседы м-ль Люсиль снова погружена в сон, ее голова накрыта платком; мы снова садимся на свои места, и я передаю г-ну Донато третью карточку, на которой написано: "Положи обе руки на голову"; на этот раз я попросил г-на Донато встать позади м-ль Люсиль. Он сомневается в возможности успеха в такой позиции, но пробует и терпит неудачу; это меня совсем не удивило, так как полярная связь между оператором и его подчиненным полностью поменялась на противоположную. В этот момент я приблизился к г-ну Донато и произошла замечательная вещь. Поскольку я хотел попросить магнетизера сосредоточить свою волю на затылке спящей, моя рука сделала произвольное движение в направлении ее затылка, чтобы указать это

место, и когда она находилась всего в нескольких дюймах от м-ль Люсиль, та вдруг подалась вперед. Итак, я получил неожиданным и убедительным образом подтверждение феномена полярности, или притяжения и отталкивания, который я уже наблюдал во время публичных выступлений и который четко доказывает, что сон м-ль Люсиль не был ни естественным, ни притворным. "Если вы позволите мне пользоваться руками, – сказал г-н Донато, – я не сомневаюсь в успехе". "Пользуйтесь", – сказал я, и он, все еще стоя позади м-ль Люсиль, сделал несколько пассивных движений от ее плеч к локтям, после чего руки субъекта стали медленно подниматься и наконец опустились на голову.

Четвертый эксперимент. М-ль Люсиль все еще спит, и платок покрывает ей голову; я протягиваю г-ну Донато карточку, на которой написано: "Сложи руки так, как будто ты молишься", – и сажусь на софу, слева от м-ль Люсиль, чтобы лучше наблюдать за движениями г-на Донато. Он стоит неподвижно в пяти или шести шагах от нее и пристально на нее смотрит; ее руки принимают требуемое положение и сохраняют его до тех пор, пока г-н Донато не снимает с ее головы платок и не будит ее.

Пятый эксперимент. После десятиминутного отдыха м-ль Люсиль возвращается к своему креслу и ее вновь погружают в сон. Пятая карточка предписывает ей сделать узел на платке, и г-н Донато, стоя позади м-ль Люсиль, протягивает свою руку над ее головой, не дотрагиваясь до нее. Она поднимается, и он своей мыслью направляет ее к столу, на котором лежит платок, о чем она не знает. Подчиняясь притяжению руки, она подходит к столу, г-н Донато все еще находится позади нее, а я стою рядом с ним. Со все возрастающим интересом мы следим за ее движениями и видим, как ее рука хватается за платок, вытягивает один из его концов и завязывает узел. Г-н Донато был поражен, поскольку на сей раз это было не просто упражнение воли, но мысль, переданная и исполненная.

Шестой и последний эксперимент. Продолжать уже не было необходимости, но, так как г-н Донато настаивал, я протянул ему следующую карточку, на которой было написано: "Дотронься до левого уха правой рукой". М-ль Люсиль, все еще погруженная в сон, уже сидела в своем кресле; Г-н Донато стоял перед ней, а я занял свое прежнее место на софе. Оставаясь неподвижным и молчаливым, магнетизер посмотрел на свой субъект, чья правая рука вскоре выполнила отданный приказ; сделав три

последовательных движения, рука приблизилась к груди, а затем и к уху, до которого она наконец дотронулась.

Эти эксперименты были для меня совершенно убедительными; м-ль Люсиль выполнила требуемые от нее движения без малейшего колебания. Мысли, которые г-н Донато должен был передать ей, были указаны мною лишь на карточках, подготовленных заранее; в большинстве случаев он воздействовал на нее на расстоянии, что затрудняло передачу какого-либо условного знака или сигнала, если бы даже ее лицо и не было покрыто платком, который, как я удостоверился, был достаточно плотным, чтобы скрыть от нее малейший знак, поданный руками или лицом г-на Донато; кроме того, потребовалась бы очень сложная система точной телеграфии, чтобы указать те движения, которые от нее требовались.

Я спросил г-на Донато, пробовал ли он когда-нибудь произвести нечто подобное на публике, и он ответил, что эти эксперименты требовали очень гармоничных условий, труднодостижимых при огромном стечении народа, и что он не хотел потерпеть неудачу. Я думаю, что, если бы г-н Донато чаще экспериментировал со своей ученицей в этом направлении, он бы в конечном итоге стал производить серию подобных феноменов на публике с такою же легкостью, с какой он производит и другие. Стоит попробовать, ибо никто не может отрицать, что эти эксперименты особо иллюстрируют феномены озарения и ясновидения и представляют их в самой простой и ясной форме.

Покинув Париж на следующий же день после нашей встречи, я мог выразить свою признательность г-ну Донато только в небольшой заметке, которая была напечатана в 16-м номере "La Revue". С огромным удовольствием выполняю теперь свое обещание опубликовать все подробности наших экспериментов и, пользуясь этой возможностью, публично выражаю г-ну Донато свою глубочайшую признательность за усердие, знание и преданность, с какими он отдает себя делу защиты и пропаганды самой интересной науки – человеческого магнетизма.

*Александр Аксаков
Санкт-Петербург*

Арья Самадж

Христианский мир посылает миссионеров в мир языческий, тратя на это миллионы средств своих благочестивых и респектабельных прихожан. Тысячи бездомных и нищих стариков, детей и женщин умирают голодной смертью, потому что у них нет денег прокормить себя, и все это ради того, чтобы обратить в христианство хотя бы одного «язычника». Все деньги, вырученные от благотворительности, тратятся на этих никчемных агентов христианской церкви. И каков же результат? Посетите в так называемых христианских владениях тюрьмы, полные преступников, которых безотрадная жизнь и голод привели к тяжким преступлениям — и вы получите ответ. Прочитайте в ежедневных газетах многочисленные отчеты о казнях — и вы обнаружите, что современное христианство, может, и неумышленно, но тем не менее, почти всегда предлагает вознаграждение за убийство и другие гнусные преступления. Может ли кто-нибудь оспорить этот факт?

Подумать только: пока какой-нибудь почтенный, но неверящий ни во что человек умирает в собственной кровати под убаюкивающие заверения родственников и друзей, что он непременно попадет в ад, — преступник, чьи руки обгажены кровью, но которому в его последний час не остается ничего, кроме веры, что кровь Спасителя уберезет его, получает гарантию священника, что, погрузившись в вечность, он очнется на груди Христа, в раю, играющим на арфе. Почему же тогда христианин должен отказывать себе в удовольствии обокрасть или даже убить богатого соседа, чтобы поживиться за его счет? И такая вот доктрина проповедуется среди язычников — ценою ежегодных средств, исчисляющихся миллионами!

Но Природа, в своей извечной мудрости, снабдила нас противоядием от нравственного, минерального и растительного яда. Есть люди, которые не довольствуются проповедями высокопарных трактатов: они предпочитают действовать. Если такие книги, как «Anacalypsis» Хиггинса, «Ancient and Pagan Christian Symbolism» Инмана и экстраординарная работа анонимного английского автора (епископа, если верить слухам), озаглавленная «Supernatural Religion»¹⁰² — не в состоянии найти ответ в сердцах невежественных масс, то нужно прибегать — и прибегают — к другим, более

---

¹⁰² Уолтер Ричард Кассельс (1826—1907).

эффективным средствам, которые принесут пользу в будущем, если до той поры их не раздавит всесокрушающая рука церковного и монархического деспотизма. Те, до кого не могут достучаться письменные доказательства вымышленных библейских авторитетов, могут быть спасены живым словом. И эта деятельность по распространению истины среди наиболее невежественных слоев населения яростно преследуется армией ревностных ученых и учителей, как в Индии, так и в Америке.

О Теософском Обществе в последнее время так много говорят; о нем распространяют такие небылицы (вроде того, что его члены поклялись хранить тайну и следовательно, даже если бы захотели, не могут рассказать о нем правду), что публика вправе узнать хотя бы об одном направлении его деятельности. Теософское Общество слилось сегодня с индийским обществом Арья Самадж и, так сказать, подчиняется распоряжениям его руководителей¹⁰³. Более молодое общество, чем Брахмо Самадж, Арья Самадж было основано для того, чтобы избавить индусов от идолопоклонства, брахманизма и христианских миссионеров.

Чисто теистическое движение, Брахмо Самадж создавалось с тою же целью. Брахмо Самадж возникло в начале XIX века, но его деятельность носила спазмический характер — то прерываясь, то вновь возобновляясь, и только когда его возглавил Бабу Кешуб Чендер Сен в 1858 году, оно обрело конкретную форму. Его основателем был Раммохун Рой, воплотивший в себе черты Франсуа Фенелона и Томаса Пайна; свою первую церковь он построил незадолго до своей смерти в 1833 году. Труды этого писателя — одного из величайших и наиболее пронизательных из всех противоречивых писателей нынешнего века — должны переводиться и распространяться в каждой цивилизованной стране. С его смертью деятельность Брахмо Самадж прекратилась.

Как говорит мисс Коллет в своей «Brahmo Year Book» за 1878 год, только в октябре 1839 года Дебендра Натх Тагор основал общество Таттвабодhini Сабха (Общество Постижения Истины), которое

---

¹⁰³ Слияние с этим обществом было недолгим, так как обнаружились большие разногласия в целях и задачах. Вот что писала Е.П.Блаватская об обществе «Арья Самадж»: «Нам стало ясно, что по духу “самадж” вовсе не то же самое, что наше Общество, а, скорее всего, еще одна индуистская секта — секта ведическая, которая признает Свами Даянанду верховным судьей в вопросе о том, какие части Вед и шастр можно считать истинными и непогрешимыми».

просуществовало двадцать лет и сделало очень многое для поднятия духа и утверждения принципов молодой церкви Брахмо Самадж. Несмотря на то, что Брахмо Самадж сегодня представляет экзотерическую (или открытую) религию, в начале своей деятельности оно, должно быть, придерживалось принципов тайных обществ, поскольку мы недавно узнали, что Кешаб Чендер Сен — житель Калькутты и студент колледжа Калькуттского округа, который задолго до того, как возглавил Брахмо Самадж, оставил ортодоксальную брахманическую церковь и занимался поисками чисто теистической религии — «не слышал о Брахмо Самадж до 1858 года». (см. «The Theistic Annual», 1878, p. 45). С этих пор Брахмо Самадж, в которое он тогда же вступил, стало процветать, а его популярность — расти с каждым днем. К нему стали присоединяться другие самадж (общества) во многих провинциях и городах. По крайней мере, мы знаем, что в мае 1877 года пятьдесят самадж заявили о своей преданности Брахмо Самадж, и восемь из них назначили в него своих представителей. Местные миссионеры теистической религии противостоят христианским миссионерам и ортодоксальным брахманам и преуспевают в своей деятельности. Но довольно о движении Брахмо.

Теперь, возвращаясь к Арья Самадж, «The Indian Tribune» посвящает его основателю следующие строки:

Первая четверть XVI-го века была не большим веком реформаторов в Европе, чем последний отрезок нашего XIX-го столетия — в Индии. Из рядов своих собственных «бenedиктинцев» выступил свами Даянанда Сарасвати, в отличие от других реформаторов, не ставящий целью учредить собственную новую религию, но зовущий соотечественников вернуться к прежней чистоте и теизму ведической религии. После проповедей в Бомбее, Пуне, Калькутте и Северо-Западных провинциях, в прошлом году он появился в Пенджабе, где нашел наиболее благоприятную почву для своих проповедей. Именно в земле пяти рек, на берегах Инда, составлялись первые *Веды*. И именно Пенджаб стал родиной династии Нанаков. Сегодня Пенджаб предпринимает огромные усилия, чтобы возродить изучение *Вед* и их доктрин. И где бы ни появлялся Свами Даянанда — его великолепная фигура, его манера держаться, его ораторские способности и убедительная логика успешно противостоят любой оппозиции. Люди встают и говорят: «Мы не хотим больше жить только для себя, с нас довольно хитроумных священников и деморализующего идолопоклонства, мы не будем их больше терпеть. Мы страхнем пыль веков и постараемся вновь обрести сияние и блеск наших арийских предков».

Свами — наиболее почитаемый брат Теософского Общества — проявляет большой интерес к его деятельности; и «The Indian Spectator of

Bombay» (от 14 апреля 1878 г.) права, утверждая, что деятельность пандита Даянанды «имеет самое непосредственное отношение к деятельности Теософского Общества».

В то время как членов Брахмо Самадж можно назвать лютеранскими протестантами ортодоксального брахманизма, последователей свами Даянанды можно сравнить с теми учеными мистиками, гностиками, которые имели ключ к трактовке самых ранних писаний, что легли позднее в основу христианских Евангелий и других трудов «отцов церкви». Так же, как вышеназванные до-христианские секты понимали истинный эзотерический смысл аллегории Крестос, которая теперь материализовалась в Иисуса из плоти, так и последователи ученого и святого Свами учатся различать мертвую букву от истинного духа Вед. И это главное отличие Арья Самадж от сект Брахмо, члены которых, похоже, верят в личного бога и отвергают Веды, в то время как члены Арья Самадж видят в величественной «Вселенской Душе» вечный Принцип, безличную Причину, а не личного Бога и рассматривают Веды в качестве высшего авторитета, хотя и не божественного происхождения.

Для более полного понимания этого предмета мы лучше процитируем слова президента Бомбейского отделения Арья Самадж и брата Теософского Общества, г-на Хурричанда Чинтамона, из его недавнего письма к нашему Обществу:

Пандит Даянанда утверждает, что поскольку сегодня всеми признано, что Веды являются старейшими книгами древности, поскольку они содержат истину — и ничего кроме истины в своем неискаженном виде — и поскольку все работы позднейших времен не содержат в себе ничего нового, то почему бы нам не признать Веды путеводной звездой для человечества?.. Богооткровенная книга, или откровение должна означать одно из двух: 1) книгу, уже заранее написанную чьей-то невидимой рукой и посланную миру; или 2) труд, написанный одним или несколькими людьми в состоянии высшего просветления сознания, достигнутого путем глубокой медитации о том, кто есть человек, откуда он пришел, куда идет и при помощи каких средств он в состоянии освободиться от мирских заблуждений и страданий. Последнюю гипотезу можно рассматривать как наиболее рациональную и правильную.

Наш брат Харричанд дает здесь описание тех исключительных людей, которых мы знаем как Адептов. Он прибавляет:

Древние обитатели местности, что в районе Тибета, недалеко от озера Манасаровара, сначала назывались Девнеггуры (Деванагари), или богоподобные люди. Их алфавит состоял из букв, которые также назывались Девнеггуры или Балбадха. Часть из

них мигрировала на север и осела там, затем некоторые Девнеггуры отправились на юг, а другие на запад. Все эти эмигранты называли себя Ариями, что означает благородный, чистый и хороший человек, поскольку они считали, что чистый дар был ниспослан человечеству «Чистейшим Единым». Эти возвышенные души и были авторами Вед.

Существует ли более разумное утверждение, чем то, что эти священные писания, исходящие от таких авторов, должны содержать для способных постигнуть наполовину скрытый за мертвой буквой смысл всю мудрость, которую позволено узнать человеку на этой земле? Руководители Арья Самадж разоблачают «чудеса», порицают суеверие и нарушение законов природы и учат чистейшим основам ведической философии. Вот какие союзники есть у Теософского Общества. Они нам сказали: «Давайте работать вместе на благо всего человечества» — чему мы и последуем.

Статья впервые опубликована в журнале «Echo», New York, June 2, 1878; на русском языке — *Блаватская Е.П. В поисках оккультизма.* — М., Сфера, 1996. С. 278—284. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Ошибочные мнения относительно доктрин теософов

Критиковать легко;
искусство — дело сложное!

Ф. Детуш, Philinte.

Нью-Йоркское Теософское Общество, основанное в 1875 году и впоследствии полностью реорганизованное согласно распоряжениям его руководителей в Индии, создано по такому же принципу, что и любое тайное общество. Поэтому его доктрины не могут быть всеобщим достоянием. Однако американская пресса, и прежде всего спиритуалистические газеты, все время анализировали, критиковали и выставляли их на посмешище, неизменно выдавая то, что является их собственными домыслами, за доктрины теософов. Та малая часть, которую им было позволено раскрыть, была, насколько это возможно четко, изложена на английском языке, довольно слабо приспособленном к передаче метафизических идей.

Mirabile dictum! Они не только не слушали наших объяснений, но, как только мы начинали сокрушать критику наших оппонентов, вежливо закрывали двери газет перед нашим носом!

В этом споре, напоминающем игру в жмурки, пора действительно пролить немного света на эту "киммерийскую тьму", где часто тушили свет – и похоже, не без умысла. Критика на статью "Элементарии и элементалы"¹⁰⁴, опубликованная в августовском номере "La Revue Spirite", предоставляет нам такую возможность.

Да, "для нью-йоркских теософов человек – триада, а не дуада". Но, однако, он являет и нечто большее; включая физическое тело, человек есть *Тетрактис*, или четверица. Но хотя наша доктрина находит подтверждение у величайших философов древней Греции, – как и отмечает автор данной статьи – мы не заимствовали ее ни у Пифагора, ни у Платона, ни у знаменитых *теодидактов* александрийской школы. О наших собственных учителях мы поговорим позднее. Теперь же докажем, что автор критической статьи в "La Revue Spirite" отклоняется от фактов, относящихся к историческим доктринам античности, и что – без сомнения, абсолютно невинно и исходя только из сокращенных переводов – искажает наши собственные.

Прежде всего, по нашему мнению, он заблуждается, полагая, что уточняет наши положения, когда, приступая к "воплощенным душам", говорит о "пластическом и бессознательном посреднике, или эфирном флюиде, окутывающем дух". Неужели он считает, что дух и душа идентичны или что первый может воплощаться, подобно душе? Странная ошибка, на наш взгляд! И если этот пластический посредник, по мнению критика, является "бессознательным", то в таком случае душа, которую он считает бессмертной, и даже дух должны быть такими же, ибо далее он устанавливает точное соответствие между духом и душой.

"Душа, изолированная, является для нас периспригом", – утверждает он. Сначала спросим, как может что-то "бессознательное" (и, следовательно, безответственное) получить в будущей жизни награду или наказание за действия, совершенные в бессознательном состоянии? В конце статьи автор говорит, что у несовершенного существа *третий* элемент, или дух, не может

---

¹⁰⁴ "Элементарии и элементалы" – см. Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С.135-142.

быть уничтожен, но на неопределенное время теряет сознание своего величия и деградирует до уровня животного. Здесь мы совсем перестаем понимать его! Мы не знаем, принадлежат ли эти идеи самому критику или они представляют учение ортодоксальных спиритуалистов вообще. Но все равно, нам они кажутся чудовищными и непонятными. Как может дух – высшая изначальная сущность, несотворенная и вечная Монада, искра, исходящая непосредственно из "духовного солнца" каббалистов быть всего лишь третьим элементом, подверженным таким же ошибкам, что и перисприт? Может ли он, как и витальная душа страдающая, кажется, хронической бессознательностью, стать бессознательным, хотя бы и на время? Может ли бессмертный Дух "деградировать до уровня животного?" Чепуха! Критик не имеет ни малейшего представления о наших доктринах; он либо совсем не понимает, что мы подразумеваем под словом "дух", ибо для него дух и душа синонимы, или он еще более иконоборец, чем мы сами. Мы отвергаем эти идеи. Мы никогда не заявляли ничего подобного.

Нам цитируют Платона, но то, чему учил Платон, забыто. Согласно "божественному" философу, душа есть дуада; она состоит из двух первичных составных частей: одна – смертна, другая – бессмертна; первая создана *тварными богами* (творческие и разумные силы природы), вторая – эманация высшего Духа. Он говорит, что смертная душа, овладевая телом, становится "иррациональной"; но между иррациональностью и бессознательностью – огромная разница. Наконец, Платон никогда не смешивал перисприт с душой или духом. Так же, как и другие философы, он никогда не называл его ни *noüs*, ни *ψυχή* называл его *εἰδῶλον*, иногда *imago* или *simulacrum*.

Давайте постараемся восстановить порядок в этом беспорядке. Назовем все своими именами и четко обозначим разницу между взглядами ученого критика и нашими собственными. Для всех, кто изучал греческих философов, ясно, что автор перепутал термины. Его вопрос: "Может ли отделение духа, *ψυχή*, от души, *ноуса*, или перисприта быть причиной полного уничтожения?.." дает нам ключ к неправильному толкованию. Он просто толкует слова "дух" и "душа" *vice versa*.

Мы не знаем, так ли переводят эти два слова современные греки, но мы можем доказать, что никто из древних философов подобным образом никогда их не определял. Позволим себе процитировать два имени, и их

будет вполне достаточно. Наш языческий авторитет – Плутарх, наш христианский авторитет – не кто иной, как сам святой Иаков, "брат Господень". Рассуждая о душе, Плутарх говорит, что пока ψυχή заключена в теле, *ноус*, божественный разум, парит над смертным человеком, изливая на него луч света, яркость которого зависит от личных достоинств человека; он добавляет, что *ноус* никогда не спускается, но остается неподвижным. Святой Иаков еще более откровенен. Говоря о мирской мудрости (см. греческий текст, Иак., III, 15), он называет ее "земной, чувственной, *психической*" – последнее прилагательное переведено в английском тексте словом "бесовский" – и добавляет (III, 17), что только мудрость, сходящая свыше, божественна и "*разумна*", "*noetic*" (прилагательное от *ноус*). Итак, кажется, что "бесовский" элемент всегда был в немилости у святости как среди святых христианства, так и среди философов язычества. Поскольку святой Иаков рассматривает ψυχή как бесовский элемент, а Платон считает его чем-то иррациональным, может ли он быть бессмертным *per se*?

Позвольте привести лучшее из возможных сравнений между конкретным и абстрактным: между тем, что наш критик называет "триипостасностью", а мы – "*тетрактисом*". Давайте сравним эту философскую четверицу, состоящую из физического тела, перисприта, души и духа, с эфиром, который наука предвидела, но никогда не могла открыть, и обозначим их взаимосвязь. Эфир будет символизировать дух, пар, образующийся внутри него – душу, вода – перисприт, а лед – тело. Лед тает и навсегда теряет свою форму, вода испаряется и рассеивается в пространстве, пар освобождается от более плотных частиц и наконец достигает такого состояния, в котором наука не может его обнаружить. Очистившись от последних примесей, он всецело сливается со своей первопричиной и, в свою очередь, сам становится *причиной*. За исключением бессмертного *ноуса*, душа, перисприт и физическое тело, которые все были когда-то сотворены и имели начало, должны иметь и конец.

Означает ли это, что в таком растворении теряется индивидуальность? Ничуть. Но между человеческим эго и всецело божественным Эго существует пропасть, которую наши критики заполняют, даже не подозревая о том. Что касается перисприта, то он является душою не более, чем тончайшая кожица миндаля самим зернышком или его шелухой. Перисприт есть *simulacrum* человека.

Похоже, теософы понимают эту ипостась так же, как и древние философы, но совсем иначе, нежели спиритуалисты. Для нас дух есть *личный* бог каждого смертного и его единственный божественный элемент. Двойственная душа, напротив, лишь полубожественна. Так как она является непосредственной эманацией *ноуса*, то все, что в ней есть от бессмертной сущности, по окончании ее земного цикла должно обязательно вернуться к своему первоисточнику таким же чистым, как в момент, когда она от него отделялась; именно эту чистейшую духовную сущность примитивная церковь, настолько же преданная, насколько она была враждебна к традициям неоплатоников, признала в добром *даймоне* и превратила его в ангела-хранителя; в то же время, справедливо порицая "иррациональную" и грешную душу, настоящее человеческое *эго* (от которого происходит слово "эгоизм"), она назвала его ангелом тьмы и впоследствии сделала из него личного дьявола. Единственной ошибкой было антропоморфизировать его, превращать в монстра с хвостом и рогами. Но какой бы абстракцией это ни было, сей дьявол является действительно личным, поскольку он абсолютно идентичен нашему *эго*. Именно эту неуловимую и недостижимую личность аскеты всех стран подвергают наказанию, умерщвляя плоть.

Таким образом, *эго*, у которого мы допускаем лишь условное бессмертие, является чисто человеческой индивидуальностью. Наполовину жизненная энергия, наполовину совокупность личных качеств и свойств, необходимых для конституции каждого человеческого существа, дабы оно отличалось от своего соседа, *эго* есть лишь "дыхание жизни", которое Иегова, один из *элохимов*, или творящих богов, вдохнул в ноздри Адама; и как таковое, в отличие от высшего разума, оно лишь элемент индивидуальности, которым обладает как человек, так и любое другое живое существо, от мошки, танцующей в лучах солнца, до слона, царя леса. И только слившись с божественным разумом, *эго*, запятнанное земными несовершенствами, может достичь бессмертия.

Чтобы яснее выразить свою мысль, поставим вопрос. Хотя материя может быть вполне неразрушимой в своих первичных атомах – неразрушимой, поскольку, как мы говорим, она есть со-вечная тень вечного Света и сосуществует с ним – может ли эта материя оставаться неизменной в своих временных формах или корреляциях? Разве мы не видим в ходе ее бесконечных модификаций, как она сегодня уничтожает то, что создала вчера? Каждая форма, независимо от того, принадлежит ли она

объективному миру или лишь тому, который наш разум может воспринять, имея начало, должна иметь и конец. Было время, когда она не существовала; наступит день, когда она канет в небытие. Сегодня современная наука говорит, что даже наша мысль материальна. Какой бы быстротечной ни казалась мысль, ее зарождение и последующее развитие требуют некоторой затраты энергии; даже малейшее движение мысли, отражаясь в эфире пространства, производит возмущение, достигающее беспредельности. Следовательно, это материальная сила, хотя и незримая.

А если это так, то кто посмеет утверждать, что человек, чья индивидуальность состоит из мыслей, желаний и эгоистических страстей, присущих лишь ему одному и делающих его индивидуальностью *sui generis*, может жить вечно со всеми своими отличительными чертами, не изменяясь?

Но если он изменяется в течение бесконечных циклов, то что же остается от него? Что происходит с этой особой индивидуальностью, которая ценится столь высоко? Логично предположить, что, если человек, воплощенный на земле, забыв о своем драгоценном "я", готов был пожертвовать собою ради блага других; если из любви к человечеству он старался принести пользу уже в этой, настоящей жизни и стать полезным для великой и бесконечной работы Созидания, Сохранения и Возрождения в жизни будущей; если, наконец, стремясь к беспредельности и духовному совершенству, он сливается с сущностью своего божественного разума и, таким образом, втягивается в поток бессмертия, логично надеяться, говорим мы, что он будет жить в духе вечно. Но что другой человек, который во время своего испытательного срока-ссылки на земле рассматривал жизнь как длинную серию эгоистических поступков и был столь же бесполезным для себя, как и для других, и даже вредным, станет таким же бессмертным, как и предыдущий, просто невозможно представить!

Ничто в природе не статично, все должно либо двигаться вперед, либо назад – и неизлечимый пьяница, дебошир, полностью погрязший в материальности, никогда не сделавший ни малейшего усилия к добру, живой или мертвый, никогда не продвинется вперед! Ему придется покориться своей судьбе, и даже его божественная душа не сможет спасти его. Эго, или земная *психе*, обладает свободной волей и, более того, может воспользоваться таинственным советом своего ангела-хранителя, говорящего с ним через голос совести, здесь, на земле. Будучи не в

состоянии следовать за достигшим звероподобного состояния человеком в его стремительном падении в пропасть материальности – человеком, глухим к своей совести, слепым к свету и утеревшим способность восходить к нему – Божественная Сущность, как ангел-хранитель на наивных гравюрах нашего детства, расправляет свои белые крылья и, разрывая с ним последнюю связь, вновь поднимается в свои сферы. Может ли всецело материальная индивидуальность жить в мире духов, если она предоставлена исключительно законам материи? Мы говорим – нет: не больше, чем рыба может жить за пределами своей естественной стихии. Законы универсальны и непреложны.

"Как наверху, так и внизу", – провозгласил великий Гермес. Новорожденный ребенок не может жить, если в нем отсутствует жизненная сила, и умирает, не увидев света; так же и эго, полностью лишенное духовной силы, не может родиться и жить в царстве духов. Если же он только слабый и вялый, то может выжить, поскольку "как на земле, так и на небе". Но необходимо подчеркнуть, что злые души не остаются безнаказанными. Века, возможно даже тысячи веков страдания – несомненно, заслуженное наказание. Мы говорим, что такое наказание будет одновременно слишком суровым и вряд ли достаточным. Оно будет несоизмеримым даже с величайшими преступлениями, совершенными за долгую человеческую жизнь, оно будет казаться дьявольским и несправедливым. С другой стороны, пред ликом вечности, простирающейся перед страдающей душой абсолютной Вечности, такое наказание выглядит просто дурной шуткой. Что такое тысячи веков в беспредельности! Один лишь миг.

Могут сказать, что эта доктрина, как и любая голая правда, внушает отвращение многим людям. Что касается нас, то мы в нее верим. Сентиментальности нет места в наших рядах; тот, кто не чувствует себя готовым поступиться самыми сокровенными своими надеждами ради вечной истины, может стать членом Теософского Общества, но он никогда не будет принадлежать нашему Эзотерическому кругу. Не навязывая свои взгляды другим, мы уважаем чужие, хотя и не разделяем их. Тем не менее наше общество насчитывает в своих рядах тысячи европейцев и американцев.

Говорят, что доктрина условного бессмертия распространялась среди народных масс для того, чтобы "вселять страх в низкие и развращенные

души". Еще одна ошибка. Эта доктрина никогда не была достоянием широких народных масс ни в Индии, ни в Греции, ни в Египте. Ее истины раскрывались только неопиту в великих Мистериях, когда священный напиток давал ему возможность покинуть физическое тело и, паря в бесконечности миров, наблюдать и судить обо всем самому. Разглашать то, что он тогда видел, означало верную смерть; и ужасны были клятвы, которые он давал во время высшей *Эпоптейи*, когда высочайший Иерофант протягивал ему *петрону* – каменные скрижали, на которых были выгравированы тайны посвящения. Платон был единственным, кто говорил о них, – хотя и в завуалированных терминах, но все же говорил. Если в определенном смысле он утверждал, что душа бессмертна, то в другом – полностью отрицал, что *каждая* индивидуальная душа предсуществовала и пребудет в вечности. Тому же учили в каждом святилище. Современные египтологи имеют тому доказательства. Мариет-бей перевел несколько отрывков из "Книги Мертвых", а также ряд надписей на саркофагах, где говорится о том, что условное бессмертие и полное уничтожение уготованы только злым. Один из гимнов Озирису говорит об усопшем: "Он видит Твоими глазами, он живет в Тебе, и только через Тебя он может избежать уничтожения".

Египтяне учили простолюдинов, что животная душа, принадлежащая физическому телу и не соединенная с бессмертной душой, не может воссоединиться с нею, пока не проведет определенное время в мумии. Но посвященному они говорили, что полное уничтожение ожидает развращенные души, которым не удалось стать *Озирисоподобными*, или богоподобными. Ф.Ленорман подтверждает это, так же как и Мариет-бей. Готама¹⁰⁵, индусский философ, говорит в своей "Ньяя-сутре" ("Таркаламкара"): "Вместилищем знания о собственном я (индивидуальности) является человеческая душа (дживатма), которая представляет собою дуаду, но высшая душа (Параматман) является единственно всемогущей, бесконечной и вечной".

Чтобы покончить с этим вопросом, нам говорят, что *верящие* в бессмертие как в универсальный закон рассматривают наши взгляды как "всецело противоречащие божественной справедливости".

---

¹⁰⁵ *Готама* – легендарный автор "Ньяя-сутр", самого древнего трактата философской школы ньяя.

Мы отвечаем: "Что вы знаете об этой справедливости? На чем вы строите свои представления, полагая, что законы мира невидимого чем-то отличаются от законов мира сего, и всецело отбрасывая научно обоснованный закон о выживании сильнейших, который будет не последним доводом в нашем споре?" Мы просим лишь веских доводов в поддержку обратного. Пожалуй, нам возразят, что нам так же трудно будет доказать истинность наших доктрин, как и нашим критикам – истинность своих. Согласны! И сразу же признаемся, что, веря в них, мы знаем только то, чему нас учили. Но наше учение основывается по крайней мере на философии и экспериментальной психологии (такой, как система индийских *йогов*), на результатах исследований многих веков. Нашими Учителями являются Патанджали, Капила, Канада, все системы и школы Арьяварты (Древней Индии), служившие неисчерпаемым источником для всех греческих философов – от Пифагора до Прокла. Наше учение зиждется на эзотерической мудрости Древнего Египта, где Моисей, подобно Платону, учился у Иерофантов и Адептов; следовательно, оно разрабатывалось при помощи надежных методов, руководствуясь не умозаключениями, но следуя строгой аналогии, основанной на непреложности универсальных законов и индукции. Можно ли попросить наших оппонентов предъявить нам их авторитеты? Может быть, это современная наука? Но всезнающая наука смеется над вами, как и над нами. Может быть, это моисеева Библия? Сомневаемся, поскольку она ни одним словом не упоминает об этом, и, несмотря на все пытки, которым подвергли ее текст за долгие века исследований, вопреки всем *пересмотренным* и *исправленным* изданиям, она умалчивает о самом предмете. Но в некоторых местах, где говорится о посмертном выживании души, она вырывает почву у нас из-под ног. В "Екклесиасте" (III, 19) Библия говорит, что у человека нет преимущества перед скотом: и тот и другой умирают, поскольку дыхание, оживляющее их, *одно и то же*. Что же касается Иова, то этот известный страдалец заявляет, что человек, умерев, "убегает, как тень, и не *останавливается*" (Иов, XIV, 2). Может быть, это Новый Завет? Эта книга предлагает нам выбор между филармоническим раем и адом, далекими от реальности. Она не дает никаких неопровержимых доказательств, запрещает нам размышлять и настаивает на *слепой вере*. Может быть, это феномены спиритуализма? Вот оно! Теперь мы твердо стоим на ногах, поскольку все доказательства очевидны и сами "духи" выступают нашими учителями. Теософы верят в

манифестации и в "духов" так же, как и спиритуалисты. Но когда вы закончите демонстрировать всему миру, включая скептическую науку, что наши феномены производятся душами покойных, что вы этим докажете? В лучшем случае, *посмертное выживание души*, но ее бессмертия вы не докажете никогда: ни как всеобщий закон, ни как "условную награду". Тридцатилетний опыт общения с "духами" не свидетельствует об их непреложности как "универсального закона" – и вам нечего нам противопоставить, кроме своей *слепой веры*, эмоций и инстинктов меньшей части человечества. Да, меньшей части, поскольку, когда вы отбрасываете 450 миллионов буддистов, которые не верят в бессмертие и страшатся как ужасного бедствия даже посмертного выживания души, и 200 миллионов индусов всех вероисповеданий, которые верят в слияние с первичной сущностью, что остается от этой вселенской доктрины?

Вы говорите, что наша доктрина "была изобретена для низких и вульгарных душ". Мы в состоянии с цифрами в руках доказать, что эти "низкие и вульгарные" души доминируют в цивилизованных и христианских странах, где бессмертие обещано всем. Мы отсылаем вас к Америке, пуританской и благочестивой, которая каждому вздернутому на веревке преступнику обещает вечный рай, ежели тот уверует, и притом немедленно, поскольку, согласно протестантской вере, от эшафота до Вечности лишь один шаг. Откройте любую нью-йоркскую газету: вы обнаружите, что первая страница пестрит сообщениями о зверских, доселе неслыханных преступлениях, совершаемых по дюжине ежедневно, из года в год. Пусть кто-нибудь попробует найти нечто подобное в языческих странах, где люди не утруждают себя заботами о бессмертии и лишь стремятся навсегда слиться с вечностью. Не является ли тогда бессмертие, как "универсальный закон", для каждой "низкой и вульгарной души" более стимулом, нежели мерой, удерживающей от преступления?

Мы заканчиваем, полагая, что ответили на все обвинения критика, выдвинутые против "Элементариев".

Статья впервые опубликована в "La Revue Spirite", Paris, January, 1879; на русском языке – Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 285-297. Пер. Т. О. Сухоруковой.

Магия

В «The Indian Tribune» от 15-го марта появилось письмо о взаимосвязи Теософского Общества с Арья Самадж. Кажется, автор не является врагом нашего дела, и не настроен враждебно по отношению к Обществу; поэтому я постараюсь деликатно исправить некоторые допущенные им ошибки. Так как он подписался «Член Общества Самадж», следовательно, он должен почитаться нами как *брат*. Похоже, что к поспешному отречению от слишком тесной связи между нашим Обществом и Самадж его подтолкнуло необоснованное опасение скомпрометировать прекрасное имя последнего некоторыми нашими странными высказываниями! Он говорит:

Я был удивлен, услышав, что в Обществе состоят люди, верящие в магию... Если это и есть вера Теософского Общества, то могу лишь заверить ваших читателей, что Арья Самадж в этом плане не имеет с ним ничего общего... Что же касается вопросов ведического учения и ведической философии, то здесь, можно сказать, их позиции совпадают.

Вот именно на это я и хотела бы ответить. Суть вопроса состоит в точном определении слова «магия» и в правильном понимании того, что такое ведическое «учение и философия». Если под словом «магия» понимать популярные суеверия: веру в колдунов, ведьм и привидения; если это понятие допускает участие *сверхъестественных сил*; если оно предполагает веру в *чудеса*, то есть феномены, выходящие за рамки естественных законов — тогда, от лица всех теософов, будь то все еще не изменивший своих воззрений скептик, исследователь простых феноменов или просто верящий в них, будь то даже так называемый современный спиритуалист, то есть тот, кто непременно верит, что медиумические феномены совершаются человеческими духами — мы категорически отвергаем подобное обвинение.

Мы не видели «The Civil and Military Gazette», которая, похоже, так хорошо знакома с нашими доктринами, но если она намеревалась обвинить теософов в подобной вере, то, как и многие другие *Gazettes* и *Reviews*, она пишет о том, о чем не имеет ни малейшего представления.

Наше Общество *не* верит в чудеса — ни в божественные, ни в дьявольские, ни в человеческие, как не верит оно ни во что, ускользающее от суда философской и логической индукции или силлогического метода дедукции. Но если искаженный и относительно новый термин «магия» понимать как высшее знание и глубокое проникновение в сокрытые силы природы — те оккультные и таинственные законы, которые составляют

конечную основу каждого элемента — будем ли мы, как древние, считать, что этих элементов четыре или пять, или поверим современным подсчетам, дошедшим до шестидесяти; если, опять-таки, под магией понимать древнее учение святилищ, известное как «поклонение Свету» или божественная, духовная мудрость, в противоположность поклонению тьме и невежеству; если вспомнить, что от нее произошли слова «*Maha*», маги, или «*Maginsi*», как называли инициированных высших жрецов античности арии, мидийцы и египтяне, и «*Meghistom*» зороастрийцев (от корня «*Meh'al*» — великий, ученый, мудрый) — тогда мы, теософы, «признаем свою вину».

Мы действительно изучаем эту «Науку наук», прославленную эклектиками и платониками александрийских школ и *практиковавшуюся* теургами и мистиками всех веков. Если же магия постепенно приобрела дурную славу, то это произошло вовсе не из-за ее собственной никчемности, но вследствие невежества и недопонимания ее основного значения; особенно же благодаря хитрой политике христианских теологов, которые боялись, как бы многие феномены, совершенные *посредством* естественных (хотя и оккультных) законов, не изобличили и, таким образом, не умалили «божественных библейских чудес», и потому навязывали людям мысль, будто все явления, которых они не могли понять и объяснить, творятся при содействии личного дьявола. Точно так же можно обвинить *магов* древности в том, что они обладали не большим знанием божественных истин, скрытых сил и возможностей физического закона, нежели их последователи — необразованные персидские *мобеды* или индусские махараджи той бесстыдной секты, которая известна нам как валлабачарья¹⁰⁶; оба эти слова произошли от персидского «*мог*», или «*маг*», и санскритского «*маха*».

Человеческое невежество лишило красоты и благородства многие прекрасные истины, сделав из них посмешище. И Платон, и даже скептик Люциан — оба признавали великую мудрость и глубочайшие знания *магов*; а Цицерон, говоря о тех, кто жил в его времена в Персии, называет их «*sapientium et doctorum genus majorum*». И если это так, то мы должны, очевидно, признать, что эти *маги*, или «чародеи», стояли несравненно выше современных Маскелинов и Куков или некоторых мошенников-медиумов — они были вовсе не теми *чародеями*, на которых глазеет Лондон, платя по

---

¹⁰⁶ *Валлабачарья* (санскр.) — имя мистика, который был *чела* (учеником) Вишну Свами и основателем секты *вайшнавов*. Его последователей называют Госвами Махарадж; им принадлежат большие земельные владения и многочисленные *мандиры* (храмы) в Бомбее. Они выродились в постыдно безнравственную секту.

шиллингу за место. Искусство таких теургов и философов, как Пифагор, Плотин, Порфирий, Прокл, Бруно, Парацельс и многих других великих людей сегодня приобрело дурную славу. И если бы наш брат — теософ Томас Алва Эдисон, изобретатель телефона и фонографа, жил во времена Галилея, то ему пришлось бы искупать грех своего изобретения (способа фиксирования на поверхности металла и сохранения на долгие годы звука человеческого голоса) на дыбе или на костре, ибо его талант был бы объявлен даром Дьявола. И все же, даже такое злоупотребление грубой силой, направленное на сокрытие истины, не смогло бы обратить научные открытия в глупое и низкое суеверие.

Но наш друг, соизволив опуститься до нашего уровня хотя бы в одном отношении, признается, что в вопросах «ведического учения и философии» позиции Арья Самадж и Теософского Общества совпадают. Мне остается обратиться за помощью к авторитету, который для моей цели подходит более, нежели столь осмеянные магия, теургия и алхимия. Я имею в виду *Веды*, ибо каждая строчка священных книг ариев дышит магией. Без магии нельзя понять ни одну из шести великих школ арийской философии. И мы изучаем ее как раз для того, чтобы понять их и осветить скрытый *summit bonum* этой колыбели всех восточных философий, *Вед*, и более поздней брахманистской литературы. Стоит нам пренебречь этим изучением, и мы, вкуче со всею Европой, вынуждены будем поставить «Веды» в интерпретации Макса Мюллера значительно выше «Веда-бхашья» свами Даянанды Сарасвати. Нам пришлось бы оставить непровергнутым заявление этого англо-немецкого санскритолога, утверждающего, что за исключением *Ригведы*, ни одна из четырех священных книг не достойна названия *Веда*, в особенности же «Атхарваведа», которая является абсурдом, магической бессмыслицей, составленной из жертвенных формул и заклинаний (см. его «Лекцию о Ведах»). Вот почему, невзирая на все эти превратные толкования, мы покорно просим позволить нам следовать аналитическому методу таких исследователей и практиков магии, как Капила, упоминаемый в «Шветашватара» упанишаде (гл. V, стих 2) как «Риши, получивший знания от самого Бога», великий авторитет йоги — Патанджали, знаменитый теург Шанкарачарья, и даже Зороастр, несомненно, получивший свою мудрость от посвященных брахманов Арьяварты. И мы не понимаем, почему это нашему брату из Арья Самадж понадобилось выставлять нас на посмешище всего мира, представляя

суеверными глупцами и галлюцинирующими энтузиастами. Скажу даже больше: в то время как наш дорогой брат и остальные «члены» Самадж не способны и совершенно бессильны защитить сваами Даянанду от софистики насмешников, подобных пандиту Махезе Чандре Ньяятратне из Калькутты, уверяющего, что «Веда-бхашья» — жалкая и неудачная попытка интерпретации, мы, теософы, не уклоняемся от этого тяжелого труда. Когда сваами утверждает, что Агни и Ишвара — одно и то же, пандит из Калькутты говорит, что это «чушь». Для него Агни — это грубый, видимый огонь, на котором он может перетопить масло и приготовить свой рисовый пирог. Очевидно, он не знает, а должен бы знать, если он изучал «магию», то есть ознакомился со взглядами средневековых розенкрейцеров (философов огня), их посвященных предшественников и последователей о божественном огне или свете, «чье внешнее тело есть пламя», что ведический Агни действительно есть Ишвара, и не что иное. Сваами не делает никакой ошибки, когда говорит:

Агни включает в себя все божества, и Вишну включает в себя все божества. Эти два (божественных) тела, Агни и Вишну, две стороны жертвы.

На одном конце лестницы, спускающейся с небес на землю, находится Ишвара — Дух, Высшее Существо, субъективное, невидимое и непостижимое; на другом — его видимое проявление, «жертвенный огонь».

Это так ясно выражено во всех религиозных философиях древности, что просвещенный перс поклоняется не грубому огню, но божественному Духу внутри него, проявлением которого огонь является; и даже в еврейской Библии есть неприступный Иегова и его ниспадающий огонь, который пожирает дрова на алтаре и поглощает воду во рве (3 Цар., 18:38). И горящие кусты Моисея, и Святой Дух в евангелиях христиан, спускающийся, подобно языкам *пламени*, на головы учеников, собравшихся на Троицын день — это тоже видимое проявление Бога. Нет такой эзотерической философии, или, лучше сказать, теософии, которая не впитала бы в себя эту глубоко духовную идею, и каждую из них можно проследить вплоть до ведических священных книг. Вот что, цитируя Р.Фладда, теософа и алхимика средневековья, говорит автор «Розенкрейцеров» в главе «Природа Огня»:

Итак, стоит ли удивляться, если [в религиях ариев, мидян и зороастрийцев], столь долго отвергаемых как идолопоклонничество, древние персы и их учителя маги, полагая, что они видят «Все» в этом сверхъестественном, величественном элементе, падали ниц и молились ему; принимая его за видимое изображение истинного Бога, тем не менее, в своих размышлениях, философиях, в своем здравом рассудке люди понимали, что

это не может быть Богом; Бог повсюду, он в нас, и мы — поистине *Он*, если нас озаряет Божественный свет; и невозможно созерцать или постигать Бога вне его, ведь Бог — это *Все!*¹⁰⁷

Это также учение средневековых философов огня, известных как «Братья Розы и Креста»: Парацельса, Кунрата, Ван Гельмонта, а также всех посвященных и алхимиков, которые следовали их вере и утверждали, что открыли вечный Огонь или «узнали Бога в Бессмертном Свете» — в том Свете, сияние которого исходит от йогов. Тот же автор пишет о них:

«В своем неуклонном восхождении к вершинам сознания эти титаны мысли миновали туманные границы Реального и Нереального и достигли Магии. Может ли Магия быть фальшивкой?»¹⁰⁸ — спрашивает он. Нет, конечно же нет, если под магией понимать высшее познание божественного, а не *сверхъестественного* закона, хотя этот закон до сих пор и остается загадкой для точной, материалистической науки.

И так называемые спиритуалистические феномены, в которые верит почти двадцать миллионов хорошо образованных, часто даже высоко просвещенных и ученых людей в Европе и Америке, не являются просто галлюцинациями больного мозга. Все эти феномены так же реальны, так же подтверждены неоспоримыми показаниями тысяч очевидцев и так же научно и математически доказаны, как и последние открытия нашего брата Т.А.Эдисона. Если слово «глупец» применимо к таким людям науки и гигантам интеллекта обоих полушарий, как член Королевского общества У.Крукс, член Королевского общества Альфред Рассел Уоллес — величайший натуралист Европы, успешно соперничающий с Дарвиным, к таким, как французский астроном, член Академии наук Франции Фламарион, прославленный астроном и физик из Лейпцига профессор Цёльнер, великий американский химик профессор Хэр, а также ко многим другим не менее знаменитым ученым — несомненным авторитетам *во всех областях*, кроме так называемых спиритуалистических феноменов, ставших после многих лет тщательных исследований убежденными спиритуалистами, — тогда мы, теософы, вовсе не считаем, что попали в дурную компанию и даже сочтем за честь почитаться «глупцами», будь мы даже убежденные ортодоксальные спиритуалисты, то есть верящие в блуждающих духов и материализующихся бхутов — кем мы, впрочем, не являемся. Но мы верим в феномены спиритуалистов (хотя и подвергаем сомнению их «духов»), ибо знаем, что это реальный факт. Одно дело — отвергать недоказанные теории, и

---

¹⁰⁷ H.Jennings, The Rosicrucians, ch. X, p. 81.

¹⁰⁸ 1 H.Jennings, The Rosicrucians, ch. X, p. 83.

совершенно другое — бороться против точно установленных фактов. Каждый имеет право сомневаться, пока не будет неоспоримых доказательств того, что *все* эти современные феномены, наводнившие Запад, производятся развоплощенными «духами», ибо до сих пор это была пустая умозрительная доктрина, поддерживаемая лишь энтузиастами; но никто не вправе отвергать существование подобных явлений, пока не приведет более веских аргументов, нежели голословные отрицания скептиков. Если мы, теософы (хотя нас и меньшинство), отрицаем посредничество «духов» в подобных материализациях, то только потому, что мы можем доказать спиритуалистам, что большинство их феноменов, физических или психологических, могут быть воспроизведены нашими *адептами* по желанию, не прибегая ни к помощи духов, ни к божественным, ни к дьявольским чудесам, но единственно развивая оккультные силы *внутреннего Я* человека и изучая тайны природы. Не удивительно, что европейские и американские скептики отрицают подобное вмешательство духов и, как следствие, подвергают сомнению и сами феномены. Едва вырвавшись из челюстей церкви, которая еще столетие назад пыталась и предавала смерти всякого, кто подвергал сомнению библейские, «божественные» чудеса или одобрял те, которые теология объявляла дьявольскими, они упиваются новообретенной свободой мысли и действия, и это вполне естественная реакция. Кто отрицает высшее существование своей собственной души, тот точно также не поверит без доказательств ни в духов, ни в эти феномены. Но то, что восточные люди различных сект, особенно же индусы, могут не верить в них — действительно аномалия, учитывая, что все они знают о перевоплощении души, а также о духовной и физической эволюции. Шестнадцатая глава Махабхараты, «Хариваншапарва», изобилует спиритуалистическими феноменами; в ней также много говорится о вызывании духов. И если молодая Индия, устыдившись «суеверий» собственных предков, поворачивается, словно подсолнух, к великим светилам Запада, то стоит послушать, что говорит об этих феноменах А.Р.Уоллес, член Королевского и Теософского обществ — в своих работах «Вклад в теорию естественного отбора» и «О чудесах и современном спиритуализме», тем самым подтверждая веру древней Индии:

Когда я впервые ознакомился с явлениями спиритуализма, я был убежденным философским скептиком... Я был таким закоренелым материалистом, что в то время даже не мог найти в своем сознании места для

концепции духовного существования или для других начал во вселенной, кроме материи и силы. Факты, однако, упрямая вещь.

Объяснив, как он стал спиритуалистом, Уоллес переходит к рассмотрению спиритуалистической теории и показывает как она согласуется с естественным отбором. Он говорит:

Следуя фактам и точной индукции, я пришел к убеждению, что, во-первых, существует множество различных сверхчеловеческих сущностей и что, во-вторых, некоторые из этих сущностей, хотя обычно и остаются невидимыми и неосязаемыми для нас, могут воздействовать — и действительно воздействуют — на материю и наши мысли. Пытаясь выяснить, насколько эта доктрина позволит нам объяснить те явления, которые не подпадают под теорию естественного отбора, я твердо следовал точному научному и логическому методу. В десятой главе моего «Вклада в теорию естественного отбора» я объяснил, что именно отношу к этим явлениям, и предположил, что их производят *некоторые из тех сущностей, о которых я упомянул выше*. Я утверждал и утверждаю, что этот подход является логически обоснованным и ни в коей мере не противоречит великой доктрине эволюции через естественный отбор.

Не слышатся ли здесь голоса Ману, Капилы и многих других философов древней Индии, говоривших в своих учениях о творении, эволюции и росте нашей планеты, о мире животных и людей, ее населяющих? Меньше ли говорит современный великий ученый о «духах» и духовных сущностях, нежели Ману — ученый и законодатель времен доисторических? Пусть молодая, скептически настроенная Индия сравнит идеи древних ариев с идеями современных мистиков, теософов, спиритуалистов и некоторых великих ученых, а потом уже смеется над *суеверными* теориями и тех, и других.

Вот уже четыре года, как мы боремся против этой чудовищной несправедливости. Нас оскорбляют и называют предателями спиритуалисты — за то, что мы верим, помимо их развоплощенных духов, в существование других существ в невидимом мире; нас прокляли и осудили на вечные муки христиане и духовенство, выдав нам паспорта на свободный вход в ад; нас осмеивали скептики, общество взирало на нас как на дерзких лунатиков, а консервативная пресса наложила на нас табу. Мы уже думали, что испили чашу злобы до дна. Мы надеялись, что хоть в Индии, стране психологической и метафизической науки, найдем твердую почву для наших уставших ног. Но не тут-то было! Является наш брат и, не дав себе труда проверить сплетни, спешит от нас отречься — на случай, если мы и впрямь верим в магию или спиритуализм! Ну что ж. Мы никому не навязываемся. Более четырех лет мы

жили и крепили в силе, если не в мудрости, на поиски которой отправили сюда нашу скромную делегацию теософов для того, чтобы открыть «ведическое учение и философию» миллионам изголодавшихся душ на Западе, которые знакомы с феноменами, но идут по ложному пути из-за неверных представлений о духах и бхутах. Но если с самого начала нас будет отталкивать значительная часть Арья Самадж, разделяющая взгляды этого «члена», тогда Теософское Общество, вместе с 45 000 западных спиритуалистов вновь станет независимой организацией и обойдется без единого «члена», пытающегося раскрыть ему глаза на абсурдность спиритуализма и магии.

Статья впервые опубликована в «The Dekkan Star», Poona, March 30, 1879; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 298—308. Пер. В.И.Мызникова.

Теософы и их оппоненты

«*The Indian Christian Herald*», в номере за 4-е апреля (который, к сожалению, лишь недавно попался мне на глаза), с щедростью, столь характерной для религиозных газет, отводит два параграфа под благочестивое поношение нашего Общества. Более того, из них я сделала вывод, что «*The Friend of India*» предварительно тоже прошелся по нашему адресу, дабы очернить Общество, ибо «*The Indian Cristian Herald*» замечает: «Теософское Общество заслужило тот эпитет, которым наградил его «*The Friend of India*».

К моему смущению, я виновна в преступлении, которое состоит в том, что я не только не читала, но и в глаза-то никогда не видала этого ветерана печатных органов. Никого из наших теософов нельзя обвинить в злоупотреблении такой драгоценной привилегией — чтением миссионерских газет; слишком много времени прошло с тех пор, как нас отняли от груди и мы перестали есть кашку на воде с молоком. И мы вовсе не увиливаем от этой усыпляющей обязанности, побуждаемые необходимостью. Если тот факт, что мы сейчас об этом пишем, не является достаточным доказательством, то я напомним случай с бомбейским

миссионерским печатным органом, «*The Dnyanodaya*», который оклеветал нас в номере за 17-е число прошлого месяца, но был принужден адвокатом полковника Олькотта, м-ром Тернером, опубликовать, во избежание судебного преследования за клеветнические материалы, полное опровержение. Мы сожалеем, что этот прекрасный и набожный писатель из «*Herald*», хотя и оказался способным подняться до уровня Биллингсгейта, но не смог (или не *посмел?*) достичь высот клеветы, дающей основания для судебного наказания. Истинно, осмотрительность — великая добродетель!

Столкнувшись, как это с нами часто бывало, с нетерпимым фанатизмом — религиозным «рвением», как они это называют — и ребяческими анафемами клерикальных «последователей кроткого и скромного Иисуса», ни один теософ не удивится, обнаружив, что по его броне стучат горошины стрелка из «*Herald*». Это лишь увеличивает шум, но никого не ранит смертельно. И вполне естественно, что бедняги, пытающиеся пропихнуть духовную пищу в невежественных язычников (что напоминает страсбургских птицеводов, которые, откармливая гусей, проталкивают непрожеванные кусочки пищи в горло несчастных птиц, чтобы у них разбухла печень), будут потрясены вторжением европейцев, готовых разжевать куски священных писаний для язычников; от последних лишь требуется подмазать их слепой верой и проглотить, не прожевывая! Людей, подобно нам имеющих наглость требовать для язычников такого же права анализировать *Библию*, на какое претендуют христианские священники, чтобы разбирать и даже поносить священные писания других народов, непременно надо заставить замолчать. Что «*Christian Herald*» и пытается сделать. «Давайте, — пишет она, — поразмышляем непредубежденно и беспристрастно... о Теософском Обществе». Заявления «о такой смертельной ненависти(?) к христианству и его божественному Основателю говорят о нравственной деградации... не имеющей себе равной». Теософы «своими неестественными притязаниями и богохульскими заявлениями показывают собственную невменяемость и позорят себя»... Никто «не может описать моральную деградацию лиц [включая теософов — буддистов, арийцев, джайнов, парсов, евреев и мусульман?], которые не видят ничего хорошего в *Библии*...» и которые «должны помнить, что *Библия* — не только священная книга, но это *наша* книга»!!

Последний возглас самонадеянного тщеславия нельзя оставить незамеченным. Прежде чем ответить на предыдущую брань, я намерена

потребовать ясного определения этой последней фразы — «наша Книга». Чья книга? Этой «*The Herald*»? «Наша» означает именно это, ибо семь толстых томов «*Speaker's Commentary on the Old Testament*»¹⁰⁹ подтверждают, что притяжательное местоимение и существительное в единственном числе не должны употребляться христианами, когда они говорят о Библии. Ошибки и искажения при переводе, которые выявили сорок богословов англиканской церкви за семь лет ревизии *Ветхого Завета*, столь грубы и многочисленны, что лондонское «*The Quarterly Review*» (№294, апрель, 1879 г.) — наиболее ортодоксальный печатный орган — в отчаянии восклицает: «Те времена, когда вся Библия могла быть действительно почитаема как *единственная книга*, чудодейственно переданная по частям с небес, записанная, без сомнения, руками человеческими, но под диктовку божественного духа, уже, конечно, миновали».

Таким образом, мы видим, что если это и чья-то «Книга», то, несомненно, она должна быть «Книгой» «*Indian Christian Herald*», ибо, ее редакторы добавляют: «Мы воспринимаем ее не как несколько книг, но как *одну книгу*».

Но вот ещё одна горькая пилюля от другой газеты. В своих благочестивых излияниях она пишет: «Слова пророков презренного Израиля служат источником силы и энергии для религиозного рвения во всем мире»; но неумолимый обозреватель квартального журнала, неохотно отдав под аналитические скальпели каноника Кука и епископа Гарольда Брауни Моисеевы чудеса, сверхъестественный характер которых отныне признаётся как «естественное явление», обращается к так называемым ветхозаветным пророчествам о Христе и печально говорит: «в поэтических (Псалмы, Песни) и *особенно* в пророческих книгах число исправлений просто огромно»; и показывает, как неохотно признают комментаторы Исаяи и других так называемых пророков, что обветшалые строфы, которые должны были служить предсказаниями о Христе, на самом деле таковыми не являются. «Требуется усилие», — пишет он, — «чтобы избавиться от этой ассоциации и

---

¹⁰⁹ Библия, согласно английскому переводу (1611 год от Р.Х.), с пояснением, критическим комментарием и исправлениями, сделанными епископами и другими духовными лицами англиканской церкви. Под редакцией Ф. Кука, каноника из Эксетеера, проповедника в Линкольнс Инн, главного священника по судебным делам при королеве. Тома I-VI. *Ветхий Завет*. Лондон, 1871-1876.

понять, как мало они (предсказания) должны были значить для самих авторов с самого начала. Но это как раз то, что критически настроенный комментатор и собирается сделать... для этого необходимо некоторое мужество, ибо результатом может быть нечто вроде разочарования к худшему, падения на более низкую ступень, профанации рая, в котором ревностные души нашли духовную пищу и восторг». (Такие души, как у редактора «*Herald*»?) Стоит ли тогда удивляться, что взрыв этих семи теологических торпед — как поистине можно назвать семь томов «*The Speaker's Commentary*» — вырвал у критика такие слова: «На наш взгляд, любая попытка поставить древние Священные Писания на ту же высоту, на которой стоит *Новый Завет*, неизменно приведет к умалению более позднего Откровения».

«*Herald*» может пользоваться всем, что осталось от её «Книги».

Сколько ребяческого абсурда в том, что «*Herald*» делает всё Общество козлом отпущения за грехи одной личности! Всем известно, что в Общество входят люди различных национальностей и религий и что его Совет состоит из представителей этих религий. Тем не менее, «*Herald*» распространяет ложь, уверяя, что принципы Общества «являются странной смесью язычества и атеизма» и что его вера «настолько же исчерпывающая, насколько непостижима». На эту клевету можно ответить словами нашего президента, который публично заявил, что «Общество не предлагает миру никакой веры» и что в статье VIII *Устава*, который прилагается к напечатанному Обращению, в пункте 1, при перечислении планов Общества, говорится, что его цель — «поддерживать в человеке веру в то, что у него есть душа, а у Вселенной — Бог». Если это называется «смесью язычества и атеизма», то пусть «*Herald*» потрудится побольше из нее усвоить.

Но Общество тут ни при чем; камни святош брошены в *мой* огород. Цитирование этой газетой моего высказывания из комментариев к отрывку из «Истории Войны Сипаев» сэра Джона Кея, в которых я возложила всю ответственность за эту кровавую трагедию непосредственно на «*Friend of India*» и Ко., обличает её полную враждебность ко мне. Да, это я сказала (см. «*Indian Spectator*» за 2-е марта), что «Индия обязана всем британскому правительству, а не христианству» — то есть миссионерам. Может быть, я и «окончательно сошла с ума», как вежливо замечает «*Indian Christian Herald*»,

но думается, что у меня его ещё вполне достаточно, чтобы распознать пустую софистику, которую они используют вместо аргументов.

Нам остается сказать «*Herald*» лишь следующее: (1) Именно потому, что мы живем в «век просвещения и прогресса», в котором есть или должно быть место любой вере, августи́нские тирады, подобные тирадам «*Herald*», неуместны. (2) У нас *нет* «смертельной ненависти к христианству и его Божественному Основателю», ибо Общество стремится освободить своих членов от какой бы то ни было ненависти или предпочтения одной экзотерической формы религии — то есть связанной более с человеческим, нежели с божественным элементом — другой (см. устав); также не можем мы ненавидеть «Основателя», поскольку большинство из нас вообще не верит, что он когда-либо существовал. (3) Чтобы «сохранить уважение к Библии» — его сначала надо иметь; и если бы собственные исследования уже давно не убедили бы нас, что Библия является «Словом Господним» ничуть не более, нежели полдюжины других священных Книг, тогда нынешние заключения англиканских богословов — по крайней мере, относящиеся к *Ветхому Завету* — рассеяли бы последние сомнения на этот счет. К тому же, среди членов нашего Общества, помимо различных американских священников и епископов, есть приходской священник англиканской церкви — один из ее образованнейших антикваров. (4) Утверждение, что «монотеизм *Вед* — это чистейший миф», является откровенной ложью и, кроме того, оскорблением Максу Мюллеру и другим западным востоковедам, которые это неопровержимо доказали, не говоря уже о величайшем арийском учёном, проповеднике и реформаторе свами Даянанде Сарасвати.

«Деградировавшие личности», каковыми мы являемся, должно быть, действительно, «совершенно извращены и порочны» по своей «моральной сути», ибо мы радуемся постоянному росту нашего Общества, в которое вступают наиболее влиятельные миряне из разных стран мира. Но еще большее восхищение доставляет нам думать, что когда мы скатимся на самое дно, то нашими компаньонами будет половина христианских священнослужителей, если «*Speaker's Commentary*» сокрушит божественность *Нового Завета* так же, как и *Ветхого*. «Как, — в праведном негодовании восклицает наш индийский христианский Пексниф, — как им удалось столь низко пасть в плане моральном и духовном — этот печальный факт должен стать предметом исследования для метафизиков».

Действительно, печальный. Но ещё печальнее думать, что если редакторы «*Indian Christian Herald*» не запаслись посмертным полисом страхования от огня, то им самим угрожают вечные муки...

«Кто скажет брату своему “безумный”, тот подлежит геенне огненной», — говорит Господь Иисус (Матф., 5, 22)... если — о, ужас! — этот библейский стих тоже не окажется ошибочным переводом.

Статья впервые опубликована в «*The Amrita Bazaar Patrika*», Calcutta, June 13, 1879.

Отголоски Индии

Что такое индусский спиритуализм?

Феномены Индии, помимо того, что они вызывают несомненный интерес, сильно отличаются друг от друга, а во многих случаях и являются полной противоположностью тому, о чем мы привыкли слышать в Европе и Америке, обладают еще одним свойством, заслуживающим серьезного внимания исследователя психологии.

Приписывать ли восточные феномены вмешательству и помощи духов умерших людей или же какой-то другой, неизвестной причине — этот вопрос мы пока отложим в сторону. Его можно обсудить с некоторой степенью уверенности только после того, как большинство этих феноменов будет тщательно изучено и представлено на суд беспристрастной и непредубежденной публики, во всей правдивости и без преувеличения. Однако, я все же хотела бы подчеркнуть, что вместо требований обычных «условий» темноты и гармоничных кругов, которые все-таки оставляют свидетелей неуверенными в достижении ожидаемых результатов, индийские феномены, за исключением самостоятельных проявлений *бхутов* (духов умерших), никогда не бывают случайными и спонтанными, и представляется, что они полностью зависят от воли оператора — будь он святой индусский йог, мусульманский садху, факир или еще какой-нибудь махинатор джадугар (колдун).

В этой связи я намерена предоставить многочисленные доказательства того, о чем говорю здесь; читаем ли мы о якобы сверхъестественных манифестациях Риши, арийских патриархов древности, или Ачарьев (духовных учителей) в эпоху Пуран, рассказывают ли о них народные предания, или же мы сами наблюдаем их в наши дни – эти феномены будут всегда существенно различаться друг от друга. И в феноменах медиумизма, и в средневековых проделках лудонских монахинь, и в других исторических *possedees* в момент одержания «бхутами» мы часто узнаем точные копии, как если бы они были когда-то оригиналами, библейских чудес. За исключением двух – из-за которых мир добродетели впадает в экстаз, славя Всевышнего, а мир скептицизма язвительно ухмыляется, а именно, антигелиоцентрического преступления, совершенного Иешуа, и неприятной экскурсии Ионы во чрево кита – в Индии можно встретить почти все феномены, которые, как говорят, столь прославили Моисея и других «друзей Господа».

Но жаль тех почтенных фокусников Иудеи! Жаль те благочестивые души, которые возвели на такую высоту этих псевдопророков будущего пришествия Христа! Сорок теологов англиканской церкви, занятые сегодня исключительно тем, что порочат еврейскую Библию, сбросили идолов с пьедесталов. Отчаянный крик, поднятый обозревателем комментария к Священному Писанию, только что напечатанного в самом крайнем органе правоверия (лондонский «Quarterly Review», апрель, 1879), под стать лишь кроткой покорности неизбежному. То, на что я намекаю, вам уже известно: я говорю о решении и окончательных выводах, касающихся достоинства Библии, к которым пришли ученые епископы, занимавшиеся в последние десять лет тщательной ревизией Ветхого Завета. Результаты этого труда любви можно суммировать следующим образом:

1. Низведение моисеевых и других «чудес» до простых естественных феноменов. (См. решения каноника Кука, главного священника при королеве и епископа Гарольда Брауни).

2. Отказ от многих пророчеств о Христе как таковых: упомянутые пророчества, оказывается, имеют отношение лишь к событиям еврейской истории.

3. Решение не возводить на одинаковую высоту Ветхий Завет и Евангелия, так как это неизбежно приведет к «осквернению» Нового Завета.

4. Печальное признание, что книги Моисея *не содержат ни слова о загробной жизни*, и справедливая жалоба, что: «Моисей, находясь под божественным водительством (?), должен был воздержаться от признания жизни после смерти, несмотря на то, что эта вера была широко распространена во всех религиях за пределами Израиля». Таким образом, *«признано, что это одна из загадок, которые являются испытанием для нашей веры».*

Это также и «испытание» для наших американских миссионеров. Образованные туземцы все читают английские газеты и журналы, и сегодня становится все труднее убедить этих «учеников-язычников» в «возвышенных» истинах христианства. Но это в качестве прелюдии; я упоминаю об этих новых фактах лишь потому, что они имеют прямое отношение к спиритуализму вообще и его феноменам в частности. Спиритуалисты всегда пытались идентифицировать свои феномены с библейскими чудесами, и данное решение, принятое теми, кто больше расположен за, чем против «чудес» и *божественных явлений*, представляет неожиданную трудность на нашем пути. Будем надеяться, что с появлением этих новых течений в религиозной жизни, наш уважаемый друг доктор Пиблз, прежде чем всецело посвятить себя созданию «независимых христианских церквей», подождет следующих церковных постановлений и увидит, как английские теологи-иконоборцы и их вердикты опрокинут феномены Нового Завета. И возможно, если их упорство не испарится, они также припишут все чудеса, совершенные Иисусом, «естественным феноменам»! К счастью для спиритуалистов, а также и для теософов, от феноменов девятнадцатого века нельзя отмахнуться так же легко, как от библейских чудес. Последним слепо верили почти две тысячи лет, хотя они слишком часто переступали границы всех возможных законов природы; в нашем же случае все наоборот: мы можем предоставить *факты*.

Но вернемся назад. Если можно сказать, что феномены оккультной природы различного характера в Индии изобилуют, то частые высказывания д-ра Пиблза о том, что в Индии полно прирожденных спиритуалистов, являются – как бы это выразиться? – слишком поспешными и преувеличенными. Отстаивая свою точку зрения в лондонском «Spiritualist» от 18 января 1878 года, в споре с одним мадрасским джентльменом, проживающим сейчас в Нью-Йорке, он утверждал: «Я встречал не только сингальских и китайских спиритуалистов, но и сотни индусских

спиритуалистов, одаренных способностями к сознательному медиумизму». Тем не менее, м-р О'Грэйди из Нью-Йорка сообщает читателям «Spiritualist» (см. номер от 23 ноября), что индусских спиритуалистов не существует. Вот его слова: «Ни один индус не является спиритуалистом». В подтверждение своей точки зрения, д-р Пиблз приводит цитату из письма одного уважаемого индусского джентльмена, м-ра Чанд Митры из Калькутты, в которой говорится, что он благословляет бога за то, что его «внутреннее зрение все более крепнет» и что он беседует «с духами». Все мы знаем, что м-р Митра – спиритуалист, но что это доказывает? Отвечает ли действительности логика д-ра Пиблза, что, поскольку Е.П.Блаватская и полдюжины других русских стали буддистами и ведантистами, то в России полно буддистов и ведантистов? Возможно, что в Индии и найдется несколько спиритуалистов среди образованных классов, но я очень сомневаюсь, что наш уважаемый оппонент запросто найдет хотя бы дюжину спиритуалистов среди 240-миллионного населения этой страны. Но есть, конечно, исключения, которые, как известно, только подтверждают правило.

За несколько лет до того, как доктрины спиритуализма стали широко распространяться в мире, я покинула Индию и жила в Америке. Я воздерживалась от полемики в печати со знаменитым спиритуалистом – «пилигримом» и философом, хотя его заявления и удивляли меня, как мне казалось, прекрасно знавшую Индию. Я думала, что Индия, сама по себе консервативная, могла измениться, и уже было усомнилась в своих наблюдениях. Но теперь, когда я возвратилась в эту страну в четвертый раз, и вот уже пять месяцев живу здесь, тщательно изучая сии феномены, и особенно мнение людей по этому вопросу, и проведя семь недель в путешествиях по стране, я наверняка знаю, о чем говорю. М-р О'Грэйди был прав. Ни один «индус» не является спиритуалистом – в том смысле, в котором мы понимаем это слово. И сейчас я готова доказать, если понадобится, на примере *десятков* писем от заслуживающих доверия индусов, воспитанных брахманами и знакомых с религиозными взглядами и суевериями своих соотечественников лучше, чем кто-либо из нас, что индусов можно назвать кем угодно, но только не *спиритуалистами*. «Что входит в понятие *спиритуалист*?» – уместно вопрошает в лондонской спиритуалистической газете корреспондент, имеющий страсть к описаниям (см. «Spiritualist», June, 13, 1879). Он спрашивает: «Можно ли назвать м-ра Крукса спиритуалистом, если он, как и ваш покорный слуга, не верит, что

духи мертвых являются посредниками в феноменах?» Затем он приводит ряд определений «от наиболее веротерпимых, до самых ограниченных».

Давайте посмотрим, к которому из этих определений «спиритуализм» индусов – я не говорю обо всех – подходит больше всего. Так как д-р Пиблз во время двух своих кратких пребываний в Индии, а именно по дороге из Мадраса, когда он преодолевал расстояние от Калькутты до Бомбея, мог повстречать «сотни спиритуалистов», то это действительно могло бы составить если не большинство, то, по крайней мере, значительный процент из 240-миллионного населения Индии. Прочитав определения из письма одного вопрошателя, подписывающегося «Спиритуалист» (?), и добавлю к ним свои собственные замечания:

А. «Каждый, кто верит в бессмертие души, является спиритуалистом».

Думаю, что нет, ибо в противном случае всю христианскую Европу и Америку можно было бы занести в разряд спиритуалистов; кроме того, это определение (А) не отвечает религиозным воззрениям ни одной из индусских сект; в то время как невежественные массы верят и стремятся к Мокше – то есть растворению духа человека в Брахмане, или *утрате индивидуального бессмертия*, как к средству избежать наказания и ужасов посмертного перехода – философы, адепты и ученые йоги, так же, как и наш досточтимый учитель свами Даянанда Сарасвати, великий реформатор Индии, ученый-санскритолог и глава ведической секции восточного отделения Теософского Общества – объясняют будущее состояние духа, его прогресс и эволюцию терминами, совершенно отличными от взглядов спиритуалистов. Эти взгляды, если захотите, я могу изложить в одном из следующих писем.

В. «Любой, кто верит, что общение с духами умерших подтверждает непрерывное существование сознания после смерти, является спиритуалистом».

Индус – будь он ученый муж, философ или невежественный идолопоклонник – не верит в «непрерывное существование сознания», но верит в то, что период, когда святая, безгрешная душа достигает Сварги (неба) и Мокши, длится много миллионов и квадрильонов лет, от одной

*Пралайи*¹¹⁰ до другой. Индусы верят в *циклические* переселения души, в которых есть периоды, когда душа теряет свою память и сознание индивидуальности; в противном случае, каждый из нас отчетливо помнил бы все свои предыдущие воплощения, чего не происходит. Логика индусских философов также весьма последовательна. По крайней мере, они не допускают вечно длящегося воздаяния или наказания за какие-нибудь несколько десятков лет жизни на земле, будь эта жизнь святой или грешной.

С. «Спиритуалистом является тот, кто верит в любой из объективных феноменов – неважно, придерживается ли он какой-нибудь теории, или нет».

Таковыми являются «феноменалисты», а не спиритуалисты, и это описание отвечает индусским религиозным представлениям. Все они, даже подражатели современной школы атеизма, объявляют себя материалистами, хотя в душе феноменалисты.

Д. «Спиритуализм невозможен без духов, но духи не обязательно должны быть человеческими».

В этом случае теософы и оккультисты могут быть объединены под общим названием спиритуалистов, хотя последние относятся к ним, как к врагам; только в этом смысле индусы и являются спиритуалистами, хотя их представления о человеческих духах диаметрально противоположны идеям спиритуалистов. Они рассматривают «бхутов» – духов, умерших с неудовлетворенными желаниями, которые, в силу своих грехов и земных привязанностей, притягиваются к земле и не допускаются в Сваргу («элементарии» теософов), – как злых демонов, которые могут быть уничтожены в любое время всемогущими проклятиями брахмана-колдуна. «Спиритический контроль», так высоко ценимый у медиумов, индус рассматривает в качестве самого великого проклятья, какое только может обрушиться на человека – одержание и овладение бхутом; и даже любящие

---

¹¹⁰ Что означает слово *Пралайя* – см. «Разоблаченную Изиду», том II. Я счастлива отметить, что несмотря на язвительную критику ведического и буддийского разделов, некоторые американские востоковеды, свами Даянанда и досточтимый Сумангала из Цейлона, представляющие ведическую и буддийскую школы в Индии, первый лучший санскритолог, а второй знаменитый исследователь языка пали, оба выразили свое удовлетворение моими эзотерическими объяснениями, касающимися их религий. «Разоблаченная Изида» теперь переводится в Индии на маратхи и хинди, а на Цейлоне – на язык пали.

супруги часто разводятся, если жена одержима бхутом, похоже, осаждающим исключительно женщин.

Е. «Никто не имеет права называть себя спиритуалистом, если он придерживается новомодных понятий об "элементариях", "духе медиума" и тому подобного; или не верит, что духи умерших людей причастны ко всем сверхъестественным феноменам».

Это одно из самых правильных «определений» из выше приведенных, с точки зрения ортодоксального спиритуализма, и оно кладет конец нашему спору с д-ром Пиблзом. Ни один индус, если даже заставить его рассматривать бхутов как безнравственных духов, страждущих на пути к совершенствованию и окончательному прощению (?), не смог бы, даже если бы захотел, объяснить все сверхъестественные феномены этой спиритуалистической теорией. Традиции его религии и философии противятся столь ограниченному представлению. Индус, прежде всего, прирожденный метафизик и логик. Если он во что-то и верует, то все-таки никогда не допустит, что законы существуют только для этой планеты, и будет применять их для всей вселенной, ибо прежде всего он пантеист, независимо от принадлежности к какой-то определенной секте, а потом уже все остальное. Таким образом, м-р Пиблз, удачно использовав парадокс, сам прекрасно определил ситуацию в письме, опубликованном в «Spiritualist» и упомянутом выше: «Некоторых из лучших медиумов, с которыми мне посчастливилось познакомиться, я встретил на Цейлоне и в Индии. Но и они по существу *не были* медиумами, поскольку действительно общались с "феями и пишачами, обитающими в воздухе, воде, огне, в скалах и деревьях, в облаках, в дожде, росе, под землей и в пещерах"».

Таким образом, «медиумы», *не являвшиеся медиумами*, были также и не более спиритуалистами, нежели медиумами – и здание (построенное д-ром Пиблзом) трещит по швам и рушится. Со всем сказанным ранее мы полностью согласны, и я продолжаю свой рассказ.

Как я уже упоминала, мы с полковником Олькоттом, в сопровождении индусского джентльмена, м-ра Мулджи Такер Сингха, члена нашего Совета, в начале апреля отправились в семинедельное путешествие. У нас было две цели: 1) нанести визит и немного погостить у нашего союзника и учителя свами Даянанды, с которым мы долгое время переписывались из Америки, чтобы тем самым укрепить союз нашего Общества с Арья Самадж

(насчитывающим сегодня более 50-ти членов); и 2) увидеть как можно больше сверхъестественных феноменов и с помощью нашего свами, йога и посвященного в тайны Видья (то есть тайной науки), выяснить из первых уст некоторые спорные вопросы, касающиеся сверхъестественных сил и способностей в действии. Конечно, лучшей возможности выяснить это не было ни у кого, кроме нас. С пандитом Даянандой у нас сложились дружеские отношения ученика – учителя. Самый образованный человек в Индии, брахман привилегированной касты, в течение долгих семи лет он подвергался обязательным и суровым йогическим испытаниям в дикой горной местности, в одиночестве, нагоде и постоянной борьбе со стихиями и дикими животными – в борьбе божественного Духа человека и его высшей воли со слепыми силами природы в виде тигров, леопардов, носорогов и медведей, в окружении ядовитых змей и скорпионов. Жители ближайшей деревни могли бы подтвердить, что иногда неделями никто не отваживался отнести свами хоть немного еды – пригоршню риса, а когда они приходили, то неизменно заставляли его сидящим в одной и той же позе, на одном и том же месте – на открытом песчаном бугре в джунглях, кишасших хищными зверями, безо всякой еды и воды в течение многих недель, как будто он был сделан из камня, вместо мяса и костей¹¹¹. Он открыл нам таинственный секрет, дающий человеку силу переносить страдания и жестокие лишения, длительное время обходиться без еды и питья, становиться абсолютно невосприимчивым к жаре и холоду, и, наконец, пребывать в течение ряда дней вне тела... Во время этого путешествия мы посетили колыбель индийского мистицизма, средоточие аскетов, где память о чудесных феноменах Риши так же жива, как и в дни, когда школа Патанджали, известного основателя йогизма, была переполнена, и где его «Йога-санкхья» все еще изучается с тем же рвением, хотя и с меньшим пониманием. Дальше мы отправились в Верхнюю Индию и северо-западные провинции – в Аллахабад и Канпур, где берега священного Ганга переполнены многочисленными верующими, которые, испытывая отвращение к жизни, приходят сюда провести остаток дней в медитации и уединении и становятся

---

¹¹¹ Йоги и аскеты не являются единственными примерами длительных постов; если этот факт подвергается сомнению или же полностью отменяется скептической наукой как лишенный каких-либо убедительных доказательств, поскольку эти феномены имеют место в отдаленных и недоступных местах, мы можем привести в пример многих джайнов, живущих в городах. Многие из них постятся, воздерживаясь даже от глотка воды, в течение *сорока дней* кряду, и всегда выживают.

саньяси, госсейнами, садху. Затем – в Агру, с ее Тадж Махалом, этой «поэмой в мраморе», как удачно назвал его епископ Гебер; и дальше в Сикундру к могиле основателя Агры, великого императора-адепта Акбара; снова в Агру, где храмы переполнены поклоняющимися Шакти, где Джумна смешивает свои голубые воды с патриархальным Гангом, к тому известному в истории индийского оккультизма месту, что было избрано шактами (поклонниками женского аспекта Вселенской энергии) для совершения своих пудж, в ходе которых руками девственниц создаются знаменитые черные кристаллы или зеркала, упомянутые П.Б.Рандольфом. Оттуда – снова в Сахаранпур и Мирут, где вспыхнуло сипайское восстание в 1857 году. Во время нашего пребывания в железнодорожном центре Сахаранпуре, там собралось почти двадцать пять тысяч саньяси и госсейнов возвращавшихся после паломничества в Хардвар. Полковник Олькотт учинил тщательный допрос паломникам и часами беседовал с ними. Затем мы отправились в Раджпутану, где живет самая отважная и самая мистическая из всех рас Индии – Солнечная Раса, чьи раджи ведут происхождение от самого Солнца. Мы дошли аж до Джейпура, этого Парижа и одновременно Рима земли раджпутов. Мы облазили долины, горы и священные рощи, где было много пагод и верующих, среди которых нам встретилось много святых, действительно обладающих чудесными свойствами. Однако, большинство из них все же были отъявленными мошенниками. Нам удалось расположить к себе нескольких брахманов – стражей и хранителей тайн своего Бога и храма – но мы получили от этих «наследственных жуликов», как их метко окрестил полковник Олькотт, не больше свидетельств о схожести их взглядов со взглядами спиритуалистов, нежели от саньяси и заклинателей злых духов. Также мы никогда не упускали возможности, встречаясь с образованными индусами, расспросить их о том, что думают их соотечественники о феноменах вообще и о спиритуализме в частности. И на все наши вопросы, кто именно наделяет святых йогов «чудодейственными силами», позволяющими совершать феномены, неизменно получали один и тот же удивленный ответ: «Он (йог) совершает их, сливаясь с Брахманом». Очень часто наши собеседники негодовали и даже обижались на непочтительные расспросы полковника Олькотта о том, не помогают ли «бхуты» творить магу чудеса. Почти два месяца в нашем жилище в Бомбее – в саду, на верандах и в залах, с утра и до позднего вечера, ежедневно до ста человек – толпились туземцы, принадлежавшие к различным кастам, расам и религиозным

верованиям. Они приходили к нам обменяться мнениями по метафизическим вопросам и обсудить достоинства восточной и западной философии, включая оккультные науки и мистицизм. Во время путешествия мы принимали наших братьев из Арья Самадж, отправлявших свои делегации приветствовать нас везде, где мы находились и где было отделение Самадж. Так мы ближе познакомились со взглядами сотен и тысяч последователей свами Даянанды, которые они исповедовали, прежде чем последний отвратил их от той или иной идолопоклоннической секты. Многие из них были образованными людьми, настолько же сведущими в ведической философии, насколько прежде – в догматах секты, с которой они расстались. Таким образом, у нас было намного больше возможностей познакомиться со взглядами индусов, их философией и традициями, чем у других европейских путешественников и даже чиновников, живших в Индии годами; поскольку они не исповедовали индусской веры и не были с индусами в приятельских отношениях, как мы, им не доверяли и не называли, как нас, «братьями».

После непрерывных исследований и долгих обсуждений, продолжавшихся несколько месяцев, мы пришли к тем же заключениям, к каким и м-р О'Грэйди: *ни один индус не является спиритуалистом*; и за редким исключением, никто из них никогда не слышал о спиритуализме и его распространении в Европе, тем более, в Америке; многие из них знают столь же мало об этой стране, как и о северном полюсе. Только недавно свами Даянанда обнаружил, что древние арии должны были знать об Америке, поскольку Арджуна – один из пяти *Пандавов*, друг и ученик Кришны – как повествуют *Пураны*, отправился в Паталу на поиски жены, женился там на Улупи, дочери Нага, царя Паталы, страны-антипода Индии, описания которой в точности совпадают с Америкой, но которой в те далекие времена не знал никто, кроме ариев. Поэтому члены Самадж проявляют такой интерес к этой стране. Но когда мы объяснили нашим друзьям происхождение, развитие и доктрины спиритуалистической философии, и особенно *modus operandi* медиумов – то есть общение духов умерших с живыми людьми, чьи организмы эти духи используют в качестве средства общения – ужас наших слушателей был неподдельным. «Общение с бхутами, – воскликнули они, – общение с духами, ставшими злыми демонами, которым мы готовы приносить в жертву еду и питье, дабы угодить им и заставить мирно покинуть нас, но которые всегда возвращаются, нарушая семейный покой –

их присутствие мы рассматриваем как осквернение! Какое удовольствие беллати (белые иностранцы) могут испытывать от общения с ними?» Поэтому я повторяю, и очень настойчиво, что в Индии не только нет спиритуалистов в том смысле, в каком мы понимаем этот термин, но даже сам намек на так называемое «общение с духами» отвратителен для индусов – можно сказать, самой древней нации в мире, знавшей все о феноменах на протяжении многих тысяч лет. Разве этот факт ни о чем не говорит нам, только недавно начавшим наблюдать чудеса медиумизма? Можем ли мы мнить себя настолько умными, чтобы отказываться следовать указаниям Востока, с древнейших времен видевшего своих святых – и даже богов, демонов и духов стихий – совершающими чудеса? Разве мы настолько усовершенствовали собственную философию, что можем сравнить ее с индийской, убедительно объясняющей каждую тайну и суть любого феномена? Поверьте мне, стоит попросить помощи у индуса, если потребуется доказать материалистам и скептикам от науки – убедительнее, чем мы можем это сделать сейчас – что какой бы ни оказалась догадка о подлинной сущности сверхъестественных сил, все феномены, будь они библейские или ведические, христианские или языческие, полностью согласуются с законами этого мира, и в первую очередь претендуют на научное исследование. Давайте же сначала докажем профанам существование Сфинкса, а уже потом попробуем разгадать его тайну. Спиритуалисты всегда найдут время, чтобы опровергнуть «устаревшие доктрины» прошлого. Истина вечна, и как бы долго ее ни топтали, она все равно проявится вновь и, обновленная, засветит еще ярче в тающих сумерках суеверия. Но в одном смысле применение нами термина «спиритуалисты» к индусам полностью оправдано. Как бы они ни выступали против физических феноменов, производимых бхутами или неуспокоенными душами умерших, и одержания последними медиумов, все же они с радостью принимают утешительные свидетельства непрекращающегося к ним интереса со стороны их умершего отца или матери. В субъективном феномене снов, в образах ясновидения или транса, вызванного чарами святых, они приветствуют духов некогда любимых ими людей и часто получают от них важные напутствия и совет... Если ваши читатели захотят, я могла бы посвятить индийским феноменам серию писем, объясняя их по мере описания. Искренне надеюсь, что американские спиритуалисты более не будут угрожать теософам-иконоборцам и их «устаревшим» идеям. Я делаю

это не из желания проповедовать новые доктрины или распространять нежелательную индусскую пропаганду, а только с целью предоставить материал для сравнения и изучения тем спиритуалистам, кто еще не отвык думать.

Статья впервые опубликована в «Banner of Light», Boston, Vol. XLVI, № 4, October 18, 1879, p. 7; на русском языке — Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. — М., Сфера, 1996. С. 167—188. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Что такое теософия?

Этот вопрос задается столь часто, а превратные толкования распространяются столь широко, что редакторы журнала, посвященного всемирной теософии, допустят непростительную халатность, если первый номер журнала «Theosophist» не встретит полного понимания у читателей. Само название нашей статьи предполагает два вопроса: что представляет собой Теософское Общество и кто такие теософы? На каждый из них будет дан ответ.

Согласно лексикографам, термин *теософия* составлен из двух греческих слов: *теос* — «бог» и *софос* — «мудрый». До сих пор верно. Но дальнейшие толкования весьма далеки от ясного понимания теософии. Вэбстер довольно оригинально определяет ее как «предполагаемое общение с Богом и высшими духами и последовательное достижение сверхчеловеческого знания: с помощью определенных *физических процессов* — как того добивались через теургические действия некоторые древние платоники, или путем *химических процессов* — немецкие философы огня».

Мягко говоря, это довольно легкомысленное объяснение. То, что г-н Вэбстер связывает с подобной идеей такие имена, как Аммоний Саккас, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Прокл, показывает либо сознательное искажение, либо его незнание философии и истинных побуждений великих гениев александрийской школы. Приписывать тем, кого современники и потомки называли «теодидактами», то есть обученными самим богом, стремление развивать психологические и духовные способности

посредством «физических процессов» — значит изображать их материалистами. Что же касается камня, брошенного в философов огня, то он отскакивает от них, рикошетом попадая прямо в наших знаменитейших современных ученых, в уста которых преподобный Джеймс Мартиньо вкладывает следующее бахвальство: «Материя — это все, что нам только нужно; дайте нам атомы — и мы объясним всю вселенную».

Воган предлагает более удачное и более философское определение. Он говорит: «Теософ — это тот, кто предлагает вам доктрину о Боге или творениях Бога, не являющуюся откровением, но боговдохновенную в своей основе». С этой точки зрения, каждый мыслитель и философ, тем более каждый основатель новой религии, философской школы или ордена, является теософом. Следовательно, теософия и теософы существовали с той самой поры, когда первый проблеск нарождающейся мысли заставил человека искать средства выражения своего собственного независимого мнения.

Теософы существовали задолго до христианской эры, вопреки христианским писателям, относящим развитие эклектической теософской системы к началу третьего века после Рождества Христова. Диоген Лаэртский прослеживает существование теософии до эпохи, предшествовавшей династии Птолемеев, и называет ее основателем египетского иерофанта Пот-Амона. Это коптское имя, означающее жреца, посвященного Амону — богу мудрости. Как показывает история, теософия возрождается Аммонием Саккасом, основателем неоплатонической школы. Аммоний и его ученики называли себя «филалетами» — любящими истину; другие же называли их «аналогетами» — за их метод толкования всех священных легенд, символических мифов и тайн посредством аналогии, или соответствия, при котором события внешнего мира воспринимались как выражение действий и впечатлений человеческой души.

Целью Аммония Саккаса было примирение всех сект, людей и наций под одной общей верой — верой в Высшую, Предвечную, Непознаваемую и Невыразимую Силу, управляющую вселенной посредством незыблемых, вечных законов. Его задачей было утвердить изначальную систему теософии, являвшуюся первоначально единой для всех народов; побудить человечество отложить споры и распри и объединиться в мыслях и намерениях, подобно детям единой матери; очистить древние религии от

налета субъективности, объединив и разъяснив их на основе чисто философских принципов. Поэтому, наряду с философскими учениями Греции, в эклектической теософской школе изучались также буддизм, веданта, магия и зороастризм. Отсюда и проявление среди александрийских теософов таких исключительно буддийских и индусских черт, как почитание родителей и стариков, братская любовь ко всему человечеству и сострадание даже к бессловесным тварям. Аммоний Саккас стремился установить систему нравственной дисциплины, обязывающей людей жить по законам своей страны; возвысить их разум изучением и созерцанием Абсолютной Истины. Главной же своей задачей, определяющей достижение всех остальных, он полагал извлечение из различных религиозных учений, как из многострунного инструмента, единой всеобъемлющей и гармоничной мелодии, которая найдет отклик в каждом сердце, преданном истине.

Таким образом, теософия — это древняя *Религия Мудрости*, эзотерическая доктрина, некогда известная во всех претендующих на цивилизованность странах. Все древние писания изображают эту «Мудрость» как эманацию Божественного Принципа; и ясное осознание этого запечатлено в таких именах, как индийский Будха, вавилонский Набу, Тот Мемфиса, Гермес Греции, а также в именах богинь — Метис, Нейт, Афина, гностическая *София* — и, наконец, в *Ведах*, чье название произошло от слова «знать». Все древние философы Востока и Запада, иерофанты древнего Египта, риши Арьяварты и теодидакты Греции называли теософией знание об оккультных и, по существу, божественных вещах. *Меркава*¹¹² еврейских раввинов — популярная мирская серия — таким образом, является лишь средством достижения, внешней оболочкой, содержащей высшее эзотерическое знание. Маги Зороастра получали наставления и посвящения в пещерах и тайных ложах Бактрии; египетские и греческие иерофанты давали свои *aporrheta* — тайные инструкции — и *mystes* становился *Eroptes* — Пророком.

Центральной идеей эклектической теософии была идея о единой Высшей Сущности, Неведомой и *Непознаваемой*, ибо: «Как может кто-то познать того, благодаря которому он познает все это?» — вопрошает «Брихадараньяка упанишада». Система этой теософии характеризовалась

---

¹¹² *Меркава (меркаба)* — колесница. Каббалисты говорят, что Верховный, после того как учредил десять сефиротов, использовал их как колесницу, или трон славы, на котором нисходит к душам людей.

триа определенными разделами: доктриной о вышеупомянутой Сущности, доктриной о человеческой душе — Ее эманации и, следовательно, одной с Нею природы, и теургией. Именно эта последняя и послужила причиной столь искаженных представлений о неоплатониках в наш век материалистической науки. По существу, теургия — это искусство применения божественной энергии человека для подчинения слепых сил природы; представителей этой науки раньше называли магами, что является искажением слова «Маг», означающего мудрого или ученого человека, и высмеивали. Скептики прошлого века допустили бы точно такую же ошибку, если бы стали насмехаться над идеей фонографа или телеграфа. Тех, кого одно поколение осмеивает и называет «неверными», следующее, как правило, почитает мудрецами и святыми.

Что касается Божественной Сущности, природы души и духа, то современная теософия рассматривает их так же, как и древняя теософия. *Диу* ариев идентичен *Иао* халдеев и даже *Юпитеру* менее образованных и философски настроенных римлян; и точно также он идентичен *Яхве* самаритян, *Туу*, или Туисто, норманов, *Дуву* бриттов и *Зевсу* фракийцев. Что же до Абсолютной Сущности — Единой и Вездесущей — то возьмем ли мы для рассмотрения этого понятия учение греков-пифагорейцев, халдейскую каббалу или философию ариев — результат будет один и тот же. Первичная монада в системе Пифагора, которая растворяется во тьме и сама есть Тьма (для человеческого сознания), составляла основу всего сущего; и эту идею, во всей ее полноте, мы находим в философских системах Лейбница и Спинозы. Следовательно, соглашается ли теософ с каббалой, которая, говоря об Эйн Софе, вопрошает: «Кто же тогда может постичь Его, если Он бесформенный и Несуществующий?»; повторяет ли он величественный гимн из Ригведы (книга 10, гимн 129):

Кто знает, откуда берет начало это великое творение?

Создала ли его воля, или она бездействовала?

Он знает это — а может быть, *не знает даже Он*.

Принимает ли теософ ведантическую концепцию Брахмы, который в упанишадах представляется как «не имеющий жизни, не имеющий разума, чистый», *бессознательный*, ибо Брахма — это «Абсолютное Сознание»; или, наконец, разделяя веру свабхавиков Непала, утверждает, что не существует ничего, кроме «Свабхавата» (субстанция, или природа), который существует

сам по себе, без всякого творца, — любая из этих концепций может привести только к чистой и абсолютной теософии. Той теософии, которая побуждала таких людей, как Гегель, Фихте и Спиноза продолжать труд греческих философов и размышлять о Единой Сущности — Божестве, *Всебожественном*, исходящем от Божественной Мудрости — непостижимой, неведомой и *невыразимой*, на основе любой древней и современной религии, кроме христианства и магометанства.

Итак, каждый теософ, разделяющий доктрину о Божестве, «которая не является откровением, но боговдохновенна в своей основе», может подпадать под любое из этих определений или принадлежать к любой из этих религий, но все же оставаться в рамках теософии. Ибо последняя представляет собою веру в Божество, которое есть **Всё** — источник всего сущего, беспредельность, которую нельзя постичь или узнать; одна лишь вселенная раскрывает *Это*, или, как предпочитают говорить некоторые, Его, тем самым наделяя полем, антропоморфизируя это божество, что является *богохульством*. Действительно, теософия избегает грубой материальности; она предпочитает верить, что пребывая в вечности, Дух Божества ничего не желает и ничего не творит; но то, что в безграничном сиянии исходит из Великого Центра, разливаясь повсюду, то, что производит все видимое и невидимое, есть лишь Луч, несущий в себе творящие и зарождающие силы, луч, который, в свою очередь, производит то, что у греков называлось *Макрокосм*, у каббалистов *Тиккун*, или Адам Кадмон, — архетип человека, а у арийцев — *Пуруша*, проявленный Брахма, или Божественный Муж. Теософия также верит в *анастазис*, или непрерывное существование, и в перевоплощение (эволюцию), или серию изменений души, что можно объяснить на строго философских принципах — но для этого нужно установить различие между *Параматмой* (трансцендентной, высшей душой) и *дживатмой* (животной, или сознательной душой) ведантистов.

Чтобы дать более полное определение теософии, мы должны рассмотреть ее во всех аспектах. Внутренний мир не ото всех сокрыт непроницаемой тьмою. Во все века и во всех странах существовали люди, которые с помощью высшей интуиции, приобретенной благодаря *Теософии* — или Богопознанию, уносящему ум из мира форм в мир бесформенных духов — ощущали явления мира внутреннего, невидимого. Поэтому «самадхи» — «Dyan Yog Samadhi» индусских аскетов, «Daimonion-photi» — духовное озарение неоплатоников, «Звездные беседы души»

розенкрейцеров, или философов огня, и даже экстатический транс мистиков и современных гипнотизеров и спиритуалистов, хотя и различны по выражению, но едины по сути.

Поиски божественного «Я» человека, столь часто и столь ошибочно интерпретировавшиеся как индивидуальное общение с личным богом, занимали всех мистиков и, похоже, вера в его существование — ровесница человечеству. Но каждый народ называл это по-своему. Так, Платон и Плотин называют «умственной работой» то, что йоги и шротрии именуют *видья*. «Размышлением, самопознанием и дисциплиной мысли душа может возвыситься до лицезрения вечной истины, добра и красоты — это и есть *Лицезрение Бога*, это и есть *эпоптейя*», — говорят греки. Порфирий же добавляет: «Чтобы слить свою душу с Мировой Душой, необходим совершенно чистый ум. Через самосозерцание, целомудрие и очищение тела мы можем приблизиться к Ней и получить, в этом состоянии, истинное знание и замечательное прозрение». А свами Даянанда Сарасвати, не читавший ни Порфирия, ни других греческих авторов, но в совершенстве изучивший *Веды*, говорит в своей «Веда-бхашья»: «Для достижения Дикша (высшее посвящение) и йоги необходимо руководствоваться правилами... Душа в человеческом теле может творить величайшие чудеса, познавая Вселенский Дух (или Бога), многообразие вселенной и качества (оккультные) вещей. Такой человек (дикшита, или посвященный) может *приобрести способность слышать или видеть на огромном расстоянии*». Наконец, Альфред Р.Уоллес — член Королевского общества, спиритуалист и, по общему признанию, великий натуралист — смело и откровенно заявляет: «Чувствует, ощущает и думает один лишь “дух” — это он познает, размышляет и устремляется... нередко встречаются люди с такою организацией, что их дух может чувствовать, независимо от телесных органов чувств, или может временно покидать, полностью или частично, свое тело и возвращаться в него вновь... дух... сообщается с духом легче, чем с материей».

Теперь мы можем видеть, как после тысячелетий, отделяющих эру гимнософистов¹¹³ от нашего высоко цивилизованного века, несмотря на просвещение, а возможно, и благодаря этому просвещению, пролившему

---

¹¹³ Реальность возможностей йоги подтверждена многими греческими и римскими писателями, называвшими йогов индийскими гимнософистами; среди них Страбон, Люциан, Плутарх, Цицерон, Плиний и другие.

свой сияющий свет на психологическую и физическую область естества, — свыше двадцати миллионов людей сегодня верят, в различной форме, в те же самые духовные силы, в которые верили йоги и пифагорейцы почти 3000 лет назад. Как арийские мистики утверждали, что им подвластны все вопросы жизни и смерти, стоит только достигнуть способности действовать независимо от тела, через *Атмана* — «высшее Я», или «дух»; как древние греки искали *Атму* — Сокрытое, или Божественную Душу человека, пользуясь символическим зеркалом Фесмофарийских мистерий, — так и современные спиритуалисты верят в способность духов или душ развоплощенных людей общаться, зримо и осязаемо, с теми, кого они любили на земле. И все они — арийские йоги, греческие философы и современные спиритуалисты — подтверждают такую возможность, на том основании, что воплощенная душа и ее никогда не воплощающийся дух — реальное Я — вовсе не отделены ни от Мировой Души, ни от других духов пространством, но единственно лишь различием своих качеств; как и в безграничном пространстве вселенной, здесь также не может быть ограничений. И как только это различие преодолено — абстрактным ли созерцанием, дающим временную свободу заключенной в теле душе, как это понимали греки и арийцы, или же, согласно представлениям спиритуалистов, медиумизмом — слияние воплощенного и развоплощенного духов становится возможным. Так, йоги Патанджали и следовавшие по их стопам Плотин, Порфирий и другие неоплатоники, утверждали, что несколько раз в течение своей жизни, в часы экстаза, они соединялись, или лучше сказать, становились одним целым с Богом.

Многие великие философы настаивали, да и теперь настаивают на том, чтобы эта идея, которая может показаться ошибочной в приложении к Вселенскому Духу, была отброшена как совершеннейшая химера. Что касается теодидактов, то единственным спорным моментом, темным пятном их философии крайнего мистицизма было требование приписать все, что являлось прозрением экстаза, чувственному восприятию. Утверждение йогов, что они способны видеть Ишвару «лицом к лицу», было успешно опровергнуто строгой логикой Капилы. Что же касается подобного предположения, сделанного их греческими последователями, длинной вереницей христианских экстатиков, и наконец, двумя последними претендентами на «боговидение» — Якобом Бёме и Сведенборгом, то это утверждение можно и *нужно* было бы подвергнуть сомнению, с точки

зрения логики и философии, если бы несколько наших знаменитых ученых-спиритуалистов больше интересовались философией, нежели феноменализмом спиритуализма.

Александрийские теософы подразделялись на неопитов, посвященных и учителей, или иерофантов; они заимствовали свои концепции от античных мистерий Орфея, который, согласно Геродоту, привез их из Индии. Аммоний связывал своих учеников клятвой не разглашать *высшие* доктрины никому, кроме тех, кто был того достоин и посвящен, кто умел уважать богов, ангелов и демонов других народов в соответствии с эзотерическим *huroponia*, или скрытым смыслом. «Боги существуют, но они не являются тем, кем их представляют *hoi polloi*, невежественные массы, — говорит Эпикур. — Атеист не тот, кто отрицает существование богов, которым поклоняются толпы, но тот, кто устремляет мысли масс к этим богам». В свою очередь, Аристотель заявляет, что «те, кого называют *богами*, являются просто первичными принципами Божественной Сущности, пронизывающей собою всю природу».

Плотин, ученик Аммония, которого «учил сам Бог», говорит, что тайный *гнозис*, или знание теософии, имеет три степени: убеждение, изучение и *озарение*. «Средством или инструментом первой является чувство или восприятие, второй — диалектика, а третьей — интуиция. Рассудок подчинен интуиции — это *абсолютное знание*, основанное на слиянии сознания с познанным объектом». Теософия — это, можно сказать, точная наука психологии; она имеет такое же отношение к естественному, неразвитому медиумизму, как знания Тиндаля к познаниям школьника в физике. Она развивает в человеке непосредственное созерцание — то, что Шеллинг называет «реализацией отождествления субъекта и объекта в личности»; под воздействием *huroponia* человек размышляет о божественном, видит все вещи такими, каковы они на самом деле и, наконец, «становится восприимчивым к Душе Мира», как прекрасно выразился Эмерсон. «Я, несовершенство, поклоняюсь своему собственному Совершенству», — говорит он в своем прекрасном эссе о Сверхдуше. Кроме этого психологического состояния, или состояния души, теософия развивает все отрасли науки и искусства. Она хорошо знакома с тем, что сегодня широко известно как гипноз. Теософы отвергают практическую теургию, или «ритуальную магию», к которой так часто прибегают католические священники для изгнания злых духов. Ямвлих был единственным, кто, превосходя остальных эклектиков, дополнил теософию доктриной теургии.

Когда человек не знает истинного значения эзотерических, духовных символов природы, он может не рассчитать своих душевных сил и, вместо духовного, мысленного общения с высшими, небесными сущностями, добрыми духами (богами теургов школы Платона), он бессознательно призовет таящиеся вокруг человечества злые, темные силы — неумирающие, злобные порождения человеческих преступлений и пороков — и с *теургии* (белой магии) он скатится до *гоэтии* (черной магии, колдовства). Конечно, ни белая, ни черная магия на самом деле не являются тем, что понимает под этим общественное суеверие. Возможность «вызывания духов» — согласно ключу Соломона — верх суеверия и невежества. Только лишь чистота наших деяний и помыслов способна поднять нас до общения «с богами» и приблизить к желанной цели. Алхимия, воспринимаемая многими как духовная философия и физическая наука, является одной из доктрин теософской школы.

Примечательно, что ни Зороастр, ни Будда, ни Орфей, ни Пифагор, ни Конфуций, ни Сократ, ни Аммоний Саккас ничего никогда не записывали. Причина тому понятна. Теософия — это обоюдоострое оружие, непригодное для эгоистов и невежд. Как и у любой древней философии, у нее есть приверженцы и в наши дни, но до недавнего времени их было очень мало; все они принадлежат к различным религиозным течениям и исповедуют различные взгляды. «Предаваясь созерцанию, не основывая никаких школ, они до сих пор оказывают молчаливое влияние на философию; и когда придет время, их идеи, безмолвно высказанные, несомненно могут дать новое направление человеческой мысли», — замечает г-н Кеннет Р.Х.Макензи¹¹⁴, сам мистик и теософ, в своем обширном и замечательном труде «Королевская масонская энциклопедия». Со времен философов огня они никогда не объединялись в общества, ибо христианское духовенство выслеживало их, как диких зверей, и быть известным как теософ еще столетие назад зачастую означало верную смерть. Статистика показывает, что за 150 лет по обвинению в колдовстве в Европе было сожжено более 90 000 мужчин и женщин. Только в Великобритании с 1640 по 1660 годы, всего

---

¹¹⁴ Макензи Кеннет Роберт Хендерсон (?—1886) — известный франкмасон (орденское имя Криптонимус), основатель розенкрейцерского ордена в Англии, автор поистине уникального труда «The Royal Masonic Cyclopaedia of History, Rites, Symbolism and Biography» (Королевская масонская энциклопедия истории, обрядов, символизма и биографики), London, 1875—1877.

за двадцать лет, за договор с «дьяволом» было предано смерти 3000 человек. И лишь в конце нашего столетия, в 1875 году, несколько прогрессивных мистиков и спиритуалистов, неудовлетворенных теориями и объяснениями спиритуализма, далеких от того, чтобы охватить всю область феноменов, организовали в Нью-Йорке, в Америке, ассоциацию, широко известную ныне как Теософское Общество. Объяснив теперь, что такое теософия, мы разъясним в отдельной статье сущность нашего Общества, которое также называется «Всемирным Братством Людей».

Статья впервые опубликована в «*The Theosophist*», Vol. I, № 1, October, 1879, pp. 2-5.

Кто такие теософы?

Являются ли они на самом деле теми, кем себя называют — исследователями естественных законов, древней и современной философии и даже точной науки? Кто они: деисты, атеисты, социалисты, материалисты или идеалисты? Или они лишь раскольники современного спиритуализма — простые мечтатели? Можно ли о них говорить как о людях, которые могут вести дискуссии на философские темы и способствовать продвижению истинной науки — или же они заслуживают лишь сострадательной терпимости, какую оказывают «безобидным энтузиастам»? В чем только ни обвиняют Теософское Общество: и в вере в «чудеса» и «чудотворство», и в тайных политических намерениях — под стать карбонариям, и в том, что они шпионы державного царя, и в распространении доктрин социалистов и нигилистов, и — *mirabile dictu!* — в тайном соглашении с французскими иезуитами... расколоть, за некоторое вознаграждение, спиритуализм! Американские позитивисты провозглашают теософов мечтателями, нью-йоркская пресса — фетишистами, спиритуалисты — возродителями «заплесневелых суеверий», христианская церковь — безбожниками, посланниками дьявола, профессор Карпентер, член Королевского общества — наипичнейшими «шарлатанами»; и вдобавок ко всему, что самое абсурдное, некоторые индийские оппоненты, дабы приуменьшить влияние

теософов, предъявляют им категорическое обвинение в том, что они прибегают к услугам демонов для производства определенных феноменов. Но среди всей этой суматохи общественного мнения в глаза бросается следующий факт — Общество, его члены и их взгляды рассматриваются как достаточно важные, чтобы их обсуждать и осуждать: *люди клеветают лишь на тех, кого они ненавидят или боятся.*

Однако, помимо врагов и хулителей, у Общества также есть друзья и защитники. На каждое порицание всегда найдется слово похвалы. Начав свое существование с дюжины убежденных мужчин и женщин, уже через месяц оно разрослось настолько, что потребовалось снимать общественный зал для заседаний; а за два года работы у него появились действующие отделения в странах Европы. Чуть позже был заключен союз с индийским обществом Арья Самадж¹¹⁵, возглавляемым ученым пандитом свами Даянандой Сарасвати, и с цейлонскими буддистами под руководством всесторонне образованного У.Сумангала — верховного священника храма на Адамовом Пике¹¹⁶ и президента Видьодайя Колледжа в Коломбо.

Стремящийся серьезно вникнуть в психологическую науку должен отправиться в священную землю древней Арьяварты, старейшую колыбель эзотерической мудрости и цивилизации, несмотря на упадок ее жалкой тени — современной Индии. Почитая эту землю плодородной нивой, на которой зародились все последующие философские системы, несколько членов нашего Общества отправились к сему источнику психологии и философии изучать его древнюю мудрость и просить поделиться своими таинственными секретами. Филология в последнее время тоже сделала большой шаг вперед в поисках доказательств первородности Арьяварты. Необоснованная, построенная на предубеждениях гипотеза современной хронологии не заслуживает серьезного отношения; она исчезнет со временем так же, как и

---

¹¹⁵ Слияние с этим обществом было недолгим, так как обнаружились большие разногласия в целях и задачах. Вот что писала Е.П.Блаватская об обществе «Арья Самадж»: «Нам стало ясно, что по духу “самадж” вовсе не то же самое, что наше Общество, а, скорее всего, еще одна индуистская секта — секта ведическая, которая признает Свами Даянанду верховным судьей в вопросе о том, какие части Вед и шастр можно считать истинными и непогрешимыми».

¹¹⁶ *Адамов Пик* — гора на Цейлоне с отпечатком стопы на вершине. Мусульмане утверждают, что это — след Адама, буддисты же — Гаутамы Будды.

многие другие бездоказательные теории. Линия философской преемственности — от Капилы, Эпикура до Джеймса Милля, от Патанджали, Плотина до Якоба Бёме — может быть прослежена столь же легко, как и русло реки на местности. Одной из целей учреждения Общества было изучение крайне трансцендентных воззрений спиритуалистов на возможности развоплощенных духов; и если раньше мы говорили, чем, по крайней мере по нашему мнению, некоторые из их феноменов *не являются* — то теперь нам надлежит показать, чем же они все-таки являются. То, что ключ к так называемым «сверхъестественным» феноменам спиритуалистов надо искать на Востоке, и особенно в Индии, столь очевидно, что это признает даже аллахабадский «Pioneer» (11 августа 1879 г.) — англо-индийский ежедневный журнал, имеющий репутацию издания, которое не утверждает того, чего не знает. Порицая представителей науки, которые, «увлекшись физическими открытиями, в продолжение нескольких поколений были склонны пренебрегать сверхфизическими исследованиями», этот журнал отмечает «новую волну сомнений» (спиритуализм), которая «в конце концов опровергла это убеждение». Обращаясь к огромному числу своих читателей, среди которых много культурных и интеллигентных людей, он добавляет: «Сверхъестественное вновь утвердило себя в качестве объекта, пригодного для рассмотрения и исследования. И существует несколько правдоподобных гипотез, подтверждающих идею, что... те индивидуальные особенности, которые необходимы для производства сверхъестественных феноменов, встречаются гораздо чаще и в большей степени среди “мудрецов” Востока, нежели среди более цивилизованных обитателей Запада». И затем, не зная, что дело, которое он защищает, является одной из главных целей нашего Общества, автор редакционной статьи замечает, что «это единственное направление, в котором, как нам кажется, усилия теософов в Индии могут быть полезны. Ведущие члены Теософского Общества известны в Индии как опытные исследователи оккультных феноменов, и мы можем только надеяться, что их заявления о своем интересе к восточной философии... включают и намерение проводить исследования в той области, о которой мы говорили».

Что ж, одно наше намерение отмечено, но это — только одно из многих; главное же — возродить дело Аммония Саккаса и напомнить всем народам, что они дети «одной матери». Что же касается трансцендентной стороны теософии, то и этот вопрос Теософскому Обществу давно пора

разъяснить. Полностью ли Общество согласно с природоисследовательской, богопознавательной наукой древних арийских и греческих мистиков и возможностями современного спиритуалистического медиумизма? Наш ответ будет — полностью. Но если спросить, во что оно верует, ответ будет следующим: «*Как единое целое — ни во что*». Общество, как целое, не имеет веры, ибо вера — это лишь оболочка, окружающая духовное знание; теософия же в своей основе и есть духовное знание — сама сущность философских и теистических исканий. Теософское Общество, являясь видимым представителем всемирной теософии, подвержено сектанству не более, нежели Географическое общество, представляющее универсальное географическое исследование и не заботящееся о том, к какой вере принадлежат исследователи. Религия Общества — это алгебраическое уравнение, в котором, пока не опущен знак равенства, каждый член может заменить собою остальных, поскольку его собственные качества лучше согласуются с климатическими и другими особенностями его родины, с темпераментом соотечественников и даже своим собственным. Не исповедуя никакой веры, наше Общество всегда готово давать и брать, учиться и учить, на основе практических экспериментов, в противоположность совершенно пассивному и легковерному признанию навязанных догм. Оно готово признать все выводы предшествующих школ и систем, если те могут быть логически и экспериментально доказаны. Но оно ничего не принимает на веру, кто бы того ни требовал.

Но совсем другое дело, когда мы рассматриваем себя индивидуально. Члены Общества представляют всё многообразие национальностей и рас, они родились и воспитывались в самых разнообразных религиозных и социальных условиях. Одни из них верят в одно, другие — в другое. Одни предпочитают древнюю *магию*, или тайную мудрость, которая преподавалась в святилищах и была полной противоположностью всему сверхъестественному или дьявольскому; другие — современный спиритуализм, или общение с духами умерших; некоторые верят в месмеризм, или животный магнетизм — либо исключительно в оккультные динамические силы природы. Кто-то еще не пришел к определенной вере, но находится в состоянии ожидания, есть даже и такие, кто называет себя, в некотором смысле, материалистами. Атеистов и предубежденных сектантов в нашем Обществе нет, ибо сам факт принятия человеком подобного мировоззрения подразумевает, что он ищет окончательную истину, которая

имеет отношение лишь к конечной сущности вещей. Если бы существовало нечто вроде созерцательного атеиста (что философы могут отрицать), то он отвергал бы и причину, и следствие — как в мире материи, так и духа. Среди членов Общества могут быть такие, кто, подобно поэту Шелли, позволил своему воображению парить от причины к причине, ее порождающей, и так *ad infinitum*, пока Вечное не превратится в чистый туман, поскольку каждая из этих причин является логическим следствием предыдущей причины. Отождествляют ли они материальные силы Вселенной с теми функциями, которыми наделяют своего Бога теисты, или какими-либо другими — в любом случае, в смысле умозрительном, атеистами они не являются; ибо, если они не могут освободиться от концепции абстрактного идеала силы, причины, необходимости и следствия, то их можно рассматривать как атеистов лишь в отношении личного Бога, но не Мировой Души пантеистов. С другой стороны, предубежденные сектанты, отгородившиеся верою — словно забором, на каждом шесте которого висит предупреждающая надпись «прохода нет» — не могут выйти из своего загона для того, чтобы присоединиться к Теософскому Обществу, да в нем и нет места тому, кому его религия запрещает исследования. Свободное и бесстрашное исследование составляет саму идею Общества.

Теософское Общество считает, что все истинные мыслители и исследователи сокрытой стороны природы — будь то материалисты, видящие «надежду и потенциальную возможность земной жизни» в материи, или спиритуалисты, находящие источник всей энергии, а также материи, в духе — были и, несомненно, являются теософами. Ибо, чтобы быть теософом, не обязательно признавать существование какого-то особого Бога или божества. Необходимо лишь поклоняться духу живой природы и стремиться отождествить себя с ним. Почитать это *Присутствие*, невидимую Причину, проявляющую себя в непрерывных следствиях; этот неосязаемый, всемогущий и вездесущий Протей — неделимый в своей Сущности и неуловимой форме и все же проявляющийся в каждой форме; Присутствие, которое всюду, везде и нигде; которое есть **Всё** и **Ничто**, вездесущее и все же одно; Сущность, которая наполняет, связывает, ограничивает, содержит в себе всё и сама содержится во всем. Мы надеемся, теперь будет понятно, что хотя таких людей и разделяют на теистов, пантеистов или атеистов — в остальном они очень близки друг другу. Будучи кем угодно, исследователь, как только он отбросит старый, протоптанный путь рутины и вступит на

одинокую тропу независимого мышления, устремляя мысли к Божественному — он Теософ, настоящий мыслитель, искатель вечной, «бого-вдохновенной» истины для решения мировых проблем.

Кто следует собственным путем в стремлении познать Божественный Принцип, его взаимосвязь с человеком и его проявления в природе — тому теософия союзница. Союзница она также и честной, несхожей со многими другими, слывущими за *точные*, физической науке, пока последняя не вторгается в область психологии и метафизики.

Кроме того, она союзница каждой честной религии — то есть такой религии, которая хочет, чтобы ее судили так, как она судит других. Те книги, которые содержат наиболее явную истину, для нее — вдохновение (а не откровение). Но так как в каждой из книг присутствует человеческий элемент, то они рассматриваются как меньшие братья Книги Природы — и чтобы читать ее и понимать правильно, нужно достигнуть высокой степени развития врожденных способностей души. Идеальные законы можно постичь только интуицией; они неподвластны аргументации и логике, и никто не сможет понять или правильно воспринять их через объяснения другого разума, пусть даже и претендующего на откровение. И если Общество, допускающее широчайший охват чисто идеального, не в меньшей степени утверждает и сферу фактов, то его уважение к современной науке и ее добросовестным представителям искренно. Несмотря на то, что им не достаёт высшей духовной интуиции, мир в огромном долгу перед представителями современной науки; поэтому Общество всем сердцем присоединяется к благородному и гневному протесту одаренного и красноречивого проповедника — преподобного О.Б.Фротингама — направленного против тех, кто старается принизить заслуги наших великих натуралистов. «Говорят, что наука нерелигиозна, атеистична, — восклицает он в лекции, недавно прочитанной в Нью-Йорке. — Наука создает новую идею о Боге. И только благодаря науке мы имеем концепцию о *живом* Боге. Если мы в один прекрасный день не станем атеистами под умопомрачающим воздействием протестантизма, то это тоже благодаря науке, поскольку она освобождает от безобразных иллюзий, дразнящих и смущающих нас, и указывает, как судить о вещах, которые мы видим...»

Благодаря неустанным усилиям таких востоковедов, как сэр В.Джонс, Макс Мюллер, Бюрнуф, Коулбрук, Хо, де Сент-Илер и многих других, Общест-

во — как целое — испытывает одинаковое уважение и благоговение перед Ведами, буддизмом, зороастризмом и другими древними религиями мира; оно питает братские чувства к индусам, сингальцам, парсам, джайнам, евреям и христианам, входящим в него, как к независимым исследователям своего *высшего Я*, природы и божественного в природе.

Родившись в Соединенных Штатах Америки, Общество было организовано по образу и подобию своей родины. Последняя, опуская имя Бога в своей Конституции — дабы не дать повода к установлению в один прекрасный день государственной религии — провозглашает равенство всех религий перед законом. Все они поддерживают государство — и оно, в свою очередь, защищает каждую из них. Общество, созданное по образцу такой Конституции, можно справедливо назвать «Республикой свободы сознания».

Теперь, думается, мы пояснили, почему каждый член нашего Общества может исповедовать — или не исповедовать — любую религию. При условии, конечно, что не будет претендовать на то, что он является единственным, кто обладает свободой вероисповедания и не станет навязывать своего мнения другим. В этом отношении Устав Общества очень строг. Он старается следовать мудрости древней буддийской аксиомы — «Почитай свою религию и не клеветай на другие», эхом отозвавшейся в наше время в «Декларации Принципов» Брахмо Самадж, благородно утверждающей, что «нельзя клеветать, осмеивать или ненавидеть ни одну религию». Пункт VI Пересмотренного Устава Теософского Общества, недавно одобренного Генеральным Советом в Бомбее, гласит: «Никто из руководителей Общества не имеет права выражать (словом или действием) враждебности или предпочтения какой-либо секции (сектантскому подразделению или группе в составе Общества) по сравнению с другими. Ко всем следует относиться как к равноправным объектам заботы Общества. Все имеют равное право на то, чтобы представить свои религиозные убеждения на суд беспристрастного мира». Члены Общества в индивидуальном порядке иногда могут, в целях защиты, нарушать этот Устав, но выступая как руководители, они должны быть корректны; и Устав во время собраний соблюдается строго. Ибо теософия в своем абстрактном смысле стоит превыше всех религий — теософия, которую ни одна из них не может вместить, но которая легко вмещает их все.

В заключение можем добавить, что, придерживаясь более широких и гораздо более универсальных взглядов, чем все существующие чисто научные Общества, Теософское Общество обладает верой — *плюс наукой* — в любую возможность, а так же непреклонной волей постигать те неизученные сферы духа, которые, как заявляет точная наука, ее представители вовсе не обязаны исследовать. Кроме того, у него есть одно преимущество перед всеми другими религиями: оно не делает никакого различия между язычником, иудеем или христианином. Именно в духе этого равенства и было учреждено наше Общество как Всемирное Братство.

Не интересуясь политикой, враждебно относясь к безумным мечтам о социализме и коммунизме, которые для него неприемлемы, поскольку оба — лишь замаскированный заговор грубой силы и лени против честного труда — Общество мало заботится о том, как человек управляет материальным миром. Все его устремления направлены к оккультным истинам видимого и невидимого миров. Является ли физический человек подданным империи или республики — это представляет интерес лишь для человека материального. Можно поработить его тело, но что касается души, то он вправе дать такой же гордый ответ своим правителям, как Сократ своим судьям. Над человеком *внутренним* они не имеют никакой власти.

Таково Теософское Общество, таковы его принципы, многообразные цели и намерения. Стоит ли удивляться тому, что у широкой публики сложилось неправильное представление и что враги, к которым относились снисходительно, использовали любой предлог, дабы умалить его значение в глазах общества? Истинный исследователь всегда был затворником — человеком, предпочитавшим тишину и размышление. С суетным миром его привычки и стремления имеют столь мало общего, что пока он занят познанием, его враги и клеветники имеют удобную возможность действовать безнаказанно. Но время расставляет все на свои места, и ложь преходяща. Вечна лишь одна истина.

О некоторых членах нашего Общества, сделавших выдающиеся научные открытия, и о некоторых других, перед которыми психологи и биологи в огромном долгу за то, что они пролили новый свет на темные проблемы внутреннего человека, мы поговорим немного позже. Сейчас наша цель показать читателю, что теософия не является ни «новомодной доктриной», ни политической кликой, ни одним из тех сообществ

энтузиастов, которые рождаются сегодня, чтобы завтра умереть. То, что не все его члены мыслят одинаково, подтверждает факт, что Общество имеет два больших отделения — Восточное и Западное, последнее подразделяется еще на множество секций, в соответствии с расовыми и религиозными убеждениями. Мысль одного человека, бесконечно разнообразная в своих проявлениях, не может охватить все. Поскольку она не может быть вездесущей, то человек вынужден размышлять лишь в одном направлении; но стоит ему перейти границы точного человеческого знания, как он сбивается с пути, поскольку разветвления одной Центральной и Абсолютной Истины безграничны. Поэтому даже великие философы иногда теряются в лабиринтах размышлений, тем самым навлекая на себя критику потомков. Но так как все они преследуют одну и ту же цель — освобождение человеческой мысли, искоренение предрассудков и раскрытие истины — все они равно приветствуются. Все согласны, что достижению этих целей лучше всего способствует подъем энтузиазма и убежденность целого поколения молодых сознаний, которые именно теперь, на пороге зрелости, готовятся сменить своих предубежденных, консервативных отцов. Мы прислушиваемся к мнению каждого — как великого, так и малого — проторившего себе дорогу к знанию, и принимаем и малого и великого в свои ряды. Ибо никто из честных исследователей не приходит с пустыми руками, и даже непризнанные публикой могут внести свою лепту на единый алтарь Истины.

Статья впервые опубликована в «*The Theosophist*», Vol. 1, № 1, October, 1879, pp. 5-7.

Направление развития западного спиритуализма

Последние сообщения, поступившие из различных частей земного шара, свидетельствуют о том, что наряду с растущим интересом к феноменам спиритуализма, особенно среди выдающихся ученых, растет и желание узнать о взглядах теософов. Первый импульс враждебности почти изжил себя, и близится момент, когда наши аргументы будут терпеливо выслушаны, как мы и предполагали с самого начала. Основателями нашего

Общества были, в основном, опытные спиритуалисты, переросшие свое первоначальное изумление по поводу странных феноменов и почувствовавшие необходимость глубокого изучения законов медиумизма. Изучение средневековой и античной литературы по оккультным наукам показало, что наши современные феномены являются лишь повторением того, что наблюдалось, изучалось и осмысливалось в предшествующие эпохи. Исследуя биографии аскетов, мистиков, теургов, пророков, экстатиков, а также астрологов, «прорицателей», «чародеев», «колдунов» и других исследователей и субъектов, применявших на практике оккультную силу в ее многочисленных вариациях, они убедились в том, что западный спиритуализм может быть полностью осознан лишь на основе сравнительной психологии. Подобным синтетическим методом филологи, под руководством Эжена Бюрнуфа, раскрыли загадки религиозной и филологической преемственности, взорвав доселе считавшиеся неуязвимыми теории и догмы западной теологии.

Продолжая в том же духе, теософы обнаружили несколько фактов, ставящих под сомнение непогрешимость спиритуалистической теории, утверждающей, будто все спиритические феномены должны быть приписаны *исключительно* действию духов наших почивших друзей. Древние знали и классифицировали другие бестелесные сущности, способные двигать предметы, проносить тела медиумов по воздуху, идентифицировать умерших людей, а также приказывать сенситивам писать и говорить на незнакомых языках, рисовать картины и играть на незнакомых инструментах. Они не только знали их, но и указывали, как управлять этими невидимыми силами и заставлять их творить чудеса по воле человека. Более того, они открыли, что существуют две стороны оккультизма – добрая и злая; и что заниматься последней неискушенным вредно и опасно – опасно как для духовной, так и для физической природы. И теософы полностью утвердились во мнении, что, в то время как таинственные чудеса спиритуализма представляли собой самое важное из всего, что требовало изучения, медиумизм, при отсутствии должного внимания к каждому условию, был чреват опасностью.

Размышляя таким образом и придавая огромное значение тщательному изучению месмеризма и других областей оккультизма, они учредили Теософское Общество, цель которого – раскрывать, исследовать, сравнивать, изучать, проводить эксперименты и разъяснять тайны

психологии. Такой круг исследований, несомненно, включал в себя и изучение ведической, брахманической и другой древневосточной литературы; ибо в ней, особенно в первой, величайшей сокровищнице мудрости, когда-либо доступной человечеству, содержится тайна природы и человека. Для того, чтобы понять современный медиумизм, необходимо прежде всего ознакомиться с философией йоги; и афоризмы Патанджали даже более существенны, нежели «Божественные откровения» Эндрю Джексона Дэвиса¹¹⁷. Мы никогда не узнаем, какую долю медиумических феноменов *должно* приписывать развоплощенным духам, пока не установим, что *может* совершить воплощенный дух, человеческая душа и слепые, но активные силы, действующие в сферах, еще не исследованных наукой. Мы даже не можем доказать самого существования загробной жизни, если оно является нам в феноменальной форме. С этим безоговорочно согласятся, мы полагаем, лишь когда признают, что наши утверждения подтверждаются свидетельствами истории.

Читатель заметит, что основное противоречие между теософскими и спиритуалистическими теориями медиумических феноменов состоит в следующем: по мнению теософов, все феномены производятся более, чем одним посредником, в то время как спиритуалисты признают лишь одного посредника, а именно – развоплощенных духов. Существуют и другие расхождения: например, *возможность* такого явления, как уничтожение человеческой индивидуальности, вследствие чрезвычайно развратной жизни, что добрые духи очень редко, если вообще производят физические «манифестации» и так далее. Но основной вопрос, который необходимо решить в первую очередь – это тот, о котором мы упомянули в начале; и мы показали, как и в каком направлении теософы предлагают проводить эти исследования.

Наши восточные индийские читатели, в отличие от читателей западных стран, чей взор может упасть на эти строки, даже не подозревают, как горячо и энергично дебатировались эти вопросы последние три-четыре года. Достаточно сказать, что стоит привести решающее доказательство там, где спор уже кажется бессмысленным, как дискуссия прекращается; и что настоящий визит нью-йоркских теософов, основание ими штаб-квартиры в Бомбее, открытие библиотеки, чтение лекций и учреждение данного

---

¹¹⁷ Дэвис Эндрю Джексон (1826–1910) – американский спиритуалист и ясновидец, известный как Провидец из Поукипси.

журнала явились ощутимыми результатами этой дискуссии. То, что этот шаг должен оказать весьма существенное влияние на психологическую науку Запада, очевидно. Даже если члены нашего Комитета и недостаточно компетентны в восточной психологии, никто не станет отрицать, что западную науку следует обогатить трудами индийских, сингальских и других мистиков – и «Theosophist» послужит каналом, соединяющим их с европейскими и американскими исследователями оккультизма, каналом, который прежде невозможно было ни представить, ни тем более, увидеть. Мы искренне надеемся и верим, что когда основные принципы нашего Общества, его искренность и исключительные возможности для собирания восточной мудрости будут поняты, спиритуалисты будут о нем лучшего мнения, нежели теперь, и это привлечет их лучшие и светлейшие умы в наше содружество.

Теософию можно считать врагом спиритуализма не с большим основанием, нежели месмеризма или любой другой отрасли психологии. Удивительный всплеск феноменов, наблюдаемый западным миром с 1848 года, таит в себе такую возможность изучения скрытых тайн бытия, о которой мир вряд ли подозревал прежде. Теософы лишь призывают к тщательному изучению этих феноменов, дабы наша эпоха не ушла, оставив эту острейшую проблему неразрешенной. И все препятствующее – будь то ограниченность знания, догматизм теологии или предрассудки любого толка – должно быть отмечено, как нечто враждебное общественным интересам. Теософия, вознамерившись отыскать доказательства в анналах истории, может рассматриваться как естественное продолжение феноменального спиритуализма или как критерий выявления в нем чистого золота. Необходимо знать и то, и другое, чтобы постигнуть, что есть Человек.

Статья впервые опубликована в «Theosophist», Vol. 1, № 1, October, 1879, p. 7–8; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. – М., Сфера, 1996. С. 356–360. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Война на Олимпе

Над холодным и ясным горизонтом точной науки собираются черные тучи, предвещая грозу. Между жрецами науки уже формируются два лагеря. Они враждуют между собой, временами осыпая друг друга бранью. Яблоком раздора в данном случае является спиритуализм. Каждый год он соблазняет все больше и больше знаменитостей, которые отходят от непогрешимых столпов материалистического отрицания и попадают в ловушку исследований так называемых спиритуалистических явлений. А мы все знаем, что, когда истинный ученый исследует их без предрассудков, он обычно заканчивает, как профессор Хэр¹¹⁸, член Королевского общества м-р Уильям Крукс, еще один член Королевского общества, великий Альфред Рассел Уоллес, а также многие другие известные ученые, то есть переходит на сторону врага...

Нам действительно любопытно узнать, какую теорию выдвинул скептики в условиях современного кризиса науки и как они смогут объяснить недавнее отступничество нескольких знаменитых ученых. Избитые обвинения в *non compos mentis* и в «старческом слабоумии» уже больше не пройдут. Число выдающихся ренегатов растет столь стремительно, что если обвинять в слабоумии всех, кто экспериментальным путем убеждается, что стол может разумно говорить, а медиумы – плыть по воздуху, то это может стать плохим предзнаменованием для науки, так как вскоре в научных обществах не останется никого, кроме умалишенных. Скептики, пытаюсь

---

¹¹⁸ Хэр Роберт (1781 – 1858) – выдающийся американский ученый естествоиспытатель; изобрел кислородно-водородную горелку (наиболее эффективный источник тепла в то время, что привело к созданию платиновой промышленности), калориметр, электровспышку, ему мы обязаны использованием ртутного катода в электролизе и новыми методами анализа и синтеза газов. Кроме различных научных работ и брошюр опубликовал роман «Standish the Puritan» под псевдонимом Эльфред Грейсон. Хэр был одним из первых именитых ученых, которые, поначалу намереваясь изобличить обман спиритуализма, вместо этого твердо уверовали в его реальность. Будучи большим скептиком, Хэр сам проводил опыты и, подобно Уильяму Круксу позднее, изобретал приборы для работы с медиумами. Результаты его исследований вошли в «Experimental Investigation of the Spirit Manifestations» (New York: Partridge & Brittan, 1855, 460 p.). Этот доклад послужил причиной позорного преследования человека, который был одним из самых известных ученых Америки. Профессора Гарвардского университета приняли резолюцию, осуждающую Хэра и его «безумную привязанность к грандиозному надувательству». Американская ассоциация прогресса науки также обрушилась на него с заявлением, где говорилось, что предмет исследований Хэра недостойн внимания.

объяснить, каким образом это странное заблуждение так прочно засело в умах знаменитых ученых, найдут некоторое утешение в теории атавизма – мистическом законе о наследственности, столь яростно защищаемом современными школами дарвиновского эволюционизма, особенно в Германии, что ясно видно на примере бескомпромиссного апостола современной «борьбы за культуру» Эрнста Геккеля, профессора Йенского университета. Они могут отнести веру своих коллег в необычайные феномены за счет некоторого движения молекулы клетки в нервных узлах их некогда мощного мозга, который они получили в наследство от своих невежественных средневековых предков. Или же они могут расколоть свои ряды и, образовав *imperium in imperio*, продолжать следовать принципу «разделяй и властвуй». Все это возможно, но только время покажет, какая из двух сторон выйдет победительницей.

К этим размышлениям нас подтолкнул спор, разгоревшийся сегодня между немецкими и русскими профессорами – выдающимися и прославленными *savants*. Тевтонцы и славяне в рассматриваемом случае враждуют не столько из-за национальной розни, сколько отстаивая то, во что они верят или не верят. Заключив на время наступательный и оборонительный союзы, независимо от расовой принадлежности, ученые разбились на два лагеря: один представляет спиритуалистов, другой – скептиков. И в настоящее время они объявили друг другу беспощадную войну. Одну сторону возглавляют профессор Цёльнер, Ульрихи, Фихте, Бутлеров¹¹⁹ и Вагнер из Лейпцигского, Галльского и Санкт-Петербургского университетов, а другую – профессора Вундт, Менделеев и ряд других немецких и русских знаменитостей. Едва профессор Цёльнер, знаменитый астроном и физик, признал в печати медиумические способности д-ра Слейда¹²⁰, повергнув этим в ужас своих ученых коллег, как профессор

---

¹¹⁹ Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) – великий русский химик, основатель органической химии; с 1854 г. профессор Московского университета; выдающийся исследователь спиритуализма и парапсихологии в целом с естественнонаучной точки зрения. По его инициативе в 1871 г. в Санкт-Петербурге был образован первый научный комитет по исследованию медиумических феноменов, в который входили профессора Овсянников и Чебышев. По предложению Менделеева принял самое деятельное участие в образовании другого комитета с теми же целями, состоящего из членов Физического общества Санкт-Петербургского университета. Постоянный сотрудник популярного спиритического журнала «Ребус», в котором часто публиковалась и Е.П.Блаватская.

¹²⁰ Слейд Генри (?–1905) – американский медиум, в основном известный в связи со *slate-writing* (особый вид медиумистического письма с помощью грифельной доски).

Ульричи из Галльского университета, навлекая на себя гнев научного Олимпа, публикует памфлет «Так называемый спиритуализм, научное исследование», где опровергает доводы профессора Вундта из Лейпцигского университета, которые тот выдвигает против спиритуализма в своем памфлете «Спиритуализм – так называемое научное исследование». А теперь на арену выступает и другой активный участник этой борьбы – г-н Бутлеров, профессор химии и естественных наук из Санкт-Петербурга, чьи рассказы о *собственных* экспериментах в Лондоне с медиумом Вильямсом поднимают острейшую полемику. Газета «Kladderadatsch» помещает на своих страницах юмористический рисунок танца войны и потешается по этому поводу, тогда как более серьезные консервативные газеты выражают негодование.

Прижатые к последним своим траншеям холодными и непроверяемыми доводами знаменитого естествоиспытателя, критики, возглавляемые санкт-петербургским светилом г-ном Бурениным¹²¹, похоже, впали в отчаяние и явно испытывают недостаток в боеприпасах, ибо, устремившись к сокрушению противника, они начали использовать самые замечательные парадоксы. Доводы *за* и *против* в этом споре настолько интересны, что наши потомки могут даже обидеться, если этот спор останется лишь на страницах русских и немецких газет, не став достоянием гласности английских и американских читателей, интересующихся спиритуализмом. Итак, подобно Гомеру, последуем за спорщиками, сократив, к удовольствию наших друзей, эту современную *Илиаду*.

Проведя несколько лет в неустанных исследованиях феноменов, г-да Вагнер и Бутлеров, выдающиеся savants и профессора Санкт-Петербургского университета, пришли к выводу, что сверхъестественные феномены – не

Однако широкую известность он впервые приобрел после того, как комитет в составе Е.П.Блаватской и Г.С.Олькотта остановил на нем свой выбор. Подозрения в обмане, высказываемые некоторыми из наблюдателей сеансов Слейда, никогда не были обоснованы. Напротив, существует серьезное свидетельство в пользу подлинности его медиумических феноменов. Среди тех, кто признал реальность феноменов, демонстрировавшихся Слейдом, были д-р Альфред Рассел Уоллес, сержант Эдвард У.Кокс, Картер Блейк, д-р Джордж Уайлд, мисс Кингсбери (в 1876 г. секретарь Британской национальной ассоциации спиритуалистов), проф. Цёльнер и его коллеги Фехнер, Вебер и Шейбнер. В России великий князь Константин, проф. Бутлеров и А.Н.Аксаков также убедились в реальности опытов Слейда.

¹²¹ Буренин Виктор Петрович (1841–?) – поэт и журналист, приобрел широкую известность своими романами, статьями и литературными обозрениями.

вымысел, а реальность. И, как следствие этого, оба ученых публикуют в ведущих периодических изданиях многочисленные и убедительные статьи в защиту «вредной эпидемии», как д-р Карпентер называет спиритуализм в минуты «бессознательной работы своего мозга» и «предрасположения» к своему хобби. Оба вышеупомянутых джентльмена обладают очень ценными качествами, которые вызывают тем больше уважения, чем реже их можно встретить среди мужей науки. Эти качества, по признанию их критика, самого г-на Буренина, таковы: 1) серьезное и глубокое убеждение, что защищаемое ими – не вымысел; 2) непоколебимое мужество доказывать предубежденной и враждебной публике при каждой возможности, что это – их убеждение; 3) ясность и логичность высказываний; 4) безмятежное спокойствие и беспристрастное отношение к мнению оппонентов; 5) полное и глубокое знание предмета дискуссии. Совокупность всех перечисленных качеств, добавляет критик,

...позволяет нам рассматривать недавнюю статью профессора Бутлерова «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма» как одно из самых значительных эссе, которое, несомненно, окажет сильное воздействие на читателя. Такие статьи – большая редкость в нашей печати, поскольку они изобилуют оригинальностью выводов автора и отличаются ясным, четким и серьезным изложением фактов...

Эту хвалебную статью можно изложить несколькими словами. Мы не будем останавливаться на перечислении всех чудес спиритуалистических феноменов, которые наблюдал профессор Цёльнер в опытах с д-ром Слэйдом и которые так защищает профессор Бутлеров, поскольку они не более удивительны, чем опыты в этой же области самого г-на Бутлерова и м-ра Вильямса (медиума из Лондона) в 1876 году. Сеансы проходили в одном из Лондонских отелей, в комнате, занимаемой почтенным Александром Аксаковым¹²², русским действительным статским советником,

---

¹²² Аксаков Александр Николаевич (1832–1903) – русский писатель, философ и выдающийся исследователь проблем спиритуализма.

Находясь на службе в министерстве внутренних дел, Аксаков был назначен в состав статистической экспедиции и некоторое время путешествовал по губерниям, исследуя феномен религиозного сектанства. В 1855–1856 гг. был слушателем курсов медицинского факультета Московского университета.

С ранних лет интересовался проблемами теологии и философии и еще в лицее познакомился с трудами Сведенборга, которые и легли в основу его философского мировоззрения, с помощью которого он попытался создать эмпирическую базу для своей веры в духовную природу человечества. Со второй половины шестидесятых годов основной сферой его интересов стал спиритуализм.

где помимо него присутствовали еще двое – профессор Бутлеров и медиум. Таким образом, сговор был полностью исключен. Итак, что же произошло в этой комнате, что так сильно взволновало одного из первых ученых России? А вот что: м-р Вильямс, медиум, сидел, привязанный ногами, руками и всем телом к стулу, стоявшему в углу глухой стены и отгороженному от присутствующих пледом г-на Бутлерова; этот плед *выступал* неким подобием экрана. Вскоре Вильямс впал в некое летаргическое состояние, известное спиритуалистам как транс, и перед глазами исследователей начали появляться «духи». Со всех сторон стали доноситься голоса и громкие предложения «невидимок», вещи, туалетные принадлежности и тому подобное, полетели в разные стороны комнаты, и наконец «Джон Кинг», некто вроде известного короля призраков, предстал перед ними лично. Но

В трудах Э.Д.Дэвиса он нашел четкое выражение своей позиции и опубликовал в Германии серию переводов на немецкий его работ. Особенно его интересовало изучение психических феноменов, которые могли представить доказательства существования духовного принципа в человеке. Пытаясь найти такие доказательства, он встретил самый живой интерес к подобным феноменам со стороны профессора Бутлерова, выдающегося русского химика, публично заявившего о своей вере в реальность медиумических феноменов. В течение этого периода жизни Аксаков перевел на русский большое количество работ в области исследований медиумизма. Аксаков был также автором нескольких монографий о Гелленбахе, Дасье и их работах. Насколько известно, он сам оплачивал издержки, связанные с огромной издательской работой.

В 1874 г. Аксаков основал в Лейпциге ежемесячный журнал «Psychische Studien», посвященный исследованиям малоизвестных психических феноменов. Журнал издавался вплоть до 1934 г.; с 1925 г. название было изменено на «Журнал парапсихологии».

Позиция Аксакова в отношении спиритуализма четко изложена в предисловии к его первому изданию «Спиритуализм и наука» (С.-Петербург, 1872), откуда явствует, что он проводил четкую грань между наблюдаемыми фактами и теориями того времени, которые претендовали на их объяснение.

Наблюдение и регистрация феноменов медиумизма лежали в основе и были главной целью его литературной деятельности, и факты эти излагались им вне толкований с позиций какой-либо теории или любой другой предвзятости. Он соглашался с тем, что для научного подхода к этому предмету потребуется целый ряд научно доказанных *фактов* и что настанет время, когда наконец появится одна или несколько теорий, объясняющих эти факты на разумной основе. Совершенно очевидно, что его взгляды в данной области были весьма близки к позиции Е.П.Блаватской.

Большую часть своей работы А.Н.Аксаков (как и Е.П.Блаватская) был вынужден осуществить за границей (главным образом, в Германии) вследствие полной невозможности проведения подобной деятельности в России.

мы предоставляем профессору Бутлерову самому рассказать об этой феноменальной истории:

...Сначала мы увидели несколько ярких огней, плывущих в воздухе, а вскоре и самого «Джона Кинга», представшего пред нами в полный рост. Его появлению предшествовал зеленоватый фосфорический свет, который разрастался все больше и больше, пока наконец бюст «Джона Кинга» не осветился целиком. Все находившиеся в комнате начали ощущать, что свет исходит из какого-то светящегося предмета в руке «духа». Отчетливо различалось лицо человека с густой черной бородой и белым тюрбаном на голове. Его фигура появилась как бы из кабинета (то есть из-за отгороженного угла комнаты, где сидел медиум) и затем приблизилась к нам. Каждый раз видение это длилось всего несколько секунд, потом его фигура внезапно исчезала, свет потухал и фигура становилась абсолютно невидимой, но через мгновение появлялась вновь; затем из окружающей темноты доносился голос «Джона», с того самого места, где он появлялся чаще всего, после того как исчезал, хотя и не всегда. «Джон» спросил: «Что я могу сделать для вас?», – и г-н Аксаков попросил его подняться до потолка и побеседовать с нами оттуда. В соответствии с выраженным желанием, «Джон» неожиданно появился над нашим столом и стал величественно подниматься к потолку, который сразу же озарился светом от блестящего предмета в его руке, и, когда «Джон» почти поравнялся с потолком, он крикнул нам сверху: «Довольно?»

Во время другого сеанса г-н Бутлеров попросил «Джона» приблизиться к нему, что «дух» и исполнил; это позволило г-ну Бутлерову отчетливо разглядеть «сверкающие, ясные глаза Джона». Другой дух, «Питер», хотя никогда и не принимал видимую форму во время сеансов, но все же беседовал с господами Бутлеровым и Аксаковым, писал для них на бумаге, заблаговременно приготовленной ими, и так далее.

Хотя ученый профессор и перечисляет подробно все меры предосторожности, которые он предпринял против возможного обмана, его критик все же чувствует себя неудовлетворенным и уместно вопрошает:

...Почему же уважаемый *savant* не поймал «Джона» за руку, когда тот был на расстоянии всего одного фута от него? Опять же почему господа Аксаков и Бутлеров не схватили «Джона» за ноги, когда тот поднимался к потолку? Конечно, они все это должны были бы сделать в интересах науки и своих собственных, если бы они так стремились проникнуть в область «потустороннего мира». И справься они с таким простым и в то же время таким незначительным научным опытом, им бы не пришлось, возможно... больше объяснять научное значение спиритуалистических феноменов.

О том, что это значение не преувеличено и так же важно для мира науки, как и для религиозной мысли, свидетельствуют многочисленные

философские размышления о современном «жюльничестве». Вот что об этом говорит Фихте, известный немецкий ученый:

...Современный спиритуализм главным образом доказывает существование того, что в простонародье очень туманно и неумело называют «привидениями». Если мы допустим реальное существование этих привидений, тогда они станут неопровержимым и практическим доказательством продолжения нашего собственного сознательного существования (за воротами смерти). И такой осязаемый, наглядный факт не может не оказать благотворного влияния на нашу эпоху, которая, скатившись до мрачного отрицания бессмертия, гордится своим обширным интеллектом и думает, что она давно оставила позади себя все предрассудки подобного рода.

Если сие осязаемое доказательство будет действительно найдено и продемонстрировано нам честно и непредубежденно, то, рассуждает дальше Фихте:

...если бы реальность продолжения жизни после смерти была убедительно доказана, в строгом соответствии с логикой экспериментальной естественной науки, то с этим фактом, вследствие его особой природы и значения для человечества, не мог бы сравниться ни один другой факт во всей истории цивилизации. Извечный вопрос о предназначении человека на Земле был бы таким образом решен, и сознание человечества поднялось бы на одну ступеньку выше. То, что до сих пор открывалось человеку в пределах слепой веры, предчувствия и страстной надежды, стало бы для него реальным знанием; он обрел бы уверенность, что является частичкою вечного, духовного мира, в котором он продолжит свое существование, и что его временное пребывание на этой Земле лишь только прелюдия к будущей вечной жизни, и что только здесь он сможет почувствовать и полностью осознать свое предназначение. А убедившись в этом, человечество было бы потрясено новым, воодушевляющим значением жизни, и его интеллектуальные восприятия впитали бы в себя идеализм, подкрепленный неоспоримыми фактами. Это привело бы к полному переосмыслению жизни человека и его миссии на Земле, это было бы, если можно так выразиться, «новым рождением». Тот, кто утратил веру в вечное предназначение и вечную жизнь, будь то отдельный человек, целая нация или представитель определенной эпохи, может нами рассматриваться как человек, вырвавший с корнем чувство той жизненной силы, которая только и вызывает в нас стремление к самопожертвованию и ведет к совершенствованию. Такой человек неизбежно становится эгоистичным, себялюбивым и чувственным созданием, которого волнует лишь собственное самосохранение. Культура, просвещенность и цивилизованность становятся для него лишь украшением на пути к чувственной жизни или, в лучшем случае, зашитой от возможных

напастей.

Вот такое огромное значение немецкий ученый Фихте и русский профессор Бутлеров придают спиритуалистическим феноменам, и мы можем добавить, что их взгляды находят искренних сторонников в Англии, в лице м-ра А.Р.Уоллеса (см. его «Чудеса и современный спиритуализм»).

Один из влиятельных американских научных журналов использует точно такой же высокий стиль, когда говорит о том великом значении, какое будет иметь для всего мира научное доказательство посмертного существования души. Если окажется, что спиритуализм прав, утверждает журнал, то:

...это станет огромным событием для всего человечества; оно покроет неувядаемой славой весь девятнадцатый век; тот, кто докажет реальность духовного мира, прославится в веках, и имя его будут чтить превыше всех других... Если утверждения спиритуализма не лишены здравого смысла, то перед учеными встает важнейшая задача: доказать состоятельность этих утверждений¹²³.

А теперь посмотрим, что же упрямый русский критик (который, похоже, является рупором европейской материалистической науки) может предложить в ответ на неопровержимые доводы и логику г-д Фихте и Бутлерова. Если скептицизм, кроме следующего оригинального парадокса, не найдет более веских доводов против спиритуализма, то нам придется объявить, что в этом споре он потерпел поражение. В случае окончательной победы спиритуализма вместо положительных результатов, о которых нам поведал Фихте, критик предсказывает совсем противоположное:

...Как только, к обоюдному согласию всех, наука выдвинет убедительные и обоснованные доказательства того, что наш мир переполнен душами живших до нас людей, к которым мы со временем и сами присоединимся; как только будет доказано, что эти «души покойных» могут общаться с нами, простыми смертными, вся земная естественная наука лопнет, как мыльный пузырь, и потеряет для нас, живущих, весь интерес. Зачем людям заботиться о своей быстротечной жизни на земле, если смерть совсем не препятствует сознательному общению с миром живых или даже *post mortem* участию в их делах? Как только с помощью науки, опирающейся на данные экспериментов с медиумами и на открытия спиритуализма, такие отношения будут установлены, с каждым днем они будут становиться все более и более тесными; удивительная дружба вспыхнет между этим и «другим» миром; тот, другой, станет раскрывать этому миру наиболее

---

¹²³ Scientific American, 1874.

оккультные секреты жизни и смерти, а также ранее недоступные законы Вселенной, те, над которыми сейчас бьются лучшие умы человечества. В итоге нам вскоре будет нечего делать в этом временном пристанище, у нас не останется ни одного желания, кроме как желания побыстрее перейти в мир вечности. *Не нужно будет больше ни изобретений, ни наблюдений, ни науки.* Зачем нужно напрягать мозги над усовершенствованием, например, телеграфа, если единственное, что нужно, – это установить хорошие отношения с духами, дабы пользоваться их услугами для мгновенной передачи мыслей или предметов, и не только из Европы в Америку, но, если захотите, даже на Луну? Установление общения между двумя мирами *de facto*, к которому так стремятся некоторые ученые, неизбежно приведет нас к следующему результату: полному уничтожению всей науки и даже человеческой расы, которая будет мечтать только о том, как бы скорее попасть в иной, лучший мир. Ученые *phantasists*, которым так не терпится продвинуть вперед спиритуализм и установить тесный контакт между двумя мирами, всегда должны помнить об этом.

На что «ученые *phantasists*» могут вполне обоснованно ответить, что, прежде чем рассматривать подобную теорию, нужно сначала привести свои мозги в соответствие с той микроскопически малой дозой ума, которая требуется для ее изобретения. Предназначено ли вышеупомянутое высказывание в качестве *серьезного* возражения против данного вопроса? Странная логика! Нас пытаются уверить, что поскольку эти мужи науки, которые не верят ни во что кроме материи и пытаются каждый феномен, даже ментального и духовного свойства, вогнать в прокрустово ложе собственных предвзятых идей и представлений и которые в силу обстоятельств вынуждены будут приспособлять эти представления к *истине*, хотя и не желанной, и к фактам, откуда бы их ни извлекали, то уже только поэтому наука потеряет все свое очарование для человечества. Более того, сама жизнь станет тяжким грузом! На свете миллионы людей, которые, совсем не веря в спиритуализм, тем не менее верят в другой, лучший мир. И если бы эта слепая вера стала *реальным знанием*, то она сделала бы человека только лучше.

В конце этой уничтожающей критики «легковерных мужей науки» наш рецензент бросает в них еще одну бомбу, которая, к несчастью, подобно другим снарядам, пролетает мимо главных виновников и ранит их ученых коллег. Мы переводим этот снаряд *дословно*, на этот раз ради всех европейских и американских академиков. Говоря о Бутлере и его статье, он добавляет:

...Выдающийся профессор, в частности, приводит довольно странный факт, что каждый день у спиритуализма становится все больше и больше сторонников среди новообращенных великих ученых. Он перечисляет длинный список имен знаменитых ученых Англии и Германии, которые в той ли иной степени признали спиритуалистические доктрины. Среди этих имен мы находим вполне авторитетные имена величайших светил науки. Такой факт, говоря без преувеличений, поражает и придает спиритуализму огромный вес. Но стоит нам только спокойно поразмышлять над ним, как мы легко приходим к заключению, что *именно среди таких величайших мужей науки спиритуализм быстрее всего распространяется и находит готовых сторонников*. Несмотря на весь их могучий интеллект и огромные знания, наши великие ученые, во-первых, домоседы, а во-вторых, за небольшим исключением, *люди с больной и расшатанной нервной системой, чей утомленный мозг все время отклоняется от нормального развития. Таких домоседов легче всего одурачить; умный шарлатан с большей легкостью надует и поймает в свои сети ученого, чем необразованного, но практичного человека*. Галлюцинации скорее овладевают людьми с тонкой психикой, особенно если их внимание сосредоточено на определенной идее или любимом занятии. Это, я думаю, вполне объясняет, почему так много мужей науки вступают в армию спиритуалистов.

Мы не станем спрашивать у г-д Тиндаля, Гексли, Дарвина, Герберта Спенсера, Льюиса и других скептиков от науки и философии, как им нравится перспектива расшатанных нервных центров, коллективного размягчения мозгов и, как следствие, галлюцинаций. Этот довод представляет собой не только глупую *naivete*, но и литературное уродство.

Мы далеко не во всем согласны со взглядами профессора Бутлерова или даже м-ра Уоллеса в отношении сил, вызывающих эти феномены; тем не менее между крайностями духовного отрицания и утверждения должна быть некая середина; только чистая философия, опираясь на твердые принципы, способна установить истину, и ни одна философия не может считаться полной, если она не включает в себя физику и метафизику. М-р Тиндаль, который в работе «Наука и люди» утверждает, что «метафизику можно будет признать лишь тогда, когда она отбросит всякие претензии на научные открытия и согласится, чтобы на нее смотрели как на вид поэзии», подставляет себя под град критики потомков. Между тем он не должен считать грубым ответ спиритуалистов, что «физику можно принять, когда она отбросит свои претензии на исследования в области психологии». В недалеком будущем физикам придется согласиться на роль простых наблюдателей и аналитиков физических результатов, предоставляя

рассматривать духовные причины тем, кто в них верит. Каким бы ни был предмет настоящего спора, мы полагаем, однако, что со своим появлением спиритуализм запоздал на целое столетие. Наше столетие – век крайностей. Честных философов-скептиков немного, а тем, кто бросается к другой крайности, имя легион. Мы – дети нашего века. Благодаря все тому же закону атавизма, он, похоже, унаследовал от своего родителя – восемнадцатого века, века Вольтера и Джонатана Эдвардса – свой чрезмерный скептицизм и в то же время религиозное легкоеверие и фанатичную нетерпимость. Спиритуализм – аномальный и преждевременный отпрыск, стоящий между этими двумя веками, и, хотя он находится на пути к истине, его нечеткие убеждения заставляют его блуждать уединенными тропами, которые ведут к чему угодно, но только не к философии. Его будущее целиком зависит от своевременной помощи, которую он может получить *от* честной науки – той науки, которая не отмахивается с презрением истину. И возможно, думая об оппонентах этой истины, Альфред де Мюссе написал следующие замечательные строки:

*Вольтер! Спокойно ли почишь ты в могиле,
В усмешке пакостной скривив истлевший рот?
Твои писания твой век опередили,
Зато уж в наши дни настал и твой черед.
Ты за подкопом вел подкоп трудолюбиво,
Чтоб нам на головы великий рухнул храм...*¹²⁴

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. 1, № 2, November, 1879, p. 40–42; на русском языке – Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. - М., Сфера, 1996. С. 361–373. Пер. Т.О.Сухоруковой.

---

¹²⁴ А.Мюссе. Из поэмы «Ролла». Пер. Е.Баевской. Цит. по: «Свободной музы приношенье...» М., 1988.

Приложение I

«Спиритуализм»

[*Boris de Zirkoff. H.P.B. and the term «Spiritualism»// HPB CW, I.*]

Много недопониманий относительно связи Е.П.Б. с современным спиритуализмом возникает из-за того, что она сама и некоторые исследователи ее работ употребляют термин «спиритуализм» более, чем в одном значении.

Всегда, когда Е.П.Б. говорит, что она спиритуалистка, что ранние годы ее жизни были посвящены защите дела спиритуализма, или же использует другие подобные и родственные выражения, она не имеет в виду *убеждения* обычных медиумов или же тех из их многочисленных последователей, которые их разделяют. Очень важно не упускать из виду тот факт, что признание Е.П.Б. подлинности некоторых медиумических феноменов – *которые она сама могла воспроизводить по желанию и в полном сознании* – никогда не означало, что она *верит* в манифестации так называемых «духов» и их участие в феноменах спиритических сеансов. Тому есть многочисленные доказательства, что явствует из собственных слов Е.П.Б.

Говоря о себе как о спиритуалистке и последовательнице спиритуализма, Е.П.Б. имела в виду то, что она называла «древним спиритуализмом» и спиритуализмом «древних александрийцев».

В «Теософском словаре», в статье, явно написанной в ее стиле, *спиритуализм* определяется следующим образом:

«В философии – состояние ума, противоположное материализму или **материалистической концепции** сущего. Теософия, доктрина, которая учит, что Мировая Душа или Дух оживляет или наполняет собой все сущее и что ни один атом в нашей вселенной не может пребывать вне этого вездесущего Принципа – есть **чистый** спиритуализм. Что же касается верования, которое бытует под этим названием, а именно, веры в непрерывное общение живых с мертвыми либо посредством собственных медиумических способностей, либо так называемого **медиума** – то она ничуть не лучше, чем материализация духа и деградация человеческой и божественной души. Верующие в подобные сношения просто бесчестят умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось "некромантией". Но наши современные спиритуалисты обижаются, когда им сообщают эту простую истину».

* * *

[*Sylvia Cranston. H.P.B. The Extraordinary Life and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical Movement. – N.Y., 1993*].

После стычки с Бэрдом, Е.П.Блаватская сделала все возможное, чтобы свести на нет последствия величайшего скандала, охватившего спиритуалистическое движение. Ведущий спиритуалист, Роберт Дейл Оуэн, бывший конгрессмен и посол США, публично признался, что был одурачен медиумами Дженни и Нельсон Холмс, на чьих сеансах якобы появлялся знаменитый дух Кети Кинг. Ранее дух этот материализовывался в Англии, на сеансах сэра Уильяма Крукса, и когда он появился в Соединенных Штатах, вся страна пришла в волнение. Пузырь лопнул, когда некая дама, Элиза Уайт, призналась, что выдавала себя за Кети. До этого Роберт Оуэн горячо выступал в поддержку подлинности этих феноменов.

Чтобы спасти положение, Холмсы, через Оуэна, обратились к Олькотту с просьбой проверить их способности. Он дал согласие; к нему также присоединилась Е.П. Блаватская, уже находившаяся в Филадельфии, где жили медиумы. Первый сеанс был проведен 11 января 1875 года; последний – 25 января. В целом все они прошли успешно, но только в последний вечер появилась полная материализация Кети, что, очевидно, восстановило доверие к медиумическим способностям Дженни Холмс. Но годы спустя, к своему удивлению, Олькотт узнал, что заслуга эта принадлежала вовсе не ей. Листая страницы первого тома Альбома для зарисовок, который вела Е.П.Блаватская, он натолкнулся на запись, сделанную ее собственной рукой [под заголовком: «Важное замечание»]. Из содержания этой записи он заключил, что она «предназначалась для публикации после смерти Е.П.Блаватской»...

Судя по последнему предложению, эта запись, должно быть, была сделана незадолго до сентября 1875 года, когда было впервые объявлено об образовании Теософского Общества. Небольшой период времени его учение оставалось тайным, из-за искажений и насмешек, возникавших сразу же после того, как о нем прознавали газеты и клеветники.

Но кто такой Джон Кинг, упоминаемый здесь? Поскольку Е.П.Блаватской было велено сначала не разглашать, что происходившие в ее присутствии феномены производились ею самой, то она должна была их кому-то приписать, и был выбран Джон Кинг, известное в спиритуалистических кругах имя. В то время Е.П.Блаватская также использовала его как ширму для своих учителей и их посредников.

* * *

[*H.S.Olcott. Old Diary Leaves, vol. 1*].

Этот псевдоним (Джон Кинг) был известен завсегдааам медиумических сеансов во всем мире вот уже 40 лет. О нем впервые услышали в 1850 году, в «комнате духов» Джонатана Кунса из Огайо, где на сеансах Джон Кинг выдавал себя за вождя племени (или племен) духов. Позднее он заявил, что был бродящим по земле призраком сэра Генри Моргана, знаменитого пирата.

Приложение 2

Братья Эдди

[*Jean O. Fuller, Blavatsky and Her Teachers, London, 1988*].

...Вильям Эдди входил в шкаф, стоявший в нише у камина, поперек которого была натянута занавеска; из шкафа, одна за другой, выходили человеческие фигуры, они были видимы некоторое время, затем исчезали. В качестве личного эксперимента, Мадам Блаватская мысленно представила себе некоторые колоритные личности: торговца-мусульманина из Тифлиса, всадника-курда с ятаганом, пистолетом и копьем, и негра, — дабы убедиться, выйдут ли и они из шкафа? Они вышли. Это доказало ей две вещи: что привидения не были живыми людьми, путем обмана выдающими себя за мертвых, а также не были они и умершими. Так что в письме, опубликованном в «*Graphic*» 30 октября, она защищала братьев Эдди от нападок доктора Бэрда, утверждавшего, что они были отъявленными мошенниками, которые просто-напросто наряжали людей в белую кисею и.т.д.; но в длинном письме к своей сестре Вере она объясняет этот феномен как «психический, хотя и неприятный». Братья, будучи медиумами, для материала своих феноменов притягивали (бессознательно) мыслеформы собравшихся вокруг них людей, хуже того, останки умерших, разлагающиеся частицы их астральных тел, которые должны были бы раствориться вслед за

грубыми частицами физического тела. Так, при помощи субстанции тонких тел братьев, в комнате были созданы *simulacrae* мертвых; эти *simulacrae* признали и жадно приветствовали их живущие родственники, которые втягивали их субстанцию в свои живые тела, перенимая манеры и характерные особенности (к несчастью, худшие из них) тех, кого они любили. Бессмертные души любимых ими людей там не присутствовали. Они были (к счастью) в других местах. Именно этот феномен, если он происходит естественно, вынуждает живых вести себя как их почившие родственники, но в данном случае был вызван к жизни омерзительный процесс.

В то время термин «Спиритуализм» использовался лишь как противопоставление материализму, но из этого письма становится ясно, что Мадам Блаватская никогда не одобряла Спиритуализм в узком смысле этого слова, который закрепился за ним позднее, а именно — общение с мертвыми во время спиритических сеансов.

Приложение 3

Дело Холмсов

[*Jean O. Fuller. Blavatsky and Her Teachers. – London, 1988*].

В конце 1874 – начале 1875 гг. в спиритических кругах царил оживление. В Филадельфии мистер и миссис Холмс давали сеансы, на которых происходили материализации «Джона Кинга» и «Кети Кинг». Некая Элиза Уайт призналась одной газете, что она сыграла роль «Кети». Ее признание поддержал д-р Чайлд, член спиритического кружка. И все же, было ли это правдой? Здесь необходимо учитывать тот факт, что в то время Америка была охвачена эпидемией спиритуализма. Спиритические сеансы рекламировались в прессе наряду с обычными церковными службами. Поскольку Учителя рассматривали материализм как величайшее зло девятнадцатого века, то они, до некоторой степени, поощряли это сумасшествие, и «Джон Кинг», появившийся в различных медиумических кружках и выдававший себя за пирата времен царствования Карла II, часто был сущностью или элементарным духом, который они использовали специально для этой цели. В некоторых случаях, однако, им был Учитель

Илларион, который проецировал свою астральную форму в этом образе. Когда мадам Блаватская ссылается на «Джона», она имеет в виду гнома или сильфа, а иногда и Иллариона, греческого или кипрского Адепта, которого она часто встречала во плоти.

Но кем были Холмсы – медиумами или обманщиками? Несмотря на то, что мадам Блаватская поскользнулась на тротуаре Нью-Йорка и ушибла колено, что имело серьезные последствия, она отправилась в Филадельфию расследовать этот случай и сняла комнаты на Girard Street, 111. 4 января 1875 года к ней присоединился Олькотт. Он привез с собой всякие механические приспособления для проверки феноменов; она же использовала свое ясновидение. О ее мнении можно узнать из ее письма к профессору Хираму Корсону, преподававшему на кафедре англо-саксонской и английской литературы в Корнеллском университете, Итака. В своем письме, написанном 9 февраля в Филадельфии, она говорит, что винит Холмсов менее, чем д-ра Чайлда. Она считала, что миссис Холмс временами проявляла медиумические способности, но, когда собирался народ, не всегда могла ими воспользоваться и поэтому стала прибегать к обману. Чайлд же участвовал в этом только ради денег. Мадам Блаватская была в ярости, поскольку таким людям, как «бедный старина Роберт Д. Оуэн», эти сеансы подарили надежду на бессмертие; но это разоблачение разбило его надежду, и ему уже не подняться со своего смертного одра. «Вот почему я так сильно ненавижу Чайлда». В «Важном примечании», написанном ее рукой и обнаруженном Олькоттом уже после ее смерти, говорится, что как-то раз, чтобы спасти ситуацию, она использовала свои собственные силы и «воспроизвела лицо Джона Кинга и Кети Кинг в астральном свете, материализовав их; миссис Холмс была страшно напугана, ибо знала, что на сей раз привидение было настоящим». Она написала Корсону еще раз; она говорила, что была послана своей «Ложей» исследовать западный спиритуализм, который пока не произвел на нее должного впечатления. «Алан Кардек и Фламарион, Эндрю Джексон Дэвис и судья Эдмондс – лишь школьники, пытающиеся выучить алфавит...»

Приложение 4

«Хираф» и «Розенкрейцерство»

*[Sylvia Cranston, H.P.B. The Extraordinary Life
and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical
Movement. — N.Y., 1993].*

В июле 1875 года была опубликована статья Е.П.Блаватской, которую в своем альбоме для зарисовок она окрестила «Мой Первый Оккультный Выстрел». Но опубликована статья была под заголовком «Несколько вопросов к Хирафу», и никогда бы не была написана, если бы Е.П.Блаватская не приобрела в собственность ферму на Лонг Айленде предыдущим летом. Совладелица собственности Клементина Жеребко нарушила договор, и Блаватская подала на нее в суд, чтобы возместить ущерб. Ее делом занялась фирма «Берген, Джекобс и Ивинс». Уильям Ивинс был защитником Е.П.Блаватской на суде, который состоялся 26 апреля 1875 года. Будучи в то время молодым юристом, он позднее стал видной фигурой в профессиональной и общественной областях. Он записал некоторые обстоятельства того судебного процесса:

«В те дни приходилось долго добираться от Нью-Йорка до Лонг Айленда, так как возможность использовать транспортные средства была весьма ограничена. Слушание дел, именно этой судебной сессии, продвигалось слишком медленно, и все стороны томились в ожидании своей очереди для дачи показаний. Поскольку многие документы были оформлены на французском языке, и многие свидетели были французами, а у суда не было своего собственного переводчика, то Уильям С. Фейлз, практикант юридической фирмы генерала Бенджамина Трейси, был назначен специальным переводчиком; он и перевел суду показания Е.П.Блаватской, которые были даны на французском. В течение двух недель судья, юристы, клерки, клиенты и переводчик были гостями унылого провинциального отеля...»

Ивинс сообщает, что, ожидая судебного рассмотрения своего дела, Е.П.Блаватская переводила на русский язык «Историю Цивилизации в Англии» Г.Т. Бакла и «Происхождение Видов» Дарвина. «Происходили и другие события, — добавляет Цирков в комментариях к ее «Собранию Сочинений», — Ивинс, помимо того, что он был блестящим юристом, был еще и книжным червем, обладавшим феноменальной памятью. Больше в

шутку, нежели всерьез, он засыпал свою клиентку вопросами об оккультизме, гностицизме, каббализме, белой и черной магии. Фейлз, принимая эстафету от Ивинса, пространно рассуждал о мистической арифметике, астрологии, алхимии, средневековом символизме, неоплатонизме, розенкрейцерстве и квартернионах».

Что же до суда, то некоторые подробности даны Чарльзом Р.Флинтом, давнишним другом Ивинса и Фейлза, в книге «*Memories of an Active Life*»:

«...Мадам, которая была своим собственным главным свидетелем, давала показания, обратные тем, которые ожидали от нее ее адвокаты... Будучи юристами предусмотрительными, они еще до суда прошлись по показаниям с мадам, советуя ей, какие именно места стоит выделить особо; но к их величайшему огорчению, заняв место свидетеля, она, закусив удила, проскакала галопом по строчкам своих показаний, явив собой полную противоположность их инструкциям. Когда они выразили ей свое недовольство, она объяснила, что ее «знакомый», которого она называла Том [Джон] Кинг, стоял рядом с ней (оставаясь невидимым для всех, кроме нее) и подсказывал, что говорить. Когда суд принял дело на рассмотрение, мадам уехала из города, но написала несколько писем Ивинсу, интересуясь ходом судебного процесса. В конце концов, она удивила его тем, что в одном из своих писем обрисовала в общих чертах решение, которое, как она писала, суд вынесет через несколько дней в ее пользу. В соответствии с ее предсказанием, суд признал справедливость ее иска на тех же основаниях, что были изложены в ее письме».

Ивинс и Фейлз были членами престижного дискуссионного клуба в Бруклине и как-то вечером собрались с тремя другими его членами: Фредериком Хинриком, Джеймсом Робинсоном и Чарльзом Адамсом. Годы спустя, Хинрик, к тому времени известный политический реформатор, написал об этой встрече.

* * *

[*Charles R. Flint,*

Memories of an Active Life. — цит. по HPB CW].

В течение ряда лет я состоял членом Филологического Дискуссионного Клуба Бруклинского Политехнического Института; именно на его основе возникла, возможно, самая необычайная тайная организация, которую когда-либо знал мир. Среди членов Филологического Клуба были д-р Генри

Ван Дайк, знаменитый писатель; Чарльз Ф.Чичестер, который стал Казначеем Сенчури Компани; Фредерик У.Хинрикс, политический реформатор; и Уильям С.Фейлз, которого все считали гением...

В 1868 году была образована Мильтоновская Литературная Ассоциация, в которую вошел и Филологический Клуб. Ее учредителями стали А.Август Хили, многие годы занимавший пост Президента Бруклинского Института Искусств и Наук, я сам, а также другие члены Филологического Клуба.

Каждую неделю, в течение шести лет, члены Мильтоновской Ассоциации встречались в помещении Литературного Общества Гамильтона... Мы обсуждали все вопросы, касающиеся небес наверху, земли внизу и вод под землей.

По прошествии шести лет Мильтоновцы окунулись в профессиональные дела и бизнес, и собрания Ассоциации прекратились, хотя каждые несколько лет ее члены устраивали совместные обеды. На одном из таких обедов поднялся Ивинс и, к удивлению всех, сообщил о существовании некоего содружества «Хираф», которое, как он признался, было создано более тридцати пяти лет назад, «дабы испытать человеческую доверчивость!» Слово «Хираф» — аббревиатура, составленная из первых букв имен пяти мильтоновцев.

«Х» означало Фредерика У.Хинрикса. Это был человек, который, возможно, чаще, чем кто-либо в Соединенных Штатах, выставлял свою кандидатуру на важные государственные посты, но никогда не был избран... Хинрикс известен своими независимыми выступлениями и последовательной оппозицией политической машине.

«И» означало Уильяма М.Ивинса, одного из талантливейших юристов Нью-Йорка. Он стал Городским Казначеем и был одним из тех лидеров, которые способствовали принятию закона о тайном голосовании. Губернатор Чарльз Т.Хьюз назначил его председателем комиссии по выработке хартии. Ивинс принял живейшее участие в разработке новой хартии для большого Нью-Йорка. Как сказал мне один выдающийся политик, это «была лучшая хартия, когда-либо написанная для народа, но худшая для политиков и, следовательно, она не могла быть утверждена». По просьбе Губернатора Хьюза, Ивинс разработал законы, которые предусматривали учреждение комиссий по общественному обслуживанию. От имени Города он выступал

адвокатом во время расследования случаев коррупции в Таммани Холл; он также баллотировался на пост мэра Нью-Йорка.

«Р» означало Джеймса Ч.Робинсона, чья роль в деятельности «Хирафа» станет яснее из письма, которое я приведу ниже.

«А» означало Чарльза Фредерика Адамса, талантливейшего и знающего юриста, практиковавшего в Нью-Йорке.

«Ф» означало Уильяма Фейлза.

В тот вечер мы узнали от Ивинса, что «Хирафѳ», в своем стремлении испытать человеческую доверчивость и внести свой вклад в развитие бихевиоризма, задумал написать статью в Бостонский журнал «*Spiritual Scientist*», одно из ведущих спиритуалистических изданий в Соединенных Штатах. Статью подготовили четыре члена «Хирафа», которые, не сговариваясь друг с другом, написали оккультные и эзотерические предложения и передали их Фейлзу, прослывшему известным «компилятором». Он должен был собрать в более или менее последовательное целое усилия различных авторов...

Хотя статья, подписанная «Хираф», была написана молодыми людьми в начале их карьеры частично как упражнение в умственной гимнастике, или же как литературная мистификация, тем не менее, нас поражает тот факт, что недавние успехи науки и искусств свидетельствуют о том, что недалеко то время, когда мечты и видения теологов, философов и пророков прошлого могут стать реальностью.

Лица, проявляющие интерес к теософскому движению, настаивают на том, что, каково бы ни было происхождение высказываний «Хирафа», на произнесение важных мыслей и, возможно, пророчеств, авторов вдохновила некая сила, о чем они, впрочем, совсем не подозревали.

Как бы враждебно ни относились к мадам Блаватской и ее культу, невозможно отрицать, что ее учение содержит многое из того, что вызывает интерес и даже возвышает, а также то, что ей удалось оказать влияние на многие, многие тысячи людей, от Индии на Востоке до Калифорнии на Западе...

Некоторые подробности этого обстоятельства можно найти в письме Фредерика Хинрикса к К.Джинарадхадасе (третий президент Теософского Общества в Адьяре). Оно датировано 2 мая, 1923 г. и хранится сейчас в архивах Адьяра. Мистер Хинрикс пишет:

«...Авторами статьи, подписанной «Хираф», были Уильям М.Ивинс, Уильям Фейлз и я. Были еще двое, которые проявляли живейший интерес к нашим философским и теологическим дискуссиям, но они внесли слишком малый вклад или вообще никакого в нашу статью. Одним из них был Чарльз Ф.Адамс, другой — Джеймс Робинсон. Из пятерых умерли все, кроме меня. Термин «Хираф» был составлен из первых пяти букв наших имен. Я всегда считал, что какую-то часть эссе написал Адамс, но, незадолго до своей смерти, перечитывая вместе со мной статью, он сказал, что не может узнать в ней ничего своего. В то время мы все были юристами или же студентами юридического факультета, за исключением Робинсона, который был клерком в коммерческом концерне. Фейлз получил отрывки, написанные Ивинсом и мною и, дополнив их своими собственными предложениями, соединил все в одно целое. Фейлз, Ивинс и я писали, не консультируясь друг с другом, на такие темы, которые напрашивались сами собой, после того, как мы расстались однажды вечером. Мы впятером часто собирались у Фейлза (разностороннего гения), чтобы почитать, подискутировать о литературе, особенно о философской литературе и родственных темах.....

...У нас, молодых людей, было мало почтения, немного знаний и некоторая сила выражения; как-то на собрании, мною упомянутом, мы в шутку предложили друг другу написать мистическую статью о теософии, эзотерической науке и тому подобном. В то время я читал «Занони» [известный мистический роман Бульвер-Литтона], книгу о розенкрейцерстве, а также о жизни Парацельса, так что я писал исключительно на эти темы. Мадам [Е.П.Блаватская] утверждала, что принадлежала к розенкрейцерам. Когда Фейлз получил мою часть и часть Ивинса, писавшего о последних ступенях развития философской мысли, он, не консультируясь ни с Ивинсом, ни со мной, назвал статью, составленную из наших трех или четырех, не связанных друг с другом отрывков, — «Розенкрейцерство». Фейлз также придумал аббревиатуру «Хираф», добавив к нему пять звездочек, которые, видимо, были навеяны тремя звездочками одной статьи, незадолго до этого появившейся в газете мадам. Мы все от души посмеялись над составленной статьей и послали ее мадам в Бостон. Она напечатала ее в двух номерах своего издания, насколько я помню, и написала две очень лестные редакционные статьи о «Хирафе». Наша статья вызвала массу комментариев и поток писем из различных стран мира; некоторые из этих писем были напечатаны в журнале мадам.

Мне говорили здешние теософы, что мы, молодые люди, написали даже лучше, чем мы то осознавали и что, возможно, нас вдохновляли высшие силы. Об этом мне ничего не известно, *хотя это вполне могло быть*. Несомненно, однако, то, что различные печатные издания ссылались на «Хирафа», как на авторитет...»

* * *

Таковы любопытные обстоятельства, предшествовавшие публикации статьи «Розенкрейцерство» в «*Spiritual Scientist*», том II, июль 1-е и 8-е, 1875, стр.202. и 212-213, соответственно.

Коротенькая заметка, написанная полковником Олькоттом, представила читающей публике «молодого автора» в довольно лестных выражениях и обещала ответ от «весьма компетентного лица».

Статья эта вызвала незамедлительный ответ со стороны Е.П.Блаватской. Этот ответ — литературное сочинение, которое она сама назвала «*Мой первый **Оккультный Выстрел***», — стал ее первым значительным вкладом в дискуссию об Оккультизме. Текст этого ответа, по словам полковника Олькотта («*Old Diary Leaves*», I, 103), «обнажил целое поле мысли, которое с тех пор было распаханно членами, друзьями и врагами Теософского Общества». (Прим Б.М.Циркова).

Приложение 5

Чарльз Содеран

[*Laura C. Langford-Holloway,
Helena Petrovna Blavatsky: a Reminiscence//
«The Word», New York, Vol.XXII, December, 1915*].

Зная о дружбе между Е.П.Блаватской и Чарльзом Содераном, одним из самых талантливых журналистов Нью-Йорка, человеком высокой культуры и редкого благородства, я иногда задавала себе вопрос, почему ее биографы не проявили большего интереса к Содерану и услугам, которые он ей оказывал. М-р Содеран был розенкрейцером, масоном высокого ранга и писателем, знающим историю всех восточных религий. Он предложил термин «теософия» в название нового общества, и он же представил м-м Блаватской ученых, чьи имена упоминаются в связи с «*Разоблаченной Изидой*». Он был наиболее влиятельным пропагандистом м-м Блаватской в

Нью-Йорке и идеальным другом — неизменно преданным и всегда готовым помочь. Он хотел, чтобы она вошла в круг литераторов, собравшихся вокруг нее, ибо был истинным поклонником ее великого ума, и желал, чтобы другие ценили ее. Он заметил дух самоуничужения, ослабляющий ее влияние, и пытался помочь ей преодолеть его. Эта привычка умалять свои достоинства была отрицательной чертой в ее характере, и он призывал ее бороться с этим. Ему мало что удалось, ибо она вовсе не обращала внимания на свои достоинства и искала признания лишь в своей оккультной деятельности.

Часто утверждалось, не знаю на каком основании, что м-р Содеран был, по крайней мере, знаком с одним из Братств Адептов, и был некоторым образом связан с их важнейшими целями, направленными на прогресс человечества. И также бытовало мнение, что он встретился с м-м Блаватской за границей и знал о задаче, которую она выполняла в этой стране. Он, по крайней мере, был очень возвышенного мнения о ее гении и уговаривал ее писать, укорял за ее интерес к религиозным «причудам», как он называл спиритизм. Он настолько враждебно относился к этой теме, что никогда не вступал в разговор на эту или другие родственные темы. Он также никогда не поддерживал утверждений, что положение м-м Блаватской требовало детального изучения этого предмета.

Он считал, что она была настоящим оккультистом, с достаточными ментальными способностями, и что ее обучали пользоваться ими. И он часто утверждал, что оккультизм был благородной наукой, о которой Запад ничего не знал. Заслуги этого человека перед Теософским Обществом на раннем этапе так и не были оценены до конца. Он был помощником, без которого работа по организации общества, исследования в связи с *«Разоблаченной Изидой»*, привлечение издателя для публикации и представление этого труда читателям никогда бы не были выполнены столь эффективно...

Он был признанным оккультистом, выступал против излишнего внимания к оккультным феноменам, на том основании, что это может лишь отяготить ношу, взваленную невежественными людьми на плечи тех, кто демонстрировал действие законов, коими они не могли полностью овладеть. Он осуждал желание многих лиц, связанных с м-м Блаватской, сделать из нее чародейку. Он говорил, что ее интеллектуальные способности были гораздо более ценны для нового Общества, чем психические силы, которыми она

обладала, и пытался противостоять влиянию тех, кто ценил ее меньше и предпочитал, чтобы она тратила свое время на феномены. Он был мудрым другом, ибо советовал ей не ублажать тех, кто ожидал развлечений чудесами, а настаивал на серьезном изучении скрытых сил природы...

Приложение 6

Элементарии

[Jean O. Fuller, Blavatsky

and Her Teachers, London, 1988].

Е.П.Блаватская продемонстрировала ему [Г.С.Олькотту] разнообразные феномены, которые могла производить по желанию, и объяснила, что в них участвовали не духи умерших, но духи стихий. Крошечные и невидимые, все они находятся вокруг нас. Каббалисты подразделяли их на четыре большие группы: духи земли, воды, воздуха и огня (гномы, ундины, сільфы и саламандры). В магии чаще всего использовались духи земли, и они играли (хотя медиумы того не сознавали) самую значительную роль в спиритических феноменах. Роль духов воды и воздуха более ограничена, хотя они и услужливы, когда дело касается их стихии. Элементалы огня, однако, обитают не только в пламени, но и глубоко под землей, и их трудно подчинить. Не следует позволять им управлять собою, но должно самому управлять ими. Их также следует остерегаться, ибо, не имея собственных форм, они могут подражать бесконечно, принимая тело любой формы, созданное человеческим воображением; поэтому, чтобы все видеть ясно, надо держать их на расстоянии. Они могут представать как боги, дьяволы или любимые нами умершие, если только последние не являются разлагающимися пустыми астральными оболочками, которые можно оживить не более, нежели физический труп в могиле. Бессмертные души почивших пребывают в других сферах».

Приложение 7

Доктрина перевоплощения

[H.S.Olcott, *Old Diary Leaves*, Vol. 1].

...Возьмем, к примеру, ее доктрину перевоплощения — краеугольный камень древней оккультной философии, нашедшей подтверждение в «Тайной Доктрине» и других ее позднейших работах. Когда мы работали над «Изидой», она еще не преподавалась нам Махатмами; да и сама Е.П.Блаватская никогда не поддерживала ее в литературной полемике или личных дискуссиях тех ранних дней. Она придерживалась и защищала теорию о том, что человеческие души после смерти переходили, следуя путем очистительной эволюции, на другие, более духовные планеты. У меня сохранились записи разговора, происходившего между Махатмой и мной, в котором утверждается та же самая теория. И это озадачивает меня более всего: ибо, если допустить, что она, будучи ученицей и психическим агентом, могла не знать о философской основе теории реинкарнации (либо в результате несовершенного умственно-психического обучения, либо в силу каких-то иных причин), то я с трудом могу понять, как подобное невежество могло распространяться на Адепта и Учителя. Возможно ли, что этого Адепта не учил реинкарнации его Учитель, и что он, подобно Е.П.Блаватской, должен был узнать о ней лишь впоследствии? Говорят, существует шестьдесят три стадии Адептства, и, следовательно, это не кажется таким уж невероятным. Мне рассказывали, что среди них есть люди, которые являются величайшими, прирожденными медиумами, хотя и почти безграмотными, и что, по крайней мере, один из них, который, подобно любимцу Будды, Ананде, не обладает никакими *сиддхи*, тем не менее настолько интуитивен, что способен понимать все эзотерические писания с полуслова. В моих записях есть слова Учителя о том, что «Души после смерти отправляются отсюда на другие планеты. Души, которые должны родиться на этой Земле, ожидают на других невидимых планетах». Эти два утверждения соответствуют позднейшим учениям Е.П.Блаватской, упоминаемые планеты по обе стороны земной обители души принадлежат к нашей «цепи глобусов». Но между двумя этими крайностями остается огромный пробел, заполняемый, как мы сейчас понимаем, многочисленными повторными рожденьями странствующей сущности в

целях ее эволюции. Запись записью, но Е.П.Блаватская в «Изиде» (том I, стр. 351) самым недвусмысленным образом говорит:

«Мы представим сейчас несколько фрагментов этой мистической доктрины о реинкарнации, как отличную от трансмиграции, которую мы узнали от одного авторитета. Реинкарнация, т.е. появление одной и той же личности или, вернее, ее астральной монады, дважды на той же самой планете, не есть правило в природе, это — исключение, подобно тератологическому феномену двуглавого младенца».

Если все же такое случается, то происходит из-за того, что замысел природы создать совершенное человеческое существо нарушается, и, следовательно, она должна предпринять новую попытку. Такими непредвиденными нарушениями, объясняет Е.П.Блаватская, являются случаи аборта, врожденного и неизлечимого идиотизма и смерть младенцев до определенного возраста. В этих случаях высшие принципы не могут соединиться с низшими, вследствие этого не может родиться и совершенное создание. Но...

«Если разум развился настолько, что может стать действенным и распознающим, то никакой реинкарнации на этой Земле быть не может, ибо три части триединого человека воссоединились, и он способен продолжать свой путь. Но когда новое существо не продвинулось выше состояния монады или когда, как у идиота, триада не состоялась, бессмертная искра, осеняющая ее, должна вновь вступить на земной план, ибо ее первая попытка была сорвана. Иначе смертные, или астральные, и бессмертные, или божественные, души не смогут развиваться в унисон и продвигаться к высшей сфере».

Курсив мой — и это то, чему меня учили. Сейчас я разделяю взгляды индусов и буддистов. Она сказала мистеру Уолтеру Р. Оулду, — который поведал об этом мне, — что ее не учили доктрине перевоплощения вплоть до 1879 года, когда мы были в Индии. Я охотно разделяю это заявление, поскольку оно согласуется с нашими взглядами и статьями, написанными в Нью-Йорке, а также потому, что, если бы она знала об этом, когда мы писали «Изиду», то не существовало бы никакой земной причины, чтобы вводить в заблуждение и меня, и других, даже если бы она этого и хотела, чему я не верю.

Мы оба верили. Нас учили этому изустно, и мы писали в связи с этим, что человек являет собой триаду: физическое тело, астральное тело (душа — греческое *psyche*) и божественный дух. Эти взгляды были изложены во время нашего первого официального контакта с европейскими читателями. Это

была статья, озаглавленная «Взгляды теософов» и напечатанная в «Spiritualist» 7 декабря 1877-го года. В ней, выражая наше общее мнение, я говорю:

«Мы верим, что человек из плоти умирает, разлагается и идет в эволюционную переработку, трансформируясь вновь и вновь. Что за астральным человеком — двойником, или душой, освободившейся от физического заточения — следуют последствия его земных дел, мыслей и желаний. Он либо очищается от последних следов земной грубости и, наконец, по истечении неисчислимого периода времени, соединяется со своим божественным духом и живет вечно как сущность, либо, совершенно погрязнув в пороке на земле, погружается все глубже в материю и уничтожается».

Я продолжаю, говоря, что «человек духовных устремлений, который вел чистую жизнь, притягивается к более духовной сфере, нежели эта наша земля, освобождаясь от ее влияния»; в то время как порочные и всецело развращенные личности утрачивают связь со своим духом в течение жизни, становятся дуадой вместо триады в час смерти и, покидая физическое тело, дезинтегрируются: более грубые частицы уходят в землю, а более тонкие становятся *бхутом*, или «элементарием, бродящим около людей, в жилищах (и около них), осаждая сенситивов, чтобы через них удовлетворять свои порочные аппетиты до тех пор, пока его жизнь не истлеет в результате собственных усилий сенситивов и растворение не увенчает его ужасный путь».

В то время это составляло самую суть нашего учения о природе и судьбе человека, доказывая, как бесконечно далеки мы были от веры в реинкарнацию. Если кто-то вздумает утверждать, что это мое письмо в «Spiritualist» отражает лишь мои собственные взгляды и что ни Учителя, ни Е.П.Блаватская не отвечают за мои незрелые мысли, то я отсылаю их к номеру «Spiritualist» за 8 февраля 1878 года, где напечатано письмо Е.П.Блаватской по поводу существа моего письма. Ее письмо вызвало оживленнейшую дискуссию между главными выразителями идей британского спиритуализма с одной стороны, и Ч.Мэсси, Дж.Коббом, проф. Уайлдером, мисс Кислингбери, д-ром Блейком, Дж.Мэсси и мною, с другой... Второе мое письмо в ответ М.А. (Охон'у) появилось в феврале, а очень длинное, мощное и выразительное письмо Е.П.Блаватской, датированное 14 января 1878 г, Нью-Йорк, было опубликовано в «Spiritualist» за 8 февраля того же года. Это письмо стоит прочесть. В нем она говорит, *a propos*, о том,

что Его, которое не смогло соединиться с физико-психической дуадой ребенка, преждевременно умершего, должно воплотиться вновь:

«Цикл человека не закончен, пока он не станет индивидуально бессмертным. Ни одну ступень испытания и опыта нельзя проскочить. Он должен быть человеком, прежде чем стать духом. Мертвый ребенок — ошибка природы; он должен жить снова; и та же самая рсуче вновь вступает на физический план посредством другого рождения. Подобные случаи, наряду с врожденными идиотами, как сказано в “Разоблаченной Изиде”, единственные примеры человеческой реинкарнации».

Может ли что-либо быть яснее?

Мы отправились из Нью-Йорка в Индию 17 декабря 1878 года, а за несколько дней до отъезда Е.П.Блаватская написала в парижский «*Revue Spirite*» статью, которая была напечатана в этом журнале 1 января 1879 года, — это был ответ различным критикам. Теперь она описывает человека, как состоящего из четырех принципов: *тетрактис*, или четверицу:

«Да, для нью-йоркских теософов, человек есть триада, а не дуада. Но он, однако, является и нечто большим: добавив физическое тело, человек есть тетрактис, или четверица. Но хотя наша доктрина находит подтверждение у величайших философов древней Греции, мы не заимствовали ее ни у Пифагора, ни у Платона, ни у знаменитых Теодидактов александрийской школы. Мы поговорим о наших Учителях позднее».

Приведя цитаты из различных древних авторитетов в поддержку изложенных взглядов, она говорит:

«Нашими Учителями [имея в виду тех, от которых мы узнали доктрину] являются Патанджали, Капила, Канада, все системы и школы Арьяварты, служившие неисчерпаемым источником для греческих философов, от Пифагора до Платона».

Конечно, не все индийские школы, ибо среди них существуют древнейшие секты *чарвака* и *брихаспати*, которые отрицают выживание человека после смерти и являются почти точными прототипами наших современных материалистов. Стоит также заметить, что Патанджали, Капила и другие Учителя, которых она называет, учили, что перевоплощение является правилом в Природе, в то время как мы объявили ее исключением.

В конечном итоге, доктрина реинкарнации была полностью принята и изложена как в экзотерическом, так и в эзотерическом смысле. Однако, она не преподавалась публично вплоть до 1879 года, ибо ее нельзя обнаружить в первых двух томах «*Theosophist*». Она появляется только в третьем, и то в

связи с «Фрагментами Оккультной Истины» — серией статей, написанных, в основном, А.П.Синнетом и базирующихся на разъяснениях, данных ему Учителями и Е.П.Блаватской.

...Я обязан был проследить эволюцию [доктрины реинкарнации] за счет небольшого отступления, ибо для будущего благополучия Общества необходимо было продемонстрировать очевидную необоснованность теории о том, что наша нынешняя величайшая основа учения с самого начала была известна Е.П.Блаватской. Эту теорию я считаю опасной и безосновательной. Если я неправ, я буду счастлив ошибиться. Признать ошибку неизбежно будет означать то, что она сознательно и преднамеренно пошла на обман и сказала неправду в «Изиде» и позднее. Я верю, что она писала тогда, как и позднее, в точном соответствии со своими знаниями, и что она была так же искренна, когда отрицала перевоплощение в 1876-78 годах, как и тогда, когда защищала его после 1882-го года. Почему и ей, и мне позволили сделать неправильное утверждение в «Изиде» и, в особенности, почему то же самое утверждал Махатма, я не могу объяснить, если только я не стал жертвой чар, веря, что я разговаривал с Учителем в тот самый вечер. По сему, не будем больше останавливаться на этом. Учителя могли давать Е.П.Блаватской все, что считали нужным, диктуя ей это, они могли писать сами ее рукой, находясь в ее физическом теле, могли позволить мне писать самому, давая мне намеки и контуры и пробуждая мою интуицию. И тем не менее, несмотря на все это, они не учили нас тому, что мы принимаем сейчас как истину о реинкарнации; не просили нас держать ее в тайне; не прибегали к каким-либо туманным обобщениям, которые можно было бы привести в соответствие с нашими нынешними взглядами; не препятствовали нам писать и преподавать еретическую и ненаучную идею о том, что человеческая сущность, за исключением нескольких случаев, не может воплотиться вновь на одной и той же планете.

* * *

[*Sylvia Cranston, H.P.B. The Extraordinary Life and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical Movement. — N.Y., 1993*].

Когда Е.П.Блаватская употребляет понятие «реинкарнация» в «Разоблаченной Изиде» как «отличное от метемпсихоза» (1:351), она негативно высказывается об этой идее, поскольку под этим термином

французские спиритуалисты понимали немедленное рождение после смерти без всякого периода отдыха между воплощениями; они также учили, что вновь воплощается только личность. Теософия учит, что личность (*personality*, от *persona* — маска, личина), названная в «Разоблаченной Изиде» “астральной монадой”, умирает вместе с телом или вскоре после него, и только индивидуальность — (высший манас, душа и дух) бессмертны и рождаются вновь. Не осознавая этого тонкого, но важного различия, многие объявили, что, когда писалась «Разоблаченная Изиде», Е.П.Блаватская не верила в реинкарнацию. Даже Олькотт был сбит с толку («*Old Diary Leaves*», издание третье, 1:278-83, 289). В дальнейшем Е.П.Блаватская пояснила свои утверждения, сделанные в «Изиде» («*The Theosophist*», август 1882; «*The Path*», ноябрь 1886; «*Lucifer*», февраль 1889; «Ключ к Теософии»).

Что касается того места в «Разоблаченной Изиде» (1:346), где Е.П.Блаватская якобы отрицает реинкарнацию на этой земле, то в письме Учителя К.Х. Синнету имеется любопытное замечание: «Кстати, я перепису для вас страницы 345-357 первого тома «Изиды», из которых Олькотт делает такую путаницу, думая, что улучшает их!» («*Mahatma Letters to A.P. Sinnett*», сноска 76).

У.К.Джадж пишет, что еще в те ранние дни в Нью-Йорке “Е.П.Блаватская много раз рассказывала мне об истинной доктрине реинкарнации, в связи со смертью моего собственного ребенка, и я знаю, о чем она думала и во что верила” (Джадж, «*Letters That Have Helped Me*», 19). См. также «*Theosophical Forum*», октябрь 1893, 1-3, «*Conversations on Occultism II*», Judge Pamphlet Series 10, The Theosophy Company; «*Echoes of the Orient*» 2:317-319. Это, похоже, соответствует высказываниям Е.П.Блаватской в «Разоблаченной Изиде» о метемпсихозе — термин, веками используемый в Европе в качестве синонима того, что сейчас общеизвестно как перевоплощение.

Термин *перевоплощение* не фигурировал в Теософии вплоть до 1880-х годов, когда было преподано семеричное строение человека и четко обозначено, какая часть человека перевоплощается, а какая нет («*Mahatma Letters to A.P. Sinnett*», 285). Когда писалась «Разоблаченная Изиде» и длительное время впоследствии, американские и британские спиритуалисты яро отрицали идею перевоплощения, ибо она разрушала искусное строение Эндрю Джексона Дэвиса и других — благословенную Страну Вечного Лета, достигаемую после смерти.

Приложение 8

Арья Самадж

[H.S.Olcott, Old Diary Leaves, Vol. 1].

История создания нашего Общества не будет правдивой, если я не упомяну о нашей краткой и не очень приятной связи со свами Дайанандой Сарасвати и его Арья Самадж...

Наши сердца тянулись к Востоку, наши мечты были об Индии, нашим заветным желанием было общение с азиатским народом. Однако, никакого способа осуществить это на физическом плане не было, и наш шанс попасть в Священную Страну казался очень призрачным, пока как-то вечером 1877 г. к нам не заглянул американский путешественник, недавно приехавший из Индии. Он сидел как раз так, что, взглянув в его сторону, я заметил на стене над ним фотографию двух индусских джентльменов, с которыми я плыл на пароходе по Атлантическому океану в 1870 году. Я снял фотографию, показал ее ему, и спросил, знал ли он кого-нибудь из них. Он действительно знал Мулджи Тэкерси и даже недавно встречался с ним в Бомбее. Я взял его адрес и написал ему о нашем Обществе, нашей любви к Индии, и чем она была вызвана, и отправил письмо со следующей почтой. Он ответил мне в восторженных выражениях, принял предложенный нами диплом о вступлении в Общество и рассказал мне о великом индусском пандите и реформаторе, который организовал мощное движение за возрождение чистой Ведической религии. В то же время, он обратил мое внимание, в довольно лестных тонах, на некоего Харричанда Чинтамона, президента Бомбейского отделения Арья Самадж, с которым я, в основном, впоследствии и переписывался и чье отвратительное обхождение с нами по приезде в Бомбей уже принадлежит истории. Он рекомендовал несколько индусских джентльменов из Бомбея в члены нашего Общества, весьма лестно высказывался о свами Дайананде и стал инициатором переписки между свами и мною как главами наших соответствующих Обществ. Мистер Харричанд написал мне, прочтя мои объяснения наших взглядов о безличном Боге — Вечном и Вездесущем Принципе, который, под разными именами, является одним и тем же во всех религиях, что принципы Арья Самадж были идентичны нашим собственным и, в силу этого, было бесполезно сохранять два общества, когда их слияние могло бы принести большую пользу и увеличить наши шансы на успех. Я никогда, ни до, ни

после, не заботился о пустой славе лидера и был только рад занять второе место после свами, которого я рассматривал как стоящего несравнимо выше меня во всех отношениях. Письма моих бомбейских корреспондентов, мои собственные взгляды на ведическую философию, а также тот факт, что он был великим санскритским пандитом и в действительности выступал неким индусским Лютером, помогли мне без труда поверить тому, что Е.П.Блаватская рассказала мне о нем: ни больше, ни меньше то, что он был адептом Гималайского Братства, живущим в теле свами, хорошо известным нашим собственным учителям и поддерживающим с ними связь, чтобы закончить свою работу. Неудивительно, что я был готов согласиться с замыслом Харричанда слить Теософское Общество с Арья Самадж и сидеть у ног свами, как ученик у ног учителя! Чтобы объединить их, я был готов, если бы потребовалось, быть его слугой и с радостью оказать ему услугу на годы вперед, без малейшей надежды на вознаграждение. Итак, после того, как я объяснил своим коллегам в Нью-Йорке суть дела, наш Совет, в мае 1878 г., вынес решение слить воедино два Общества и поменять наше название на Теософское Общество Арья Самадж. Об этом известили свами, и через некоторое время он вернул мне проект нового диплома (сейчас, когда я пишу эти строки, он лежит передо мной), который я ему посылал, подписанный им, как я просил, и скрепленный его собственной печатью. Я сделал из него клише, раздал его нескольким членам, которые хотели вступить в новую организацию и выпустил циркуляр, содержащий принципы, по которым мы намеревались работать.

Пока все шло хорошо, но через некоторое время я получил из Индии английский перевод правил и доктрин Арья Самадж, сделанный пандитом Шиямджи Кришнаварма, протеже свами, которые повергли нас буквально в шок, меня, по крайней мере. Было яснее ясного, что взгляды свами радикально изменились с предыдущего августа, когда лахорское отделение Арья Самадж опубликовало его выступление в защиту его же «*Веда Бхашья*» от нападков критиков, на протяжении которого он одобрительно цитировал мнения профессора Макса Мюллера, мистера Коулбрука, мистера Гарретта и других о том, что Бог *Вед* был безличным. Стало ясно, что Самадж совсем *не был* идентичен нашему Обществу, а скорее являл собою новую секту индуизма — ведическую секту, признающую авторитет свами Дайананды как высшего судьи, что касается того, какие части *Вед* и *Шастр* являются непогрешимыми, а какие нет. Невозможность продолжать наше

предполагаемое объединение стала слишком явной, и мы немедленно сообщили об этом факте нашим индийским коллегам. Теософское Общество возобновило свой *status quo ante*; и Е.П.Блаватская и я составили, а Совет выпустил, два циркуляра — один определял, что из себя представляет Теософское Общество, другой (датированный сентябрем 1878 г.) характеризовал новую организацию Теософское Общество Арья Самадж из Арьяварты как мост, соединяющий два головных Общества, и содержал перевод правил Арья Самадж, е.т.с., оставляя за нашими членами свободу выбора — вступить ли им в «общество-мост», как я называл его, и соблюдать его правила — или нет...

Чтобы еще раз продемонстрировать произвольную власть, на которую сваами претендовал и которую осуществлял, предписывая, какие *Шастры* являлись «авторитетными», а какие нет, я процитирую из того же Правила 2 Арья Самадж, следующее:

«*Брахманы*, начинающиеся с *shatapatha*; шесть *angas*, или частей *Вед*, начинающихся с *shiksha*; четыре *upavedas*; шесть даршан, или философских школ; и 1127 лекций о *Ведах*, называемых *shakhas*, или ветви — все они должны быть признаны как толкователи смысла *Вед*, а также истории ариев. До тех пор, пока они согласуются с мнениями *Вед*, их следует рассматривать как обычный авторитет».

Перед нами ярко выраженная секта — секта индуизма, основанная на принципах ее создателя. Сваами, как это будет видно, ставит себя в оппозицию целой группе ортодоксальных пандитов, ибо он исключает из своего списка вдохновенных книг многие из тех, которые для них являются священными.

Например, сваами не включил *Смрити*, считая их недостаточно убедительными авторитетами. Но Ману (глава II, 10) говорит, что *Веды* есть «откровения», а *Смрити* (*Дхарма Шастры*) есть «традиции»; обе они являются неопровержимыми по всем вопросам, ибо ими умножаются добродетели. Следовательно, утверждается, что *Смрити* следует уважать, как «авторитет».

Все оставалось по-прежнему, пока Основатели не приехали в Индию и не встретились вскоре после своего приезда со сваами Дайанандой в Сахаранпуре. Шансы нашего втягивания в серию недопониманий, конечно, резко возрастали из-за необходимости разговаривать через переводчиков. И, хотя они знали хорошо обычный английский, все же им не доставало

беглости, позволившей бы им правильно передавать наши взгляды о труднейших вопросах философии, метафизики и оккультной науки, которые нам приходилось обсуждать.

Нам дали понять, что представление свами Дайананды о Боге было представлением о ведантическом Парабрахмане, следовательно, в полном согласии с нашим собственным. Вот в таком заблуждении, как об этом впоследствии он сам и объявил, я читал лекции в его присутствии перед членами Арья Самадж в Мируте, и объявил еще, что отныне все причины разногласий устранены, и оба Общества действительно были близнецами. Тем не менее, это было не так: между ними было не больше сходства, чем между нашим Обществом и Брахмо Самадж или любой христианской и иной сектой. Разрыв был неминуем. Свами, теряя самообладание, старался отречься от своих собственных слов и дел и, в конце концов, обрушился на нас с оскорблениями и обвинениями, выпустил для публики циркуляр и расклеил объявления в Бомбее, называя нас шарлатанами и я не знаю, чем еще. Это вынудило нас, в целях самообороны, изложить наши доводы и выдвинуть доказательства, что и было сделано в Приложении к «*Theosophist*» за июль 1882 г. Так, после бурных отношений, длившихся три года, два Общества окончательно разошлись, и каждый пошел своей дорогой.

Приложение 9

Джексон Дэвис

[Из воспоминаний проф. Нью-Йоркского Университета Дж.Буша. Цит по НРВ СВ].

Я могу подтвердить под присягой, что слышал, как Дэвис безошибочно приводил в своих лекциях цитаты на иврите и выказывал знание геологии, которое поразительно для человека его лет, даже если бы он посвятил годы изучению этого предмета. Он обсуждал с блестящей способностью глубочайшие вопросы исторической и библейской археологии, мифологии, происхождения и родства языков и прогресса цивилизации среди разных наций планеты...

«Вначале Вселенское Небо было бесконечным, необъяснимым, невообразимым океаном жидкого огня! Самое сильное и богатое воображение не в состоянии сформировать правильную концепцию высоты, глубины, протяженности и ширины этого океана. Существовала лишь единая огромная протяженность жидкой субстанции. Она не имела границ — она была непостижима — равно как ее сущность и качества. Это было изначальным состоянием материи. У нее не было формы, поскольку она была единственной формой. Она не обладала движением, ибо была вечностью движения. У нее не было частей, потому что она была целым. Частицы не существовали, потому что целое было одной частицей. Не было солнц, она была единым, вечным солнцем. У нее не было ни начала, ни конца. У нее не было протяженности, ибо она была вихрем единой вечности. У нее не было кругов, ибо она была единым бесконечным кругом. У нее не было изолированных сил, она была сущностью всей силы. Ее невообразимые размеры и состав были таковыми, чтобы породить не силы, а всесильную силу.

Материя и сила существовали как единое и нераздельное целое. Материя содержала субстанцию, чтобы породить все солнца, все миры и системы миров во всем огромном пространстве. В ней содержались качества породить все вещи, существующие в каждом из миров. Сила содержала мудрость, доброту, справедливость, милосердие и истину. В ней был изначальный главный принцип, проявляющийся на всем громадном протяжении пространства; он управляет мирами, системами миров и порождает движение, жизнь, чувства и интеллект, с тем, чтобы они непредвзято распространялись в них как конечные ее [силы] проявления».

Вот таким вступлением Дэвис прослеживает эволюцию Вселенной, которую он называет Вселенским Небом, породившую благодаря постепенному процессу дифференциации огромные системы солнц,двигающихся по концентрическим кругам невообразимых размеров вокруг Великого Вечного Центра. Далее он описывает нашу солнечную систему и постепенное развитие через геологические циклы Земли. Создается впечатление, что Дэвис так же легко разбирается в химии, как и в морской фауне и истории ископаемых. На лекции 8 марта 1846 г. он дал достаточно точное описание восьмой планеты, которую Леверье и Адамс открыли только в сентябре того же года и которая была названа Нептуном.

Это было началом психических откровений Дэвиса, нашедших выражение в 26-ти работах, известных как Гармоническая Философия. Среди его трудов следует отметить: *The Great Harmonia*, 1850-52 гг.; *The Philosophy of Spiritual Intercourse*, 1856 г.; *The Penetralia*, 1856 г. В некоторых из этих

работ, а также в других трудах Дэвис показал необыкновенный дар ясновидения. Он правильно описал автомобиль, пишущую машинку и летательные аппараты. Он также описал определенные пояса или оболочки, окружающие землю, которые близки к описанию магнитных поясов вокруг нашей планеты, открытых современной наукой. Дэвис представил детальное и точное описание того, как умирающий человек покидает свое изношенное тело.

Еще не достигнув двадцати одного года, Дэвис научился сам вводить себя в транс без посторонней помощи. В конце концов, он привлек внимание многих серьезных людей; среди его посетителей был Эдгар Аллан По.

Для Дэвиса целью жизни было доказать, что он сам эволюционирует в огромной вселенской схеме вещей, а лучшим методом прогресса для человека являются очищение и самоконтроль. Возвращение к простой жизни, простым верованиям и примитивному братству были важнейшими условиями. Деньги, алкогольные напитки, похоть, насилие и жречество есть основные препятствия развитию рас. Сам Дэвис неукоснительно придерживался своих идей. Его представление о социальном устройстве общества совпадало с идеалистическим социализмом и было пронизано высочайшими моральными принципами. Он проповедовал социальную перестройку и духовное обновление. Основным источником информации о его взглядах и ранних годах жизни — это его собственная автобиография «*The Magic Staff*», опубликованная в 1857 г., но в ней лишь показаны ранние годы жизни.

Литературное наследие Дэвиса огромно, и вполне понятно, что в его произведениях есть много ошибок, неправильных концепций и несколько туманных идей, часто выраженных на очень сложном языке. Но так всегда бывает в случае с прирожденными ясновидцами и сенситивами, и студенты сами должны найти жемчужины Истины и Мудрости, которыми так богата философия жизни Дэвиса. В течение многих лет движение спиритуалистов пыталось причислить Дэвиса к своим рядам; и все-таки очевидно, что его концепции и литературный стиль разительно отличаются от всего того, что исходило от обыкновенных медиумов; он также не разделял обычные убеждения спиритуалистов по поводу феноменов в комнатах, где проходили сеансы. Его труды заслуживают тщательного изучения, особенно тех, кого интересует одна из самых ранних попыток Учителей представить миру

Запада давно забытые идеи об истинной природе Человека и Вселенной. Можно утверждать, не опасаясь войти в противоречие, что в книгах Дэвиса содержатся разрозненные идеи и концепции, напоминающие *«Тайную Доктрину»*, особенно в отношении происхождения и эволюции миров. Даже стиль некоторых отрывков похож на язык более поздних публикаций работ по Эзотерической Философии. И хотя было бы поспешным и неумным решением рассматривать Дэвиса как ученого-оккультиста, которым он, разумеется, не был и никогда этого не утверждал, его все-таки необходимо причислить к тем немногим личностям с чрезвычайно развитой духовной и психической чувствительностью, чье внутреннее Эго иногда приходило в гармонию с невидимой реальностью и направляло в мозг — хотя и в состоянии транса и неосознанно — образы, запечатленные на волнах Акаши.

Приложение 10

Элифас Леви Захед

[Boris de Zirkoff, Levi Zahed, Eliphas// HPB CW, 1].

Леви Захед, Элифас — псевдоним Альфонса-Луи Констана, знаменитого французского оккультиста и писателя. Он родился 8 февраля 1810 г. в бедной семье; отец — Жан-Жозеф Констан — был сапожником, а мать — Жанна-Агнесса Бокур — была очень набожной и довольно умной женщиной. Жизнь Элифаса Леви, гораздо больше известного под этим литературным псевдонимом, можно четко разделить на три определенных периода. Во время первого, его связи носили религиозный и церковный характер. Начальное образование он получил в школе для мальчиков, учрежденной Ж.-Б. Юго Мальмезоном в Париже, и впервые причастился в 12 лет. Частично природные склонности, частично влияние, оказываемое на него в то время, «подтолкнули» его к духовной профессии. В октябре 1825 г. он поступил в семинарию в Сент Никола дю Шардонне, чтобы завершить классическое образование и ознакомиться с древнееврейским языком. Окончив ее в 1830 г., он изучал литературу в колледже в Исси, откуда направился в семинарию Сент Сульписа. Там он проявил незаурядный талант

в поэзии, которым пользовался всю жизнь. В декабре 1835 г. он стал помощником дьякона, выбрил тонзуру и принял очень строгую клятву, которая, среди прочего, исключала брак. Вероятно, это было результатом юношеского энтузиазма, когда, как он сам говорил, «он еще не знал жизни». Влюбившись в молодую девушку, некую Адель Алленбах, он, в конце концов, должен был сознаться в этом вышестоящему духовному лицу, в результате чего так и не был посвящен в духовный сан. Леви покинул семинарию в июне 1836 г. Отец его к тому времени уже умер, а мать, в глубоком шоке от того, что сделал ее сын, покончила жизнь самоубийством.

Последовали годы, в течение которых Альфонс-Луи кое-как перебивался, занимаясь рисованием, живописью и литературной деятельностью; во всех этих областях он был по-настоящему талантлив. Его самыми близкими друзьями были Флора Тристан и Альфонс Экюиро, известные писатели того времени. В нем самом шла постоянная борьба между слишком ранними для его возраста склонностями к уединенной жизни и размышлениям и более практическими стремлениями, которые не давали ему покоя и срывали планы.

В июле 1893 г., поддавшись философской части своей натуры, он пришел в Бенедектинский монастырь в Солемне, намереваясь остаться там навсегда. Но был полностью разочарован тем образом жизни, с которым там столкнулся, хотя его пребывание в монастыре оказалось бесполезным: он написал «*Куст майской розы*» (*Le Rosier de Mai*, Paris, Gaume, 1839) — книгу церковных песнопений и сказаний; у него была возможность заглянуть в труды гностиков — отцов раннего христианства — Кассия и даже мадам Гийон, и все они оказали на него весьма значительное влияние. Он покинул Солемн, имея при себе лишь рекомендации, и без каких-либо определенных планов на будущее вернулся в Париж.

Приблизительно в это время постепенно начинается второй этап его жизни. Периодически он получал работу и вел занятия в религиозных школах, пока не встретил Ле Галлуа — редактора, с энтузиазмом согласившегося издать его манускрипт «*La Bible de la Liberte*» (*Библия Свободы*) — произведение, написанное им в духе бунтарства и поисков свободы от гнета. Поскольку Церковь считала книгу опасной, духовенство различными способами пыталось прекратить работу над публикацией (вплоть до предложения денег). Однако ничего не получилось, и книга

вышла в Версале 13 февраля 1841 года. Спустя лишь час после поступления в продажу большинство копий издания были конфискованы властями, а в начале апреля 1841 года и сам Альфонс-Луи был арестован и приведен в суд. Его обвинили в нападках на общественность и религиозную нравственность и приговорили к восьми месяцам заключения в тюрьме и штрафу в 300 франков. Отбывая наказание, он познакомился с трудами Сведенборга, еще одного мистика, оказавшего на него очень заметное влияние. В это «тюремное» время ему помогала его друг Флора Тристан, приносящая ему еду.

Выйдя из тюрьмы Святой Пелагеи в апреле 1842 г., Альфонс-Луи скитался и пребывал в состоянии душевной неопределенности еще два года. Он занимался фресками, какое-то время пытался восстановить свое положение среди духовенства. Под именем Бокура он жил в Чойси и Эвре, в семинарии, снискав известность своим красноречием. Но нелестные отзывы в газетах, появившиеся, вероятно, благодаря стараниям его недругов среди духовенства, помешали пребыванию Леви в этих местах, и он вынужден был уехать. За это время он изучил труды Луллия, Агриппы и Постеля и написал книгу «*Богоматерь*» (*La Mere de Dieu*, Paris, Gosselin, 1844).

Осенью 1844 г. Альфонс-Луи сбросил рясу священника и открыто отказался от взятых ранее обетов.

Эмоциональная сторона его жизни, которая никак не могла найти свое выражение из-за долгих лет строгой религиозной дисциплины, была в смятении. У него был роман с мадемуазель Эжени, у которой родился мальчик три месяца спустя после его церемонии венчания с мадемуазель Наоми Кадио 13 июля 1846 г., женщиной, значительно моложе его. Брак длился 7 лет, и все это время его жена очень помогала ему в разных трудных обстоятельствах. Он, казалось, вовсе не обращал внимания на судьбу своего внебрачного сына.

В 1846 г. он опубликовал «*La Voix de la famine*» («*Женский голос*», Paris, Ballay aine, 1846, 8 vo.) — работу, воспринятую как подстрекательство к классовой борьбе. Леви снова угодил в тюрьму, но, хотя его приговорили к году заключения и штрафу в тысячу франков, ему удалось выйти после шести месяцев, в основном, благодаря стараниям жены.

В 1848 г. он основал газету «*La Tribune de peuple*» («*Народная трибуна*») и написал ряд брошюр, большинство из которых содержали

очень радикальные идеи, что, разумеется, никак не улучшило довольно затруднительные обстоятельства. В своей основе брошюры были политического характера, но также отражали очень высокий идеализм и внутренний бунт против несправедливостей времени.

Леви продолжал подрабатывать, занимаясь художественной отделкой интерьера, реставрировал мебель и старые вазы. В 1850 г. он встретился со знаменитым аббатом Минем, и тот поручил ему подготовить для своей огромной серии патристики «*Dictionnaire de literature chretienne*» («Словарь христианской литературы»), который явился седьмым томом его «*Nouvelle encyclopedie theologique*» («Новая энциклопедия по теологии»).

Семейная жизнь Леви не складывалась: родилось четыре ребенка, но все умерли в младенческом возрасте. В 1853 г. его жена увлеклась другим и сбежала от него — это обстоятельство оставило глубокую рану в сердце Альфонса-Луи, которая до конца так и не зажила.

Весной 1854 г. он отправился в Лондон, где встретил Бульвера-Литтона, и занялся с ним магическими вызываниями духов — например, Аполлония Тианского, о котором Е.П.Б. пишет в статье «Магическое вызывание духа Аполлония Тианского». В 1855 году он основал вместе с Шарлем Фовети «*La Revue philosophique et religieuse*», ежемесячное издание, просуществовавшее около трех лет. Приблизительно в это время Элифас Леви — как он теперь подписывался — начал издавать по частям «*Dogme et Rituel de la haute Magie*» («Учение и Ритуал высшей Магии»); она вышла отдельной книгой в 1856 г. (Paris, Germer-Bailliere). После этого последовало еще одно «губительное» литературное произведение, на этот раз поэма, и он вновь оказался в тюрьме, но был помилован Наполеоном III.

В 1859 и 1861 гг. одно и то же издательство опубликовало две новых книги Элифаса Леви: «*l'Histoire de la magie*» («История магии») и «*La Clef des grands mysteres*» — работы, принесшие ему большой престиж, репутацию и почет; это был довольно спокойный период в его жизни, во время которого ученики и последователи, число которых непрерывно возрастало и среди состоятельных и влиятельных лиц в Париже, помогали ему также материально.

Несколько месяцев в 1861 г. он был франкмасоном в ложе «*Rose du parfait silence*», но вышел из нее после того, как у него появилось отвращение к тому, с чем он в ней столкнулся.

Он предпринял еще одно путешествие в Лондон и, возможно, очень повлиял на исследования Бульвера-Литтона, что явно показывает работа последнего «*A Strange Story*» («*Странная история*»).

В 1865 г. Элифас Леви опубликовал «*La Science des esprits*».

Его жена, бросившая его несколько лет назад, неожиданно подала на него в суд, и в январе 1865 г. гражданский суд расторг их брак на основании того, что Леви был духовным лицом, а это противоречило законам страны. Даже один этот факт показывает, что Элифаса Леви никогда «не лишали духовного сана», как неверно утверждали некоторые авторы.

1869-1870 гг. были временем творчества, но здоровье Леви ухудшилось. У Элифаса Леви было больное сердце, которое беспокоило его все больше и больше.

В 1870 г. судьба нанесла ему еще один удар: Франко-Прусская война перекрыла большинство источников дохода, и Леви был в очень стесненных обстоятельствах. После падения Парижской Коммуны, в 1871 г. он поехал по приглашению к своему большому другу мадам Мэри Гебхард в Германию, город Элберфельд, и пробыл у нее около двух месяцев. Конечно же, это произошло прежде, чем Мэри Гебхард встретила Е.П.Б. — в то время, когда она нашла в работах Леви то, что искала. Она стала верным учеником и оставалась им до самой его смерти, Мэри ездила в Париж раз в год, чтобы повидаться с Элифасом Леви.

От него она получила оригинал манускрипта «*Les Paradoxes de la Haute Science (Paradoxes of the Highest Science)*». На стр. 257-63 настоящего сборника (см. НРВ CW, Vol. 1. — Прим. ред.) читатель найдет подробное изложение истории, связанной с этим манускриптом, а также факты о том, как он, в конце концов, был опубликован с комментариями Учителя К.Х. Благодаря мадам Гебхард на страницах «*The Theosophist*» (Vol. VIII, January, 1886, pp. 241-242) появились краткие «*Личные воспоминания об Элифасе Леви*», которые, к сожалению, дают не совсем точное представление об этом замечательном человеке.

Шли годы, Элифас Леви продолжал писать, и некоторые из его неопубликованных манускриптов были переписаны разными людьми из его непосредственных учеников. Ряд этих фрагментов оказался в руках теософов, возможно, благодаря барону Спедальери, одному из учеников Леви, и

публиковался в английском переводе в разное время в ранних изданиях «*The Theosophist*».

В конце концов, из-за болезни сердца у Леви развилась водянка, и он тихо скончался 31 мая 1875 г. Католическое духовенство распространило историю, что перед смертью он отрекся от своих убеждений и получил причастие — но эта история отрицалась ближайшими друзьями Леви, знавшими все обстоятельства смерти. Он был похоронен на кладбище Иври, однако в 1881 г. его останки перенесли в братскую могилу, местоположение которой неизвестно.

Еще три работы, вышедшие из-под пера Леви, были изданы после его смерти. Это «*Le Livre des Splendeurs*», «*Le Grand Arcane*» (Paris, 1896; 2 ed. 1921) и «*Le Livre des Sages*» (Paris, 1913).

Большая часть основных работ Леви, упомянутых здесь, в разное время была переведена на иностранные языки и распространена по всему миру. Таким образом труды Эли фаса Леви стали широко известны.

Е.П.Б. очень уважала Элифаса Леви и его учение, однако предупреждала, что некоторые из его высказываний нельзя понимать буквально. По ее мнению, Леви исповедовал «истинную философию герметиков на довольно грубом языке еврейских провидцев и на благо христианско-рожденной общественности»; для нее он был «бесспорно великим оккультистом», однако «будучи очаровательным и остроумным писателем», он больше «заинтриговывал, нежели учил в своих многочисленных книгах по магии». Е.П.Б. ни в коем случае не рассматривала Леви как посвященного оккультиста-практика.

Обширную и довольно подробную историю жизни и деятельности Элифаса Леви можно найти в книге: Paul Chacornac, «*Eliphas Levi: 1810-1875. Renovateur de l'occultisme en France*». Paris: Chacornac Freres, 1926, XVIII, 300 pp., ill.

Словарь иностранных слов и выражений

Ad infinitum (лат.) — до бесконечности.

Alias (франц.) — вымышленное имя, прозвище, кличка.

Amende honorable — см. Примечания (стр. 1).

Anastasis (лат.) — непрерывное бытие души; букв. воскрешение из мертвых, возвращение к жизни, переселение.

Anima Mundi (лат.) — Мировая Душа.

Animus, anima, animae (лат.) — дыхание, душа, жизненное и чувственное начало.

Aporrheta (греч.) — тайные указания в египетских и греческих Мистериях.

A priori (лат.) — букв., из предшествующего, т.е. заранее, наперед, без проверки.

Bios (греч.) — жизнь.

Bravos (итал.) — наемные убийцы, бандиты.

Cercle vicieux (лат.) — порочный, или замкнутый, круг — логическая ошибка, когда исходный тезис заранее содержит доказуемое.

Chiffonnier (франц.) — тряпичник.

Con amore (итал.) — с любовью.

Cruх dissimulata (лат.) — сокровенный крест.

De facto (лат.) — фактически, на деле.

De mortuis nil nisi bonum (лат.) — о мертвых (не говорить) ничего, кроме хорошего.

De novo (лат.) — вновь, сызнова.

Deus ex machina (лат.) — бог из машины. (Развязка античной трагедии нередко происходила благодаря вмешательству богов, появившихся на сцене при помощи театральной машинерии).

Eidola (греч.) — букв., видение, фантом, призрак, привидение; кумир, истукан, идол; отражение, изображение, образ.

En desespoir de cause (франц.) — с отчаяния (соответствует русскому «на худой конец» или «за неимением лучшего»).

En rapport (франц.) — в контакт.

Equus (лат.) — лошадь.

Epithumia (греч.) — букв., желание, влечение, страсть.

Eroptes (греч.) — Посвящённый.

Eppur si muove (итал.) — а все-таки она вертится.

Esprits malins et farfadets (франц.) — лукавые и зловредные духи.

Ex cathedra (лат.) — букв., с высоты кафедры — т.е. авторитетно, непререкаемо, догматически; имеется в виду кафедра, откуда Папа Римский обращался к публике.

Ex nihilo nihil fit (лат.) — из ничего ничего не происходит. Положение эпикурейской философии.

Exorciso vos in nomine Lucis! (лат.) — заклинаю вас во имя Света!

Illuminati (лат.) — букв., просветленные. У Е.П.Блаватской — посвященные адепты.

Imago (лат.) — образ, подобие, отражение, представление о чем-либо.

Imperium in imperio (лат.) — государство в государстве.

In proprio persona (лат.) — собственной персоной, т.е. лично.

Larvae (лат.) — животная душа; букв., маска, привидение.

Laus Deo (лат.) — букв., слава Богу. Каноническое песнопение христианской церкви; в православии «Тебе, Бога, хвалим!»

Magnes (лат.) — магнит.

Manes (лат.) — духи предков.

Mens, mentis (лат.) — ум, разум, мысль.

Metanoia (греч.) — букв., раскаяние, переосмысление.

Modus operandi (лат.) — образ действий.

Mirabile dictu (лат.) — букв., странно сказать, т.е. достойно удивления, как это ни странно.

Mystes (греч.) — посвящённый в тайну (таинства).

Naivete (франц.) — наивность.

Nevermore (англ.) — больше никогда.

Nihil in intellectu, quod non ante fuerit in sensu (лат.) — нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах. Основное положение сенсуалистов, восходящее к Аристотелю.

Nom de plume (франц.) — букв., писательское имя, т.е. псевдоним.

Non bis in idem (лат.) — букв., не дважды за одно, т.е. за одно и то же дважды не наказывают. Формула римского права.

Non compos mentis (лат.) — букв., не владеющий рассудком, не в здравом уме.

Nous (греч.) — букв., разум, мысль, дух. В древнегреческой философии — начало сознания и самосознания, принцип интуитивного знания.

Parler enfantin (франц.) — язык детства, детский лепет.

Per contra (лат.) — букв., через противное, обратное, т.е. напротив, наоборот.

Per se (лат.) — сам по себе.

Phantasists (греч.) — мечтатели, фантазеры.

Phantasma (греч.) — букв., явление, плод воображения, призрак, привидение.

Phasma (греч.) — явление, видение, знамение, чудо, призрак, привидение.

Phrenos (греч.) — ум, разум.

Pneuma (греч.) — букв., дуновение, дыхание. В древнегреческой философии и медицине — дух.

Possede (франц.) — одержимый (бесами).

Post mortem (лат.) — после смерти, посмертно.

Prima facie (лат.) — букв., по первому виду, т.е. на первый взгляд.

Psyche (греч.) — букв., «дыхание»; душа — термин древнегреч. философии.

Quand on veut tuer son chien, on dit qu'il est enrage (франц.) — когда хотят убить свою собаку — говорят, что она бешеная. — Соотв. рус.: «Быть собаке битой — найдется и палка».

Quien sabe? (исп.) — кто знает?

Sapientium et doctorum genus majorum (лат.) — мудрые и ученые родоначальники.

Savant (франц.) — ученый, сведущий.

Scrutari, scrutatos (лат.) — шарить, перерывать, обыскивать, осматривать; исследовать, расследовать, стараться узнать.

Simulacrum (лат.) — образ, изображение, отражение, подобие, тень.

Sui generis (лат.) — своего рода, своеобразный.

Summum bonum (лат.) — высшее благо.

Thumos (греч.) — букв., душа, желание, образ мыслей; гнев, ярость, злобность, аффективность.

Tutti quanti (итал.) — решительно все.

Vade retro, Satanas! (лат.) — отойди, Сатана!

Veni, vidi, vici (лат.) — пришел, увидел, победил. Знаменитая фраза Юлия Цезаря.

Venticelli (итал.) — ветры, воздушные потоки.

Verba volant, scripta manent (лат.) — слова улетают, написанное остается.

Vice versa (лат.) — в обратном порядке, т.е. наоборот.

Vis-a-vis (франц.) — напротив, друг против друга; тот, кто находится напротив.

Vulgus vult decipi — decipiatur (лат.) — толпа хочет быть обманутой — пусть же обманывается.

Ψυχη (греч.) — душа; термин древнегреч. философии.

Εἶδωλον (греч.) — изображение, образ, тень; Е.П.Блаватская трактует как фантом, астральную форму.